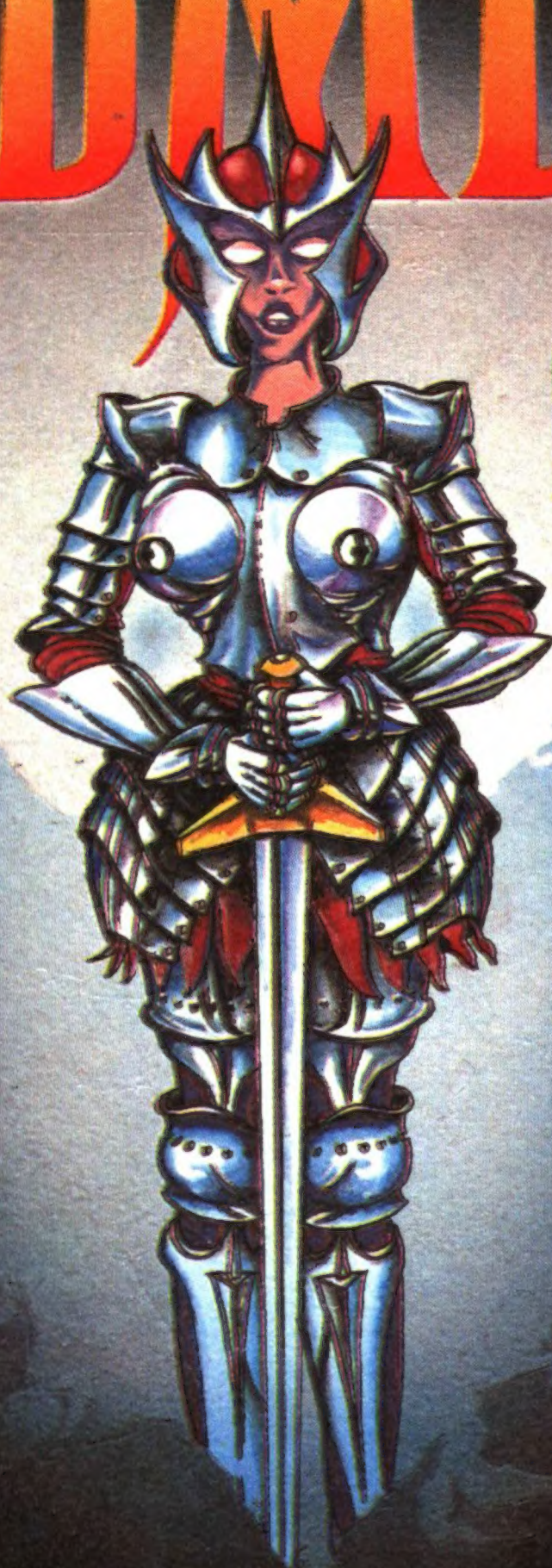

УРСУЛА К. ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Урсула К. Ле Гуин

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Фантастические романы

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1993

ББК 84.7 США
Л 33

Ле Гуин У.

Л 33 **Левая рука Тьмы: Фантастические романы / Пер. с англ.—Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993.—384 с.**
ISBN 5—85513—019—3

Роман «Левая рука Тьмы» американской писательницы Урсулы К. Ле Гуин, прошедшей за несколько лет путь от дебютанта до признанного мастера, чье творчество отмечено премией «Хьюго», присужденной именно за эту книгу, без всякого преувеличения относится к шедеврам мировой фантастики. В центре повествования находится проблема контакта землянина, являющегося посланцем Галактического союза, с обитателями далекой и изолированной планеты Гетен, населенной двуполыми существами — андрогинами, чей пол и соответствующее поведение циклически меняются. Читатель столкнется с неведомой до настоящего времени моделью социума, образованного столь необычными существами. В этом обществе царят странные законы, имеются своеобразные технические средства, есть своя религия и свои противоречия, разрешить которые оно сможет только войдя в контакт с иными мирами благодаря героическим усилиям посланца Земли.

Л 4703040100—16
ЛР 061507—93 **Без объявл.**

ББК 84.7 США

ISBN 5—85513—019—3

© Забагонский В. П., 1993,
составление.

© Курилов В. Н., 1993,
оформление.

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

Фантастический роман

I

Представьте себе тьму. Во тьме, которая противостояла солнцу, пробудился какой-то безгласный дух.

Погруженный всецело в хаос, он не ведал, что такое порядок. Он не знал языка и не знал, что тьма зовется ночью.

По мере того, как разгоралась заря, он шевельнулся, пополз, побежал, то падая на четвереньки, то выпрямляясь во весь рост, но куда он шел, было ему неизвестно. Он не знал пути в мире, в котором пребывал, так как само понятие «путь» заключало в себе его начало и его конец. Все, что относилось к нему, было перемешано и запутано, все вокруг противилось ему. Неразбериха бытия усугублялась силами, для которых у него не было названия — страхом, голодом, жаждой, болью.

Сквозь дремучую чащу действительности он брел наугад в тишине, пока его не остановила ночь — самая могучая из этих сил.

Когда вновь забрезжил рассвет, он опять двинулся неизвестно куда. Неожиданно он очутился среди яркого света на поляне, выпрямился и какое-то время стоял неподвижно. Затем закрыл глаза руками и закричал.

Парт увидела его на опушке леса, когда сидела за прялкой в залитом солнцем саду. Она позвала других учащенным биением своего мозга. Но страх ей был неизвестен, и к тому времени, когда остальные вышли из дома, она уже пересекла поляну и оказалась рядом со страшной фигурой, которая раболепно припала к земле среди высоких созревших трав. Когда они подошли к ней поближе, то увидели, что она положила руки ему на плечи и, низко склонясь над ним, говорила что-то тихое и ласковое.

Она повернулась к ним и удивленно произнесла:
— Вы видите, какие у него глаза?

Они действительно были огромными, радужная обо-

лочка цвета потускневшего янтаря напоминала своей формой вытянутый овал, глазных белков не было видно вовсе.

— Как у кошки,— сказала Гарра.

— Как желток яйца,— вставил Кай.

Он высказал при этом некоторую неприязнь, вызванную этой небольшой, но довольно существенной разницей, отличавшей это существо от человека.

Во всем остальном незнакомец был обычным мужчиной, на лице которого и на обнаженном теле бесцельное продиранье через лес оставило царапины. Отличала его только чуть более светлая кожа, в то время как у людей, окружавших его, она была коричневой.

Пока он раболепно прижимался к земле, как бы укрываясь от солнечного света и трясясь от страха и истощения, они тихо обсуждали его внешность.

Хотя Парт заглянула прямо в его необычные глаза, она не узрела в них ни искры того, что было свойственно человеку.

Он был глух к речи и не понимал их жестов.

— Глупый или немного не в своем уме,— подытожил общее мнение Зоув.— А также истощенный. Но это мы можем легко поправить.

С этими словами Кай и юный Турро то ли затащили, то ли завели волочившее ноги существо в дом. Там им вместе с Парт и Баки удалось накормить и помыть, а потом уложить незнакомца на жесткое ложе, не забыв об уколе снотворного в вену, чтобы тот не мог убежать из этого гостеприимного места.

— А может быть, он Синг? — спросила Парт у своего отца.

— А ты? Или я? Не будь наивной, моя дорогая,— ответил Зоув.— Если бы я мог ответить на этот вопрос, я смог бы тогда освободить Землю. Тем не менее, я надеюсь все-таки определить, безумен он или нет и откуда к нам пришел. Кроме того, может быть, мне удастся разгадать тайну его желтых глаз. Разве людей скрещивают с кошками или соколами? Такого не было в былые дни до упадка человеческой цивилизации. Попроси Кретьян, чтобы она вышла на веранду, дочка.

Парт помогла своей слепой двоюродной сестре Кретьян подняться по лестнице на тенистый прохладный балкон, где спал незнакомец. Зоув и его сестра Карел по прозвищу Баки ждали их там. Они сидели, поджав под себя ноги и выпрямив спины.

Баки возилась со своей рамой, на которую наносила

узор. Зоув вообще ничего не делал. Брат и сестра прожили бок о бок много лет и научились легко понимать друг друга. Их коричневые лица были насторожены и в то же время спокойны. Девочки сидели у их ног, не смея нарушить тишину. У Парт был красновато-коричневый цвет кожи и пышные блестящие длинные черные волосы. Из одежды на ней ничего не было, кроме свободных серебрястых штанов. Кретьян была чуть постарше, смуглая и хрупкая. Красная повязка прикрывала ее пустые глазницы и удерживала на затылке пышные волосы. Как и у матери, на ней была туника из искусно сотканной материи. Было жарко. Летний полдень буйствовал в саду под балконом и дальше в холмистых полях Поляны. Со всех сторон их окружал лес — с одной стороны он так близко подходил к дому, что отбрасывал тень своих ветвей на стену дома. С других сторон он был так далеко, что казался окутанным голубоватой дымкой.

Все четверо сидели молча. Все вместе и порознь, связанные друг с другом чем-то бóльшим, чем слова.

— Янтарные бусы продолжают скатываться неизвестно куда, — сказала Баки.

Она улыбнулась и отставила свою работу с пересекавшимися алмазными струнами.

— Все твои бусы попадают куда-то в Простор, — сказал ее брат. — Это все подавляемый тобой мистицизм. Ты кончишь так же, как наша мать, со своей способностью видеть узоры в пустой рамке.

— Подавляемая чепуха? — Баки скривилась. — Я никогда ничего не подавляла в себе за всю жизнь.

— Кретьян, — обратился Зоув к племяннице. — У него шевельнулись веки. Он, наверное, сейчас в фазе сновидения.

Слепая девушка подошла к ложу.

Она вытянула руки, и Зоув нежно положил их на лоб незнакомца. Все начали прислушиваться. Но слышать могла только Кретьян.

Через некоторое время она подняла склоненную голову.

— Ничего, — сказала она как-то настороженно.

— Совсем ничего?

— Сплошной беспорядок. У него нет разума.

— Кретьян, дай-ка я расскажу тебе, как он выглядит. Ноги у него когда-то ходили, руки натруженные. Сон и лекарство смягчили сейчас его лицо, но только работающий мозг смог бы быть причиной всех этих морщин.

— Как он выглядел, когда не спал?

— Он был напуган, — сказала Парт, — и смущен.

— Он, возможно, какой-нибудь пришелец, — предположил Зоув, — не землянин... Хотя, как это могло случиться в наше время? Но, может быть, он думает иначе, чем мы. Попробуй-ка еще разок, дочка, пока он еще видит сны.

— Я попробую, дядя. Но я совершенно не ощущаю наличия разума, хоть каких-нибудь чувств или следов мысли. У детей может быть напуганное сознание, но здесь все намного хуже, — тьма и какая-то непонятная мне путаница.

— Что ж, тогда не нужно, — спокойно заметил Зоув. — Негоже разуму оставаться там, где нет другого разума.

— Его тьма похуже моей, — возразила девушка. — Смотрите, на его руке кольцо.

Она на мгновение прикоснулась к нему из чувства жалости или как бы прося у него бессознательного извинения за то, что подслушивала его мысли.

— Да, золотое кольцо без каких-либо отметин или украшений. Это единственное, что было на нем. И разум у него раздет так же догола, как и его тело. И вот бедный зверь выходит к нам из лесу — но кто же все-таки послал его?

Все домочадцы дома Зоува, кроме маленьких детей, собрались в этот вечер в большой комнате внизу, где высокие окна были открыты навстречу ночному воздуху. Свет звезд, деревья вокруг, журчание ручья — все это также присутствовало в тускло освещенной комнате, где было достаточно места для теней: ночного ветерка и тишины.

— Истина, как всегда, сторонится незнакомца, — проникновенно произнес глава дома. — Он поставил нас перед необходимостью выбора нескольких возможностей. Возможно, он таким идиотом и родился, а забрел к нам по чистой случайности. Но тогда, кто его потерял? Возможно, это человек, ум которого пострадал от несчастного случая или был поврежден умышленно? Может быть, это Синг, скрывающий свой разум под кажущимся слабоумием? А может быть, он и не человек, и не Синг? Но тогда кто же он? Мы не можем доказать и не можем опровергнуть ни одно из этих предположений. Что же тогда с ним делать?

— Посмотрим, можно ли его обучить, — сказала жена Зоува, Росса.

Старший сын главы дома Маток возразил:

— Если его можно будет обучить, то тогда доверять ему нельзя. Возможно, он подослан сюда специально, чтобы его научили способности проникновения. Он станет кошкой, воспитанной добросердечными мышами.

— Я отнюдь не добросердечная мышь, сын мой, как ты изволил только что выразиться,— усмехнулся Зоув.— Значит, ты думаешь, что он — Синг?

— Или их орудие.

— Мы все орудия Сингов. Дай нам совет, мальчик. Как бы ты лично с ним поступил?

— Убил бы до того, как он проснется.

Пронеслось легкое дуновение ветерка, где-то на душевной знойной поляне жалобно крикнул козодой.

— Интересно,— пробормотала Старейшая из женщин,— может быть, он жертва, а не орудие. Может быть, Синг разрушил его мозг в наказание за что-нибудь, что он сделал или подумал, а нам было предначертано по хитрости Сингов закончить за них это наказание, а?

— Для него это было бы настоящим милосердием.

— Смерть — ложное милосердие,— с горечью заметила Старейшая из женщин.

Они еще некоторое время поговорили на эту тему, спокойно, с серьезными лицами, выражая свою озабоченность в основном намеками, когда кто-нибудь из них произносил слово «Синг».

Парт не принимала участия в обсуждении, так как ей было всего пятнадцать лет, но старалась не пропустить ни единого слова старших. Она чувствовала симпатию к незнакомцу и хотела, чтобы он остался в живых.

Вскоре ко всем остальным присоединились Райна и Кретьян. Райна выполнила, как умела, психологические тесты на незнакомце, пользуясь помощью Кретьян, которая попыталась уловить рефлекс психики. Пока что им нечем было похвастать, кроме того, что они установили, что нервная система незнакомца в области мозга, связанная с органами чувств и координацией движения, казалась вполне нормальной, хотя внешние физические рефлекс движения были как у годовалого ребенка, а области мозга, выполняющие функции речи, никак не проявлялись вообще.

— Сила мужчины и координация ребенка, мозг его пуст,— сказала в заключение Райна.

— Если мы не убьем его, как дикое животное,—

предположила Баки,— то нам придется приручить его.

— Кажется, стоит попробовать,— произнес брат Кретьян Кай.— Пусть те из нас, кто помоложе, возьмут на себя заботу о нем. Посмотрим, что удастся сделать. Нам не придется в конце концов учить его Канонам для Просвещенных. Во всяком случае, его нужно научить прежде всего не мочиться в постель. Я хочу знать, человек ли он. Я пока не составил своего мнения на этот счет. А что думает по этому поводу Глава?

Зоув простер свои большие руки.

— Кто знает? Возможно, анализы крови, которые сделает Райна, скажут нам об этом. Мне не приходилось слышать, чтобы у кого-нибудь из Сингов были желтые глаза или какие-нибудь другие отличия от людей Земли. Но если он не Синг и не человек, то кто же он тогда? Пришельцы из Внешних миров вот уже в течение двенадцати столетий не появляются на нашей планете.

Так началось его обучение.

Парт поднялась из подвала и, проходя мимо старой кухни, увидела, как Фальк, сгорбившись в одном из оконных проемов, смотрит на падавший за грязным стеклом снег. Он был одинок и смотрел на снег, понутив голову. Это был десятый вечер с тех пор, как он ударил Россу и его пришлось запереть, пока он не успокоится. С того времени он замкнулся и ничего не говорил... Было как-то странно видеть его лицо, лицо взрослого человека, сделавшееся тусклым и тупым из-за ребяческого упрямства.

— Иди к огню, Фальк,— позвала Парт.

Она не остановилась, чтобы подождать его.

Возле очага в большой комнате она забыла о нем и стала думать о том, чем поднять собственное слишком плохое настроение.

Делать было решительно нечего. Снег все шел и шел, лица окружающих стали слишком привычными, книги рассказывали о вещах, которые уже давно не существовали или были где-то далеко, а потому и толку от них не было никакого. Вокруг притихшего дома и окружающих его полей стоял лес, молчаливый лес — бесконечный, однообразный и равнодушный. Зима последует за зимой, и она никогда не покинет этот Дом, потому что некуда будет уходить, и ничего нельзя с этим сделать.

На одном из пустых столов Райна забыла свой «те-анд» — плоский инструмент с клавишами, который, как говорили, был хейнского происхождения. Парт подобра-

ла грустную мелодию Восточного Леса, затем переключила регистр на его родное звучание и начала все заново. Она не слишком хорошо умела играть на этом инструменте и медленно находила звуки в такт своим словам, растягивала их, чтобы выиграть время для поиска следующей ноты.

За ветрами в лесах,
За штормами в морях,
На залитых солнцем камнях
Дочь Айрека стоит...

Она сбилась с мелодии, затем все же нашла нужную ноту... стоит.

Молча с пустыми руками.

Эта была древняя легенда, родившаяся на невообразимо далекой планете. Ее слова и мелодия были частью наследства людей в течение веков. Парт пела ее очень нежно, одна в комнате, освещенной огнем очага, а за окном в наступавших сумерках все валил снег.

Она услышала возле себя какой-то звук и, повернувшись, увидела Фалька. В его странных глазах стояли слезы.

— Парт, прекрати,— прошептал он.

— Что-то не так, Фальк? — забеспокоилась девушка.

— Мне больно от этого,— сказал он.

Он спрятал лицо, которое было зеркалом его бесвязного и беззащитного разума.

— Хороша похвала моему пению,— уколола она его.

В то же время она была тронута его словами и больше не пела. Позже этим же вечером она увидела, что Фальк стоял у стола, на котором лежал «теанд». Он не осмеливался прикоснуться к нему, как бы опасаясь выпустить мелодичного и безжалостного демона, заключенного внутри него, который плакал под пальцами Парт и превращал его голос в музыку.

— Мое дитя учится быстрее, чем твое,— заметила как-то Парт своей двоюродной сестре Гарре,— но твое растет быстрее. К счастью.

— Твое и так уже достаточно велико,— согласилась Гарра.

Она глядела на берег ручья, где Фальк стоял, держа на плечах годовалого ребенка Гарры. Полдень раннего лета звенел трелями сверчков и гудением комаров. Черные локоны то и дело касались щек Парт, когда руки ее проворно следовали за нитью прялки. Над челноком уже

были видны головы и шеи танцующих цапель, выткан-ных серебром на черном фоне.

В свои семнадцать лет эта девушка уже считалась самой лучшей ткачихой среди женского населения Дома. Зимой ее руки всегда были выпачканы химическими препаратами, из которых изготовлялись нити и краски, а летом все свое время она уделяла ткацкому станку, приводимому в движение энергией солнечных батарей, воплощая в узоры все, что только приходило в голову.

Мать называла ее «маленьким паучком».

— Маленький паучок, — сказала она, — не забывай, что ты прежде всего женщина.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я вместе с Матоком пошла в Дом Катола и выменяла себе мужа за мой ковер с этими цаплями?

— Я этого никогда не говорила, не так ли? — возразила мать.

Она снова принялась выпалывать сорняки между грядками салата.

Фальк поднялся по тропинке, ребенок на его плечах весело улыбался и стрелял глазками.

Он опустил девочку на траву и спросил как будто она была взрослая:

— Здесь жарче, чем внизу, не так ли?

Затем, повернувшись к Парт, с серьезной прямоот характерной для него, он поинтересовался:

— У Леса есть конец, Парт?

— Говорят, что есть. Все карты отличаются друг от друга. Но в этом направлении в конце концов будет море, а вот в этом — прерии. Это такое открытое пространство, которое покрыто травой, как наша Поляна, но простирается на тысячи миль аж до самых гор.

— Гор? — спросил он с невинной прямоот ребенка.

— Это высокие холмы, на вершинах которых весь год лежит снег. Вот такие.

Парт отложила челнок и сложила свои длинные загорелые пальцы в виде горной вершины.

Внезапно желтые глаза Фалька засветились, и лицо напряглось.

— По белым — голубое, а еще ниже — очертания далеких холмов.

Парт взглянула на него, но ничего не сказала. Почти все, что он знал, исходило непосредственно от нее, потому что только она все время обучала его. Переделывание его жизни было действенным и стало частью ее соб-

ственного взросления. Их умы были тесно связаны между собой.

— Я вижу их, может быть, когда-то видел. Я помню их,— произнес он, запинаясь.

— Изображение?

— Нет. Я видел их в своем уме. Я на самом деле помню их. Иногда перед тем, как заснуть, я вижу их. Я не знаю, как они называются, наверное, просто горы.

— Ты мог бы нарисовать их?

Встав рядом с ней на колени, он быстро набросал на земле контур неправильного конуса, а под ним — две линии холмов, предгорья.

Гарра вытянула шею, чтобы взглянуть на рисунок, и спросила:

— И он белый от снега?

— Да. Как будто я вижу их через что-то, может быть, через окно, большое и высокое. Разве это видение из твоего разума, Парт? — спросил он слегка встревоженно.

— Нет,— ответила девушка.— Никто из нас в Доме никогда не видел высоких гор. Я думаю, что никто по эту сторону Внутренней реки не мог любоваться подобной картиной. Эти горы, должно быть, очень далеко отсюда.

Она говорила так, будто схватила простуду.

Сквозь сон слышался звук пилы.

Фальк вскочил и сел рядом с Парт. Оба сонными напряженными глазами смотрели на север, откуда доносился нарастающая, а затем вдруг исчезая, этот страшный звук, так похожий на жужжание зубьев пилы. Первые лучи солнца как раз начали высветлять небо над черной массой деревьев.

— Воздухолет,— прошептала Парт.— Такой звук я уже один раз слышала, правда, очень давно.

Она поежилась, Фальк обнял ее за плечи, охваченный тем же беспокойством, ощущением далекого, неосуществимого, но вполне реально существующего зла, которое двигалось где-то на севере по кромке дневного света.

Звук исчез. В необъяснимой тишине Леса несколько птишек подали свои голоса навстречу заре осеннего дня. Свет на востоке стал ярче.

Фальк и Парт лежали на спине, ощущая тепло и поддержку рук каждого из них.

Проснувшись лишь наполовину, Фальк снова готовился погрузиться в сон, когда она поцеловала его и вы-

скользнула из кровати, чтобы приняться за свою обычную дневную работу. Он прошептал:

— Не уходи, маленький ястреб.

Но она засмеялась и убежала прочь. Он же продолжал дремать, не в силах подняться из сладких ленивых глубин удовольствия и покоя.

Он перевернулся, затем, зевая, сел и стал смотреть на могучие ветви дуба, который, как башня, возвышался рядом с верандой, на которой спал Фальк. До него дошло, что, уходя, Парт включила аппарат для обучения во сне, бывший у него под подушкой. Он тихо нашептывал теорию чисел, принятую на одной из планет в созвездии Кита.

От этого ему стало смешно, и прохлада яркого ноябрьского утра разбудила его полностью. Он натянул на себя рубаху и брюки из тяжелой темной мягкой ткани, сотканые Парт, скроенные и приспособленные для него Баки, и стал у деревянных перил на крыльце, глядя на коричневые, красные, золотые деревья, окружавшие Поляну.

Освежающее, еще приятное утро было таким же, как и то, когда первые люди на этой земле проснулись в своих хрупких, заостренных кверху домах и вышли наружу посмотреть на восход солнца, показавшегося над темным лесом. Утро всегда одинаковое, и осень всегда одинаковая, но лет, которым ведут счет люди, много.

На этой земле когда-то была одна раса, а затем пришла другая — завоеватели.

Миллионы жизней канули в Лету. Обе расы ушли за туманные дали горизонтов прошедших времен.

Были завоеваны и вновь утеряны звезды, а годы все шли, и прошло их так много, что Лес древнейших эпох, полностью уничтоженный в течение эры, когда люди творили свою историю, вырос снова.

Даже в туманном необъятном прошлом планеты на это ушло много времени. И не на каждой планете это могло произойти — процесс превращения безжизненного солнечного света в тень и грациозную сложность бесчисленных ветвей, трепещущих на ветру.

Фальк стоял, радуясь утру, и радость его была столь велика, что он даже не мог этого себе представить, ведь до этого утра у него было совсем не много других прекрасных рассветов при столь короткой веренице дней, о которых он помнил, в промежутках между этим днем и темнотой.

Он прислушался к щебету синичек на дубе, чири-

канью воробьев и стуку дятлов. Через мгновение он потянулся, растрепал энергично свои волосы, и пошел вниз, чтобы влиться в общее русло реки работ по Дому.

Дом Зоува был беспорядочно выстроенной цепью башен, связанных между собой и образовавших замок-ферму. Башни были сделаны из камня и дерева, одни части их стояли на этой земле около столетия, другие — еще дольше. Этот замок-ферма во многом был примитивным: темные лестницы, каменные очаги и подвалы. Но в нем не было ничего незавершенного. Он был надежно защищен от пожаров и воздействий погоды. При этом некоторые его элементы были в высшей степени сложными устройствами или механизмами: приятные желтоватые лампы, свечение которых было обусловлено ядерным распадом, различные автоматические приспособления для уборки дома и двора, стряпни, стирки и работы в поле.

Здесь было довольно обширное собрание музыкальных записей, книг и фильмов. В восточном крыле Дома находилась довольно приличная механическая мастерская.

Все эти предметы были частью Дома, встроенные в него или сделанные вместе с ним, сработанные в нем или в других Лесных Домах. Механизмы были тяжелы и просты: их легко было ремонтировать: только знание источников энергии, приводивших их в движение, было очень искусным и незаменимым.

Недоставало, однако, одного из типов технологических приспособлений. В библиотеке можно было получить достаточно знаний по электронике, которые в это время стали почти инстинктивными. Мальчикам нравилось делать миниатюрные переговорные устройства для связи между отдаленными комнатами. Однако телевидения не было. Не было также телефона, радио или телеграфной связи. Поляна не имела достаточного контакта с окружающим ее миром. Способов коммуникации на далекие расстояния в этом мире не существовало. Было, правда, несколько машин на воздушной подушке, самодельного изготовления, стоявших в гараже постоянного крыла Дома, но ими обычно пользовались только мальчишки для своих игр.

В лесу было довольно трудно управляться с этими механизмами, ведь таежные тропы так узки. Когда люди собирались в гости или для торговли с другими домами, они шли пешком, а если путь был очень долг, то отправлялись верхом на лошадях.

Работа по Дому и на ферме была для всех без исключения легкой и необременительной. Удобства не простирались дальше тепла и чистоты, а пища была здоровой, но однообразной, жизнь в Доме была скучным постоянством коллективного существования, чистой безмятежной умеренности. Безмятежность и однообразие обуславливались изоляцией. Здесь жили вместе сорок четыре человека. Ближайший к ним Дом Катола находился в тридцати милях к югу.

Вокруг Поляны со всех сторон простирался нерасчищенный, необследованный, равнодушный Лес. Дикая чаща и над нею небо. Здесь не было бесчеловечности, и ничто не укорачивало жизни, как в городах былых веков, переполненных людьми. Вообще, сохранить нетронутым хоть что-нибудь из сложной цивилизации здесь, среди столь малого числа людей, было исключительным достижением, хотя для большинства из них что-либо другое было просто неведомо.

Фальк все это понимал несколько иначе, чем остальные дети Дома, так как ему всегда приходилось сознавать, что он пришел из этой необъятной и лишенной людей чащи, такой же зловещей и необычной, как и дикие звери, бродившие в ней, и все, чему он научился в Доме Зоува, было подобно единственной свечке, горящей среди необъятной тьмы.

За завтраком — хлеб, сыр из козьего молока и темное пиво. Маток попросил его, чтобы он пошел с ним поохотиться на оленей.

Фальку было приятно. Старший Брат был очень искусным охотником, и таким же становился он сам: во всяком случае, это сближало их обоих.

Но тут вмешался Глава Дома:

— Возьми сегодня Кая, сын мой. Я хотел бы поговорить с Фальком.

Каждый из обитателей Дома имел свою комнату для занятий или работы, а также для сна, когда становилось прохладно. Комната Зоува была маленькой, высокой и светлой, окна ее выходили на запад, на север и на восток. Глядя на осенние скошенные поля и черневший вдали Лес, Глава Дома произнес:

— Вот там, на прогалине, Парт увидела тебя. Это было пять с половиной лет назад. Давненько! Не настало ли нам время поговорить?

— Наверное, Глава, — робко произнес Фальк.

— Сказать трудно, но мне кажется, что тебе было около двадцати пяти лет, когда ты объявился здесь.

Что есть у тебя от тех двадцати лет теперь?

— Кольцо!

Фальк на мгновение вытянул левую руку.

— И воспоминания о горе?

— Воспоминания о воспоминании.

Фальк пожал плечами.

— Часто, как я вам уже говорил, на какие-то мгновения я нахожу в своей памяти звук голосов, ощущение движения, жеста, расстояния. Эти воспоминания не стыкуются с моими воспоминаниями о жизни с вами. Но они не образуют цельной картины. В них нет какой-либо значимости.

Зоув присел на скамью у окна и кивнул Фальку, чтобы тот сел рядом.

— Тебе не нужно было расти. Координация движения восстановилась у тебя на удивление быстро. И даже, если принять это во внимание, все равно ты учился с поразительной скоростью. Меня всегда поражало — а что, если Синги, управляя в былые времена человеческой наследственностью и выдерживая многих из нас в качестве клонистов, отобрали нас за наше послушание и тупость, а ты — отпрыск какой-то мутировавшей человеческой расы, каким-то образом сумевшей избежать генетического контроля. Но кем бы ты ни был, ты в высшей степени умный человек. И вот теперь ты снова один. И мне хочется узнать, а что же ты сам думаешь о своем загадочном прошлом?

Минуту Фальк ничего не говорил. Он был невысоким, худым, хорошо сложенным мужчиной.

Его очень живое и выразительное лицо сейчас было весьма мрачным и полным тревоги. Чувства отражались на нем так же открыто, как и на лице ребенка. Наконец, видимо, решившись, он все-таки сказал:

— Пока я учился прошлым летом вместе с Райной, я понял, чем я отличаюсь от человеческой генетической нормы. Мы изучали тогда хромосомы вида «хомо сапиенс» и для сравнения выбрали меня. И тогда обнаружилось, по крайней мере, для меня, то небольшое отличие — всего лишь один или два витка спирали. Тем не менее можно безошибочно сказать, что я не человек. Может быть, я какой-нибудь мутант или урод, может быть, я результат случайного или преднамеренного воздействия или, наконец, инопланетянин. Мне кажется, что наиболее вероятным во всем является то, что я неудавшийся результат какого-то эксперимента. Результат генетического эксперимента, выброшенный экспери-

ментаторами за ненадобностью. А может быть... Трудно сказать. Я предпочитаю думать, что я — инопланетянин и прибыл к вам с какой-то другой планеты. Это, во всяком случае, означало бы, что я не одинок в своем роде во вселенной.

— Что вселяет в тебя уверенность, что существуют другие обитаемые миры?

Фальк удивленно поднял брови, придя сразу же по-детски легковерно, но с логикой мужчины, к заключению:

— А разве есть причина полагать, что другие планеты Лиги уничтожены?

— А разве есть причина думать, что они вообще существовали?

— Этому вы сами меня научили по книгам, легендам...

— И ты веришь им? Ты веришь всему, что мы тебе рассказали?

— Чему же мне еще верить? — он покраснел. — С какой стати вам говорить неправду?

— Может быть, мы лгали тебе обо всем, день и ночь, по любой из следующих двух причин. Потому что, мы думали, что ты им служишь, или же потому, что ты сам Синг.

— Я, возможно, служил им и никогда об этом не узнаю, — сказал Фальк, потупив взор.

— Может быть, — Глава кивнул. — Ты должен учитывать такую возможность, Фальк. Между нами говоря, Маток всегда был убежден, что у тебя так называемый запрограммированный мозг. И все же он никогда не лгал тебе. Никто из нас преднамеренно не пытался ввести тебя в заблуждение. Один поэт Реки сказал как-то тысячу лет назад: «В истине заключается человечность». Да, мы говорили тебе правду обо всем, что сами знали, Фальк, но, возможно, не все наши предположения и легенды находятся в рамках истины...

— Ну и что?

— Не забывай, что ты по своему разуму еще дитя, Фальк. Мы можем помочь тебе снова стать человеком, но мы не можем предоставить тебе настоящее детство. Оно бывает только раз...

— Среди вас я чувствую себя ребенком, — пробормотал Фальк.

— Но ты не ребенок! Ты — в некотором роде увечный, потому что нет у тебя детства, Фальк. У тебя об-

рублены корни, потеряны твои истоки. Разве ты можешь сказать, что здесь твой родной дом?

— Нет! — согласился Фальк, вздрогнул и добавил: — Но я был очень счастлив здесь.

Глава дома немного помолчал, потом возобновил разговор.

— Ты считаешь, что наша жизнь хороша, и что мы ведем здесь подобающий нам, людям, образ жизни?

— Да.

— Тогда скажи мне вот еще что. Кто наш враг?

— Синги.

— Почему?

— Они откололись от Лиги Миров, предпочли свободу, уничтожив все деяния и все записи людей. Они остановили эволюцию расы. Они — тираны и лжецы.

— Но они не мешают нам жить здесь по-доброму.

— Мы затаились, мы живем порознь, чтобы они оставили нас в покое. Если бы мы попытались построить какую-нибудь большую машину, если бы мы стали объединяться в группы или города, или народы, для того, чтобы сообща свершить что-нибудь грандиозное, то тогда бы Синги пришли к нам, разрушили содеянное и расселили бы нас по всему миру. Я говорю только то, что вы неоднократно говорили мне, и чему я верю, Глава!

— Я знаю. Я думаю... А что, если за фактами ты ощущаешь какую-нибудь догадку, надежду, предание?

Фальк не ответил.

— Мы прячемся от Сингов. Мы прячемся от самих себя, от тех, какими мы были прежде. Ты понимаешь это, Фальк? Мы по-доброму живем в домах, и нам хорошо, но нами руководит исключительно страх. Было время, когда мы на кораблях путешествовали среди звезд, а теперь не осмеливаемся отойти от Дома даже на сотню миль. Мы храним совсем немного знаний и совершенно ими не пользуемся. Но некогда мы использовали свой разум для того, чтобы ткать образ нашей жизни, как ковер, простертый над ночью и хаосом. Мы увеличивали возможности жизни. Мы делали настоящую работу, достойную людей.

Зоув снова задумался, затем возобновил разговор, глядя на яркое ноябрьское небо.

— Вообрази себе множество планет, различных людей и зверей на них, созвездия их небес, города, выстроенные ими, их песни и обычаи. Все это утрачено, утеряно для нас так, как твое детство потеряно для тебя. Что мы, по существу, знаем о времени нашего величия? Не-

сколько названий планет и имена нескольких героев, обрывки фактов, которыми мы стараемся залатать историю. Закон Сингов запрещает убийство, но они убили знания, сожгли книги и фальсифицировали то, что осталось. Они погрязли во лжи. У нас нет уверенности ни в чем, что касается Эры Лиги. Сколько документов подделано? Мы должны запомнить, пойми, что бы ни случилось, Синги — наши враги! Можно прожить целую жизнь, так и не увидев ни одного из них, в лучшем случае услышать, как где-то далеко пролетает их воздухолет. Здесь, в лесу, они оставили нас в покое, и, может быть, то же самое происходит повсюду на Земле, хотя этого мы не знаем. Они не трогают нас, пока мы остаемся здесь, в темнице нашего невежества и дикости, пока мы кланяемся, когда они пролетают над нашими головами. Но они не доверяют нам даже после двенадцати сотен лет? У них нет чувства доверия, потому что у них лживое нутро! Они не соблюдают договоров, могут нарушить любое обещание, любую клятву, могут предавать и лгать непрестанно, и некоторые записи времени Лиги намекают на то, что они умеют лгать даже мысленно. Именно ЛОЖЬ победила все расы Лиги и поставила нас в подчиненное положение перед Сингами. Помни об этом, Фальк. Никогда не верь в правдивость того, что сказал Враг.

— Я буду помнить об этом, Глава, и даже встреча с Сингом не заставит меня забыть об этом.

— Ты не встретишься с ним, если только сам не захочешь этого.

— Вы подразумеваете, Глава, что я должен покинуть Дом? — спросил Фальк.

— Ты уже сам подумывал об этом, — как можно спокойнее заметил Зоув.

— Да. Но мне никак нельзя уйти. Я хочу... понимаете, я хочу жить здесь. Парт и я...

Он смутился, и Зоув, воспользовавшись этим, нанес язвительный удар.

— Я уважаю любовь, расцветающую между тобой и Парт. Я преклоняюсь перед твоей преданностью Дому, но ты пришел сюда неизвестно откуда, Фальк. Тебя здесь радушно приняли, к тебе очень приветливо относились. Твой брак с моей дочерью был бы бездетным, но даже и в этом случае я радовался бы ему, но я убежден, что тайна твоего происхождения и появления в этом месте настолько велика, что было бы неразумно отбро-

сильнее ее в сторону. Ты мог бы указать новые пути, у тебя впереди много работы...

— Какой работы? Кто может мне поведать об этом?

— То, что хранится в тайне от нас, и то, что украли у тебя, известно Сингам. В этом ты можешь быть вполне уверен.

В голосе Зоува была такая полная боли горечь, какой Фальку прежде не доводилось слышать.

— Разве те, кто говорит неправду, скажут мне, кто я, если я их об этом спрошу? Как я узнаю то, что ищу, даже если мне удастся отыскать это?

— Я все больше склоняюсь к мысли, сын мой, что в тебе заключена какая-то надежда для людей Земли. Мне не хочется отказываться от этой мысли. Но только ты сам сможешь отыскать свою собственную правду. Если тебе покажется, что на этом заканчивается твой путь, то, возможно, это и будет правдой.

— Если я уйду,—неожиданно спросил Фальк,— вы позволите Парт пойти вместе со мной?

— Нет, сын мой.

Глава Дома печально покачал головой.

Внизу по саду шел ребенок, четырехлетний сын Гарры, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу.

Высоко вверху летели стая за стаями на юг дикие гуси, выстроившись клином.

— Я должен был идти с Матоком и Дурро добывать в Дом невесту для Дурро,—заметил, наконец, Фальк.— Мы намеревались отправиться, не дожидаясь, пока изменится погода. Если я пойду по дороге, то продолжу самостоятельный путь из Дома Рапсофеля.

— Зимой?

— К западу от Рапсофеля есть и другие Дома, где я мог бы попросить кров в случае необходимости.

Сам он не сказал, а Зоув не спросил, почему он собирается идти именно на запад.

— Не знаю, может оно и так. Я не знаю, дают ли там путникам пристанище. Но если ты пойдешь, ты будешь один, хотя... тебе нужно быть одному. За пределами этого Дома нет на Земле другого безопасного места для тебя.

Он, как всегда, говорил от чистого сердца и платил за правду внутренней болью и сдержанностью. Фальк заверил его:

— Я знаю, Глава. Не о безопасности я бы жалел...

— Я скажу тебе все, в чем я убежден в отношении тебя. Я полагаю, что ты с одного из затерянных миров.

Я думаю, что родился ты не на Земле. Я полагаю, что сюда, на Землю, ты, инопланетянин, вернулся впервые за тысячу или, может быть, даже больше лет, принеся с собой какое-то послание или знак. Сингам удалось заставить тебя молчать, и поэтому они отпустили тебя в Лес, чтобы никто не мог сказать, что они тебя убили. И ты пришел к нам. Если ты уйдешь, я буду печалиться и бояться за тебя, зная, насколько тебе одиноко, но я буду надеяться на тебя и на нас самих! Если у тебя есть известие для людей, то ты, в конце концов, вспомнишь его. Должна же быть какая-то надежда, какой-то знак, ведь мы не можем жить так вечно!

— Может быть, моя раса никогда не была в дружественных отношениях с человечеством? — Фальк пожал плечами, глядя на Зоува своими желтыми глазами. — Кто знает, ради чего я появился здесь?

— Ты разыщешь тех, кто знает твою тайну. И тогда ты сделаешь то, что тебе предначертано. Я не боюсь того, что может произойти. Если ты служишь Врагу, то и мы все ему служим. Все уже давно потеряно, и больше нечего терять. Если же нет, то тогда у тебя может быть то, что люди потеряли — предназначение! Следуя ему, ты сможешь вселить надежду во всех нас...

2

Зоув прожил шестьдесят лет, Парт — двадцать, но в этот холодный полдень, заставший ее в поле, ей казалось, что она старуха, потерявшая счет годам. Ее вовсе не утешала мысль об отдаленном триумфе порыва к звездам или о торжестве правды. То, что у ее отца было пророческим даром, у нее выражалось просто отсутствием иллюзий. Она знала, что Фальк собирается уйти из Дома. Единственное, что она сказала, было то, что он уже больше сюда не вернется.

— Я вернусь, Парт. Верь мне, — с жаром уверял Фальк, стараясь переубедить девушку.

Она с плачем обняла его, она заставила себя поверить его обещаниям.

Он продолжал заверять ее в своей искренности, но в телепатическом общении был не очень искусен. Единственным Слухачом в Доме была слепая Кретьян. Никто из обитателей этого Лесного замка больше не был способен на бессловесное общение. Способов обучения мысленной речи очень мало. Великое достоинство этого

наиболее сжатого и совершенного способа общения стало рискованным для людей.

Речь между представителями различных разумов могла быть неправильно истолкованной и вследствие этого привести к ошибкам и недоверию, однако ею нельзя было пренебрегать. Между мыслью и сказанным словом существует зазор, куда может попасть намерение, символ может быть отброшен, и тогда появится ложь.

Между мыслью и мысленным посланием этого промежутка нет! Они одновременный акт, и места для лжи здесь не остается!

В последние годы существования Лиги, судя по рассказам и обрывочным записям, с которыми познакомился Фальк, употребление мысленной речи было широко распространено, и телепатическое искусство достигло очень высокой ступени развития.

Это умение на Земле появилось довольно поздно: техника обучения ему была позаимствована у какой-то иной расы. Одна из книг называлась «Высшее искусство ранхов», и Фальк неоднократно ловил себя на мысли о том, кто же были эти ранхи.

Имелись также намеки на трения и частые перемещения в правительстве Лиги Миров, возникшие, вероятно, вследствие торжества формы общения, которая предотвращала ложь.

Но это было таким же туманным и полумифическим, как и вся история человечества, записанная в книгах Дома. Несомненным было только то, что после прихода Сингов и падения Лиги разобщенные общины людей больше не доверяли друг другу, возвратились к использованию обычной речи. Свободный человек может говорить свободно, но раб или беженец должен уметь скрывать истину или ложь. Вот это-то и узнал в доме Зоува Фальк, и поэтому у него почти не было опыта в приведении своего разума в созвучие сказанным словам. Он старался внушить Парт, что он не лжет:

— Верь мне, Парт, я еще вернусь к тебе!

Но она не могла услышать его.

— Нет, я не буду воспринимать твои мысли,— только и сказала она вслух.

— Значит, ты бережешь свои мысли от меня?

— Да, берегу. Зачем мне передавать тебе свою печаль? Какой толк в правде? Если бы ты солгал мне вчера, я бы все еще верила, что ты просто собираешься к Рапсофелю и через десять дней вернешься назад. Значит, у меня еще было бы в запасе десять дней и десять

ночей. Теперь же мне ничего не осталось, ни одного дня и ни одного часа. Все утрачено для меня. Так что же хорошего в правде?

— Парт, ты будешь ждать меня?

— Нет.

— Всего один год.

— Через один год и один день ты вернешься верхом на серебряном коне, чтобы увезти меня в свое королевство и сделать меня там властительницей? Нет, я не буду ждать тебя, Фальк. Почему я обязана ждать человека, который будет лежать мертвый в Лесу, или которого застрелят Странники в прериях? А может быть, ты окончательно лишишься к тому времени разума в Городе Сингов или отправишься оттуда в столетнее путешествие к другой звезде? Почему я обязана тебя ждать? Тебе не придется думать, что я выберу в спутники жизни другого мужчину. Нет, я останусь здесь, в отчем доме, выкрашу нитки в черный цвет и сотку для себя черную одежду. Я буду ее носить и умру в ней. Но я не стану никого и ничего ждать! Никогда!

— Я не имею права спрашивать тебя,— сказал он с болью в голосе,— любишь ли ты меня...

Она заплакала.

— О, Фальк, не надо, прошу тебя.

Они долго сидели на пологом склоне, возвышавшемся над Долиной. Между ними и Лесом паслись овцы и козы на огороженном пастбище. Годовалые ягнята сновали между длинношерстными матками.

Дул серый ноябрьский ветер.

Руки их были соединены. Парт прикоснулась к золотому кольцу на его левой руке.

— Кольцо — это вещь, которую дарят,— сказала она.— Временами я думаю, что, возможно, у тебя была жена. Представь себе, ждет ли она тебя...

Она задрожала.

— Ну и что? — спросил он.— Какое мне дело до того, что было со мной, кем я был? Почему мне нужно уходить отсюда? Все, чем я являюсь теперь, это твое, Парт, это исходило от тебя, это твой дар...

— И он был дан по доброй воле,— сквозь слезы сказала девушка.— Возьми его и иди...

Они обняли друг друга, и никто из них не хотел освободиться из этих объятий.

Дом остался далеко позади за подернутыми инеем стволами и переплетенными ветвями, лишенными листь-

ев. Лесные великаны тесно смыкались позади едва заметной тропы, по которой пролегал их путь.

День был серым и холодным, тишину леса нарушал только шорох ветвей на ветру, который, казалось, был повсюду и никогда не прекращался. Впереди широкой легкой походкой шел Маток. За ним следовал Фальк, последним в группе двигался молодой Дурро. Все трое были одеты в легкие теплые куртки и штаны из плохо обработанной шерсти. Эта шерсть была собственного производства. Впрочем, как и вся их одежда. Такая экипировка называлась жителями Леса зимней и так хорошо сохраняла тепло, что даже в снегопад шуба была не нужна. Каждый нес небольшой заплечный мешок, в котором был запас сухих концентратов, подарки, товары для торговли и спальный мешок. Запас пищи был рассчитан почти на месяц. Баки, которая с самого своего рождения никогда не покидала дом, очень опасалась Леса и поэтому снабдила их соответствующим снаряжением. У каждого был лазерный пистолет, а Фальк нес еще дополнительно пару фунтов еды, а также медикаменты, компас, второй пистолет, смену одежды, бухту веревки, небольшую книгу, которую дал ему Зоув год назад. Легкий и не знающий усталости Маток обрубал мешавшие им ветки, простирающиеся над тропой, которой, очевидно, давно не пользовались. Все трое шли легко и бесшумно.

Они должны были добраться к Рапсофелю на третий день. Вечером второго дня они попали в местность, отличающуюся от той, которая окружала Дом Зоува. Лес стал реже, часто попадались кочки. Вдоль склонов холмов виднелись серые прогалины, по которым текли заросшие кустами ручьи.

Они разбили лагерь на одной из таких прогалин, на ее южном склоне, укрывшись от усиливающегося ветра, несшего с собой дыхание зимы. Дурро принес несколько охапок сухого хвороста, а двое других путников очистили место для костра от травы и сложили небольшой каменный очаг.

— Мы пересекли водораздел сегодня днем, — заметил Маток. — Ручей течет здесь на запад и в конце концов впадает во Внутреннюю Реку.

Фальк выпрямился и посмотрел на запад, но невысокие холмы мешали обзору.

— Маток, — сказал он, — я подумал о том, что мне нет смысла идти к Рапсофелю. Я должен пойти своим путем. Кажется, вдоль большого ручья, который мы пере-

секли сегодня днем, идет тропа, ведущая на запад. Я вернусь туда и пойду по этой тропе.

Маток поднял глаза. Он не владел мысленной речью, но взгляд его был достаточно красноречивым: ты думаешь сбежать домой?

Фальк же на самом деле воспользовался мысленной речью и ответил: «Нет, черт побери!»

— Извини,— вслух произнес Старший Брат.

Он не пытался скрыть того, что был только рад уходу Фалька. Для Матока не имело особого значения все, что не касалось безопасности Дома. Каждый незнакомец, пусть даже он прожил в Доме несколько лет, таил для него угрозу, даже незнакомец, с которым он прожил бок о бок целых десять лет, и который был его соратником на охоте, даже незнакомец, который стал возлюбленным его сестры...

Но все-таки он сказал:

— Тебя хорошо примут у Рапсофеля, Фальк. Почему бы тебе не начать свое путешествие оттуда? Впрочем, это твое дело.

— Ну...

Маток установил последний камень, и Фальк принялся разводить огонь.

— Если мы и пересекли тропу, то я не знаю, откуда она и куда ведет. Завтра утром мы пересечем настоящую людскую тропу — старую дорогу Харенда. Ты, наверное, знаешь, Фальк, что Дом Харенда расположен далеко на западе. Идти туда пешком не менее недели. Поэтому за последние шестьдесят—семьдесят лет туда никто не ходил. Но, может быть, была и другая причина. Когда я проходил этим путем прошлым летом, тропа была отчетливо видна. Та же, о которой только что говорил ты, может быть тропой оборотней и заведет тебя в глушь или болото.

— Хорошо,— согласился Фальк.— Я попробую пойти по дороге Харенда.

Наступила пауза, затем Маток спросил:

— Почему ты собираешься идти на запад?

— Потому что Эс Тох находится к западу.

Это имя жители Дома редко произносили вслух, оно казалось каким-то страшным под этим серым небом. Дурро, подошедший с охапкой дров, с тревогой осмотрелся вокруг. Маток больше ничего не спросил, только неодобрительно покачал головой.

Эта ночь на склоне холма у костра была последней для Фалька ночью с теми, кто был для него братьями,

кто стал для него соплеменниками. На следующее утро они вновь были в пути и задолго до полудня подошли к широкой заросшей тропе, ведущей налево от тропинки Рапсофеля.

Поворот на нее был помечен двумя огромными соснами. Было сумрачно и тихо, когда они вступили под их огромные кроны.

— Возвращайся к нам назад, Фальк, гостем или братом, — сказал молодой Дурро.

Его приподнятое настроение было обусловлено предстоящим сватовством, но оно несколько упало при виде этого темного неясного пути, по которому должен был идти Фальк. Маток же только произнес:

— Дай мне свою фляжку.

Взамен он протянул свою собственную, выполненную из серебра, со старинной гравировкой.

Затем они разошлись. Двое пошли на север, один — на запад.

Пройдя немного, Фальк остановился и огляделся. Его попутчики уже исчезли из виду.

Тропа Рапсофеля была уже не видна за молодой порослью деревьев и кустарников, которыми заросла дорога Харенда. Похоже было, что этой дорогой все-таки пользовались, хотя и не часто, но расчистку не проводили уже много лет. Вокруг, кроме Леса, ничего не было видно. Фальк стоял один в тени бесконечных деревьев.

Земля была мягкой от листьев, падавших на нее добрую тысячу лет. Огромные сосны и кедры закрывали свет, вокруг было темно и тихо. В воздухе кружились несколько снежинок.

Фальк немного ослабил ремень, на котором держалась его поклажа, и двинулся дальше.

К полудню ему уже казалось, что он ушел бесконечно далеко от Дома и что он всегда был так одинок, как сейчас.

Дни были похожи один на другой. Серый зимний свет окружал его. Поросший лесом холм и долины, затяжные подъемы и спуски, скрытые в кустах ручьи, болотистые низины... Хотя дорога Харенда сильно заросла, идти по ней еще было можно.

Кроме того, прежние строители этого пути постарались, чтобы он пролегал длинными прямыми участками, с плавными поворотами, проходя мимо болот и возвышенностей.

Уже среди холмов Фальк понял, что эта дорога идет строго вдоль какого-то большого древнего пути, так как

она была прорублена прямо через холмы, и даже две тысячи лет не смогли сравнять ее. Но деревья росли уже и на ней, и вдоль нее — сосны и кедры, заросли шиповника на обочинах, бесконечные ряды дубов, буков, орешника, ясеней, ольхи, вязов, и над всеми ними возвышались величавые кроны каштанов, которые теперь теряли свои последние темно-желтые листья. По вечерам он готовил себе ужин из белки или кролика, а иногда даже из дикой курицы, которых ему удавалось подстрелить среди деревьев. Он собирал орехи и жарил их на углях. Два кошмара неотступно преследовали его и заставляли просыпаться в ночи. Один из них заключался в том, что ему казалось, что кто-то тайком преследует его во тьме, кто-то, кого он раньше никогда не встречал. Второй кошмар был еще хуже. Ему чудилось, что он забыл что-то взять с собой, что-то очень важное, существенное, без чего он обязательно должен пропасть. Он просыпался от этого сна, и ему страшно не хотелось думать, что это вещий сон. Он уже знал о первой встрече с этим сном, что-то забытое им там, в Доме, был он сам.

Он разводил костер, когда не было дождя, и жался к нему поближе, сонный и слишком уставший от кошмаров, чтобы брать в руки книгу, которую нес, книгу под названием «Старый Канон», и искать утешения в словах, которые провозглашали, что, когда все пути потеряны, настоящий Путь вперед открыт. Одиночество было для человека страшной вещью. И он знал, что он даже не человек, а в лучшем случае что-то вроде разумного существа, которое пытается обрести свою цельность, бесцельно слоняясь по Земле под равнодушными звездами. Дни были все одинаковые, но все же они были облегчением после длинных осенних ночей.

Он еще продолжал вести счет дням и на тридцать первый день своего путешествия подошел к концу дороги Харенда. Некогда здесь была большая поляна. Он нашел дорогу через густые заросли ежевики и изгородь из берез, примыкающую к четырем обвалившимся башням, которые до сих пор возвышались над зарослями. Они были покрыты диким виноградом, вокруг все было завоевано зарослями чертополоха.

Подойдя ближе, он понял, что это за башни. Это были дымовые трубы рухнувшего Дома.

От Дома Харенда теперь осталось только имя.

Дорога вела к развалинам!

Он задержался в том месте на несколько часов в поисках хоть каких-нибудь следов присутствия людей. Он

переворачивал немногие уцелевшие части проржавевших механизмов, разбитые черепки, которые пережили даже человеческие кости. Попавшийся под руку лоскут сгнившей материи моментально распался в прах при одном прикосновении. Наконец он все же набрался духу и стал искать тропу, ведущую на запад от поляны. Он прошел мимо какого-то странного места — квадратного поля со стороной в четверть мили, покрытого совершенно ровным и гладким веществом, напоминающим стекло фиолетового цвета, темное, без малейших трещин. Края этого места были присыпаны землей, на нем были набросаны кое-где ветки и листья, но оно было неповрежденным и непоцарапанным. Как будто на этом куске земли когда-то было пролито некоторое количество расплавленного аметиста. Что это было — пусковая площадка какого-то невообразимого летательного аппарата, зеркало, с помощью которого можно было передать сигналы на другие планеты, основание неизвестного силового поля? Но что бы это ни было, именно оно наверняка навлекло на Дом Харенда беду. Это было слишком великим начинанием, которое Синги не могли позволить предпринять людям.

Фальк прошел мимо этого места и вошел в лес, теперь уже не следуя тропе.

Лес здесь был редким, в нем росли статные лиственные деревья. Остаток дня он шел быстрым шагом и с такой же скоростью двинулся в путь на следующее утро. Местность снова становилась холмистой, цепи холмов пересекали его путь, вытянувшись с севера на юг, и около полудня он оказался в болотистой долине, полной ручьев, окаймленной двумя грядами холмов.

Он стал искать брод, барахтаясь в болотистых заливных лугах: непрерывно шел сильный холодный дождь. Наконец ему удалось выйти из этой угрюмой долины, на счастье, и погода стала проясняться. Когда он выбрался на гребень, из-за туч вышло солнце и стало своими лучами золотить обнаженные стволы и ветви деревьев. Это согрело его. Он продолжал свой путь, рассчитывая прошагать до самой темноты и только тогда разбить лагерь. Все теперь было ярким и абсолютно спокойным, если не считать падавших с концов ветвей капель и отдаленного свиста синичек. Затем он услышал, точно как в своем сне, шаги, которые следовали за ним немного слева в стороне.

Упавший дуб, который был препятствием, в одно мгновение стал его крепостью.

Фальк упал, укрывшись за ним, и, держа наготове пистолет, громко крикнул:

— Эй, там! Выходи!

Долгое время все было тихо.

— Выходи! — приказал мысленно Фальк. Внезапно до него донесся слабый, противный запах.

Из-за деревьев вышел огромный дикий кабан.

Он пересек человеческие следы и остановился, низко наклонив голову и обнюхивая землю. Нелепая огромная свинья с могучими плечами, острой спиной, сильными, запачканными грязью ногами находилась не遠далеке от человека. Кабан поднял голову, и на Фалька посмотрели крохотные сверкающие глазки.

— Ах, человеке, — гнусаво сказала создание.

Мышцы Фалька напряглись, он еще крепче сжал рукоятку лазерного пистолета, но стрельбу решил пока не открывать. Раненый боров может быть быстр и опасен. Фальк крепче прижался к стволу дерева, стараясь не шевелиться.

— Человек, — снова проговорил дикий кабан, — думай для меня. Слова мне трудны.

Рука Фалька, державшая пистолет, задрожала.

Неожиданно для самого себя он громко произнес:

— Ну и не говори тогда. Я не умею передавать мысли. Давай, иди своей дорогой, кабан.

— Ах, человеке, поговори со мной мысленно.

— Уходи или я выстрелю!

Фальк выпрямился и вскинул пистолет в направлении животного.

Маленькие сверкающие свиные глазки злобно уставились на оружие.

— Нехорошо забирать чужую жизнь, человек! — проскрежетал кабан.

Фальк снова собрался с духом, но на этот раз ничего не ответил, будучи уверен, что зверь не поймет его слов. Он несколько раз повел дулом пистолета из стороны в сторону, потом снова прицелился и опять произнес спокойным голосом:

— Уходи, зверь, и я не сделаю тебе ничего дурного.

Кабан в нерешительности опустил голову, затем с невероятной быстротой, как бы освобождаясь от связывающей его веревки, повернулся и опрометью кинулся в том направлении, откуда пришел.

Фальк постоял неподвижно некоторое время.

Через несколько минут, успокоившись, он снова про-

должил свой путь, но сейчас шел, держа пистолет в опущенной руке наготове.

Существовали старинные предания о говорящих зверях, но обитатели Дома Зоува считали их просто сказками. Фальк ощутил кратковременный приступ тошноты и такое же желание громко рассмеяться, когда зверь убежал, громко продираясь сквозь чащобу.

— Парт,— прошептал он.

Сейчас ему обязательно нужно было хоть с кем-то поговорить.

— Я сейчас получил неплохой урок этики от дикого кабана. О, Парт, вернись ли я когда-нибудь к тебе?

Он поднялся по крутому склону, заросшему кустарником. На вершине холма лес был реже, и Фальк увидел между деревьями свет солнца и чистое небо.

Еще несколько шагов и он вышел из-под ветвей на опушку. Зеленый склон опускался к садам и распаханным полям, окружавшим широкую открытую реку. На противоположном берегу реки на огороженном лугу паслось стадо в полсотни голов, а еще дальше, перед западной грядой холмов, располагались сенокосные луга и сады. Чуть южнее от того места, где стоял Фальк, река огибала невысокий бугор, на обрыве которого озаренные низким вечерним солнцем возвышались красные трубы Дома.

Он имел такой вид, как будто был перенесен в эту долину из какого-то другого места, из тех веков, которые раньше назывались золотыми.

Дикость безлюдного и очень близкого к нему Леса, казалось, не могла коснуться его. Он как бы воплощал в себе пристанище, какое-то обещание, вселял уверенность в порядок. Это было произведение Человеческих Рук, гимн их труду. Какая-то слабость охватила Фалька при виде дыма, поднимавшегося из его красных кирпичных труб. Огонь очага...

Он сбежал вниз по земляному склону на тропу, которая вилась вдоль реки среди кустов и золотистых ив. Не было видно ни одной живой души, кроме бурых коров, пасшихся за рекой.

Тишина и покой заполняли залитую солнцем долину. Сбавив шаг, он прошел через огороды к ближайшей двери дома. По мере того, как он огибал обрыв, тропа взбиралась все выше и выше. В спокойной воде реки отражались стены из красного кирпича и камня. В некотором замешательстве он остановился, собираясь с мыслями, потом пришел к выводу, что лучше всего бу-

дет позвать кого-нибудь, прежде чем следовать дальше.

Краем глаза он уловил какое-то движение в открытом окне как раз над глубокой дверной нишей. Он в нерешительности стоял и смотрел вверх, когда вдруг ощутил неожиданно глубокую острую боль в груди чуть ниже ребер. Он зашатался, затем поник, не мог уже ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь.

Вокруг него появились люди. Он видел их, хотя и смутно, но почему-то не слышал их голосов. У него появилось такое ощущение, как будто он оглох, а тело полностью оцепенело.

Он силился собраться с мыслями, несмотря на эту потерю чувств.

Его схватили и куда-то понесли, но он не ощущал рук, которые подняли его. Ужасное головокружение ошеломило его. Когда оно прошло, он потерял всякий контроль над своими мыслями, которые куда-то рвались, путались, мешали одна другой. Ему казалось, что какие-то голоса начали возникать в его мозгу. Одни кричали, другие шептали. От такой какофонии звуков он начал сходить с ума, и весь мир поплыл, тусклый и беззвучный, перед его глазами.

«Кто ты? Откуда ты пришел? Человек ли ты?» — эти вопросы сливались с ответами, которые он спешил мысленно составить.

Наконец, ему удалось различить стол, вернее, край стола, освещенный лампой в темной комнате.

Он начал видеть, чувства стали возвращаться к нему.

Он сидел на стуле в темной комнате за столом, на котором стояла лампа. Он был привязан к стулу, он ощущал, как веревка врежется в мышцы груди и рук при малейшей попытке пошевелиться. Какое-то движение — слева от него возник человек, справа — другой. Они сидели так же, как и он, очень близко к столу. Они наклонились вперед и переговаривались друг с другом прямо через него. Голоса их звучали, как будто из-за высокой стены, где-то недалеко, но он не мог, как ни пытался, разобрать слова.

Он поежился от холода. Это чувство холода привело его в соприкосновение с окружающим миром, и он начал восстанавливать свою способность упорядоченно мыслить. Улучшилась слышимость. Теперь он уже мог двигать языком.

Он произнес что-то, что должно было означать: «Что вы со мной сделали?».

Ответа не последовало, но вскоре человек, который

сидел слева от него, приблизил свое лицо вплотную к его лицу и громко спросил:

— Почему ты пришел сюда?

Фальк отчетливо слышал слова и через мгновение понял, что они означали. Еще через мгновение он ответил:

— Ради убежища. Мне нужно было отыскать место для ночлега.

— Убежища? От чего ты искал убежища?

— От Леса, от его одиночества.

Холод все больше пронизывал его. Ему удалось слегка высвободить онемевшие руки, и он попытался застегнуть куртку. Пониже веревки, которой он был привязан к стулу, как раз под грудной костью он прощупал небольшое болезненное пятно.

— Держи руки внизу, незнакомец,— потребовал человек, сидевший в тени справа от него.— Здесь больше, чем программирование, Аргард. Никакая гипнотическая блокировка не могла бы противостоять этому.

Тот, который сидел слева, крупный мужчина с плоским лицом и живыми глазами, ответил слабым, шипящим голосом:

— Ты не можешь с уверенностью сказать, что мы знаем все их хитрости. Но в любом случае, нам необходимо ответить на вопрос — кто он? Ты Фальк, не так ли? Ответь, где находится то место, откуда ты к нам пришел? Дом Зоува, не так ли?

— Это на востоке. Я ушел...

Число никак не приходило ему в голову.

— Четырнадцать дней назад, как я могу полагать,— наконец-то закончил он свою мысль.

Как им удалось узнать название его Дома, а также его имя? Ощущения быстро возвращались к нему, и его удивление длилось недолго.

Ему приходилось охотиться на оленей с Матоком, стреляя при этом подкожными иглами, с помощью которых можно было убить оленя, только чуть-чуть поцарапав его.

Игла, которая вонзилась в него, или последующая инъекция, сделанная в то время, когда он был беспомощен, содержала какой-то наркотик, который, должно быть, убирал как предварительно заученный контроль, так и основные подсознательные блокировки телепатических центров мозга, оставляя его открытым для допроса. Они рылись в его мозгу, в этом не было сомнения. От этой мысли ощущение холода и слабости еще боль-

ше усилилось, дополненное бессильной яростью. К чему такое бесцеремонное вторжение? Почему они сразу же решили, что он будет им лгать? Почему они пришли к такому выводу, даже не заговорив с ним?

— Вы думаете, что я — Синг? — спросил он.

Лицо человека справа, худое, с длинными волосами и бородой, внезапно появилось в свете лампы, его губы были сжаты, и он открытой ладонью ударил Фалька по губам. Голова Фалька откинулась назад, и от удара он на мгновение ослеп. В ушах зазвенело, он ощутил во рту привкус крови. Затем ему был нанесен второй удар, третий...

Человек этот продолжал непрерывно шипеть, повторяя много раз одни и те же слова:

— Не упоминай этого имени...

Фальк беспомощно ерзал на стуле, чтобы хоть как-то защититься, чтобы вырваться. Человек слева что-то отрывисто сказал, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Я пришел сюда по-доброму, — сказал, наконец, Фальк.

Он старался говорить как можно спокойнее, несмотря на свой гнев, боль и страх.

— Хорошо, — согласился через некоторое время сидевший слева Аргард. — Выкладывай свою историю, а мы послушаем. Только сначала я задам тебе всего один вопрос. Ради чего ты пришел сюда?

— Попроситься переночевать и спросить, есть ли здесь какая-нибудь тропа, ведущая на запад?

— Для чего ты идешь на запад?

— Зачем вы это спрашиваете? Я же сказал вам об этом мысленно, когда ложь не проходит. Вы ведь уже знаете, что у меня на уме.

— У тебя какой-то странный разум, — слабым голосом произнес Аргард, — и такие необычные глаза. Никто не приходит сюда, чтобы переночевать и узнать дорогу, или еще за чем-нибудь. А если все же слуги тех, других, приходят сюда, мы убиваем их. Мы убиваем прислужников и говорящих зверей. Странников, свиней и всякий сброд. Мы не подчиняемся Закону, который гласит, что нельзя отбирать чужую жизнь. Так, Ареннем?

Бородач ухмыльнулся, показав при этом коричневые гнилые зубы.

— Мы люди! — продолжал Аргард. — Свободные люди! Мы — убийцы! А кто ты такой, со своим наполовину

развитым мозгом и совиными глазами, и почему бы нам не убить тебя? Разве ты человек?

На своем коротком веку Фальку не доводилось встречаться лицом к лицу с жестокостью и ненавистью. Те немногие люди, которых он знал, пусть и не были бесстрашными, но и не жили, руководствуясь страхом. Они были великодушны и дружелюбны. Рядом с этими двоими он был беззащитен, как ребенок, и знание этого приводило его в замешательство и ярость.

Он тщетно искал какой-нибудь способ защиты или отговорку, но все было напрасно.

Единственное, что он мог говорить, была только правда.

— Я не знаю, кто я и откуда пришел в этот мир. Я иду на запад, чтобы выяснить это.

— На запад? Почему именно на запад? А ну-ка, смелее, говори, куда идешь?

Фальк посмотрел сначала на Аргарда, затем на Ареннема. Он знал, что ответ им известен, и что Ареннем снова ударит его, едва его губы произнесут это слово.

— Отвечай! — прорычал бородатый.

Он приподнялся и наклонился вперед.

— В Эс Тох, — сказал, наконец, Фальк.

Снова Ареннем ударил его по лицу, и снова он принял этот удар молча и униженно, как ребенок, которого обидели неизвестные люди.

— В этом нет ничего путного. Он не собирается говорить ничего, что отличалось бы от того, что мы вывели, когда он был под воздействием пантона. Пусть он встанет, — вступился за Фалька Аргард.

— А что тогда?

Аргард пожал плечами.

— Он пришел сюда просить пристанища на ночь, и он может его получить. Поднимайся!

Веревку, которой он был привязан к стулу, ослабили. Фальк, шатаясь, поднялся. Когда он увидел низкую дверь и черный колодец лестницы, к которому его подвели, он попробовал сопротивляться и вырваться, но мышцы еще не были готовы ему повиноваться. Удар Ареннема застал его врасплох, и он скрючился.

Этим воспользовались его «проводжатые», чтобы с силой пихнуть его через порог. Дверь захлопнулась, как только он попытался, шатаясь, удержаться на лестнице.

Здесь было темно. Дверь была подогнана так плотно, что напрочь закупоривала дверной проем. С внутренней стороны двери не было ручки, и ни звук, ни свет

не проникали через такую тщательно сделанную преграду. Фальк сел на верхней ступеньке и уткнулся лицом в ладони.

Мало-помалу слабость его тела и растерянность в мыслях стали проходить. Он поднял голову и постарался напрячь зрение.

У него было острое ночное видение. На эту способность давным-давно указала еще Райна, глядя на его глаза с огромными зрачками. Но сейчас... только какие-то туманные, очевидно, ранее видимые им зрительные образы пробегали в мозгу.

Он был еще не в состоянии что-либо увидеть в такой кромешной тьме. Поэтому встал и, осторожно ступая по ступенькам, начал спускаться вниз.

Двадцать одна ступенька, двадцать две, двадцать три — все. Место стало ровным. Фальк медленно двинулся вперед, вытянув руку и прислушиваясь.

Хотя темнота в некотором смысле давила на него, сковывала его движения, страха в нем не было. Методично, на ощупь он определил форму и размеры обширного подвала, в котором он находился, и выяснил, что это только первая комната из многих, которые, судя по звуку, уходили в бесконечность.

Он вернулся к лестнице, сел на этот раз на нижнюю ступеньку и некоторое время не двигался. Его начали мучить голод и жажда, поклажа была у него забрана, ему ничего не оставили.

«Это моя собственная вина», — горько признался себе Фальк, и в его мозгу зазвучало что-то вроде диалога.

Что я такого сделал? Почему они напали на меня?

Зоув ведь говорил тебе: никому не доверяй. Они вот никому не доверяют и, пожалуй, правы.

Даже если бы к ним кто-нибудь пришел, прося о помощи?

С твоим лицом и твоими глазами? С первого взгляда ясно, что ты не являешься обычным человеческим существом!

Но ведь все равно они могли хотя бы дать мне выпить воды, произнесла детская и поэтому не ведавшая страха часть его мозга.

Тебе чертовски повезло, что они не убили тебя, едва завидя, отвечал интеллект, и возразить на это было нечем.

Все обитатели Дома Зоува, конечно, давно привыкли к его внешности, а гости были очень редки и осторожны, и поэтому ему никогда не приходилось сознавать свои

физические отличия от человеческой нормы. Казалось, что эти отличия играют гораздо меньшую роль по сравнению с его невежеством и потерей памяти. Теперь же он впервые понял, что незнакомые люди, взглянув на его лицо, не видят в нем человека.

Тот из его мучителей, которого звали Ареннем, особенно боялся его. Он только потому бил его, что болезненно боялся всего чужого и питал к нему отвращение, считая Фалька непонятым чудовищем.

Именно это пытался растолковать ему Зоув, когда давал серьезное и почти нежное напутствие: «Ты должен идти один, и только один ты сможешь пройти весь свой путь!»

Теперь уже ничего нельзя было сделать и оставалось только одно — заснуть и постараться хорошенько отдохнуть. Он как можно удобнее устроился на нижней ступеньке, потому что пол был серым и грязным, и постарался уснуть.

Через некоторое время, утратив реальное чувство времени, он проснулся.

Совсем рядом с ним сновали мыши, издавая слабые скребущие звуки и писк.

— Нехорошо отбирать чужую жизнь, не убивай нас...

— Я буду! — взревел Фальк.

Мыши тотчас стихли.

Снова уснуть оказалось делом трудным, или, вероятно, трудно было с уверенностью сказать, спит он или бодрствует. Он лежал, размышляя, что сейчас снаружи: день или ночь? Сколько времени его здесь продержат, и намереваются ли чужаки убить его и с помощью наркотического воздействия теперь уже не просто вторгнуться в его мозг, а в конце концов уничтожить его. Сколько времени пройдет до того момента, когда жажда и неудобства превратятся в муку? Как можно ловить в темноте мышей без мышеловки, и сколько времени можно продержаться в живых на диете из серых мышей.

Несколько раз, чтобы отвлечься от этих мыслей, он вставал и производил обследование подвала. Он нашел какую-то большую бочку, и сердце его учащенно забилось в надежде, но бочка оказалась пустой. В его пальцы вонзилось несколько заноз, пока он шарил по ее дну. Обследуя вслепую нескончаемые невидимые стены, он так и не нашел другой лестницы или двери.

В конце концов он заблудился и больше уже не мог отыскать лестницу, по которой спустился в этот подвал. Он сел на землю в сплошной темноте и представил себе,

что он в лесу под дождем продолжает свое одинокое путешествие под звуки нескончаемого дождя. Он мысленно перебрал все, что только был в состоянии вспомнить из Старого Канона:

«Путь, который может быть пройден,
Не является вечным путем...»

Во рту у него настолько пересохло, что для того, чтобы остудить его, он даже попытался лизать сырую грязь пола, но к языку прилипла лишь пыль. Мыши времянами суетились совсем близко от него и что-то пищали.

Где-то в дальних темных коридорах слышался лязг засовов, и мелькнул яркий отблеск света.

Свет...

Вокруг него возникла тусклая реальность мутных очертаний и теней сводов, арок, бочек, перегородок и проемов. Он с трудом поднялся и нетвердой походкой двинулся на свет.

Он исходил из низкого дверного проема, через который, пройдя ближе, он мог увидеть земляную насыпь, верхушки деревьев и багровое то ли утреннее, то ли вечернее небо, которое ослепило его так, как будто на дворе был летний полдень. Он встал в дверном проеме не в силах сдвинуться с места, так как был ослеплен, кроме того, путь ему преградила неподвижная фигура.

— Выходи! — раздался голос Аргарда.

— Минутку. Я еще ничего не вижу.

— Выходи и иди, не останавливаясь! Не оборачивайся, а не то сразу срежу лазером твою идиотскую башку!

Фальк сделал несколько шагов вперед и в нерешительности остановился. Мысли, пришедшие в его голову там, в темноте подвала, теперь сослужили ему добрую службу.

Он решил, что если они отпускают его, то боятся его убить.

— Живее!

Он решил воспользоваться этой мыслью.

— Только со своей поклажей, — твердо произнес он.

Из-за страшной сухости во рту голос его звучал как-то пискляво.

— У меня в руке лазер, желтоглазый, не забывай этого, когда разговариваешь со мной.

— Ну так давай, пускай его в ход. Я не могу тронуться в путь через весь континент без своего собственного пистолета.

Теперь уже заколебался Аргард. Через мгновение он завопил:

— Греттен, принеси сюда хлам этого засранца!

Прошло несколько минут. Фальк стоял и неотрывно смотрел на Аргарда, который, ухмыляясь, играл своим оружием в нескольких шагах от него. По поросшему травой склону сбежал мальчик, швырнул на землю мешок Фалька и исчез.

— Забирай! — приказал Аргард.

Фальк поднял свой скарб и выпрямился.

— А теперь ступай.

— Подожди, — пробормотал Фальк. — Одну минуту.

Он опустился на колени, положил мешок на землю, развязал тесемки и стал рыться в содержимом.

— Где моя книга? — вскричал он через мгновение,

— Что? Книга?

— Старый Канон! Книга для чтения, а не справочник по электронике...

— Ты считаешь, что мы отпустили бы тебя с ней? — перебил его Аргард.

Фальк недоуменно пожал плечами и поднялся на ноги.

— Разве вы не читаете Каноны, по которым следует жить людям? Зачем вы отняли у меня эту книгу?

— Ты не знаешь и никогда не будешь знать того, что известно нам. Если ты не уйдешь сейчас по-хорошему, мне придется подпалить тебе руку.

Фальк скривился.

Аргард удовлетворенно заржал.

— Вот то-то! Поэтому топай-ка прямо, не останавливаясь!

В последних словах снова зазвучали визгливые нотки, и Фальк понял, что шутки кончились. Ненависть и страх, которые сейчас особенно ясно проступали на широко умном лице Аргарда, заставили его поспешно завязать мешок и взвалить его на плечи. Он быстро прошел мимо великана и начал подниматься по травянистому склону, который шел от подвальной двери. Теперь Фальк понял, что опустился вечер, так как солнце уже почти скрылось за горизонтом. Он двинулся вслед за солнцем.

Ему казалось, что его затылок и дуло пистолета Аргарда связаны невидимой нитью неопределенности. Пока он шел, можно было ожидать от Аргарда чего угодно, Фальк не сомневался в том, что великан продолжает держать пистолет в вытянутой руке.

Он медленно пересек заросшую сорняками лужайку, по шатким доскам мостика пересек реку, по тропинке прошел мимо пастбища, а затем и сада. Он выбрался на вершину гряды и только здесь рискнул обернуться. Перед его взором предстала зажатая меж двух цепей холмов долина. Причем сейчас пейзаж был точно такой же, как и в первый раз — залитые золотым светом река и долина мирно погружались в небытие ночи.

Когда он торопливо вошел в окутанный печалью Лес, ночь уже вступила в свои права.

Мучимый жаждой и голодом, упавший духом, Фальк теперь уныло размышлял над своим бесцельным путешествием через Восточный Лес, простиравшийся перед ним. Он потерял даже смутную надежду на то, что хоть где-то на пути ему повстречается дружеский очаг, и встреча с другими людьми скрасит его суровое одиночество. Теперь он должен будет не искать дорог, а всячески избегать их.

Он будет прятаться от людей и мест их обитания, и такое поведение будет сродни повадкам дикого зверя. Только одно чуть-чуть утешало его, если не считать ручья, из которого он напился, и некоторой еды из мешка: мысль о том, что хотя он и сам навлек на себя беду своей неосмотрительностью, он не встал на колени.

Он смело вступил в бой с этими невежественными людьми на их собственной территории и благодаря своей выдержке смог вырваться из плена. От этой мысли ему стало немного легче на душе. Он настолько мало знал себя, что все эти поступки стали актами открытия. Зная, что ему столь многого еще не достает, он был рад узнать, что уж смелостью, во всяком случае, не обделен.

После того, как он напился и поел, а затем снова напился, он двинулся в путь, освещаемый неровным светом луны, которого было вполне достаточно для его глаз, и вскоре между ним и Домом Страха, как он про себя назвал это место, пролегла добрая миля холмистой местности. Затем, совершенно измотанный, он прилег, чтобы выспаться, на краю небольшой прогалины. Костра он решил не разводить, а соорудить хоть какой-то навес над головой у него уже не было сил. Несмотря на усталость, он некоторое время лежал, глядя вверх на озаренное лунным светом зимнее небо. Ничто не нарушало тишины, кроме редких тихих криков охотившейся совы. Эта безмятежность и заброшенность казались ему успо-

контельными и благословенными после мышинной возни в полном каких-то голосов темном подвале — темнице Дома Страха.

Продвигаясь дальше на запад, он не вел счет дням. Он шел, и шло время.

В Доме Страха он потерял не только книгу.

У него забрали также серебряную фляжку Матока и небольшую коробочку, тоже из серебра, с дезинфицирующей мазью. Они могли оставить у себя книгу, потому что она была очень сильно им нужна, или потому, что считали ее чем-то вроде кодекса законов или же книгой тайн. Какое-то время потеря книги необъяснимо угнетала его, так как ему казалось, что она была единственным связующим звеном между ним и людьми, которых он очень любил и которым верил.

Однажды он даже сказал себе, сидя у костра, что на следующий день он повернет назад, снова разыщет Дом Страха и заберет, пусть даже силой, свою книгу. Но на следующий день он возобновил свой путь на запад, идя по компасу и по солнцу. Ночью он убедил себя, что не смог бы снова отыскать какое-нибудь пройденное место среди этих необозримых просторов Леса, так надежно скрывавшего свои холмы и долины.

Он наверняка не смог бы уже найти ни укромную поляну Аргарда, ни Поляну, где, наверное, Парт что-то тклет при скудном свете зимнего солнца. Все это осталось позади и было для него утрачено навсегда.

«Возможно, теперь,— думал он,— это даже хорошо, что книга пропала. Что для него должна была означать эта книга, с ее разумным и терпеливым мистицизмом очень древней цивилизации? Этот тихий голос давно забытых войн и бедствий, говоривший из глубины веков?»

Теперь он всецело жил за счет охоты, и это значительно уменьшило его дневные переходы. Даже если дичи было много и она не пугалась выстрелов, охота совсем не состязание, где можно торопиться, ведь потом нужно еще освежевать и сварить добычу, а затем, сидя у костра, обсасывать косточки, наполнив на некоторое время желудок, подремать на зимнем холоде у слабо греющего костра.

Кроме того, нужно было строить шалаш для защиты от дождя и снега, в котором можно провести ночь. Следующий день был точно таким же. Книге не было здесь места, даже этому Старому Канону Бездействия. Он не

смог бы сейчас читать его. По существу он перестал думать. Он охотился, ел, шел, спал в молчаливом Лесу — похожий на серую тень, скользящую на запад через холодную пустыню зимнего леса.

Погода становилась все холоднее.

Часто худые дикие коты, красивые маленькие твари с пятнистым или полосатым мехом и зелеными глазами, ждали неподалеку от его костра, чтобы отведать остатки его трапезы, и выскакивали с осторожной и хищной свирепостью, чтобы утащить кости, которые он им швырял от скуки. Их пища состояла в основном из грызунов, которые уже погрузились в зимнюю спячку, и, похоже, котам было очень трудно переживать очередное холодное время года.

После того, как он покинул Дом Страха, ему не попадались звери, говорившие вслух или хотя бы мысленно. Никто никогда не трогал и не портил зверье в этих прелестных низменных лесах, которые он пересекал. Возможно даже, что животные никогда не видели здесь человека, не чувствовали его запах. И по мере того, как он все больше углублялся в Лес, он все более отчетливо сознавал необычность того Дома, притаившегося в мирной долине, с необычными подвалами, полными мышей, которые попискивали словами языка людей, его обитателей, обладавших обширными знаниями, наркотиками для извлечения правды и вместе с тем настолько невежественных, что их можно было сравнить разве что с дикарями.

Только сейчас он начал думать, что именно там впервые повстречался с Врагом.

Но то, что Враг притаился здесь, в этом Лесу, было сомнительно. Здесь не было никого, и вряд ли кто-нибудь будет.

На серых ветвях кричали сойки. Покрытые инеем листья хрустели под ногами — листья сотен осеней. Какой-то высокий лось с любопытством смотрел на Фалька, неподвижно стоя в дальнем конце луга, как бы спрашивая у него разрешения на нахождение в этих тихих местах.

— Я не буду стрелять в тебя. Сегодня утром я запасаюсь двумя курицами! — крикнул Фальк.

Он рассмеялся.

Лось-самец с величественным самообладанием посмотрел на него и бессловесно пошел прочь. Здесь ничто не боялось Фалька, никто не заговаривал с ним. Он даже как-то подумал, что в конце концов может забыть

речь и снова стать таким, каким он уже был однажды — немым, диким, утратившим все человеческое. Он слишком далеко, очень далеко ушел от людей и зашел туда, где господствует только зверь и где никогда не было человека.

На краю луга он споткнулся о камень и, стоя на четвереньках, прочел выветренные буквы, вырезанные на полупогребенной под землей глыбе:

«С к...о...а».

Люди были здесь! Они здесь жили.

Под его ногами, под упругой подушкой из полусгнивших стволов и листьев, под корнями деревьев был когда-то город!

Только он пришел в этот город с опозданием на одно или два тысячелетия.

3

Дни, счет которым Фальк давно потерял, стали понемногу удлиняться, и он понял, что конец года скорее всего уже прошел. Хотя погода сохранялась не такой плохой, как могла быть в это время года, она все же доставляла Фальку довольно много неприятностей. Часто шел снег, не такой сильный, чтобы помешать ходьбе, но достаточный для того, чтобы Фальк мог понять, что если бы у него не было зимней одежды и спального мешка, захваченных из Дома Зоува, он гораздо сильнее ощущал бы все «прелести» этого сезона. Северный ветер дул настолько свирепо, что Фалька все время сбивало немного к югу, и он часто вместо того, чтобы идти против ветра, шел на юго-запад.

Одним пасмурным дождливым днем он спускался вдоль текущего на юг ручья, с трудом продираясь сквозь густые кусты, росшие по его берегам. Внезапно кусты исчезли, и он остановился. Перед ним простиралась великая река, поверхность которой тускло блестела и была испещрена оспинами дождя. Вязкий противоположный берег был наполовину скрыт туманом. Фалька ужаснула ширина реки. Он был потрясен мощью этого величественного молчаливого потока темной воды, несшейся под низким зимним небом на запад. Сначала он решил, что это, должно быть, Внутренняя Река, один из немногих ориентиров внутренней части материка, известных, по слухам, жителям Домов Восточного Леса. Однако говорили, что он течет на юг, являясь западной

границей царства деревьев. Наверное, это был один из ее притоков. Фальк пошел вдоль него, потому что при этом не нужно было пересекать холмистую местность, а сама река обеспечивала его и питьевой водой, и хорошей охотой.

Было приятно временами идти вместо тропинки по песчаному берегу, когда вместо угнетавшей тьмы ветвей над головой было открытое небо.

Утром одного из многих дней, проведенных у реки, ему удалось подстрелить дикую курицу.

Куры здесь водились повсеместно, собираясь в пронзительно кричащие, низко летящие стаи, и куриное мясо стало основной его пищей.

Он перебил крыло этой птице и, когда подбирал ее, она была еще жива.

Она билась на земле и кричала пронзительным голосом:

— Братъ жизнь... братъ жизнь...

Он скрутил ей шею.

Слова звенели в его голове и он, как ни старался, не мог их заглушить.

Последний случай, когда животное заговорило с ним, произошел неподалеку от Дома Страха, и это значило, что где-то среди этих унылых холмов должны жить люди. Какая-то затаившаяся группа, вроде той, к которой принадлежал Аргард. Или дикие Странники, которые непременно убьют его, как только увидят его глаза. А может быть, это люди, которые живут в кабале у своего повелителя и которые отведут его к нему, чтобы тот с радостью превратил его в раба.

Он все же хотел отыскать дорогу к ним тогда, когда это ему самому будет удобно.

«Никому не верь, избегай людей!»

Теперь он хорошо выучил этот урок.

В этот день он осторожно двигался вперед и делал это так тихо, что зачастую водяные птицы, которых было полно на берегах реки, неожиданно взлетали почти из-под его ног.

Однако ему не попадались тропы, и он не видел никаких признаков человеческих существ, которые бы обитали у реки или близко подходили к ней. Только в конце одного короткого дня впереди него взлетела стая бронзово-зеленых уток и полетела над водой, перекликаясь между собой бессвязными словами человеческой речи.

Пройдя еще немного, он остановился, полагая, что в

дуновении ветра ему почудился запах горящих дров. Ветер дул с северо-запада, и Фальк еще более осторожно двинулся вперед.

Когда на реку стал опускаться вечер, далеко впереди на заросшем кустарниками берегу мелькнул и исчез огонек, затем вспыхнул снова.

Теперь его остановили не страх и даже не осторожность, а то, что это был первый огонь с тех пор, как он покинул Поляну. Зрелище это чем-то странно тронуло его душу.

Осторожный, как всякое лесное животное, он подождал, пока ночь полностью вступит в свои права, а затем медленно и бесшумно двинулся по берегу реки, стараясь не покидать тень от ив, пока не подошел настолько близко, что различил квадрат окна, через которое был виден очаг. Это была маленькая хижина с острой крышей, на которой было полно снега. Высоко над темным лесом и рекой сияло созвездие Ориона, сейчас наиболее яркое в этой тихой и морозной ночи. Время от времени с ветвей деревьев падал снег, рассыпаясь на отдельные снежинки, плывшие над рекой и вспыхивающие, словно искорки в луче света, падающего из окна.

Фальк стоял, не сводя глаз с огня в хижине.

Он подошел еще ближе, стараясь не производить шума.

Внезапно дверь хижины со скрипом отворилась, земля перед ней озарилась золотым сиянием, и вверх поднялась снежная пыль.

— Иди сюда, к огню, — произнес человек.

Он стоял в проеме двери, совсем не заботясь о том, что был совершенно незащищен, так как находился на свету, лившемся из хижины.

Хоронясь во тьме, Фальк ухватился руками за лазер и замер.

— Я ловлю твои мысли, незнакомец, — снова бросил в темноту хозяин хижины. — Я — Слухач. Иди смелее. Здесь нечего бояться. Или, может быть, ты меня не понимаешь? Ты говоришь на этом языке?

Фальк молчал.

— Ну что ж, будем надеяться, что ты меня понимаешь, потому что я не собираюсь пользоваться при общении с тобой мысленной речью. Здесь нет никого, кроме меня и тебя... Конечно, — опять начал говорить незнакомец, — я без труда слышу тебя, ну, точно так же, как ты своими ушами слышишь меня. Я знаю, что ты здесь и не отваживаешься выйти из темноты ко мне. Подойди,

и я тебе клянусь, что ничто не угрожает одинокому путнику у меня в доме. Я сейчас уйду, а ты, если захочешь отдохнуть в тепле, постучись.

Дверь закрылась.

Фальк еще некоторое время постоял, затем пересек несколько ярдов в темноте, которые отделяли его от двери домика и постучался.

— Заходи!

Он открыл дверь и очутился среди тепла и света. Старик, седые волосы которого падали на спину, стоял на коленях перед очагом, поправляя огонь. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца, и продолжал методично засовывать дрова в топку. Затем, немного погодя, он стал громко декламировать чуть нараспев:

Я один, один,
Я в смятении
И всеми заброшен,
Будто в море плыву,
И нет гавани,
Где бросить мне якорь.

Голова его повернулась.

Старик улыбнулся, узкие, яркие глаза искоса смотрели на Фалька.

Голосом сбивчивым и хриплым, потому что ему уже давно не приходилось пускать его в ход, Фальк ответил:

От всех есть какая-то польза,
Только я один
Ни на что не годен,
И мне некуда притулиться.
Я один, я отличаюсь от всех,
Я чужестранец,
Но я ищу мать,
Вскормившую меня молоком,
И я найду свой путь.

— Ха, ха, ха,— старик рассмеялся.— Так ли это, желтоглазый? Впрочем, это твое дело, Садись сюда, поближе к огню. Значит, ты чужестранец? И сколько дней ты уже не мылся горячей водой? Кто знает? Где эта чертова кочерга? Сегодня на дворе холодно. Да, холод такой, как поцелуй предателя. А мы здесь. Ну-ка, поднеси мне вот ту вязанку дров, у двери, и я суну ее в огонь. Вот так. Я — человек скромный, и особого комфорта у меня не жди. Но горячая ванна есть, горячая ванна, не все ли равно, от чего греется вода — от расщепления водорода или от сосновых поленьев, не так ли? Да, ты на самом

деле чужестранец, парень, и твоя одежда так же нуждается в горячей воде, пусть она и устойчива против дождя. А как насчет кроликов? Хорошо. Завтра мы приготовим пару тушеных зверьков, да еще насыплем туда много зелени, ведь на овощи ты не мог охотиться со своим лазерным пистолетом, а? У тебя нет их в запасе в мешке, разве не так? Я живу здесь один-одинешенек, самый великий Слухач. Я живу один и очень много говорю. Родился я не здесь, не в лесу. Но я никогда не мог закрыться от людских мыслей, от людской суеты, от людской печали, в общем, от всего, что так свойственно именно людям. Мне приходилось продираться сквозь густой лес их мыслей, планов, тревог, и вот поэтому я решил жить здесь, в настоящем лесу, окруженный только зверьем. Слава богу, что есть еще места на Земле, обитатели которых имеют столь кучные и спокойные мозги. В этих мыслях нет смертоносных планов и лжи, так же, как нет этого и в их головах. Садись сюда, парень, ты очень долго шел, и ноги твои устали.

Фальк присел на деревянную скамью у очага.

— Спасибо вам за гостеприимство,— сказал он.

Он уже хотел назвать свое имя, но старик опередил его.

— Не трудись, парень. Я могу дать тебе уйму хороших имен, вполне пристойных для этой части мира. Желтоглазый, Чужеземец, Гость, любое, какое только пожелаешь. Помни о том, что я Слухач, а не мыслепередатчик. Мне не нужны слова или имена. Я сразу ощутил, что где-то там, во тьме, одинокая душа, и я знаю, что мое освещенное окно слепило твои глаза. Разве этого недостаточно? Мне не нужны имена. А мое имя — Самый Одинокый. Верно? А теперь давай двигайся поближе к огню и грейся.

— Мне уже тепло,— запротестовал Фальк.

Седые космы старика скользили по его плечам, когда он, проворный и хрупкий, сновал то туда, то сюда. Плавню текла его гладкая речь. Он никогда не задавал настоящих вопросов и ни на мгновение не останавливался, чтобы услышать ответ. Он не ведал страха, и было невозможно бояться его.

Теперь Фальк впервые отдыхал не в лесу.

Ему не нужно было думать о погоде, о темноте, о зверях и деревьях. Он мог сидеть, протянув ноги к яркому огню, мог есть вместе с кем-то, мог вымыться у огня в деревянной лохани, в которой была горячая вода. Он не знал, что доставляет ему большее удовольст-

вие — тепло воды, смывающей грязь и усталость, или тепло, отмывавшее здесь его душу, быстрая болтовня старика, чудесная сложность людского разговора после долгого молчания в пустыне...

Он принимал на веру все, что говорил старик, так как старик был способен ощущать все эмоции и чувства Фалька, так как он был Эмпатом-сопереживателем. Эмпатия по сравнению с телепатией была тем же, что осязание по сравнению со зрением. Более неясное, более примитивное и более пытливое чувство. Ей не надо было обучаться до такой степени, как телепатии. Непроизвольная сознательная эмпатия не была необычной даже среди нетренированных. Слепая Кретьян путем тренировок научилась воспринимать мысли, имея такой же дар, как этот. Фальк быстро понял, что старик по сути постоянно осознавал до некоторой степени все, что чувствует и ощущает его гость. Почему-то это не беспокоило Фалька, хотя осознание того, что наркотик Аргарда открыл его мозг для телепатического проникновения, привело его в бешенство. Разница была в намерении и еще кое в чем.

— Сегодня утром я убил курицу, — сказал он, когда старик замолчал на некоторое время, согревая для него полотенце над очагом.

— Она говорила на этом же языке. Некоторые слова были из Закона. Означает ли это, что здесь есть еще кто-нибудь поблизости, кто мог научить зверье и птиц нашему языку?

Даже когда он вымылся в лохани, он не мог расслабиться настолько, чтобы произнести имя Врага, особенно после урока, преподанного ему в Доме Страха.

Вместо ответа старик впервые просто задал вопрос:

— Ты съел эту курицу?

— Нет.

Фальк покачал головой, насухо вытираясь полотенцем так, что кожа его покраснела.

— Я не стал ее есть после того, как она заговорила. Вместо этого я настрелял кроликов.

— Убил ее и не съел?

Старик загоготал.

— Стыдно, парень.

Старик начал кричать, словно дикий петух.

— Есть ли у тебя благоговение перед жизнью? Ты должен понимать Закон. Он гласит, что без нужды, просто так, нельзя убивать. Помни об этом в Эс Тохе. Ты уже сухой? Прикрой свою наготу, Адам из Канона

Яхве. Нет, завернись в это. Это, конечно, погрубее, чем твоя одежда. Это всего лишь оленья шкура, выделанная в моче, но, по крайней мере, она чистая.

— Откуда вы знаете, что я собираюсь в Эс Тох? — спросил Фальк.

Он закутался, как в тогу, в мягкий меховой балахон.

— Потому что ты не человек, — сказал старик. — И не забывай о том, что я Слухач. Мне известна направленность твоих мыслей, Чужестранец. Север и Юг, — туманные понятия для тебя. Далеко позади на востоке утраченная яркость. На западе лежит тьма, суровая гнетущая тьма. Слушай меня, потому что я не хочу слушать тебя, дорогой Гость, идущий во тьме на ощупь. Если бы я сам хотел выслушивать людские разговоры: я бы не жил здесь среди диких свиней как дикий кабан. Я должен это сказать, прежде чем пойду спать. Это для тебя должно быть самой главной новостью, мудростью и советом. Помни об этом, когда ступишь в ужасную тьму ярких огней Эс Тоха. Странные обрывки сведений могут всегда пригодиться. А теперь забудь и о Востоке, и о Западе, и ложись-ка спать. Бери себе кровать. Сам я противник показной роскоши и аплодирую простым радостям существования, таким, как кровать для сна. Во всяком случае, пока что. И даже в компании еще какого-нибудь человека раз или два в год... Хотя и не могу сказать, что мне не хватает человеческого общества, как тебе. Хоть я один, но не одинок.

Он соорудил себе что-то вроде ложа на полу и стал цитировать строки Нового Канона:

«Я одинок не более, чем ручей у мельницы или петух на флюгере, или полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская оттепель, или первый паучок в новом доме. Я одинок не более, чем утка в пруду, которая громко смеется, или сам Уолденский пруд...

Здесь он сказал «спокойной ночи» и замолчал.

В эту ночь Фальк спал так крепко и долго, как еще никогда с начала своего путешествия.

В хижине у реки он пробыл еще два дня и две ночи, так как ее хозяин очень радушно принимал, и он обнаружил, что очень трудно покинуть эту маленькую обитель тепла, света и общения. Старик редко прислушивался к его вопросам и никогда на них не отвечал, но среди его поистине непрерывающейся болтовни просматривались и исчезали некоторые факты и намеки. Он

знал, каков путь отсюда на запад, и что может на нем повстречаться. Но на каком расстоянии отсюда это может находиться — с уверенностью Фальк не мог разобрать. Как далеко до Эс Тоха? Что находится дальше этого города? Сам Фальк не имел об этом никаких представлений. Единственное, что он знал, это то, что в конце концов можно выйти к Западному Морю, а за ним лежит Великий Континент, и после этого, обойдя вокруг, можно попасть в Восточное Море и в Лес. То, что Мир является круглым, люди знали, но никаких карт у них не осталось.

Фальку казалось, что старик мог бы попробовать нарисовать карту. Но откуда взялось такое предположение, он вряд ли понимал, потому что Слухач никогда прямо не говорил об этом, о том, что он сам делал или видел за пределами своей крохотной прогалины на речном берегу.

— Приглядывайся к курам, идя вниз по реке, — посоветовал как бы между прочим за завтраком старик. — Некоторые из них умеют говорить, другие могут слушать, как мы, а? Я говорю, а ты слушаешь, потому, конечно, что я — Слухач, а ты Вестник. Чертова логика. Помни о курах и не доверяй тому, что они поют. Петухам можно доверять больше — они слишком заняты своим кукареканьем. Иди один. Вреда тебе от этого не будет. Передавай от меня привет всем Правителям и Странникам, которых ты встретишь, особенно Ханстреллам. Между прочим, прошлой ночью мне в голову пришла мысль, что ты достаточно поупражнялся в ходьбе и мог бы взять мой слайдер. Путь длинный, а зачем, спрашивается, зря утруждать ноги? Я совсем забыл о том, что он у меня есть. Я не собираюсь его как-то использовать, поскольку не собираюсь покидать это место, кроме как... только после моей смерти. Я надеюсь, что сюда кто-нибудь забредет и похоронит меня или хотя бы оттащит мое тело в лес на съедение зверям и букашкам. Меня не прельщает перспектива сгнить здесь, в этом доме, после всех тех лет, когда я в чистоте содержал это место. В лесу пользоваться слайдером ты, конечно, не сможешь, но если будешь спускаться к реке, он вполне может пригодиться. А для того, чтобы переправиться через Внутреннюю Реку, слайдер будет просто необходим. Если хочешь его взять, он в наклонной башне. Мне он не нужен.

Сходная философия была и у обитателей Дома Катола, ближайшего к Дому Зоува поселения.

Фальк знал, что одним из принципов ее было жить, стараясь по возможности не пользоваться механическими приспособлениями. То, что этот старик, живя гораздо

примитивнее, чем они, разводя птицу и выращивая овощи, потому что у него не было даже ружья для охоты, имеет такой продукт сложной технологии, как слайдер, было для Фалька очень странным и заставило его в первый раз взглянуть на хозяина дома с некоторым сомнением.

Слухач захихикал, чмокая губами.

— У тебя никогда не было оснований доверять мне, парнишка-чужестранец.

Он кивнул головой.

— А у меня — тебе. Ведь, в конце концов, многое можно утаить даже от самого чуткого Слухача. Человек может в своем мозгу прятать многое даже от самого себя, так что другие уж и вовсе не смогут пробраться в его мысли. Возьми слайдер. Я уже свое отпутешествовал. Слайдер рассчитан только на одного, а ты как раз идешь один. Я думаю, что тебе предстоит еще очень долгий путь, который ты вряд ли сможешь пройти до конца, если пойдешь пешком. И даже на слайдере...

Фальк не решился задать еще один вопрос, но старик ответил на него:

— Может быть, тебе лучше вернуться домой, малыш? — спросил он.

Расставаясь с ним на заре, Фальк с сожалением и благодарностью предложил ему свою руку, как Главе Дома — так его учили поступать в подобных случаях. Но одновременно с этим он еле слышно произнес слово «Тискной».

— Каким это именем ты назвал меня, Вестник?

— Оно означает... Я думаю, что оно означает «отец».

Слово это нечаянно вырвалось из его уст, он не подумал, когда произносил его. Не был он уверен и в том, что знает, что оно означает, и не имел представления, к какому языку оно принадлежало.

— Прощай, бедный доверчивый дурачок! Говори всегда правду и знай, что в правде твое освобождение. А может быть, и нет, все зависит от случая. Иди один, дорогой дурачок! Так, наверное, будет для тебя лучше. И помни, что мне будет очень не хватать твоих мыслей. Прощай. Рыба и кости начинают пованивать на четвертый день. Прощай!

Фальк поднялся на крыло слайдера и заглянул внутрь аппарата. Внутренняя поверхность кабины была причудливо украшена объемным орнаментом из титановой проволоки. Орнамент скрывал все, кроме приборов управле-

ния, но Фальк уже пользовался аппаратом подобного типа в Доме Зоува, и поэтому сомнения в возможности управления машиной у него не возникало.

Удобно усевшись в кресло водителя, он, после быстрого изучения приборной доски, прикоснулся к левому управляющему сектору, переместил свой палец вдоль него, и слайдер бесшумно поднялся больше чем на полметра.

Следующим своим движением Фальк заставил аппарат заскользить по двору к берегу реки, пока он не стал парить над ледяной пеной заводи, у которой стояла хижина. Он оглянулся, чтобы попрощаться, но старик уже исчез с порога, закрыв за собой дверь. Фальк направил свой бесшумный челн по широкому темному проспекту реки, над ним сомкнулась величественная тишина.

Ледяной туман собирался густыми клубами впереди и позади него, висел среди деревьев по берегам. И земля, и деревья, и небо — все было серым ото льда и тумана. Только воды, над которыми он скользил, были темными. Когда на следующий день начал идти снег, снежинки казались черными точками на фоне неба и превращались в белые над водой, прежде чем исчезнуть в бесконечном потоке.

Такой способ передвижения был вдвое быстрее, чем ходьба, и намного безопаснее и легче — он был таким легким, что однообразие действовало как гипноз.

Фальк был рад выйти на берег, когда возникала необходимость поохотиться или встать на ночевку. Водяные птицы сами попадались ему в руки, и животные, спускавшиеся к воде на водопой, смотрели на него, как будто он на слайдере был чем-то вроде журавля или цапли, скользящих мимо них, и подставляли свои незащитные бока и груди под дуло его охотничьего пистолета. Ему оставалось только освежить добычу, разделить на куски, приготовить, поесть и соорудить небольшой шалаш из сучьев и коры на случай снега или дождя, закрыв его сверху вместо крыши слайдером... В нем он спал, на заре съедал оставшееся с вечера мясо, напивался воды из реки и отправлялся дальше в путь.

Он забавлялся слайдером, чтобы скоротать бесконечные часы: поднимал его метров на пять вверх, где ветер и толща воздуха делали ненадежной воздушную подушку, и наклонял почти до точки опрокидывания, а затем компенсировал своим собственным весом и органами управления, или глубоко зарывал аппарат в воду, поднимая за собой дикие буруны, так что слайдер с плеском

несся вперед, непрерывно шлепаясь о поверхность воды и, встречая сопротивление, становился на дыбы, как самец оленя во время гона. Несколько падений не отвратили Фалька от таких развлечений, так как он отлично знал, что автоматика машины была настроена таким образом, что в том случае, когда она становилась неуправляемой, всякое движение прекращалось, и машина зависала на высоте в четверть метра, так что Фальку оставалось только взобраться в нее, добраться до берега и развести костер, если сильно продрог, или же просто продолжить свой путь, не обращая внимания на такую пустяковую вещь. Его одежда была водонепроницаемой, и от купания в реке он промокал не больше, чем от дождя. Одежда сохраняла его тепло, но все же по-настоящему тепло ему никогда не было. Маленькие костры служили только для приготовления пищи.

После бесконечных длинных дней с дождем и туманом, едва ли во всем Восточном Лесу хватило сухих дров, чтобы развести настоящий костер.

И вот однажды, совершив очередной крутой поворот в воздухе и с плеском плюхнувшись в воду, он заметил далеко впереди шедшую ему навстречу лодку.

С этого судна другое было видно, как на ладони, и проскользнуть незамеченным в тени прибрежных деревьев уже не было ни малейшей возможности. Держа пистолет в руке, Фальк распростерся на дне слайдера и повернул его к правому берегу, идя на высоте трех метров, чтобы иметь более выгодное положение, по сравнению с людьми в лодке.

Они спокойно плыли против течения, поставив один небольшой треугольный парус. Когда расстояние между лодками сократилось, несмотря на то, что ветер дул вниз по течению, Фальк смог отчетливо различить звуки их пения.

Они подошли еще ближе, продолжая петь, не обращая на него никакого внимания.

На протяжении всей его короткой памяти музыка всегда и привлекала его, и вызывала страх, наполняя его чувством какого-то мучительного восторга, доставляя наслаждение, близкое к пытке. При звуке поющего человеческого голоса он особенно сильно чувствовал, что он не человек, что эта игра ритма, высоты звука и такта абсолютно чужда ему, что это не что-то забытое им, а совершенно новое для него, что это лежит вне шкалы его представления.

Но именно необычность музыки привлекала его, и те-

перь он бессознательно замедлил слайдер, чтобы послушать.

Пели четыре или пять голосов, то все вместе, то по отдельности, то в различных сочетаниях, создавая удивительно гармоническое целое, чего ему никогда не доводилось слышать. Слов он не понимал. Казалось, что весь лес, мили серой воды и серого неба слушают вместе с ним это звенящее, берущее за душу чудо человеческого величия.

Песня утихла, сменилась тихим смехом и разговором. Теперь лодка и слайдер были почти на одной линии, разделяемые сотней метров реки. Высокий, очень стройный человек, стоя во весь рост у руля, окликнул Фалька — его чистый голос разнесся звонким эхом над поверхностью вод. Фальк ничего не понял.

В серо-стальном свете зимнего дня волосы рулевого и волосы остальных четырех или пяти человек в лодке отливали красным золотом.

Наклоняя вперед сильные тела, они смеялись и манили его к себе. Он не мог точно разобрать, сколько людей находилось в лодке, на какой-то миг одно лицо стало видно совершенно отчетливо — лицо женщины, пристально следившей за ним.

Как замороженный, Фальк совсем остановил свой слайдер и завис над поверхностью воды. Лодка же, казалось, перестала двигаться.

— Следуй за нами, — снова позвал мужчина.

На этот раз, узнав язык, Фальк понял его.

Это был старый язык Лиги — Галакт.

Как и все обитатели Леса, Фальк научился ему с магнитных лент и книг, потому что все документы, сохранившиеся со времен Великой Эры, были написаны на нем, он служил средством общения людей, говоривших на разных языках. Диалекты, на которых говорили обитатели Леса, также происходили из Галакта, но за тысячи лет очень далеко ушли от него, и теперь языки отдельных Домов могли сильно отличаться друг от друга. Как-то раз к Дому Зоува пришли путешественники с берегов Восточного Леса, говорившие на столь отличном языке, что легче оказалось объясниться с ними при помощи Галакта, и только Фальк услышал его как живой, произносимый человеком. Во всех остальных случаях это был голос звуковых книг или шепот гипнотических лент, раздававшийся в его ушах в темноте долгой зимней ночи или длинного серого вечера. Архаичный, похожий на сон

язык звучал сейчас совсем по-другому в звонком голосе рулевого.

— Следуй за нами, мы идем в город.

— В какой город?

— В наш собственный, — отозвался рулевой.

Он рассмеялся.

— В город, который радушно встречает путешественников, — подхватил другой со смехом.

Вслед за ним высокими чистыми голосами рассмеялись еще несколько человек.

— Тем, кто не таит против нас злого умысла, нечего нас бояться!

Женщина тоже рассмеялась и крикнула:

— Выходи из пустыни, путешественник, и послушай наши песни.

— Кто вы? — крикнул он.

Дул ветер, река мощно катила свои воды.

Лодка и слайдер оставались все на тех же местах, как бы разочарованно глядя друг на друга, разделенные воздухом и водой.

— Мы люди!

С этим ответом исчезло все очарование, как будто его сдул легкий порыв восточного ветерка. Фальк снова испытал то чувство, какое у него было, когда подбитая птица билась в его руках и выкрикивала человеческие слова своим пронзительным нечеловеческим голосом.

Теперь, как и тогда, его пронзил холод, и он, не колеблясь, не раздумывая, прикоснулся к серебристому рычагу управления и послал слайдер на полной скорости вперед.

Хотя теперь ветер дул в его сторону, он не слышал каких-нибудь звуков с той стороны, где была лодка, и через несколько мгновений, когда вся его решительность исчезла, он замедлил судно и оглянулся. Лодки уже не было видно. На поверхности реки вплоть до самого поворота вдали ничего не было.

После этого Фальк уже больше не предавался шумным играм со своим слайдером и двигался вперед как можно быстрее и тише. Всю ночь он не разводил костра, и сон его был тревожным.

И все-таки что-то из испытанного им очарования все же осталось. Сладкие голоса говорили о городе, «алона» на древнем языке, и скользя вниз по реке, один среди пустынных берегов, в метре над черной водой, Фальк вслух шептал это слово. «Алона» — место человека.

Там собирались вместе неисчислимые мириады лю-

дей, не один Дом, а тысячи домов, огромных мест жительства, башен, стен, окон, улиц и тех открытых мест, где встречались улицы, где были расположены, как об этом говорилось в книгах, дома для торговли. В этих домах производились и продавались самые изощренные творения человеческих рук. Там возвышались правительственные дороги, где сильные мира сего встречались для того, чтобы обсудить свои великие деяния. Там, в этом городе, были огромные поля, с которых корабли стартовали к иным мирам. Разве было на Земле что-нибудь более замечательное, чем эти Места Людей.

Теперь же это все давно исчезло.

Оставался только Эс Тох, обитель Лжи.

Во всем Восточном Лесу не было ни одного города, не было башен из бетона, стекла и стали, наполненных живыми душами, башен, которые бы вздымались над болотами и зарослями ольхи, над кроличьими норами и оленьими тропами, над заброшенными дорогами, обломками и развалинами.

И все же видение города непрерывно стояло перед глазами Фалька, как память о чем-то таком, что он никогда не видел.

Об этом он судил по силе наваждения, по силе той иллюзии, которая слепо толкала его вперед, на запад, и ему казалось, что она исходит из какого-то источника, расположенного именно в том направлении.

Шли дни, река продолжала катить свои воды, и в один из серых дней перед ним стал раскрываться во всю ширь новый мир — необозримая гладь вод под обширным небом — место слияния Лесной Реки с Внутренней Рекой. Неудивительно, что он слышал о Внутренней Реке, даже несмотря на глубокое невежество, порожденное сотнями миль расстояния от этой реки до дальних холмов и Домов Восточного Леса. Река была столь грандиозной, что даже Синги не могли утаить ее. Фальк пересек место слияния вод, высадился на западном берегу и впервые на своей памяти очутился вне Леса.

К северу, западу и югу простиралась холмистая равнина, покрытая во многих местах группами деревьев и зарослями кустов, но, тем не менее, Фальк сразу понял, куда он попал. Напрягая глаза, он вглядывался на запад, стремясь увидеть там горы. Считалось, что эта открытая местность простиралась на большое расстояние, правда, на какое именно — этого в Доме Зоува не знали.

Но гор не было видно, хотя в этот вечер он и увидел

край света, где тот соприкасался со звездным миром. Фальк никогда раньше не видел горизонта — в его памяти все было окружено переплетением ветвей и листьев. Но теперь не было ничего, что скрывало бы от него звезды.

Все, что было вокруг, напоминало гигантскую чашу, на дне которой он находился, а над ним — невообразимый свод неба.

Он провел без сна добрую половину ночи и проснулся на заре, когда восточный край мира озарился первыми лучами солнца.

Теперь ему приходилось двигаться вперед только по компасу. Больше уже не задерживаемый частыми изгибами реки, он держал свой путь напрямик. Управление слайдером теперь перестало быть скучным.

Частые подъемы и спуски, овраги и скалы требовали неослабевающего внимания при управлении. Ему нравилась открытая ширь неба и прерии, его одиночество теперь было источником своеобразного удовольствия, поскольку он был один в таких обширных владениях. Погода стояла теплая и чувствовалось, что зима на исходе.

Мысленно возвращаясь в Лес, он ощущал себя как бы вышедшим из удушливой таинственной мглы на свет и воздух, и прерия казалась ему одной огромной Поляной. Дикий бурый скот стадами в десятки тысяч голов покрывал равнину, словно тени от проплывавших в вышине облаков. Почва повсеместно была темной, на ней росли растения с тонкими узкими жесткими листьями. И повсюду — на земле, над ней и под ней — сновали и рылись маленькие животные: кролики, барсуки, зайцы, мыши, дикие коты, кроты, антилопы, желтые собаки, множество потомков домашних животных рухнувшей цивилизации. Открытое пространство постоянно продувалось ветрами. В сумерки вдоль различных водоемов располагались на ночлег стаи белых журавлей, и в воде гротескно отражались их длинные ноги и вытянутые приподнятые крылья.

Почему люди больше не путешествовали ради того, чтобы посмотреть на мир, в котором живут, удивлялся Фальк, сидя у костра, мерцавшего, как маленький рубин, среди невообразимо огромных сумерек прерии. Почему такие люди, как Зоув и Маток, хоронятся в лесах, никогда не покидая их, чтобы взглянуть на великолепный простор Земли? Теперь он узнал нечто такое, чего они, которые научили его всему, не знали, что человек может сам видеть, как его планета движется среди звезд.

Вот так он и пробивался сквозь холодный северный ветер, управляя слайдером с немалым искусством, теперь уже ставшим для него привычным. К югу от того курса, которого он придерживался, почти половина прерий была покрыта стадами дикого скота, и каждое из тысяч и тысяч животных стояло на ветру, низко опустив свою морду. Между ним и стадами трава гнулась от ветра, и тут он увидел... Да, он увидел, что навстречу ему летит какая-то птица, совершенно не взмахивая крыльями. Этот скользящий полет поразил Фалька. Удивление его еще больше усилилось, когда он немного изменил свой курс для того, чтобы обогнуть небольшой холм. Без единого взмаха крыльев птица тоже изменила свой полет и стала пересекать его путь. Она двигалась очень быстро и стремительно неслась к нему.

Внезапно его охватила тревога, и он стал махать рукой, чтобы отпугнуть животное. Поняв, что эти усилия напрасны, он попытался изменить курс, но было уже поздно. За миг до того, как птица ударила его, он увидел ее лишенную характерных черт голову и был ослеплен блеском чего-то металлического. Затем толчок, скрежет и вызывающее тошноту падение вниз. Фальку казалось, что этому падению не будет конца.

4

— Старуха Кесснекати говорит, что должен пойти снег, — раздался голос его подруги. — Мы должны быть готовы, чтобы не упустить такую возможность. Нам просто необходимо сейчас бежать...

Фальк ничего не ответил и продолжал сидеть, прислушиваясь к шуму стойбища — голоса, говорившие на чужом языке, приглушенные расстоянием, сухой звук скребка о шкуру, крик ребенка, потрескивание огня в шатре.

— Херрассали!

Кто-то снаружи позвал его, он быстро встал, но через мгновение замер.

Подруга схватила его руку и повела туда, его звали — к общему костру в центре круга, образованного шатрами, где праздновали удачную охоту и жарили целого быка. В его руку сунули кусок мяса. Он сел на землю и стал есть. Сок и растаявший жир бежали по его челюстям и подбородку, но он не обращал на такие мелочи никакого внимания. Делать это означало уронить

достоинство охотника Общины Схурра племени Баснасска. Несмотря на то, что он был здесь чужаком, слепым пленником, он был охотником и довольно быстро понял, как необходимо себя вести.

Чем больше было запретов в каком-нибудь обществе, тем больше оно состояло из конформистов. Люди, среди которых он оказался, шли узким, извилистым и ограниченным путем по широкому пространству прерии. И пока он находился среди них, он тоже должен слепо следовать всем изгибам их пути. Еда племени Баснасска состояла из свежего полуваренного мяса, сырого лука и крови. Дикие погонщики дикого скота, люди этого племени, подобно волкам, отбраковывали слабых, ленивых и непригодных из огромных стад; это было нескончаемое пиршество, жизнь без отдыха. Они охотились с помощью ручных лазеров и обороняли свою территорию от чужаков с помощью птиц-бомб, одна из которых и повредила слайдер Фалька. Это были узкие снаряды, запрограммированные на цель, принцип действия которых основывался на использовании ядерной энергии. Люди племени Баснасска не производили и не ремонтировали сами свое оружие. Они и пользовались-то им только после обряда очищения и длительных заклинаний.

Откуда они его добывали, Фальк пока еще не определил, хотя слышал случайные упоминания о ежегодных паломничествах, которые могли быть связаны с появлением у племени оружия.

Люди племени не знали земледелия и не держали домашних животных. Они были неграмотны и знакомы с историей человечества только по мифам и легендам о героях. Они уверяли Фалька, что он не вышел из Леса, так как в Лесу живут только огромные былинные змеи. Они практиковали монотеистическую религию, среди обрядов которой были увечья, кастрации и человеческие жертвоприношения.

Только благодаря одному из суеверий их сложной религии они решили оставить Фалька в живых и принять его в племя.

Обычно таким пленникам вырезали желудок и печень, чтобы дать работу жрецам, а тело оставляли женщинам, чтобы они разрезали труп на куски, как им только заблагорассудится. Однако, поскольку при нем был лазер, его статус оказался выше статуса раба. За неделю до его падения в общине Мзурра умер один старик. Поскольку в племени не оказалось безымянного младенца, которому можно было бы дать его имя, им нарекли пленника, ко-

торый хоть и был слеп, изуродован и только временами приходил в сознание, все же оставался лучше, чем ничего.

Пока старый Херрассали сохранял свое имя, его призрак, носитель зла, как и все призраки, будет возвращаться к племени и беспокоить живущих. Поэтому имя было отобрано у призрака и передано Фальку, а заодно был произведен над ним и обряд посвящения в охотники. Церемония эта включала в себя бичевание, вызывание рвоты, танцы, изложение снов, татуирование, двухголосное пение, совокupление всех мужчин по очереди с одной женщиной, пиршество, и, наконец, длящиеся всю ночь заклинания, чтобы Бог хранил нового Херрассали от всяческих бед. После этого его оставили на лошадиной шкуре в шатре из бычьих шкур в состоянии бреда, не оказывая никакой помощи — он должен был или умереть, или выздороветь. Призрак же прежнего Херрассали в это время, безымянный и обессиленный, уходил в степь, гонимый ветром.

Женщина, которая, когда он впервые пришел в сознание, была занята перевязкой его глаз и уходом за ранами, старалась как можно реже подходить к нему. Он всего лишь несколько раз мельком видел ее, приподняв в уединении шатра повязку, которую она ловко наложила на его глаза, как только его приволокли в племя. Увидели бы эти Баснаски его желтые глаза — тут же отрезали бы у него язык, чтобы он не мог назвать своего имени, а затем сожгли бы живьем. Она рассказала ему об этом, так же как и о многом другом, что полагалось знать, живя в племени. Зато о себе она почти ничего не рассказывала.

По-видимому, она была в племени ненамного дольше, чем он.

Он уловил то, что она заблудилась в прериях и решила, что лучше присоединиться к племени, чем умереть с голоду.

Баснаски с удовольствием принимают в племя рабынь для использования мужчинами племени, и поэтому ее милостиво оставили в живых. К тому же она оказалась искусной во врачевании, но это уже было выяснено потом.

У нее были рыжеватые волосы и очень нежный голос. Звали ее Эстрел. Больше ему ничего не было известно о ней, она же сама у него ничего не спрашивала, даже его имени.

При зрелом размышлении он понял, что легко отде-

лался. Топливо, на котором работал его слайдер, полученное при ядерном распаде одного из элементов, не имело тенденции ни гореть, ни взрываться. В конечном итоге, у аппарата были повреждены только органы управления, и ему, Фальку, здорово досталось. Голова и грудь были сильно изранены, но Эстрел постаралась выходить его. К тому же, у нее было еще и немного медикаментов. Заражения не последовало, и он быстро выздоравливал. Уже через несколько дней после его кровавого крещения он начал планировать побег.

Но дни шли за днями, а возможность все не представлялась. Жизнь была жестоко регламентирована у этих осторожных, ревнивых людей. Все их поступки определялись различными обрядами, обычаями и табу. Хотя у каждого охотника был свой лазер, женщин держали всех вместе, и все, что делал мужчина, делали и все остальные. Это была не столько община, сколько стадо — все были взаимосвязанными членами единого целого. В таких условиях любая попытка добиться независимости или уединения сразу же вызывала подозрения. Фальку и Эстрел приходилось хвататься за любую возможность поговорить хоть минуту. Она не знала диалекта Леса, но они могли говорить на Галакте, который людям племени Баснасска был знаком только в виде ломаного жаргона.

— Теперь попытка, — сказала она однажды, — возможна, если только начнется метель. Тогда снег скроет от преследователей и нас, и наши следы. Но как далеко мы сможем уйти? Правда, у тебя есть компас, но стужа...

У Фалька отобрали его зимнюю одежду вместе с остальными его пожитками, включая и золотое кольцо, которое он всегда носил на руке. Ему оставили только пистолет. Это было неотъемлемой частью его охотничьего снаряжения и поэтому не подлежало конфискации. Но одежда, которую он носил, теперь прикрывала торчавшие ребра и кожу старого охотника Кассиокаши. Компас у Фалька остался только потому, что Эстрел выкрала его и припрятала до того, как они стали рыться в его мешке. И он, и она были одеты в куртки и штаны из оленьих шкур, но этой одежды было недостаточно, чтобы выстоять в метель в прериях, когда ветер сбивает с ног и обдаёт все тело ледяной крупой. Для этого нужны были стены, крыша над головой и очаг.

— Если это единственная возможность, — заметил Фальк, — то мы обязаны воспользоваться ею.

Он уже не был таким наивным, не был преисполнен надежд и подвержен чужому влиянию, каким был до

пленения. Теперь он стал более стойким и непоколебимым. Хотя он сильно пострадал, находясь в заточении, он не питал к людям племени никакой злобы. Они заклеили раз и навсегда его руку синим узором татуировки, которая должна была свидетельствовать о его родстве с ними, заклеили его как варвара, но тем не менее, как человека! В этом не было ничего дурного.

Но у них были свои дела, а у него — свои. Суровый характер, воспитанный жизнью в Лесном Доме, требовал освобождения, требовал продолжения путешествия, того, что Зоув называл «мужской работой».

Эти же люди не двигались никуда и неизвестно откуда пришли, потому что обрубили свои корни в человеческом прошлом. И не только чрезвычайная рискованность его существования среди Баснасков делала его нетерпеливым в стремлении выбраться отсюда. Здесь царствовало также чувство затхлости и удушливости: то, что он был ограничен в своих передвижениях и поступках, вынести было труднее, чем повязку, которая мешала ему смотреть на окружающий мир.

В этот вечер Эстрел пришла к нему в шатер, чтобы сказать, что должен пойти снег.

Они начали шепотом составлять план побега, когда у полога шатра внезапно раздался голос.

Эстрел быстро перевела сказанное:

— Он говорит: «Слепой охотник, ты хочешь на сегодняшнюю ночь Рыжую?»

Она не добавила каких-либо разъяснений, но Фальк уже знал правила и этикет дележа женщин, принятые в племени, но как назло в это время его ум был поглощен только тем, о чем они говорили, и поэтому для ответа он воспользовался наиболее полезным словом из тощего словаря Баснасков: «Мисч!», — что означало «Нет!»

Мужской голос возле шатра произнес еще что-то повелительным голосом.

— Если снег будет продолжать идти, то, может быть, завтра ночью, — прошептала Эстрел на Галакте, — мы сможем осуществить задуманное.

Все еще размышляя о будущем побеге, Фальк ничего не ответил. Он отметил только про себя, что женщина поднялась и вышла, оставив его одного в шатре. Только после этого он понял, что Рыжей была именно она, и что другой мужчина хотел провести с нею ночь.

Он мог бы просто сказать вместо слова «нет» слово «да». Только тут он понял, насколько он оказался несостоятельным, не сумел избавить ее от этой постыдной

обязанности. То, что эта обязанность была для нее постыдной, он знал очень хорошо. Кроме того, только сейчас он понял, что этим словом «нет» он полностью унизил себя в ее глазах и как друг, и как мужчина.

— Мы уйдем сегодня ночью, — сказал он на следующий день.

Он стоял на снегу перед Женским Шатром.

— Приходи ко мне. У меня переждем первую половину ночи, а потом двинемся в путь.

— Коктеки велел мне сегодня прийти к нему в шатер.

— Но ты же сможешь улизнуть?

— Может быть.

— Где его шатер?

— Позади шатра общины Мзурра и чуть левее. У него на пологе пятно крови.

— Если ты не сможешь прийти, я приду туда сам, чтобы увести тебя.

— Может быть, в другой вечер не будет так опасно?

— И не будет снега? Не забывай, что зима кончается. Может быть, это последняя сильная выюга. Мы просто обязаны уйти завтра. Ты понимаешь, мы обязаны!

— Я приду в твой шатер, — сказала она покорным голосом, в котором прозвучала нотка презрения.

В это утро он сделал небольшую щелку в своей повязке, чтобы видеть происходящее вокруг, и сейчас с интересом посмотрел на нее, но при тусклом свете раннего утра она была серым контуром на сером фоне.

Она пришла поздно ночью, как дуновение ветра вошла в его шатер. Каждый из них приготовил все, что нужно было взять с собой.

Никто из них не разговаривал. Фальк затянул свою куртку из бычьей кожи, натянул на голову капюшон и плотно завязал его. Он наклонился, чтобы открыть полог шатра, и тут же отскочил в сторону, так как снаружи в шатер стал протискиваться, вдвое согнувшись, Коктеки, могучий охотник с бритой головой, который ревниво относился к своему статусу и к своим мужским способностям.

— Херрассали! Эта Рыжая... — начал он при слабом свете угольков, заметив ее в тени. В это же мгновение он увидел, как одеты она и Фальк, и тут же понял их намерения. Он отпрянул назад, чтобы избежать нападения Фалька, и уже открыл было рот, чтобы закричать. Не задумываясь, Фальк быстро и решительно нажал на спуск своего пистолета, и крик так и не сорвался с уст

Коктеки. В один момент лазерный луч выжег его рот и мозг, а также и жизнь.

Фальк бросился к женщине, схватил ее за руку и помог переступить через тело только что убитого им мужчины.

Снаружи валил сильный снег. Ветер кружил снежинки. Сильный холод затруднял дыхание. Эстрел тихо всхлипывала. Левой рукой он сжимал ее запястья, а в правой держал лазер. Фальк двинулся на запад, осторожно выбирая путь среди многочисленных шатров. Через несколько минут их уже не было видно, и вокруг них в мире ничего не было, кроме ночи и снега.

Ручные лазеры Восточного Леса были предназначены для выполнения нескольких функций: рукоятка служила зажигалкой, а ствол мог быть превращен в не слишком яркий фонарик. Фальк настроил свой пистолет так, чтобы луч света мог осветить стрелку компаса и окружающее пространство не более чем на несколько шагов вперед.

Они решительно двинулись в путь.

На длинном пологом склоне, где было расположено стойбище Баснасска, снежный покров был сильно сдут ветром, но по мере того, как они продвигались вперед, снег становился все более труднопроходимым, особенно в низинных местах. Метель, казалось, смешала воздух и землю в одну вихрившуюся массу. На их пути попадались сугробы высотой до полутора метров, которые Эстрел приходилось преодолевать так, как будто она плыла по стремнине.

Фальк вытащил ремень из сыромятной кожи, которым был завязан его капюшон, и намотал его на руку, дав другой конец ей, чтобы она держала его в руке. Затем, идя впереди, стал прокладывать ей путь. Один раз она упала, и от рывка натянувшегося ремня он тоже едва не упал. Обернувшись, он вынужден был несколько мгновений шарить фонариком, прежде чем увидел, что она лежит распростершись на его следах, почти у его ног. Он опустился на колени и в бледном прорезаемом снежинками круге света впервые отчетливо рассмотрел ее лицо. Ее губы шевелились в безмолвных словах. Он наклонился к ней и разобрал бессвязные слова:

— Такого я не ожидала...

— Попробуй немного отдышаться. Полежи. Нет, не спеши вставать. В этой впадине мы хоть немного защищены от ветра.

Фальк попытался ее успокоить.

Они оба припали к земле, и вокруг них на многие сотни миль был только вой выюги во мгле, окутавшей равнину.

Она что-то шептала, и сначала он не понял ее слов.

— Зачем ты убил этого человека?

Фальк был в расслабленном состоянии, чувства его были притуплены, он набирался сил для следующей стадии их медленного трудного побега и ничего не ответил. Только через некоторое время он прошептал:

— Не знаю... Был вынужден.

Лицо ее было бледным и искаженным от напряжения.

Фальк не обращал внимания на то, что она говорила. Она слишком сильно замерзла, чтобы можно было здесь долго отдыхать, и поэтому он поднялся и притянул ее к себе.

— Идем. До реки уже не так далеко.

Но оказалось, что путь туда гораздо дольше, чем он думал. Она пришла к нему в шатер, когда было темно уже несколько часов, хотя на языке Леса значение слова «час» было неточным, в основном качественным, поскольку людям без особых понятий и средств сообщений через пространство и время было ни к чему точное времяисчисление. Тем не менее, Фальк не знал, что впереди еще долгая зимняя ночь. Они упорно шли вперед — и ночь вместе с ними.

Как только первые серые блики стали окрашивать кружившиеся черные снежинки, они с трудом скатились по склону, покрытому мерзлой путаной травой и невысокими камнями. Прямо перед Фальком возникла могучая мычавшая туша и снова легла в снег. Где-то поблизости они слышали мычание еще одной коровы или быка, а через мгновение всюду вокруг них были огромные мычащие создания с белыми мордами и дикими глазами, в которых отражался свет и покрытые снегом бугры. Они прошли сквозь стадо и вышли вниз на берег небольшой речки, которая отделяла территорию племени Баснаска от территории, населенной Самситами. Река была быстрой, неглубокой, не замерзавшей в большие морозы. Им пришлось перебираться через нее вброд. Течение стремилось повалить их, скинуть со скользких камней, холод сковывал суставы. Когда вода стала доходить им до пояса, холод, казалось, обжег все тело. Ноги отказывались служить Эстрел, и Фальку пришлось поднять ее над водой и нести так, пока они не вышли на противоположный берег. Здесь они снова распростерлись в изнеможении среди снежных курганов, укрывавших кусты, которыми

порос высокий западный берег реки. Фальк отключил свет своего лазера. Постепенно набирал силу день, полный снежного бурана.

— Мы должны идти дальше. А может быть, развести костер и немного погреться?

Она ничего не ответила. Он взял ее за руки и подтянул к себе. Их унты, штаны и куртки замерзли и стали твердыми как камень. Лицо женщины, безвольно лежавшее у него на коленях, было смертельно бледным.

Он назвал ее по имени, пытаясь расшевелить.

— Эстрел, приди в себя. Мы не можем здесь больше находиться. Мы должны пройти еще совсем немного. Это совсем нетрудно. Приди в себя, Эстрел. Проснись, малышка.

От усталости он не заметил, что говорил с ней так, как прежде говорил на рассвете с Парт много дней назад.

Наконец она повиновалась ему и с его помощью с трудом поднялась, одела замерзшие перчатки и шаг за шагом поплелась вперед, поддерживаемая спутником. Они с трудом передвигались вперед, вверх по пологому склону, через девственные сугробы.

Сейчас они шли вдоль русла реки, продвигаясь на юг, как и планировали, когда обсуждали детали своего побега. У него не было особых надежд на то, что они смогут найти что-нибудь в этой белой коловерти, которая была ничуть не лучше черного ночного бурана. Вскоре они вышли к ручью, притоку реки, которую они перешли утром. Идти вверх по течению ручья было очень тяжело, так как местность здесь была пересеченной. Они почти выбились из сил. Фальку казалось, что самым лучшим было бы упасть и заснуть, но он не мог поступить так только потому, что существовал кто-то, кто рассчитывал на него, кто-то где-то очень далеко и очень давно, тот, кто послал его в это путешествие. Он просто не мог лечь, потому что отвечал перед кем-то...

Он услышал хриплый шепот стрел. Впереди под снегом возвышалась группа высоких тополей, подобно душам умерших, и Эстрел потянула его за руку. Они начали, спотыкаясь, пересекать северный берег засыпанного снегом ручья, протекающего сразу же за тополями.

— Камень, — не переставая шептала Эстрел. — Камень...

И хотя он не знал, зачем ей понадобился камень, он внимательно соскребал снег с земли, стараясь его отыскать. Они оба ползали на четвереньках, пока, наконец,

она не наткнулась на отметку, которую искала — запыленную снегом каменную глыбу высотой в несколько футов.

Своими замерзшими перчатками она стала отгребать снег с восточной стороны глыбы.

Доведенный до крайней степени усталости Фальк безучастно смотрел на нее, потом начал помогать. Они расчистили металлический прямоугольник, находившийся на одном уровне с удивительно ровной поверхностью камня. Эстрел попыталась нажать на него. Что-то щелкнуло, но края прямоугольника намертво примерзли к камню. Фальк истратил свои последние силы для того, чтобы сдвинуть эту штуку, но все было напрасно. Немного погодя он пришел в себя и с помощью теплового луча, исходящего из рукоятки лазера, разморозил края люка. Затем они подняли его и увидели уходящую вниз в темноту узкую лестницу. Посветив в глубину, Фальк обнаружил там закрытую дверь. Правильная геометрическая форма всего увиденного показалась им сказочной среди завывавшего хаоса, окружавшего их.

— Все в порядке, — пробормотала его спутница.

Спустившись по ступенькам — ползком, на карачках, будто по приставной лестнице, потому что ноги уже не держали ее — она распахнула дверь и подняла глаза на Фалька.

— Заходи, — сказала она.

Он спустился, закрыв за собой крышку люка. Внезапно стало абсолютно темно и, прижавшись к ступенькам, Фальк поспешно включил свет своего лазера. Внизу тускло светилось бледное лицо Эстрел. Он спустился еще ниже и последовал за нею в дверь, которая вела в очень темное просторное помещение, просторное настолько, что его фонарик мог осветить только потолок и ближайшие стены. Было очень тихо, воздух был затхлым и сухим.

— Здесь должно быть немного дров, — раздался слева от него мягкий хриплый голос девушки. — Вот. Нам просто необходим сейчас костер. Помоги мне...

Сухие дрова лежали в высоком штабеле в углу, поблизости от входа. Пока он разжигал костер среди почерневших, выложенных в круг камней близко к центру помещения, Эстрел уползла куда-то в дальний угол и вернулась, таща за собой пару теплых одеял. Они разделись и обтерлись, затем завернулись в одеяла, подвели поближе к огню. Костер разгорался, как будто здесь была дымовая труба, которая не только давала хорошую тягу, но и уносила дым. Конечно, обогреть эту огромную

пещеру было невозможно, но свет и тепло костра ободряли их и давали возможность отдохнуть.

Эстрел вынула из своей сумки тушеное мясо, и они, сидя, стали жевать его, хотя губы их были покрыты язвами от обморожения и они были слишком усталыми, чтобы чувствовать голод.

Постепенно тепло костра стало отогревать их кости.

— Кто еще пользуется этим местом?

— Я думаю, любой, кто знает о нем.

— Судя по этому подвалу, здесь когда-то был могущественный Дом, — задумчиво заметил Фальк.

Он глядел на игру теней на ближайшей стенке и на непроницаемую черноту в удалении от огня. Очевидно, ему на ум пришли огромные подвалы под Домом Страха.

— Говорят, что когда-то здесь был целый город, но когда это было, я не знаю.

— Откуда ты узнала об этом месте? Разве ты — женщина из племени Самситов?

— Нет.

Он больше не спрашивал ее, вспомнив обычаи.

Однако вскоре она сама начала говорить своим всегда покорным голосом.

— Я из Странников. Нам известно о многих подобных местах. Я думаю, что ты слышал о Странниках?

— Немного.

Фальк кивнул, выпрямившись и глядя на свою спутницу, сидевшую по другую сторону костра. Ее рыжеватокоричневые волосы завитками падали на лицо, когда она сидела, сгорбившись в бесформенную массу, и обледенный нефритовый амулет у нее на шее отсвечивал мерцанием костра...

— В Лесу о нас знают совсем немного.

— До моего Дома не добирался ни один Странник. То, что говорили у нас о них, больше подходит, пожалуй, к Баснасскам — дикари, которые ни о чем не желают знать, кроме как набить свое брюхо. Им нет никакого дела до того, что лежит за пределами их территории. Все эти дикари — кочевники, будь то Баснасси, Самситы или Ароки, все мазаны одним миром.

— Мы же, Странники, совсем другие. На востоке мы доходили до самого Леса, на юге — к устью Внутренней Реки, а на западе — за Великие Горы, потом Западные Горы и так вплоть до самого Моря. Я сама воочию наблюдала, как солнце садится в пучину вод, видела цепи голубых и зеленых островов, которые располагаются до-

вольно далеко от берега, за пределами погруженных в воду после землетрясения долин Калифорнии.

Ее нежный голос постепенно перешел в ритмичный напев какого-то древнего псалма.

— Продолжай! — потребовал Фальк, но она замолчала.

Он не настаивал, в наступившей тишине явственно слышалось ее сонное всхлипывание. Вскоре и он уснул.

Когда он проснулся, она уже сооружала из камней подставку для котелка, наполненного снегом.

— Похоже, что снаружи день клонится к вечеру, — сказала она.

Она заметила, что он открыл глаза.

— Но точно так же это может быть и утром, а может быть, это пасмурный зимний полдень. Буря ничуть не утихает. Это очень хорошо, так как не даст им выследить нас. Даже если они вышли в погоню, то как они смогут добраться до этого места? Этот котелок был вместе с одеялами в тайнике. Там же была сумка с сушеным горохом. У нас здесь всего будет в достатке.

Она повернула к нему свое лицо и улыбнулась.

— Хоть здесь и темно, но это, пожалуй, единственный недостаток нашего убежища. Я не люблю толстые стены и темноту.

— Это все же лучше, чем завязанные глаза. Хотя этой твоей повязке я обязан жизнью. Слепой Хоррассали все же лучше, чем мертвый Фальк.

Он горько рассмеялся, а потом спросил:

— Что заставило тебя спасти меня?

Она пожала плечами, на ее устах была все та же едва заметная улыбка.

— Ты был такой же пленник, как и я... Они всегда говорят, что Странники искусны в хитрости и притворстве. Ты разве не слышал, как они называли меня? Лиса! А сейчас давай-ка я взгляну на твои раны. Я взяла с собой свою сумку с лекарствами.

— Странники еще искусные врачеватели?

— Мы кое-что смыслим в этом деле.

— И тебе известен Старый Язык. Похоже, что вы, Странники, не забыли, как жили люди в прежние времена, в отличие от Баснасков.

— Да, мы все можем изъясняться на Галакте. Посмотри-ка, внешняя часть твоего уха была вчера обморожена, потому что ты снял завязку своего капюшона, чтобы помочь мне в пургу.

— Но как я могу взглянуть на свое ухо? — Фальк рассмеялся. — Уж лучше ты смотри на него.

Когда она наложила пластырь на все еще не заживший порез на левом виске, она пару раз искоса посмотрела на его лицо и в конце концов осмелилась спросить:

— Наверное, среди обитателей Леса у многих такие странные глаза, а?

— Ни у кого.

Повинуясь обычаю, она ни о чем больше не спрашивала, а он, давно решив никогда никому не открываться, не хотел добровольно ни о чем рассказывать. Но его собственное любопытство все же заставило его задать ей вопрос:

— Значит, ты боишься этих кошачьих глаз?

— Нет, — ответила она. — Ты напугал меня только один раз, когда выстрелил и так сразу... не раздумывая..

— Он поднял бы на ноги все стойбище!

— Я это знаю. Но мы не носим с собой оружия, и поэтому я страшно испугалась. Мне почудилась сцена из моего детства, которую я однажды видела. Один человек убил другого из пистолета, причем все это произошло очень быстро. Я тогда была очень испугана, ведь тот, кто стрелял, был Выходящим.

— Что? Выходящим?

— О, с ними иногда можно встретиться в наших горах.

— Я почти ничего не знаю о горах.

Она стала без особой охоты давать разъяснения.

— Ты ведь знаешь закон Повелителей. Они никого не убивают. Тебе это должно быть известно. Когда в Горах объявляется убийца, его не уничтожают, чтобы прекратить цепь трагических последствий. Они просто превращают его в Выходящего. Они что-то делают с его мозгом, а потом выпускают на свободу. Этот человек начинает новую жизнь, не ведая своей тяжелой вины. Тот человек, о котором я упомянула, был старше тебя, но ум у него был как у маленького ребенка. В его руках оказался пистолет, и его пальцы помнили, как с ним надо обращаться. Он застрелил с очень близкого расстояния человека, точно так, как и ты...

Фальк задумался. Он молча смотрел сквозь огонь на свой пистолет, лежавший сверху на его мешке — чудесное маленькое оружие, с помощью которого можно разжигать огонь, добывать мясо и двигаться в темноте. В его руках не было знания о том, как пользоваться этой штукой — на самом ли деле не было? Но ведь имен-

но Маток научил его стрелять! Он научился этому у Маток и развил это искусство на охоте. Он был уверен в этом. Он никак не мог быть просто безумцем или преступником, которому дали еще одну возможность по милости надменных Повелителей Эс Тох.

Тем не менее, может быть, это было гораздо правдоподобнее его собственных смутных догадок и предположений относительно собственного происхождения.

— Как они могут делать это с человеческим разумом?

— Не знаю.

— Они могли бы делать это, — хрипло сказал он, — не только преступникам, но и бунтовщикам.

— Что такое бунтовщики?

Она говорила на Галакте гораздо более бегло, чем он, но никогда не слышала такого слова, которое только что употребил Фальк.

Фальк помолчал, и Эстрел не стала настаивать. Она закончила перевязку раны и аккуратно спрятала свои немногочисленные медикаменты в сумку. Он вдруг повернулся к ней так резко, что она удивленно посмотрела на него и откинулась немного назад.

— Ты видела когда-нибудь такие глаза, как у меня? — резко спросил он.

— Нет.

— О городе ты что-нибудь знаешь?

— Об Эс Тохе? Да, я была там.

— Значит, ты видела Сингов?

— Успокойся.

Она рассмеялась.

— Ты не Синг.

— Я тоже так думаю, но мне надо было обязательно встретиться с одним из них. Но я боюсь...

Эстрел закрыла сумку с медикаментами и положила ее к себе в мешок.

— Эс Тох — очень странное место для людей из Одиноких Холмов и из дальних стран, — наконец произнесла она своим мягким, вдумчивым голосом. — Но я гуляла по улицам и ничего плохого со мной не произошло. Там живет много людей, вовсе не боясь при этом Повелителей. И тебе не нужно страшиться их. Повелители очень могущественны, но большая часть из того, что говорят о них и их городе, Эс Тохе, неправда...

Их взгляды встретились. Внезапно он решился и, призвав на помощь все свое искусство телепатии, впервые мысленно обратился к ней: «Тогда скажи мне всю правду об Эс Тохе!»

Она покачала головой и вслух ответила:

— Я спасла тебе жизнь, а ты спас мне. Мы — товарищи и, наверное, на долгое время попутчики. Но я не буду мысленно переговариваться с тобой или еще с кем-либо ни сейчас, ни когда-либо.

— Значит, ты все же думаешь, что я — Синг? — иронически и немного униженно спросил он.

Он понимал, что она права.

— Кто может с уверенностью говорить об этом? — вопросом на вопрос ответила она.

Затем улыбнулась и добавила:

— Хотя я и нахожу, что очень трудно поверить тому, что ты — Синг. Снег в котелке уже растаял. Я поднимусь наверх и наберу еще, — сказала Эстрел после недолгого молчания. — Ведь его надо так много, чтобы получить хоть немного воды, а нам обоим хочется пить. Тебя зовут Фальк?

Он кивнул, внимательно рассматривая ее.

— Не подозревай меня, Фальк, — сказала она. — Дай мне самой доказать, что я из себя представляю. Мысленная речь ничего не может доказать. Доверие — это такая штука, которая должна расти на поступках изо дня в день.

— Что ж... — Фальк рассмеялся. — Поливай эти поступки, и я надеюсь, что оно, доверие к тебе, вырастет.

Позже, во время долгой, безмолвной ночи в пещере, он поднялся, проснувшись, и увидел, что она сидит на корточках перед горящим костром, уткнувшись в колени.

Он тихо позвал ее по имени.

— Мне холодно, — откликнулась она. — Мне очень холодно.

— Ложись ко мне, — предложил он и протянул руку.

Она ничего не ответила, но через мгновение поднялась и, переступив догоравший костер, забралась к нему под одеяло. Она была совершенно обнаженной, и только бледный нефритовый камень висел между ее грудей. Она была очень озябшей и дрожала от холода. И хотя во многих аспектах его ум ничем не отличался от ума обычного молодого человека, он решил не трогать ее, ее, которая столько натерпелась от дикарей Баснаска. Но она шепнула ему:

— Согрей меня и дай мне утешение.

Он вспыхнул, как костер на ветру. Вся его решимость была сметена ее присутствием и охватившим его желанием.

Всю ночь она лежала в его объятиях возле догоравшего костра.

Еще три дня и три ночи бушевала метель. Это время Фальк и Эстрел провели, отсыпаясь и предаваясь любви. Она была всегда такой же податливой и покорной, а он, помня только приятную и полную радости любовь, которую разделял с Парт, был сбит с толку той ненасытностью и неистовством, которые возбуждала в нем Эстрел.

Очень часто мысли о Парт сопровождались воспоминаниями об источнике чистой и быстрой воды, который пробивался среди скал в одном тенистом месте в лесу поблизости от поляны.

Но никакие воспоминания не могли утолить эту жажду, и он снова и снова искал удовлетворения в уступчивости Эстрел и находил, во всяком случае, изнеможение. Один раз это даже вызвало в нем неожиданный гнев, и он обвинил ее.

— Ты отдаешься мне только потому, что думаешь, что должна, а если этого не будет, то я все равно бы изнасиловал тебя.

— А ты бы не совершил этого?

— Нет, — отрезал он.

Он и сам верил этому.

— Я не хочу, чтобы ты служила мне... Разве мы оба не нуждаемся в тепле, в человеческом тепле?

— Да, — прошептала она.

Он некоторое время держался подальше, твердо решив, что больше не прикоснется к ней. В одиночку обследовал огромный подвал, пользуясь при этом светом своего лазера. После нескольких сотен шагов пещера сужалась, становилась высокой, как туннель. Безмолвный и черный, он вел его по абсолютно прямой линии довольно долго, затем повернул. Шаги гудели, отдаваясь в тишине, нарушая царившее здесь безмолвие. В поле зрения Фалька ничего не попадало, он шел, пока не устал и не проголодался, и только после этого повернул назад. Этот туннель, скорее всего, был дорогой в никуда!

Он вернулся к Эстрел, к ее многообещающим, но не выполняющим обещания, объятиям.

Буря улеглась. Ночной дождь поливал голую черную землю, и последние сугробы снега таяли и пропадали в бесчисленных ручейках.

Фальк стоял на верхней ступеньке лестницы, солнце играло на его волосах, лицо обдувал свежий ветер.

Он чувствовал себя кротом, вылезшим после спячки из своей норы.

— Давай пойдем дальше, — крикнул он Эстрел.

Он спустился вниз в пещеру только для того, чтобы помочь ей быстро уложить вещи и убрать начисто помещение.

Он спросил у нее, знает ли она, где сейчас находятся ее соплеменники, и она ответила:

— Теперь, вероятно, они находятся далеко на западе.

— Они знали, что ты в одиночку пересекла территорию Баснаска?

— В одиночку? Это только в сказках из Эры Городов женщины одни продвигались куда угодно. Со мной был мужчина, и Баснасски убили его.

Ее нежное лицо стало печальным и невыразительным.

Фальк попытался объяснить этим ее удивительную пассивность, недостаточность ее ответного чувства. Она столько перенесла, что уже не могла больше откликаться на другие чувства. Кто был тот ее спутник, которого убили Баснасски? Раз она не хотела этого сказать Фальку — значит, это его не должно было касаться. Но весь гнев его давно остыл, и теперь он время от времени обращался к Эстрел нежно и доверчиво.

— Могу ли я помочь тебе в поисках твоих соплеменников?

Она мягко ответила:

— Ты, Фальк, добрый человек, но они где-то очень далеко отсюда, и мы не сможем в их поисках прочесать всю Западную Равнину...

Последняя терпеливая нота в ее голосе тронула его.

— Тогда идем со мной на запад, пока до тебя не дойдут какие-либо вести о соплеменниках. Ты ведь знаешь, что я рвусь на запад.

Для него до сих пор было трудно произнести слово «Эс Тох». На языке Леса оно было непристойным, вызывавшим отвращение. Он пока еще не привык к той легкости, с какой Эстрел говорила о городе Сингов, как об обычном месте обитания людей.

Она некоторое время колебалась, но когда он стал настаивать, согласилась идти вместе с ним. Это доставило ему удовольствие, потому что он и желал ее, и жалел, потому что он познал, что такое одиночество, и не хотел испытать его еще раз. Но на сердце у Фалька было легко — он снова был свободен и снова продолжал свой путь. Вместе они шли сквозь стужу и ветер. Сегодня

для него окончание путешествия еще не имело смысла. День был ясным, над их головами проплывали огромные облака, идти было хорошо.

Он шел вперед, и рядом с ним шла женщина, понатливая, не знающая усталости женщина.

5

Они пересекли Великую Равнину пешком, о чем легко сказать, но трудно сделать. Дни становились длиннее, весенний ветер — все мягче и теплее. Наконец они впервые еще издали увидели цель своего путешествия: барьер, который от обилия снега и расстояния казался белым. Они увидели стену, пересекавшую материк с севера на юг. Фальк долго стоял неподвижно, глядя на эти горы.

— Эс Тох расположен высоко в горах, — сказала Эстрел. — Там, я надеюсь, каждый из нас найдет то, что ищет.

— Я чаще боюсь за это, чем надеюсь. И все же я рад, что увидел горы.

— Нам следовало бы двинуться дальше в путь.

— Я согласен.

Прежде чем вступить в Горы, он обернулся и долго смотрел на восток, на пустыню, простиравшуюся далеко назад, как будто вспоминал весь пройденный путь, который он и она проделали вместе.

Он теперь уже лучше знал, каким пустынным и таинственным был мир, в котором жил человек в эти более поздние времена своей истории.

Он и его спутница могли идти много дней и не обнаружить никаких следов присутствия людей.

На ранней стадии своего путешествия они шли, осторожно пересекая территорию самситов и других племен, охотившихся на скот. Эти племена — Эстрел знала это — были такими же дикими, как и Баснаски. Затем, очутившись в более засушливых местах, они были вынуждены придерживаться путей, которыми раньше пользовались другие, чтобы находить воду. Однако, когда они обнаруживали следы недавно прошедших людей или живущих где-то поблизости, Эстрел бдительно озиралась по сторонам и иногда изменяла направление их движения, чтобы избежать даже малейшей возможности быть замеченными.

У нее было хорошее — а иногда и на редкость точное — представление об обширных пространствах, кото-

рые они пересекали. В тех же случаях, когда местность становилась непроходимой, и у них возникали сомнения, какое направление избрать, она говорила: «Подождем до зари», — и отходила в сторону, чтобы помолиться, пользуясь при этом своим амулетом. Затем она возвращалась, заворачивалась в свой спальный мешок и безмятежно засыпала.

Путь же, который она избрала на заре, всегда был правильный.

— Инстинкт Странника, — говорила она, когда Фальк восхищался ее интуицией. — В любом случае, пока мы держимся поближе к воде и подальше от людей, мы в безопасности.

Но однажды, через много дней пути после начала их путешествия, огибая глубокий каньон, по дну которого протекал ручей, они неожиданно вышли к поселению, и прежде чем смогли скрыться, кольцо вооруженных людей сомкнулось вокруг них.

Сильный дождь помешал им увидеть или услышать что-либо до того, как они столкнулись глаза в глаза с этими воинами.

Однако над ними не было совершено насилия. Им разрешили отдохнуть в поселке несколько дней, и Фальк этому очень обрадовался, потому что идти дальше или разбивать лагерь под таким дождем было очень неприятно.

Это племя или народ называли себя Пчеловодами. Станные люди, грамотные и вооруженные бластерами, все они, и мужчины, и женщины, были одеты совершенно одинаково — в длинные балахоны из теплой водонепроницаемой ткани желтого цвета, на груди у каждого был вышит коричневый крест. Они были гостеприимны, но не общительны. Они предоставили путешественникам ложе в своих домах — бараках, длинных, низких, но прочных, из дерева и глины. Они давали своим гостям обильную еду за столом, но говорили так мало — как с незнакомцами, так и между собой, — что казались общиной почти немых.

— Они дали обет молчания. У них много всяких клятв, обетов и ритуалов, и никто не знает, для чего все это, — сказала Эстрел с тем спокойным и бесстрастным презрением, с которым она относилась к большинству различных людей.

«Странники, должно быть, гордые люди», — подумал Фальк.

Но Пчеловодам было совершенно безразлично ее

презрение, они вообще не разговаривали с ней. В первый день они только спросили Фалька:

— Вашей женщине нужна пара новых башмаков?

Как будто она была его лошадью! И они заметили, что ее обувь истопталась.

Их собственные женщины носили мужские имена, и к ним обращались, как к мужчинам. Степенные девы с ясными глазами и беззвучными губами, они жили и работали, как мужчины, среди столь же серьезных и спокойных юношей и мужчин. Немногим из Пчеловодов было сорок лет, и не было никого моложе шестнадцати.

Это было странное сообщество, похожее на зимние квартиры какой-то армии, разбившей лагерь здесь, посреди полного одиночества во время перемирия в какой-то необъяснимой войне. Станные, печальные и восхитительные люди.

Порядок и уверенность их жизни напоминали Фальку его Лесной Дом, и чувство их затаенности, но безупречной преданности друг другу удивительно успокаивало Фалька. Они были всегда уверенными, эти прекрасные бесполое воители, хотя, в чем они были уверены, они ни за что не сказали бы чужаку.

— Они пополняют свою численность за счет того, что разводят племенных женщин-дикарок, как свиноматок, и воспитывают приплод всех вместе, в группах. Они поклоняются чему-то, что называют Мертвым Богом, и задабривают его жертвоприношениями и притом человеческими. Они ни что иное, как пережиток какого-то древнего суеверия, — сказала Эстрел, когда Фальк с похвалой отзывался о Пчеловодах.

Несмотря на всю свою уступчивость, она, по-видимому, негодовала, когда встречала обращение, более соответствовавшее обращению с животными. Своей пассивностью она и трогала, и развлекала Фалька, и он позволил себе небольшую колкость:

— Я вот видел, что ты по ночам как будто что-то шепчешь своему амулету. Религии отличаются...

— Они действительно отличаются, — кивнула она, но больше ничего не сказала.

— Интересно, против кого же они вооружены?

— Против своего Врага, несомненно. Они могли бы бороться с Сингами, если только Синги удосужились бы бороться с ними.

— Ты хочешь идти дальше, не так ли?

— Да. Я не доверяю этим людям. Они очень многое прячут от посторонних.

В этот вечер он пошел, чтобы отпроситься у главы общины, сероглазого человека по имени Хиардан, который был, возможно, даже моложе его.

Хиардан коротко принял его благодарность, а затем сказал, как было принято среди Пчеловодов, безо всяких обиняков:

— Я думаю, что вы говорили нам только правду. За это я благодарен вам. Мы бы приняли тебя более раскованно и рассказали бы тебе о многом из того, что нам известно, если бы ты пришел один.

Фальк задумался:

— Я очень сожалею об этом. Но если бы мой проводник и подруга не помогла мне, я бы в жизни не добрался сюда. И... вы живете здесь все вместе, владыка Хиардан. Вы бываете когда-нибудь один?

— Редко. Одиночество — смерть для души. «Человек является человечеством!» — так гласит наша поговорка. Но мы так же говорим: «Не доверяй никому из своих братьев и сородичей, даже тем, которых ты знаешь с детства». Это наше правило. В этом и только в этом заключена безопасность индивидуума.

— Но у меня нет сородичей и нет безопасности, владыка, — сказал Фальк.

Поклонившись по-солдатски, на манер Пчеловодов, он взял из рук Владыки свой пропуск, и на следующее утро он и Эстрел вновь двинулись на запад.

Время от времени они видели и другие селения или стойбища, все небольшие, разбросанные на обширной территории — всего пять-шесть на расстоянии в пять-сот-шестьсот километров. Возле некоторых из них Фальк отваживался останавливаться. Он был вооружен, а они выглядели безвредными: пара шатров кочевников у полузамерзшего ручья или маленький одинокий пастушонок на огромном холме, присматривающий за полудикими коричневыми волами, или же просто голубоватый дымок на фоне беспрельдно серого неба. Он покинул Лес только ради того, чтобы искать, — если таковые были — какие-либо вести о себе самом, какие-нибудь намеки на то, кем он был на протяжении тех лет, которых не помнил. Как он сможет узнать об этом, если не будет останавливаться и спрашивать?

Но Эстрел боялась останавливаться даже возле самых крохотных поселений в прерии.

— Они недолюбливают Странников, — говорила она, — и вообще всех чужаков. Те, кто живет так долго в одиночестве, полны страха. В страхе они бы впустили

нас и дали бы нам пищу и кров на ночь, но затем под покровом темноты они бы пришли, связали нас и убили, Ты не имеешь права ходить к ним, Фальк.

Она смотрела в его глаза.

— Ты не имеешь права говорить им, что я твоя подруга. Они знают, что мы здесь. Они наблюдают за нами. Если только они увидят, что мы тронемся завтра дальше, они нас не потревожат, но если мы не собираемся двигаться в путь или же попробуем сблизиться с ними, они начнут нас бояться! Именно этот страх грозит нам гибелью!

Отбросив назад свой тронутый ветрами капюшон, Фальк сидел у костра, укрытого холмами, и порывы западного ветра шевелили его волосы.

— Ты, пожалуй, права, — согласился он.

При этом его задумчивый взгляд был устремлен туда, откуда дул ветер.

— Возможно, по этой причине Синги никого не убивают.

Эстрел понимала его настроение и хотела утешить его, изменить ход его мыслей.

— А почему? — спросил он.

Он осознал ее намерение, но не откликнулся на ее попытки.

— Потому что они не боятся.

— Может быть...

Она заставляла его задуматься. Вскоре он сказал:

— Что ж, похоже на то, что я должен пойти прямо к ним и задать свои вопросы, и если они убьют меня, то я бы хотел получить удовлетворение в том, что узнаю, что они меня испугались.

Эстрел покачала головой.

— Они не испугаются и не убьют.

— Даже таракана? — резко спросил он.

Он старался выместить на ней свое плохое настроение, вызванное усталостью.

— Как они поступают с тараканами в своем городе — обезвреживают их, а затем выпускают на свободу, как этих Выскобленных, о которых ты мне говорила?

— Не знаю, — призналась Эстрел.

Она всегда серьезно воспринимала его вопросы.

— Я знаю только, что их Законом является благоговение перед жизнью, и они строго придерживаются этого в своих поступках.

— Но почему им надо чтить человеческую жизнь, ведь они не люди?

— Но именно поэтому их Законом является почитание всех форм жизни, разве не так? И я узнала, что с тех пор, как пришли Синги, на Земле не было больше войн, и не было войн между планетами. Это люди, вот кто непрерывно убивают друг друга.

— Нет таких людей, которые со мной могли бы сделать то, что сделали Синги. Я чту жизнь, потому что она гораздо более сложная и неопределенная штука, чем смерть. Самым сложным и самым непреодолимым свойством ее является разум. Синги придерживаются своего закона и позволяют нам жить, но зато они убили мой разум! Разве это не убийство? Они убили того человека, каким я был. Они убили того ребенка, которым я когда-то был. Какое же это благоговение перед жизнью? Как можно так играть человеческой личностью? Их закон — ложь, и их благоговение — притворство.

Ошеломленная этой вспышкой гнева, Эстерл встала на колени перед костром, разрезала на части кролика, которого он подстрелил. Ее рыжеватые волосы, покрытые пылью, завитками падали на ее склоненное лицо, которое было терпеливым и отрешенным. Как и всегда, его влекли к ней сострадание и желание, но хоть и были они близки, он все-таки не был в состоянии понять ее.

— Неужели все женщины были такими?

Она была как заброшенная комната в огромном доме. Она была похожа на шкатулку, от которой у него не было ключа. Она ничего не таила от него, и все же покров тайны, окружавший ее, оставался нетронутым.

— Готово, Фальк, — раздался ее нежный голос.

Он поднялся и встал рядом с ней возле костра.

— Друг мой, любовь моя, — сказал он.

Он на мгновение взял ее руку. Они сели рядом и разделили сначала приготовленное ею мясо, а немного позже — сон.

Чем дальше они шли на запад, тем суше становилась земля, и тем прозрачнее был воздух. Несколько дней Эстрел вела их на юг, чтобы обойти местность, которая была — а может быть, уже и не была — территорией очень диких кочевников, Всадников.

Фальк доверял ее суждениям, не имея ни малейшего желания повторить свой опыт встречи с Баснасска. На шестой день их путешествия к югу они пересекли холмистую местность и вышли на сухое возвышенное пла-

то, ровное и лишенное деревьев, всегда продуваемое ветром.

Во время дождя овраги здесь наполнялись стремительными потоками, но на следующий день высыхали.

В летнюю пору это была полупустыня, даже весной это место не радовало глаз.

На своем пути они дважды проходили мимо древних развалин,— курганов и возвышенностей, но объединенных пространственной геометрией улиц и площадей.

Вокруг этих мест в пористом грунте было полно черепков посуды, осколков цветного стекла и пластика. С тех пор, как здесь жили люди, прошло двадцать три тысячелетия. Эта обширная местность, пригодная сейчас только под пастбище для скота, больше уже никогда не осваивалась после расселения людей среди звезд, точная дата которого не была известна из отрывочных и фальсифицированных записей, оставшихся у людей.

— Трудно представить, — заметил Фальк, — что здесь когда-то играли дети, женщины развешивали выстиранное белье. Все это было так давно.

Они вышли к окраине второго из погребенных городов.

— Это было в другую эпоху, которая от нас гораздо дальше, чем планеты, вращающиеся вокруг далеких звезд.

— Эпоха городов.

Эстрел кивнула.

— Эпоха войн. Мне не доводилось слышать рассказы об этих местах ни от кого из моих соплеменников. Наверное, мы зашли слишком далеко на юг и направляемся к Южным Пустыням.

Поэтому они изменили свой путь и пошли теперь на запад и чуть-чуть к северу. На следующее утро они вышли к большой реке, оранжевой от мути и ила, с быстрым и бурным течением. Она была неглубокой, но перейти ее было сложно, хотя они провели целый день в поисках брода.

Места на ее западном берегу были еще более засушливыми. Они наполнили свои фляги водой из реки, но поскольку вода была всегда у них в избытке, Фальк почти не обратил на это внимания. Небо теперь было чистым, и солнце сияло весь день.

Впервые за сотни пройденных миль им не нужно было бороться с холодным ветром, и они могли спать в

сухом и теплом месте. Весна быстро надвигалась на эту сухую землю. Перед зарей ярко блестела утренняя звезда, и прямо у их ног распускались дикие цветы. Но за три дня после того, как они пересекли реку, им не повстречался ни один родник или ручей.

Борясь с бурным потоком реки, Эстрел подхватила что-то вроде простуды. Она ничего не говорила об этом, но уже не могла без усталости идти столь же быстро, как раньше, и лицо ее вытянулось и заострилось.

Затем у нее началась дизентерия.

Они рано сделали в этот день привал и разбили лагерь. Когда она вечером лежала у костра, на ее глазах были слезы.

Фальк неловко пытался ободрить ее, взяв ее руки в свои ладони. Ее лихорадило — руки и лицо горели от жара.

— Не прикасайся ко мне, — прошептала она. — Нет, нет. Я потеряла его... Что же мне теперь делать?

Только теперь он увидел, что цепочки и амулета из бледного нефрита на шее у нее не было.

— Я, должно быть, потеряла его, когда мы переходили реку, — предположила она.

Она старалась овладеть собой и лишь позволила ему взять свою руку.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Разве это что-нибудь изменило бы?

Ему нечего было ответить.

Она немного успокоилась, но он все же чувствовал ее подавленное лихорадочное беспокойство. Ночью ей стало хуже, а к утру она совсем раскисла.

Она уже не могла есть, и хотя мучилась от жажды, ее желудок не мог принять крови кролика. Это было все, что он мог предложить ей выпить. Он поудобнее уложил ее, насколько это было возможно, а затем, взяв пустые фляги, направился на поиски воды.

Вокруг на много миль простиралась бугристая местность, покрытая жесткой травой, испещренная полевыми цветами и жалкими кустарниками, вплоть до самой кромки горизонта, подернутой маревом. Солнце очень сильно припекало, степные жаворонки заливались в небесной вышине.

Фальк шел быстрой ровной походкой, сначала уверенной, затем упрямой. Он зашел довольно далеко сначала на север от их стоянки, затем на восток. Влага от прошедших на предыдущей неделе дождей ушла глубоко в почву, и нигде не было видно ни ручейка. Делая

круг назад с востока, он с беспокойством искал стоянку и неожиданно с полого невысокого холма в нескольких милях к западу заметил неясное темное пятно, которое могло быть группой деревьев. Мгновением позже он увидел дым от костра и, несмотря на усталость, бегом бросился к нему.

Низкое солнце слепило глаза, рот совершенно пересох.

Эстрел поддерживала костер, чтобы облегчить его возвращение. Она лежала в своем изношенном спальном мешке и не подняла голову, когда он подошел к ней.

— Неподалеку отсюда на запад видны деревья. Значит, там может быть вода. Сегодня утром я выбрал направление неправильно, — сказал он.

Он собрал их вещи и уложил их в свой мешок. Затем помог Эстрел встать на ноги, взял ее за руку, и они двинулись в путь.

С большим трудом ей удалось пройти мили две. Оказавшись на одном из пологих холмов, Фальк протянул вперед руку и воскликнул:

— Вот! Видишь? Это деревья. Там вода!

Но Эстрел опустилась на колени, затем тихо легла на траву, скорчившись от боли и закрыв глаза. Похоже, что идти дальше она уже не могла.

— Я думаю, что отсюда самое большее две-три мили. Я разожгу здесь дымный костер, и пока ты будешь отдыхать я схожу и наполню фляги. Я просто уверен, что там есть люди, а значит, это не отнимет у меня много времени.

Она тихо лежала, пока он собирал сухие ветки кустов и разжигал небольшой костер. Затем он навалил на него зеленых веток так, чтобы он сильнее дымил.

— Я скоро вернусь, — пообещал он.

Он собрался. Она поднялась, побледнев и дрожа, и заплакала.

— Нет! Не покидай меня. Ты не имеешь права оставлять меня одну. Не уходи...

В ее словах не было логики. Она казалась совсем больной и напуганной. Но Фальк любил ее, и поэтому подхватил ее, закинул ее руки себе на шею, и так, полуволоча, полунеся, пошел вперед.

Со следующего холма деревья тоже были видны, но, казалось, ближе до них не стало. Солнце уже садилось, озаряя золотом безбрежный океан земли. Теперь он уже нес Эстрел и через каждые несколько минут вы-

нужден был останавливаться и класть свою ношу на землю. При этом он падал рядом с ней, чтобы перевести дух и набраться сил для следующего броска вперед. Ему казалось, что будь у него хоть немного воды, всего лишь капля, чтобы смочить рот, ему не было бы так тяжело.

— Там Дом — шепнул он ей сиплым голосом. — Там, среди деревьев. И совсем недалеко отсюда.

Она услышала его и, изогнувшись, стала бессильно бороться с ним, издавая стоны.

— Не ходи туда, милый. Нет, только не в Дом! Ромаррен не должен заходить в Дома, Фальк...

Она тихо заплакала и начала что-то шептать на языке, которого он не знал.

С трудом подхватив ее, он начал свой тяжелый путь вперед.

Сквозь поздние сумерки неожиданно в его глазах сверкнуло золотом отражение света от высоких окон, спрятавшихся позади густых темных деревьев.

С той же стороны, откуда падал свет, донесся резкий воющий звук, становившийся все громче и постепенно приближающийся к ним. Фальк напряг последние силы, затем остановился, увидев бежавшие к нему из темноты тени, которые издавали эти завывания, мрачные очертания-тени, которые ринулись на него, стараясь укусить. Он стоял, поддерживая потерявшую сознание Эстрел, и никак не мог вытащить свой пистолет. Он даже не отважился шевельнуться. Всего лишь в нескольких сотнях метров от него все так же безмятежно светились высокие окна Дома. Он закричал:

— Помогите!

Но это был всего лишь хриплый стон, сорвавшийся с его губ.

Внезапно раздались громкие человеческие голоса, резкие, несмотря на расстояние. Черные звериные тени отпрянули назад.

К тому месту, где он упал на колени, все еще держа на плечах Эстрел, подошли люди.

— Заберите женщину, — приказал громкий мужской голос.

Другой голос отчетливо произнес:

— Что это? Неужели новая пара рабочих рук?

Фальку приказали встать, но он смог только прошептать:

— Не трогайте ее, она больна.

— Сейчас же встать!

Грубые сильные руки заставили его повиноваться. Ему ничего не оставалось, как позволить им отобрать у него Эстрел.

От усталости у него так кружилась голова, что он не ощущал, что с ним приключилось и где он находится, пока не прошло довольно много времени. Они дали ему досыта напиться холодной воды, и это было единственным, что имело значение для него.

Его посадили. Кто-то, чью речь он не понимал, дал ему стакан, полный какой-то жидкости. Он взял стакан и выпил. Это было жгучее пойло, сильно отдававшее можжевельником.

Стакан — небольшой сосуд из мутноватого зеленого стекла. Это он сразу отметил про себя. Он не пил из стаканов с тех пор, как покинул Дом Зоува. Он встряхнул головой, ощущая, как спиртное прочистило ему глотку и разум, и поднял глаза.

Он находился в очень большой комнате.

Широкая поверхность пола из полированного камня отражала дальнюю стену, на которой или даже внутри которой мерцал мягким желтоватым светом огромный диск. Фальк даже ощущал на своем лице тепло, исходящее из этого диска. На половине расстояния между ним и солнечным кругом света прямо на голом полу стояло высокое массивное кресло, рядом с ним, прижавшись к полу, — неподвижный силуэт какого-то темного зверя.

— Кто ты?

Он видел контур носа и челюсти, черную руку на подлокотнике кресла. Голос был глубоким и твердым, как камень. Слова были произнесены не на Галакте, на котором он так долго говорил, а на его собственном языке, языке Леса, хотя и несколько отличном от того диалекта, к которому он привык. Фальк помедлил и сказал правду:

— Я не знаю, кто я. Мое самосознание было у меня отобрано шесть лет назад. В одном из Лесных Домов я научился обычаям людей. Я иду в Эс Тох, чтобы попытаться узнать свое имя и естество.

— Ты идешь в обитель Лжи, чтобы найти Истину? Люди оружия и дураки носятся по уставшей земле, выполняя многочисленные поручения, но вся эта суэта от недомыслия и пропитана ложью. Что привело тебя в мое Королевство?

— Моя спутница...

— Ты хочешь сказать, что эта она привела тебя сюда?

— Она заболела, и я старался найти воду. И вот...

— Придержи-ка язык. Я рад, что это не она привела тебя сюда. Тебе известно, что это за место?

— Нет.

— Это Владения Канзас, и я его Повелитель.

— Повелитель, моя спутница...

— ...или Синг, или оружие, или просто женщина. Кем ты ее предпочитаешь считать? Остерегись, человек, не спеши отвечать королям. Я знаю, в качестве кого ты ее держишь. Но у нее нет имени, и она не участвует в игре. Женщины моих ковбоев присмотрят за ней, и давай больше не будем о ней говорить.

Повелитель подошел к Фальку, очень медленно выговаривая каждую фразу.

— Имя моего спутника — Гриффон. Ты когда-нибудь слышал о таком животном? Может быть, в старых книгах или легендах. А о таком животном, которое зовется собакой? Так вот, Гриффон — это имя моей собаки. Как видишь, у нее мало общего с теми тяжелыми тьявкающими тварями, которые гоняются по степи, хотя они и родня ему. Род Гриффона, как и мой, угасает. Опал, чего бы ты хотел больше всего?

Повелитель задал этот вопрос с хитрой неожиданной сердечностью, глядя прямо в лицо Фалька.

И хотя Фальк был измучен, находился в смятении и не склонен был говорить правду, он ответил:

— Попасть домой!

— Попасть домой... — задумчиво повторил Повелитель Канзаса.

Он был таким же черным, как и его силуэт или тень. Это был старый, черный, как сажа, мужчина семи футов роста с лицом, как лезвие меча...

— Попасть домой...

Повелитель немного отошел, чтобы взглянуть на длинный стол поблизости от стула, на котором сидел Фальк. Вся верхняя часть стола — Фальк теперь видел это — была утоплена на несколько дюймов и окружена рамкой. Она содержала в себе сетку из золотых и серебряных проволочек, на которых были нанизаны шарики с таким диаметром отверстия, что могли переходить с одной проволоочки на другую и в некоторых точках с одного уровня на другой. Шариков были сотни, размером от детского кулачка до семечка яблока. Сделаны они были из глины, камня, дерева, металла, кости,

пластика и стекла. Многие из них были из таких драгоценных или полудрагоценных камней, как аметист, агат, топаз, бирюза, опал, янтарь, берилл, хрусталь, гранат, изумруд, бриллиант.

Фальк узнал это сооружение. Это была Моделирующая система, похожая на такие же системы, принадлежавшие Зоуву, Баки и другим обитателям родного Дома. Своим происхождением эта система была обязана великой культуре планеты Давенант. Это был и оракул, и компьютер, и орудие мистических ритуалов, и игрушка. Во второй своей короткой жизни у Фалька не было достаточно времени, чтобы узнать как следует работу Моделирующей системы. Баки как-то заметила, что ей понадобилось лет сорок-пятьдесят только для того, чтобы овладеть умением обращаться с ней, а ее Моделирующая система, доставшаяся ей по наследству, была всего лишь квадратом со стороной в четверть метра и имела не больше тридцати шариков.

Хрустальная призма ударилась в железную сферу с чистым высоким звуком. Бирюза устремилась налево, а связанные между собой полированные костяшки с гранатом скользнули влево и вниз, в то время как огненный опал вспыхнул на миг в самом центре системы. Черные, худые, сильные пальцы мелькали над проводочками, играя с самоцветами жизни и смерти.

— Значит, — сказал Повелитель, — ты хочешь домой. Но взгляни только. Ты умеешь читать узоры? Слоновая кость, бриллиант и хрусталь, — все это относится к огню. И среди них, то пропадая между ними, то вырываясь наружу, мечется опал. Дальше, чем Королевский Дом, дальше, чем холмы и ущелья Коперника, камень этот летит среди звезд. Ты разорвешь путы времени. Только взгляни. Впереди у тебя простор.

В глазах Фалька рябило от скользивших и мерцавших ярких шариков. Он отодвинулся от края огромной системы и прошептал:

— Я не умею в этом разбираться...

— Это игра, участником которой ты являешься, Опал, разбираешься ли ты в ней или нет. Сегодня вечером мои псы лаяли на нищего бродягу, а он оказался в конечном итоге повелителем звезд. Опал, когда я однажды приду попросить воды из твоих колодцев и кров в твоих стенах, ты, пожалуйста,пусти меня. Ночь тогда будет более холодной, чем сегодня. И это может случиться только через много-много лет. Ты пришел в наш мир откуда-то издалека. Я даже смею думать, что

из какого-то другого мира. Я стар, но ты еще намного старше меня. Ты должен был умереть еще сто лет назад. Я прошу тебя, чтобы ты помнил о том, что когда-то очень давно там, на Земле, ты однажды встретил в пустыне старого Короля. Я не могу чинить тебе препятствий, незнакомец. Иди своей дорогой. Если тебе что-нибудь нужно, то здесь есть люди, которые послужат тебе.

Фальк пересек длинную комнату и остановился у занавешенного главного входа. Снаружи в вестибюле его ждал мальчик. Когда Фальк отодвинул полог входа, мальчик негромким голосом позвал своих товарищей, таких же детей, как и он, и они, не выказывая ни удивления, ни подобострастия, только почтительно ожидая, когда Фальк заговорит первым, проводили его в отведенную ему комнату, организовали для него ванну, сменили одежду, накормили ужином и уложили в чистую постель.

Он прожил тридцать дней в Большом Доме Владыки Канзаса, пока последний снег и редкие весенние дожди не прошли в пустынных землях, лежавших за пределами садов Повелителя. Эстрел, выздоровевшая за это время, жила в одном из многочисленных домов меньшего размера, которые теснились за Большим Домом. Фальк был свободен настолько, что мог делать все, что ему угодно. Владыка был абсолютным правителем своих владений, но власть эта основывалась вовсе не на принуждении. Скорее всего, она воспринималась как нечто, служить чему почиталось за честь. Его люди предпочитали сами служить ему, возможно, потому, что, обнаружив внутреннее, присущее его личности величие, они сами утвердились в мысли, что они люди, а не рабы.

Их было не более двух сотен, погонщиков скота, садовников, ремесленников и рабочих, их жен и детей. Это было очень маленькое Королевство. Но тем не менее у Фалька уже через несколько дней не было никаких сомнений в том, что, живи даже один, Владыка Канзаса все же оставался бы Владыкой. Это был вопрос внутренне присущих ему качеств.

Эта удивительная действительная неповторяемость владений Повелителя настолько очаровала и поглотила Фалька, что он все эти дни почти не думал о том мире, который находился за пределами Дома-Дворца, через

который ему пришлось так долго идти, прежде чем он смог попасть в это очаровательное место. Но, упомянув в беседе с Эстрел об их уходе, он начал размышлять о взаимоотношениях Владыки Канзаса с остальным миром. В конце концов свои мысли он попытался сформулировать вслух в одной из бесед с Эстрел:

— Мне казалось, что Синги не допускают возникновения феодальной власти среди людей. Почему же тогда они позволили Владыке или Королю, безразлично, как он себя называет, сохранять свои владения?

— А почему бы и не позволить такой бред? Это Владение Канзас довольно обширное, но пустынное и безлюдное. Зачем повелителям Эс Тоха вмешиваться в дела такого захолустного псевдокоролевства? Я думаю, что для них он просто глупый ребенок, этот честолюбивый Повелитель, хвастливо лепечущий о своей силе.

— Тебе он тоже кажется таким?

— Ты видел, как вчера здесь пролетал корабль?

— Да, видел.

Летательный аппарат, чье жужжание было так хорошо знакомо Фальку, летел прямо над домом и находился так высоко, что был виден всего несколько секунд. Все люди Поместья выбежали из своих садов и стали бить в сковородки и трещотки, дети закричали, собаки завыли, сам Владыка, стоя на верхнем балконе, с торжествующим видом устроил оглушительный фейерверк, паля в небо из старинного дробовика до тех пор, пока корабль не исчез в туманной дымке на западе.

— Они такие же глупые, как Баснаски, а их старик-Повелитель просто безумец, — усмехнулась Эстрел.

Хотя Владыка Канзаса не пожелал лицезреть ее, его люди были добры к ней. Некоторая горечь в ее смехе удивила Фалька.

— Баснаски совершенно забыли, как когда-то жили люди, — сказал он в ответ. — Эти же люди, может быть, слишком хорошо помнят это.

Он рассмеялся.

— В любом случае, корабль действительно был и улетел, не причинив никому вреда.

На мгновение он взглянул на нее. Она, очевидно, не видела никакого поэтического сумасбродства этого фейерверка, который простой аппарат. Сингов ставил на один уровень с солнечным затмением. Но почему бы во время всеобщего бедствия не устроить фейерверка?

Фальк не удивился такому поведению Эстрел, ведь

с того времени, как она заболела и потеряла свой нефритовый талисман, ее не покидали печаль и тревога.

Временное пребывание здесь, которое доставляло столько удовольствия Фальку, для нее было мучением. Пора было уходить отсюда.

— Я пойду поговорю с Владыкой о нашем уходе, — нежно сказал он ей.

Оставив ее здесь в тени ив, усыпанных темно-зелеными почками, он пошел через сад к большому зданию. За ним семенили пять длинноногих псов черного цвета — почетный караул, которого ему скоро будет не доставать.

Повелитель Канзаса что-то читал в своем тронном зале. Диск, который висел на восточной стене помещения, днем светился холодным рассеянным светом, создавая впечатление маленькой домашней луны, и только ночью он сиял мягким солнечным теплом и светом. Трон, сделанный из полированного мореного дерева, росшего в южных пустынях, стоял перед диском.

Фальк единственный раз видел Правителя сидящим на троне. Это было в тот самый первый вечер его пребывания здесь.

Сейчас он сидел в одном из кресел возле Моделирующей системы, и окна за его спиной, выходявшие на запад, не были закрыты шторами. Там, на западе, виднелись далекие темные горы, отороченные снегом.

Владыка поднял свое похожее на лезвие меча лицо и выслушал Фалька. Вместо того, чтобы ответить, он положил руку на книгу, которую читал. Это был не один из микрофильмов его необыкновенно богатой библиотеки, а небольшая, написанная от руки книга, завернутая в бумагу.

— Тебе известен этот Канон?

Фальк посмотрел туда, куда указывал Повелитель, и прочел несколько певучих фраз:

Нужно бояться
Страха людского.
О, горе!
Ты все еще не достигло
Своего предела.

— Я знаю эту книгу, Владыка. Перед тем, как отправиться в это путешествие, я получил в подарок один экземпляр такой книги, но кое-что меня смущает. Почему я не знаю того языка, которым написаны четные страницы Канона?

— Это символы языка, на котором книга была

написана первоначально, пять или шесть тысяч лет назад — язык Желтого Императора, моего предка. Но куда же делась твоя книга? Неужели ты ее потерял? Тогда возьми ее, когда совершишь Путь. О, горе! Почему ты всегда говоришь только правду, Опал?

— От неуверенности.

По сути, хотя Фальк и пришел постепенно к твердому решению, что он никогда не будет лгать, независимо от того, с кем говорит или насколько невероятной может оказаться правда, он не знал, почему он пришел к такому решению.

— Пользоваться оружием врага, значит, играть по его правилам, — сказал он.

— О, этот враг давным-давно выиграл свою игру. Ну что ж, значит, ты уже уходишь? Что можно на это сказать? Иди, продолжай свой путь. Сейчас самая пора. Но я на некоторое время хотел бы задержать здесь твою спутницу.

— Я обещал ей помочь в поисках соплеменников, — нерешительно сказал Фальк.

— Ее соплеменников?

Суровое испещренное морщинами лицо повернулось к нему.

— А за кого ты ее принимаешь?

— Она из Странников.

— Она такая же Странница, как я — зеленый орешник, ты — рыба, а эти горы сделаны из сушеного овечьего помета! Придерживайся и дальше своих правил, говори правду — и услышишь правду. Набери фруктов из моих цветущих садов перед тем, как двинуться на запад, Опал, и напейся молока из моих колодцев в тени гигантских папоротников. Разве я не правлю королевством чудес? Скажи, что удерживает тебя возле этой женщины — вождение или верность?

— Мы многое пережили вместе.

— Не верь ей!

— Она помогла мне и вселила надежду. Мы — сотоварищи по несчастью. Мы доверяли до этого момента друг другу. Почему я должен сейчас изменить этому правилу?

— Вот глупец, о горе!

Владыка Канзаса покачал головой.

— Я дам тебе десять женщин, которые будут сопровождать тебя до самой обители Лжи, вместе с флейтами, лютнями, тамбуринами и противозачаточными средствами. Я дам тебе пять дюжих молодцев, вооруженных

ракетницами. Я дам тебе собаку — по правде говоря, я такое же ископаемое животное, как и эти собаки. Все они будут твоими спутниками. Кстати, ты знаешь, почему вымерли настоящие собаки, а не эти шавки, слоняющиеся по степи? Потому что они были верны людям до самого конца! Потому что они слепо доверяли им! Но если ты не пожелаешь моих сопровождающих, то вот тебе мой совет — иди один, человек!

— Но я не могу!

— Тогда что ж, иди, как тебе будет угодно. Здесь игра уже закончена.

Повелитель встал, подошел к трону и уселся в него. Он даже не повернул головы, когда Фальк произносил слова прощания.

6

Поскольку в памяти Фалька слово «гора» ассоциировалось только с одинокой вершиной, он думал, что как только они достигнут гор, то достигнут и Эс Тоха. Он не понимал того, что им предстоит еще вскарабкаться на крышу континента.

Один горный хребет вырастал за другим по мере того, как росли горы. День за днем они ползли все выше и выше в этом мире гор. На их пути то тут, то там нередко попадались небольшие стойбища или деревеньки среди лесов, стремительных потоков на снежных или гранитных склонах. Зачастую они не могли обойти их по склону, а другой тропы не было.

Они проезжали мимо них на своих мулах — царственном даре Владыки, и никто им не препятствовал. Эстрел сказала, что горцы, живя здесь, у самого порога владений Сингов, были людьми осторожными.

Они не досаждали незнакомцам и не приваживали их к себе, потому что основное правило в их жизни было избегать встреч — если это только было возможно — с незнакомцами.

В горах, несмотря на оттепель, ночевки были очень холодными, и поэтому для путешественников очень большим облегчением оказалось, когда однажды их пригласили на ночлег в деревню.

Она была крохотной, четыре деревянных домика у шумного ручья, несущего свои воды по дну каньона, спрятавшегося в тени огромных выветренных вершин. Но у этой деревушки было название Бесдно, и Эстрел уже однажды останавливалась в ней много лет назад,

когда была еще маленькой девочкой. Обитатели Бесдно, двое из которых были такими же светловолосыми, как и Эстрел, обменялись с ней несколькими словами, короткими фразами. Они говорили на языке, который употребляли Странники. Фальк же всегда говорил со своей спутницей на Галакте и так и не научился западному языку. Эстрел что-то объяснила встреченным ею соплеменникам, указывая на восток и на запад. Те же сдержанно кивали, тщательно приглядываясь к ней и искоса посматривая при некоторых фразах девушки на Фалька уголками глаз. Они спрашивали совсем недолго, а потом отвели их к главе общины, и тот предложил усталым путникам еду и кров на ночь, правда, без особой щедрости, холодно и безразлично, и от этого Фальку стало немного не по себе.

Хлев, в котором им предстояло спать, был, однако, теплым, согретым живым теплом скота — коз и птицы, которые теснились здесь в мирном, полном запаха и шорохов сотовариществе. Пока Эстрел заканчивала разговор с жителями деревни, Фальк отправился на сеновал и соорудил там роскошное двойное ложе из сена, расстелив на нем их спальные принадлежности. Когда пришла женщина, он уже почти спал, но все-таки пробормотал сквозь полузабытье:

— Я рад, что ты пришла. Я чувствую, что здесь что-то спрятано, но не знаю — что.

— Здесь есть только мой запах!

Эстрел рассмеялась.

Именно таким образом она обычно шутила, если только это можно было назвать шуткой.

Фальк от удивления почти проснулся и с недоумением задал вопрос:

— Что это на тебя нашло? Куда делась твоя печаль? Похоже, ты обрадовалась, что находишься совсем неподалеку от города, не так ли? Как бы я хотел побыстрее оказаться там.

— А почему бы мне не радоваться? Я надеюсь отыскать свое племя. Мне сказали, что совсем недавно видели его там. Если же это и не удастся, то Повелитель мне обязательно поможет. Да и ты сможешь найти там то, что ищешь, и тебе будет возвращено твое наследие.

— Мое наследие? Мне казалось прежде, что ты считаешь меня лишенным прошлого.

— Тебя? Никогда! Ты ни в коем случае не думай, Фальк, что именно Синги влезли в твои мозги. Как-то

раз, давно, еще на равнине ты сказал это, но тогда я не поняла тебя. Разве ты можешь считать себя Выскобленным или просто обычным человеком? Ты ведь родился не на Земле!

Редко, когда она говорила так убедительно.

То, что она сказала, утешало его, совпадало с его собственными надеждами, но это же несколько и озадачивало его, поскольку она до этого времени молчала и казалась не от мира сего. Затем он увидел, что на ремешке, висящем у нее на шее, что-то блестит.

— Они дали мне амулет, — ответила она на его вопрос.

Похоже, что это и было источником ее оптимизма.

— Да, — подтвердила она.

Она с удовлетворением глядела на подарок.

— У нас с тобой одна вера. Теперь я уверена, что у нас все будет хорошо.

Он улыбнулся ее уверенности, но был рад, что это утешило ее. Когда он засыпал, он знал, что она не спит и лежит, глядя в темноту, полную запахов и спокойного дыхания животных.

Когда перед зарей прокричал петух, он сквозь сон услышал, как она шепчет молитвы над своим амулетом на языке, которого он не знал.

Они вышли, избрав тропу, которая вилась к югу от грозных вершин. Оставалось пересечь один горный кряж, и вот через четыре дня они добрались до перевала.

Небо потемнело, на голые скалы повалил снег. На перевале была хижина для путников, и они вместе со своими мулами теснились в ней, пока не перестал падать снег и можно было возобновить путь.

— Теперь идти будет легко, — заметила Эстрел.

Она повернулась к Фальку. Он улыбнулся, но в нем прибавлялось страху по мере того, как они шаг за шагом приближались к Эс Тоху.

Тропа стала постепенно расширяться, и вскоре превратилась в дорогу. На глаза стали попадаться хижины, фермы, дома.

Люди встречались редко, потому что было холодно и дождливо.

На третье утро после того, как они прошли перевал, погода стала ясной, и через несколько часов езды

Фальк остановил своего мула, вопросительно взглянув на Эстрел.

— Что такое? — поинтересовалась она.

— Мы у цели? Это Эс Тох, не так ли?

Вокруг была ровная местность, хотя со всех сторон горизонт закрывали удаленные горные вершины, а вместо пастбищ и пахотных земель, мимо которых они проезжали раньше, вокруг были дома, множество домов! Повсюду были разбросаны хижины, бараки, лачуги, многоэтажные дома, постоянные дворы, лавки, где производились и обменивались различные изделия.

Повсюду были дети, люди, которые шли пешком, ехали верхом на лошадях или на мулах, проезжали на слайдерах во всех направлениях. Людей было немало, но все-таки и не так уж много. Были здесь и праздно слоняющиеся, и по горло занятые каким-нибудь делом. Здесь были грязные, унылые и оживленные под ярким утренним солнцем жители этих лачуг и дворцов.

— До Эс Тохы еще миля, если не больше.

Эстрел рассмеялась.

— Тогда что же это такое? — недоуменно спросил Фальк.

Он взволнованно и испуганно начал озираться. Дорога, по которой он проделал такой длинный путь из Дома в Восточном Лесу, теперь превратилась в улицу и вскоре должна была окончиться. Люди удивленно смотрели на них и на их мулов, расположившихся посреди улицы, но никто не задерживался возле них и не заговаривал с ними. Женщины отворачивались.

Только некоторые из покрытых лохмотьями детей указывали на них, смеялись, а потом убегали, скрываясь в грязных переулках или позади какого-нибудь барака.

Это все было не то, что ожидал увидеть Фальк. Однако, чего он мог ожидать, до этого никогда не видевший в глаза ни одного города?

— Я не знал, что в мире столько людей, — наконец промолвил он. — Они роятся вокруг Сингов, как мухи в навозе.

— Это все из-за того, что личинки мух могут развиваться только в навозе! — сухо сказала Эстрел.

Затем, глядя на него, она протянула руку и похлопала его по плечу.

— Это прихлебатели и отверженные, сброд, который не пускают через городские ворота. Давай проедем еще немного и войдем в город, в истинный Город! Мы про-

шли долгий путь, чтобы увидеть его, и я думаю, что мы заслужили эту честь!

Они продолжали ехать верхом и вскоре увидели возвышающиеся над убогими крышами домов стены зеленых башен без окон, ярко сверкающие на солнце.

Сердце Фалька учащенно забилося. В этот миг он заметил, что Эстрел заговорила с амулетом, который ей подарили в Бесдно.

— Мы не можем въехать в город верхом на мулах, — сказала она через какое-то мгновение, ответив на недоуменный взгляд Фалька. — Нам нужно оставить их здесь.

Они остановились у ветхой общественной конюшни, и Эстрел начала что-то убедительно втолковывать на западном диалекте подбежавшему к ней прислужнику. Когда Фальк спросил ее, в чем заключается смысл их перебранки, она ответила:

— Я просила взять у нас этих животных в качестве залога.

— Что? Какого залога?

— Если мы потом не оплатим их содержание, он заберет их себе. Ведь у нас нет сейчас денег, не так ли?

— Нет, — робко произнес Фальк.

У него не только никогда не было денег, он даже никогда раньше их не видел.

Хотя на галактическом языке было слово, обозначающее деньги, в диалекте Леса аналогичного эквивалента не было.

Конюшня была последним зданием на краю пустыря, усыпанного булыжниками и мусором, который отделял район лачуг от высокой длинной стены из гранитных глыб.

Пешеходы могли попасть в Эс Тох только одним путем. Огромные конические колонны обозначали ворота. На левой колонне была вырезана надпись на Галакте: **«ПОЧТЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ»**

Справа было длинное предложение, написанное буквами, которых Фальк никогда прежде не видел. Через ворота не было никакого движения, и возле них не было стражи.

— Колонна Лжи и колонна Тайны, — сказала громко Эстрел.

Она прошла между ними, ведя за руку озиравшегося Фалька. Он изо всех сил старался не показать, какой благоговейный страх начал овладевать его душой.

Однако, когда он вошел в Эс Тох и увидел его, он

долго стоял, не произнося ни слова, и даже Эстрел не могла сдвинуть его с места.

Город Повелителей Земли был выстроен на двух склонах каньона — грандиозной трещины в горах, узкой и фантастически глубокой. Его черные стены были покрыты полосами зелени, спускавшимися вниз на ужасающую глубину, не менее чем в полмили, к серебристой полоске реки, струившейся на самом дне каньона, вечно погруженном в тень. На самых краях, обращенных друг к другу отвесных склонов возвышались башни города, едва опираясь о землю, соединенные через пропасть стройными арками мостов. Затем башни, мосты и шоссе кончались, и стена снова замыкала город перед самым головокружительным изгибом каньона. Геликоптеры с прозрачными лопастями носились над бездной, а на улицах и стройных мостах мелькали слайдеры. Хотя солнце еще не поднялось над могучими вершинами к востоку от города, казалось, что эти стройные башни вовсе не отбрасывают тени. Эти огромные зеленые башни настолько ослепительно сверкали, что казалось, будто солнечные лучи свободно проходят сквозь них, не встречая при этом никакой преграды.

— Идем, — сказала Эстрел и дернула его за руку. Фальк очнулся от своих грез и обернулся.

У нее были на удивление сияющие глаза.

— Но нас здесь не ждали. А что может случиться с незваными... — начал было он.

— Здесь нечего бояться, — мягко сказала она. — Идем.

Он последовал за ней. На улице, которая опускалась между двумя высокими зданиями к башням, на краю обрыва, не было никого. Он обернулся назад, к воротам, но уже не смог различить открытого прохода между колоннами.

— Куда ты меня ведешь?

— Здесь есть одно место, которое я знаю.

— Что это за место?

— Просто дом, куда обычно приходят наши люди, когда бывают в этом городе.

Она опять взяла его за руку, и пока они проходили по длинной извилистой улице, она шла, опустив взор и тесно прижавшись к нему.

Теперь справа от них неясно вырисовывались высокие дома самого сердца Города, а слева было узкое ущелье без всякой стенки или парапета — головокружительный обрыв, на дне которого было абсолютно

темно. Черный пробел между двумя светящимися узкими, как шесты, башнями.

— Но если нам понадобятся здесь деньги...

— О нас позаботятся.

Мимо них на слайдерах проехали ярко и причудливо одетые люди. Высоко наверху на посадочных площадках зданий с отвесными стенками мелькали геликоптеры. Высоко над ущельем ровно гудел набиравший высоту аэрокар — летательный аппарат Сингов.

— И все эти люди — Синги?

— Некоторые.

Подсознательно он держал левую руку на лазере. Эстрел, даже не взглянув на него, произнесла с усмешкой в голосе:

— Не вздумай воспользоваться здесь своим оружием, Фальк. Ты пришел сюда, чтобы получить назад свою память, а не для того, чтобы еще раз потерять ее!

— Куда ты меня ведешь, Эстрел?

— Сюда.

— Сюда? В этот дворец?

Светящаяся зеленоватая стена без окон бесформенно вздымалась вверх, загораживая своей мощью небо. Перед ними возникла открытая многоугольная дверь.

— Здесь меня знают, — сказала Эстрел. Она крепче сжала руку Фалька. — Не бойся. Идем.

Он заколебался. Оглянувшись, увидел на улице несколько человек. Это были первые люди, которые шли пешком, первые люди из всех, которых он здесь видел.

Они праздно шагали по улице, с любопытством поглядывая на Фалька и его подругу.

Это его испугало, и он позволил Эстрел затащить себя внутрь башни. Он прошел через одну дверь, другую, створки которых автоматически раздвигались при их приближении. Уже внутри, обуреваемый чувством того, что совершил непоправимую ошибку, Фальк остановился.

— Эстрел, что это за место?

Они были в высоком зале, наполненном сочным зеленоватым светом, напоминавшим подводную пещеру. В него открывалось много дверей и коридоров, из которых показались спешащие им навстречу люди.

Эстрел отпрянула от него в сторону. В панике он бросился к дверям, через которые они вошли в зал, но они уже не открывались, и дверных ручек у них не было.

Неясные фигуры людей наполнили зал, что-то крича

и приближаясь к нему. Он прислонился спиной к зеленым дверям и потянулся к лазеру, но тот куда-то исчез.

Фальк, озираясь, начал высматривать Эстрел и внезапно обнаружил ее. Она стояла с его оружием в руках позади окружавших его людей и смотрела ему прямо в глаза.

Он бросился вперед с целью отобрать пистолет, но тут же был схвачен. Он вырвался, но почувствовал удар и услышал на миг звук, которого никогда не слышал прежде, — звук ее смеха.

7

В ушах Фалька звенело, рот наполнял неприятный металлический привкус.

В голове все плыло, он не мог сфокусировать глаза, и, казалось, был лишен возможности двигаться. Вскоре он понял, что пришел в сознание, и подумал, что не может двигаться из-за того, что избит и одурманен. Затем он разобрался в том, что кисти его рук скованы кандалами, такие же кандалы были и на ногах.

Когда он наклонял голову вниз, чтобы яснее рассмотреть их, головокружение усиливалось. В ушах возник громовой голос, непрерывно повторяя одно и то же:

— Ромаррен-ромаррен-ромаррен...

Он напряг силы и закричал, пытаясь освободиться от этого громового голоса, который наполнял его ужасом. В глазах у него вспыхнули искры, и сквозь звук, ревавший у него в голове, он услышал, как кто-то кричит его собственным голосом:

— Я не...

Когда он снова пришел в себя, вокруг царила абсолютная тишина. Голова его болела, и он все еще не мог отчетливо видеть, но на руках и ногах кандалов уже не было, как будто их не было никогда, и он уже знал, что его защитят, присмотрят за ним и дадут приют.

Они знали, кто он, и радушно встретили его. За ним пришли свои для него люди, и теперь он был в безопасности. О нем нежно заботились, его любили, и единственное, в чем он теперь нуждался, это сон и отдых. Однако мягкий, глубокий голос продолжал шептать у него в голове:

— Маррен-маррен-маррен...

Он окончательно проснулся, и ему удалось сесть. Он вынужден был уткнуться головой в колени, потому что она сильно болела, и чтобы преодолеть головокружение, вызванное движением.

Сперва он осознал только то, что сидит на полу какой-то комнаты, пол которой оказался на удивление теплым и податливым, почти мягким, как бок какого-то огромного животного. Затем он поднял голову, сфокусировал зрение и осмотрелся вокруг.

Он находился посреди комнаты, столь жуткой, что у него снова зашумело в голове. Мебели здесь не было. Стены, пол и потолок были из одного и того же прозрачного материала, который на глаз казался мягким и волнистым, как толстая бледно-зеленая вуаль, но на ощупь был жестким и гладким. Странная резьба, завитки и рубцы образовывали сплошной узор по всему полу, но рука, прикасавшаяся к полу, не могла обнаружить их существования. Либо это был обман зрения, либо все это скрывалось под гладкой поверхностью прозрачного пола. Углы, где встречались стены, были искажены оптическим путем, создававшим впечатление перекрестной стыковки. Для того, чтобы представить себе, что стены образуют прямой угол, требовалось усилие воли, хотя возможно, это было все тем же самообманом, поскольку эти углы на самом деле могли быть и не прямыми.

Но ничто из этого назойливого украшательства не могло так дезориентировать Фалька, как сам факт того, что вся комната была полупрозрачной.

Смутно, как будто ему приходилось глядеть вглубь зеленых вод пруда, он видел за ее стенами еще одну комнату. Сверху виднелось пятно света, которое, возможно, было луною, затуманенной одним или несколькими промежуточными потолками.

Сквозь одну из стен комнаты были отчетливо видны полосы и пятна яркого света, и он мог различить перемещение огней геликоптеров и аэрокаров. Через остальные три стены эти наружные огни казались гораздо менее яркими, поскольку были ослаблены другими стенами, коридорами и комнатами. В других комнатах двигались какие-то тени. Он мог видеть их, но не мог разобрать. Черты лиц, одежда, размеры и цвет — все было, как в тумане.

Где-то в зеленых глубинах неожиданно выросла темная тень, затем стала уменьшаться, становилась все более зеленой и расплывчатой, пока совсем не исчезла

в туманном лабиринте. Видимость, но неразборчивая, одиночество, но не уединение! Все это было чрезвычайно красивым — эта замечательная игра света и теней сквозь зеленоватые туманные поверхности, но в то же время это все чрезвычайно мешало сосредоточиться.

Внезапно Фальку почудилось, что яркое пятно за ближайшей стеной слегка зашевелилось. Он быстро повернулся и с ужасом увидел нечто живое, отчетливое — какое-то лицо, испещренное шрамами, дикое лицо, глядевшее на него парой желтых, нечеловеческих глаз.

— Синг, — прошептал он.

Он был всецело охвачен ужасом. Лицо, насмехаясь над ним, изогнуло страшные губы в беззвучном слове «Синг», и он увидел, что это отражение его собственного лица.

Он выпрямился, тяжело дыша, вставать было не очень-то легко, и подошел к зеркалу. Он протянул к нему руку, чтобы удостовериться в своей догадке. Это на самом деле было зеркало, наполовину утопленное в литую раму, выкрашенную таким образом, что она казалась более плоской, чем была на самом деле.

Внезапно раздавшийся звук заставил его обернуться. В другом конце комнаты он не очень отчетливо увидел в тусклом монотонном свете скрытых источников какую-то фигуру. Двери нигде не было видно, но человек вошел в комнату и теперь стоял, глядя на него.

Это был очень высокий человек, на широкие плечи которого была накинута то ли накидка, то ли плащ. У него были светлые волосы и чисто карие пронизательные глаза. Человек заговорил. Голос у него был глубокий и очень мягкий.

— Добро пожаловать к нам, Фальк. Мы долго ждали того момента, когда ты к нам придешь. А до этого мы очень долго вели тебя сюда и защищали.

Освещение в комнате стало ярче. В глубоком голосе слышалась нотка восторга.

— Отбрось страх и прими наше гостеприимство, о, Вестник! За твоей спиной долгий темный путь, и ноги твои ступили на дорогу, ведущую домой.

Яркое сияние становилось все более интенсивным и стало слепить Фалька. Он вынужден был непрерывно мигать, а когда поднимал взор, щуря веки, то человека уже не было.

Непроизвольно в мозгу зазвучали слова, произнесенные несколько месяцев назад стариком Слухачом в лесу: «Ужасная тьма ярких огней Эс Тоха».

Больше он не позволит, чтобы с ним играли и отравляли наркотиками. Он больше не позволит им вводить себя в заблуждение. Он чувствовал себя дураком из-за того, что пришел сюда, и боялся, что живым ему уже не выбраться, но больше с ним играть уже не будут. Он бросился вперед на поиски потайной двери, чтобы последовать за этим человеком, но голос за его спиной внезапно произнес:

— Подожди еще один миг, Фальк. Иллюзии не всегда лгут. Ты ищешь истину? Ну что ж...

Фальк обернулся и увидел, как тонкая трещина на зеркале, за миг до этого сформировавшаяся на совершенно гладкой поверхности, начала расширяться и вскоре превратилась в дверь. В его комнату вошли две фигуры. Одна, маленькая и тонкая, шагнула к нему. На этой фигуре были штаны с нарочито выступавшим вперед гульфиком, короткая кожаная куртка, туго натянутая на голову шапка. Вторая, повыше, была в тяжелой мантии и двигалась небольшими семенящими шагами, какими обычно передвигаются танцоры. К его талии — а это был мужчина — спускались длинные пурпурно-черные волнистые волосы, голос был очень мягким и глубоким.

— Нас сейчас снимают, Стрелла.

— Я знаю, — ответил невысокий человек голосом Эстрел.

Никто из них до сих пор не взглянул на Фалька. Они вели себя так, как будто были совершенно одни.

— Продолжай спрашивать, что хотел, Краджи!

— Я хотел спросить у тебя, почему это отняло так много времени?

— Много? Ты несправедлив, мой Повелитель. Как я могла проследить его путь в Лесу к востоку от Шорга? Там ведь сплошная глушь. А от глупых животных помощи не добьешься. Все, что они могут, это лепетать слова Закона. Когда мне в конце концов сбросили детектор людей, я была в двухстах милях к северу от него. Когда я снова нашла его, он следовал прямо на территорию Баснасска. Ты знаешь, Совет дал им птицбомбы, чтобы они были в состоянии перехватить Странников и других бродяг. Поэтому мне пришлось присоединиться к этому грязному племени. Разве ты не слышал моих сообщений? Я все время делала их, пока не потеряла свой передатчик во время перехода через реку к югу от Владений Канзас. И моя мать в Бесдно дала мне новый.

— Я ни разу не слышал такого сообщения. Но в

любом случае, все это время и весь этот риск впустую, так как все эти недели тебе так и не удалось отучить его бояться нас.

— Эстрел! — закричал Фальк.

Нелепая и хрупкая в своем мужском костюме Эстрел не обернулась и не услышала его. Она продолжала разговаривать с мужчиной в мантии.

Давясь от стыда и гнева, Фальк выкрикивал ее имя, но все это было тщетно. Он бросился вперед и схватил ее за плечо... но там ничего не было, только мелькание пятен света в воздухе.

Щелка двери в стене все еще была открыта, и сквозь нее Фальку была видна соседняя комната. Человек в мантии и Эстрел стояли там спиной к нему. Он шепотом произнес ее имя.

Она обернулась и взглянула на него.

Она смотрела в его глаза, и в ее взоре не было ни торжества, ни стыда. Ее взгляд был спокойным, бесстрастным, отчужденным, таким же, как и все то время, когда они были вместе.

— Почему ты лгала мне? — хрипло спросил он. — Зачем ты привела меня сюда?

Он сам знал, почему. Он знал, кем он был и кем всегда оставался в глазах Эстрел.

И не разум его сейчас говорил, а его самоуважение и верность, которые не могли ни вынести, ни принять всю тяжесть истины в его первое мгновение.

— Меня послали, чтобы я привела тебя сюда. Было очень нужно, чтобы ты пришел.

Он попытался взять себя в руки. Неподвижно стоя и даже не пытаясь двигаться ей навстречу, он спросил:

— Ты — из Сингов?

— Я — Синг.

Мужчина в мантии приветливо кивнул головой.

— Я — Синг. Все Синги — лжецы, и я, значит, Синг, который тебе лжет, что в данном случае говорит, что я не Синг, но тут опять выходит, что я лгу, хотя я не Синг. Каково? А может быть, все это одна большая ложь о том, что все Синги лгут? Но я на самом деле Синг и лгу искренне. Земные и другие животные, как известно, тоже лгут. Ящерицы меняют свой цвет, жуки имитируют сучки, камбалы лгут тем, что, лежа неподвижно, принимают окраску песка или гальки в зависимости от того, каков характер дна. Стрелла, этот экземпляр глупее всякого ребенка.

— Нет, Повелитель Краджи, он очень умен, — запротестовала Эстрел своим мягким и бесстрастным голосом.

Она говорила о Фальке так, как люди говорят о животных.

Она шла рядом с Фальком, ела с ним, спала с ним. Она была в его объятиях...

Фальк стоял молча и смотрел на нее.

Она и этот высокий тоже стояли молча, не двигаясь, как будто ждали от него какого-то сигнала для продолжения их беседы.

Он не чувствовал к ней злобы. Он уже к ней ничего не ощущал. Она стала воздухом, пятном, мерцанием света. Все чувства его теперь были обращены вовнутрь в себя. Он чувствовал телесную усталость от унижения.

«Иди один!» — сказал Владыка Канзаса.

«Иди один!» — говорил Хиардан-Пчеловод.

«Иди один!» — говорил старый Слухач в лесу.

«Иди один, сын мой!» — говорил Зоув.

Как многие другие могли бы направить его, помочь ему в его поисках, вооружить знанием, если бы только он пошел через прерии в одиночку? Сколь многому он мог бы научиться, если бы не доверился душой и телом этой низкой женщине?

Теперь же он ничего не знает, кроме того, что он неизмеримо глуп и что она все время лгала ему. Она лгала ему с самого начала — непрерывно. Она лгала с того самого момента, когда сказала, что она Странница, нет — еще раньше. С того момента, когда впервые увидела его и притворилась, что не знает, кем и чем он является. Она уже давно знала о нем и была послана для того, чтобы противостоять влиянию тех, кто ненавидит Сингов — виновников того, что было сделано с его мозгом, и для того, чтобы помочь ему обязательно добраться до Эс Тоха. «Но тогда почему же, — подумал он мучительно, стоя в этой комнате и глядя на нее, стоящую в другой комнате, — почему же теперь она перестала лгать?»

— То, что я теперь говорю тебе, не имеет никакого значения, — сказала она, как бы прочтя его мысли.

Возможно, так оно и было. Раньше они никогда не пользовались мысленной речью, но если бы она была из Сингов и имела бы умственные способности Сингов, мера которых среди людей была только предметом слухов и догадок, она, возможно, могла подслушивать его мысли в течение всего их путешествия. Как он мог судить об

этом? Спрашивать же у нее об этом почему-то не хотелось.

И все же... Фальк решительно отбросил все сомнения и двинулся в соседнюю комнату к Эстрел. Но попасть к ней он так и не смог. В тот момент, когда он потирал ушибленный лоб, — стена была хоть и мягкой, но удар все же получился довольно ощутимый — позади него послышался какой-то звук. Он обернулся и увидел двоих людей, стоящих в другом конце комнаты возле зеркала. На них были длинные черные одеяния с белыми капюшонами, и они были вдвое выше обычного человеческого роста.

— Тебя так легко провести, — сказал один гигант.

— Ты должен понять, что тебя одурачили.

Другой усмехнулся.

— Ты ведь всего получеловек!

— И как получеловек ты не можешь знать всей правды.

— Ты, который ненавидит, одурачен и высмеян.

— Ты, который убивает, который подвергнут выкабливанию и превращен в орудие.

— Откуда ты явился, Фальк?

— Кто ты, Фальк?

— Куда ты идешь, Фальк?

— Что ты из себя представляешь, Фальк?

Оба гиганта подняли свои капюшоны, показывая, что под ними ничего нет, кроме тени, и отошли к стене. Затем они прошли сквозь нее и исчезли.

Неизвестно откуда в его объятиях оказалась Эстрел. Вцепившись в него руками, она тесно прижалась к нему всем телом и стала жадно и отчаянно целовать.

— Я люблю тебя, Фальк. Я полюбила тебя с того самого момента, как только впервые увидела. Доверяй мне, Фальк, верь мне, дорогой!

Затем она, плачущая и все время кричащая: «Верь мне!» — была оторвана от него и уведена прочь, как будто ее тащила какая-то могущественная, невидимая сила, как будто ее унес свирепый порыв ветра через дверную щелку, которая бесшумно исчезла за ней, как дверца мышеловки.

— Ты понимаешь, — сказал высокий мужской голос, — что находишься под воздействием галлюциногена?

Он внезапно оказался в комнате рядом с Фальком.

Его шепчущий, выветренный голос содержал нотку сарказма и внутренней опустошенности.

— Доверяй себе меньше всего.

Мужчина рассмеялся и, подняв свою мантию, обильно помочился. После этого он ушел, на прощание обернувшись и помахав Фальку рукой.

Фальк стоял и смотрел, как зеленоватый пол комнаты постепенно поглощал мочу.

Внезапно он заметил, что напротив него в стене образовалась щель, которая, постепенно расширяясь, образовала проход.

Похоже, что это был единственный выход из комнаты, если опять не галлюцинация. Он сбросил с себя сонливость и бросился вон из западни. Ему повезло, и он оказался еще в одной комнате, такой же, как и та, из которой он только что выбежал, может быть только чуть поменьше и потусклее. В дальнем конце ее находилась такая же узкая дверная щель, но она уже медленно закрывалась. Он поспешил к ней через всю комнату и очутился в третьей комнате, которая была точно такой же, как и первые две, только еще меньше и хуже освещенной. Щелка в ее дальнем конце тоже очень медленно смыкалась, и он бегом помчался в следующую комнату, еще меньше и тусклее освещенную, откуда он протиснулся в еще одну маленькую, совсем темную комнатку и в ней вполз в небольшое, тусклое зеркало и стал падать вверх, крича от леденящего душу ужаса. Он падал в направлении белой рубчатой луны, глядевшей на него.

Проснулся он, чувствуя себя отдохнувшим, набравшимся сил, но в состоянии крайнего смятения. Он лежал в удобной кровати в ярко освещенной комнате без единого окна. Он приподнялся и сел на кровати. И тут словно по сигналу из-за перегородки к нему поспешили двое мужчин с немигающими, бычьими взглядами.

— Приветствуем тебя, лорд Агад! — проговорили они один за другим. — Идем с нами, пожалуйста!

Фальк встал, совершенно обнаженный, готовый постоять за себя — единственным четким представлением в его мозгу была борьба и поражение там, во дворце, но Синги почему-то не прибегли тогда к насилию.

— Идем с нами, пожалуйста, — беспрестанно повторял мужчина.

Ему это надоело, и он кивнул головой. Тут же его вывели все еще голого из комнаты, провели по плавно изгибающемуся пустому коридору через зал, стены которого были заставлены зеркалами, вверх по лестнице,

которая на самом деле оказалась гладким подъемом, на полу которого были нарисованы ступеньки, и наконец ввели в просторную, обставленную мебелью комнату с зеленовато-голубыми стенами, одна из которых сияла солнечным светом. Один из мужчин остался снаружи, второй вошел внутрь вместе с Фальком.

— Вот — одежда, вот — пища, вот — вода. Теперь вы должны поесть. Хорошо?

Человек смотрел на Фалька, не отводя глаз, но без особого интереса.

На столе стоял кувшин с водой, и первое, что сделал Фальк, это до отвала напился, поскольку его мучила страшная жажда. Он осмотрел эту странную, но довольно приятную комнату с мебелью из прочного, чистого, как стекло, пластика с полупрозрачными стенами без окон. Затем он стал с любопытством изучать своего то ли стража, то ли слугу. Большой мужчина с тупым невыразительным лицом, с пистолетом, пристегнутым к поясу.

— В чем заключается Закон? — спросил внезапно, повинувшись какому-то неясному импульсу, Фальк.

— Не отбирать жизнь.

— Тогда зачем тебе пистолет?

— О, этот пистолет, это оружие не может убить. Оно просто делает человека неподвижным, а не мертвым.

Стражник рассмеялся. Интонации его голоса были произвольными, не связанными со значением произносимых им слов, и между словами и смехом была какая-то небольшая пауза.

— Теперь вы поешьте, пожалуйста, — продолжал стражник, — а потом вымойтесь. Вот хорошая одежда. Смотрите, одежда здесь.

— Ты — Выскобленный?

— Нет. Я начальник стражи Повелителей и я подключен к компьютеру номер восемь. Теперь вы должны поесть, попить и помыться.

— Я все это сделаю, когда ты покинешь комнату. Последовала небольшая пауза.

— О, да, очень хорошо, лорд Агад, — наконец вымолвил здоровяк.

Он снова стал смеяться, словно его щекотали. Возможно, он и чувствовал щекотку, когда компьютер говорил, используя его мозг. Кивнув на прощание, мужчина вышел.

Фальку были видны неясные, неуклюжие силуэты

двух охранников, видневшиеся через внутреннюю стену комнаты. Они находились по обе стороны двери и в коридоре снаружи. Фальк нашел умывальную комнату и помылся. Чистая одежда лежала на огромной мягкой постели, заполнявшей один из углов комнаты. Одежда, которую он держал, имела свободный покрой и была расшита кричащими яркими красными и фиолетовыми узорами.

Фальк неодобрительно рассматривал этот балахон, но все же одел его. Его потрепанный мешок с вещами лежал на столе из похожего на стекло пластика. Содержимое его, казалось, было нетронутым, хотя старой одежды и пистолета в наличии не было. На другом конце стола была разложена еда, и он почувствовал голод. Сколько времени прошло с того часа, когда он ступил в этот Дворец? Он не имел ни малейшего представления, но голод говорил, что он здесь уже довольно долго.

Пища была весьма необычной, очень острой, с большим количеством приправ. На вид она была совершенно незнакомой, но он съел все, что было, и не возражал против того, чтобы добавить. Поскольку пищи больше не было, и он сделал все, что его просили, он начал от нечего делать более внимательно осматривать комнату. Неясные тени его стражников сквозь полупрозрачную зеленовато-голубую стену уже не были видны. Он хотел выяснить причину этого, но тут обнаружил, что едва различимая вертикальная щель двери начала расширяться. Постепенно в стене возник высокий овал, через который кто-то вошел в комнату.

Фальк сначала было подумал, что это девушка, но затем увидел, что это парень лет шестнадцати, одетый в такую же свободную одежду, как и он сам. Он не подошел близко к Фальку, а остановился, подняв вверх вытянутые руки, и стал что-то неразборчиво говорить.

— Кто ты? — спросил Фальк.

— Орри, — произнес юноша.

Он снова стал говорить какую-то тарабарщину. Он казался хрупким и возбужденным. В его голосе звучали сильные чувства. Затем он упал на колени и склонил голову. Такой позы Фальк никогда раньше не видел, хотя ее значение было ему совершенно ясно. Это была поза совершеннейшего почтения и преданности.

— Говори на галактическом языке, — резко произнес Фальк.

Он чувствовал себя неловко.

— Кто ты?

— Я Хар Орри, врач Ромаррен, — прошептал паренек.

— Встань. Поднимись с колен. Я не... Ты знаешь меня?

— Врач Ромаррен, разве вы не помните меня? Я ведь Орри, сын Хара Уэдена...

— Как меня зовут?

Мальчик поднял голову, и Фальк взглянул на него. Он посмотрел ему прямо в глаза. Они были серовато-янтарного цвета, кроме больших темных зрачков. Радужная оболочка заполняла всю глазницу, нигде не было видно белого цвета, подобно глазам кошек и собак. Таких глаз Фальк никогда не видел раньше, за исключением, пожалуй, тех, что видел в зеркале прошлым вечером.

— Ваше имя Агад Ромаррен, — испуганным голосом произнес паренек.

— Откуда ты знаешь меня? Почему тебе известно мое имя?

— Я всегда знал вас, врач Ромаррен.

— Разве ты моей расы? Ты хочешь сказать, что мы представители одного и того же народа?

— Я сын Хара Уэдена, врач Ромаррен! Клянусь вам в этом.

На серо-золотых глазах мальчишки на мгновение показались слезы. Фальк сам имел обыкновение реагировать на стрессовые ситуации кратковременными слезовыделениями. Баки как-то упрекнула его за это, так как была обеспокоена этой его чертой. Немного позднее она сказала, что это скорее всего чисто физиологическая реакция, вероятнее всего, расового происхождения.

Смущение, беспокойство, смятение, которые испытал Фальк, как только попал в Эс Тох, сделали его совершенно неспособным трезво разбираться во всем происходящем. Часть его разума твердила: «Это как раз именно то, чего они добиваются. Они хотят таким образом сбить тебя с толку. Они хотят, чтобы ты стал абсолютно доверчивым». Он теперь уже не мог разобрать, была ли Эстрел, которую он так хорошо знал и любил, ему другом, или она одна из Сингов. А может быть, она просто орудие в руках этих Повелителей. Он не знал сейчас, говорила ли она ему правду или всегда лгала. Попала ли она в эту западню вместе с ним или сама создала эту ловушку? Он запомнил ее смех. Но он также помнил и отчаянное объятие, шепот.

Что же он должен делать с этим мальчиком, который с болью и ужасом смотрел на него такими же неземными глазами, как и его собственные? Будет ли этот юноша правдиво отвечать на вопросы или же будет лгать?

Среди всех этих иллюзий, ошибок и оптических обманов, как показалось Фальку, можно было избрать лишь один путь — тот, которым он следовал всегда, покинув Дом Зоува. Он еще раз посмотрел на мальчика и сказал:

— Я не знаю тебя, Хар Орри. В моей жизни, которую я помню в течение последних четырех-пяти лет, тебя не было.

Сказав правду, Фальк отвернулся, сел в высокое вертящееся кресло и дал мальчику знак сделать то же самое.

— Вы помните Верель, врач Ромаррен?

— Кто такой Верель?

— Наш дом. Наша планета.

У Фалька защемило где-то в груди, но он ничего не сказал.

— Вы помните путешествие сюда, врач Ромаррен? — спросил мальчик.

Он заикался. В его голосе было недоверие. Казалось, он не воспринимал того, о чем Фальк только что сказал ему. В голосе его была также гнетущая тоска, уважение и страх.

Фальк покачал головой.

Орри повторил свой вопрос, слегка видоизменив его.

— Вы так и не помните нашего путешествия на Землю, врач Ромаррен?

— Нет. А когда оно было?

— Шесть земных лет назад. Простите меня, пожалуйста, врач Ромаррен. Я не знал... Я был над Калифорнийским Морем, и они выслали за мной аэрокар, автоматический аэрокар. Мне не сказали, для чего я потребовался. Затем Лорд Краджи сказал, что нашел одного из участников нашей экспедиции, и я подумал... Но он ничего не сказал о том, что случилось с вашей памятью. Значит, вы помните только Землю?

Казалось, он умолял Фалька, чтобы тот ответил отрицательно.

— Я помню только Землю.

Фальк кивнул, твердо решив не поддаваться чувствам мальчика, его наивности, искренности его лица и голоса.

Он должен был предполагать, что этот Орри вовсе не был таким, каким хотел казаться. Но если это действительно так?

«Больше я не позволю, чтобы меня дурачили», — с горечью сказал себе Фальк.

«Да, но если тебе будет очень хотеться этого, ты позволишь! — тут же отозвалась другая часть его мозга. — Тебя непременно одурачат, если только захотят этого, и нет способа предотвратить это. Если ты не будешь задавать вопросы этому мальчику, чтобы не выслушивать ложных ответов, то тогда ложь всецело возьмет верх, и результатом всего путешествия в Эс Тох будет только молчание, осмеяние и отвращение. Ты пришел сюда, чтобы узнать свое имя. Какое-то имя было названо. Прими его».

— Ты мне расскажешь, кто мы такие?

Мальчик снова стал нетерпеливо говорить какие-то непонятные слова. Затем, увидев непонимающее выражение глаз Фалька, он вскоре замолчал и печально покачал головой.

— Вы не понимаете, не помните, как говорить на языке келшак, врач Ромаррен?

Голос его был почти жалобным.

Фальк пожал плечами.

— Келшак — это твой родной язык? — спросил он мгновение спустя у юноши.

— Да! — твердо сказал мальчик. — И ваш тоже, врач Ромаррен!

— Как на этом языке звучит слово «отец»?

— Хьовач, или вава — для детей.

Искренняя улыбка озарила лицо Орри.

— А как вы называете пожилого человека, которого уважаете?

— Для этого есть много слов. Дайте мне подумать, врач. Я так давно не упражнялся в нашем языке. Если это не родственник, то можно сказать «превнотмо» или «тискной».

«Тискной». Как-то я уже произносил это слово, не зная откуда оно пришло мне на ум.

Это не было проверкой. Он никогда не говорил Эстрел о том, как он побывал у старого Слухача в Лесу, но они могли обшарить все воспоминания в его мозгу, могли узнать все, что он когда-то говорил или думал за то время, когда был в их руках, одурманенный прошлой ночью или даже, может быть, на протяжении нескольких суток.

Он мог не догадываться, что они с ним сделали, и не мог знать, что они еще могут сделать и сделают. Меньше всего он понимал, чего они добиваются. Единственное, что ему оставалось сделать — это продвигаться и дальше, пытаясь выяснить то, что он хотел.

— Ты здесь свободно можешь ходить, куда захочешь?

— О, да, врач Ромаррен. Повелители всегда были очень добры. Они уже давно ищут хоть кого-нибудь из других оставшихся в живых участников экспедиции. Тебе известно что-нибудь на этот счет, врач Ромаррен?

— Ничего!

— Все, что успел мне сказать Краджи, когда я несся сюда несколько минут назад, это то, что ты жил в лесу где-то в Восточной части этого материка, в каком-то диком племени.

— Я расскажу тебе об этом, малыш, если только ты захочешь об этом узнать. Но сначала ты должен рассказать мне вот что. Я не знаю, кто я, что это за экспедиция и что такое Верель?

— Мы — Келши, — скованно произнес мальчик.

Очевидно, он был смущен тем, что ему приходилось давать объяснения человеку, которого он считает старше себя, притом не только, разумеется, по возрасту, но и во всех других отношениях.

— Мы из народа Келшак и живем на Вереле, — продолжал Орри. — Сюда мы прибыли на корабле «Альтерра».

— Зачем мы прилетели сюда? — спросил Фальк.

Он наклонился вперед.

Орри стал рассказывать медленно, часто сбиваясь, несколько раз повторяя одно и то же, пока не устал говорить, а Фальк слушать. К тому времени стены комнат уже озарились светом вечернего солнца. Они долгое время молчали, а бессловесные слуги в это время принесли им еду и питье. Все то время, пока они ели и пили, Фальк не переставал в уме смотреть на бриллиант, который мог оказаться фальшивым, но мог быть и бесценным. Он перебирал в уме все подробности, изложенные ему Орри, и терялся в домыслах. Мир, который он принял, все еще был для него загадкой.

Вокруг похожего на око дракона желто-оранжевого солнца, смахивающего на огненный опал, кружилось до-

вольно медленно по вытянутым орбитам семь планет. Год на третьей зеленой планете длился шестьдесят земных лет. «Счастлив тот, кто встретит свою вторую весну», — так гласила одна из приведенных Орри пословиц.

Зимы в северном полушарии планеты были холодными, черными и ужасными, поскольку ось планеты была сильно наклонена к эклиптике. Долгое же лето продолжительностью в полжизни было роскошным.

Гигантская луна, цикл которой составлял четыреста дней, обуславливала грандиозные приливные волны в глубоких морях планеты. Планета была щедра на землетрясения, действующие вулканы, на передвигающиеся растения, на животных, и, что особенно важно, здесь была разумная жизнь.

Здесь были люди, которые говорили и строили города — целые калейдоскопы чудес. В этот волшебный, но отнюдь не необычный мир двадцать лет назад прибыл космический корабль. Двадцать гигантских лет этой планеты — то есть более тысячи двухсот лет назад по земному летоисчислению.

Колонисты, подданные Лиги Всех Миров, прибывшие на этом корабле, посвятили свой труд и свои жизни найденной планете, удаленной от древних центральных миров Лиги, в надежде в конце концов привести разумных обитателей планеты в Лигу в качестве новых союзников в Грядущей Войне. Такова была с самого начала политика Лиги, в течение многих поколений основанная на предупреждении пришельцев из Скопления Гриады об огромной волне завоевателей, которая перемещалась от планеты к планете, одно поколение за другим, все ближе к обширному скоплению из восьмидесяти планет, гордо называющему себя Лигой Всех Миров. Земля, будучи на самом краю этой сердцевинной части Лиги и ближайшей к недавно открытой планете Верель, снарядила первый корабль с колонистами.

Должны были прибыть корабли и с других планет Лиги, но ни один из них так и не осуществил посадку на Верель. Война началась.

Единственным средством связи с Землей и с главной планетой Лиги — Давенант — и вообще со всеми планетами Лиги был ансибл, мгновенный передатчик энергии, установленный на борту корабля с земными колонистами. Как отметил Орри, никакой корабль не мог перемещаться быстрее скорости света, но здесь Фальк поправил его.

Тем не менее, военные корабли, построенные на прин-

ципе ансибла, могли осуществлять такое перемещение в пространстве, но это были всего лишь смертоносные автоматические машины, невероятно дорогие и неспособные перевозить живых существ. Скорость света, с ее эффектом замедлять время для путешественников, была пределом скорости перемещения людей и тогда, и теперь. Поэтому колонисты Вереля оказались очень далеко от своего родного дома и всецело зависели от ансибла при получении известий.

Колонисты провели на Вереле пять лет, когда им сообщили, что нагрянул Враг, и сразу же после этого сообщения стали сбивчивыми, противоречивыми, прерывистыми и вскоре вовсе прекратились. Примерно треть из колонистов решили преодолеть на корабле огромное космическое пространство, отделявшее их от Земли, чтобы участвовать в борьбе своего народа против поработителей. Остальные же остались на планете Верель. В течение своей жизни они так и не узнали, что стало с их родной планетой и с Лигой, которой они служили. Они так никогда и не узнали, что представляет из себя Враг, и удалось ли ему одолеть Лигу или же он был повержен в прах. Они остались в изоляции, не имея ни корабля, ни коммуникатора — маленькая колония, окруженная любопытными и враждебными аборигенами, культура которых была на более низкой по сравнению с ними ступенью развития, но интеллект был одинаков! И они, а затем их внуки ждали, но звезды, мерцавшие над их головами, молчали. Больше не было ни кораблей, ни каких-либо известий. Их собственный корабль, должно быть, был уничтожен, записи о существовании новой планеты утеряны. Все забыли о маленьком желто-оранжевом опале, сверкавшем среди многих мирных звезд.

Колония процветала, все больше распространялась вглубь от берега моря, где был основан первый город, названный Альтеррой. Затем через несколько лет, — Орри остановился и поправил себя, — через шестьсот лет по земному времени, колония стала переживать тяжелые времена.

Тут Орри сказал, что он многого не знает, поскольку только начал изучать историю, и в этом ему очень помогали его отец и сам врач Ромаррен еще до того, как они отправились в это путешествие.

— Так вот, резко уменьшилось число рождений, и еще меньше детей выживало.

Здесь Орри снова сделал передышку, в конце концов сделав объявление:

— Я помню, что вы говорили мне тогда, что альтерране не понимали, что с ними происходит. Они полагали, что это последствия многих лет близкородственных браков, что фактически это было нечто вроде отбора. Повелители, которые сейчас живут здесь, как-то сказали мне, что этого могло не быть, что независимо от того, сколько времени на планете существует чужая колония, она всегда останется чуждой для этой планеты. С помощью генных манипуляций можно получить потомство от браков с коренными жителями, но это потомство будет всегда стерильно, так что я не знаю, что же в точности случилось с альтеррами — я был всего лишь ребенком, когда вы и отец пытались рассказать мне об этом — я помню, как вы говорили об отборе в направлении к жизнеспособному типу. В любом случае колонисты были на грани исчезновения, когда их остаткам удалось вступить в союз с одной туземной народностью, Тевар. Они вместе пережили зиму, и когда пришла весенняя пора, они вдруг обнаружили, что теварцы и альтерране могут воспроизводить потомство в достаточном, во всяком случае, количестве, чтобы основать гибридную расу. Повелители сказали мне, что такое невозможно, но я-то ведь хорошо знаю, что именно так вы говорили мне об этом*.

— И мы — потомки этой расы?

— Вы являетесь потомком альтерра Агада, врач Ромаррен, который был главой колонии землян в течение всей зимы десятого года. Мы еще в школе узнаем об Агаде. Ваше имя, врач Ромаррен, — Агад из Шарена. Я не имею такого известного происхождения, но моя прабабушка была из семьи Эсмит из Кьсу. Это все альтерранские имена. Конечно, для демократического общества Земли такие различия ничего не значат, не так ли?

Орри при этом, казалось, забеспокоился, как будто в его мозгу в это время происходил какой-то неясный конфликт. Фальк снова вернул его к рассказу о дальнейшей истории Вереля, полной детских домыслов и умозаключений, сделанных на основании тех обрывков, которые ему удалось запомнить.

— Новое смешанное племя со смешанной культурой народов тевар-альтерран расцвело за годы, последовав-

* Более подробно см. роман У. Ле Гуин «Планета Изгнания», М., Мир, 1980 г.

шие после этой опасной десятой зимы. Стали разрастаться небольшие города. На единственном континенте северного полушария установилась торгово-коммерческая культура. В течение нескольких поколений она охватила и примитивные народы южных континентов, где проблема сохранения жизни в суровую зиму стала более легко разрешимой. Население выросло. Наука и технология начали свой экспоненциальный рывок, чему способствовали книги альтерран, находившиеся в библиотеке из первого поселения на этой планете. Тайны этих книг становились все более объяснимыми по мере того, как отдаленные потомки колонистов восстанавливали утраченные знания. Они хранили и копировали эти книги, поколение за поколением, и изучали языки, на которых они были написаны — языки Лиги. В конце концов были исследованы спутники планеты и все ближайшее космическое пространство. Распространение городов и совершенствование нации контролировалось и уравнивалось могущественной империей Келшак, расположенной на древнем северном континенте. Находясь на вершине мира и могущества, Империя построила и отправила в космос корабль, способный двигаться со скоростью света. Этот корабль «Альтерра» покинул Верель через восемнадцать с половиной лет после того, как с Земли прибыл корабль с колонистами, то есть через тысячу двести лет по земному летоисчислению. Его экипаж понятия не имел, с чем он столкнется на Земле. На Вереле еще не научились строить ансамбл-передатчики, а радиосигналы посылать в космос не осмеливались, чтобы не выдать свое положение какой-нибудь вражеской планете, управляемой врагом, которого так боялась Лига. Для того, чтобы получить необходимые сведения, должны были отправиться живые люди и вернуться, преодолев гигантское расстояние, отделявшее их родную планету от Земли.

— Сколько времени длилось это путешествие?

— Более двух лет по летоисчислению Вереля, возможно, сто тридцать — сто сорок световых лет. Я тогда был еще совсем мальчишкой, врач Ромаррен, и много не понимал тогда, а о многом мне и не рассказывали.

Фальк не понял, почему подобное поведение должно было смущать паренька. Он в гораздо большей степени был ошеломлен тем фактом, что Орри, которому на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, прожил, выходит, сто пятьдесят лет! А он сам?

— «Альтерра», — продолжал Орри, — направилась

на Землю с базы космического флота, расположенной вблизи прибрежного города Тевар. На корабле было девятнадцать человек — мужчин, женщин и детей, большей частью подданных империи Келшак и считающихся потомками колонистов. Взрослые были отобраны Советом Империи с учетом степени подготовленности, способностей, смелости и готовности к самопожертвованию.

— Что же случилось с кораблем? Что произошло с остальными семнадцатью членами экипажа «Альтерра»?

— Мы были атакованы у Барьера. Синги смогли прийти к нам на помощь только после того, как «Альтерра» была разрушена, а атаковавшие рассеялись в разных направлениях. Это были бунтовщики, и пользовались они межпланетными аппаратами. Синги спасли меня, захватив один из них. Они так и не узнали, были ли остальные убиты или взяты в плен бунтовщиками. Они вели поиски по всей планете, и около года назад до них дошел слух о человеке, живущем в Восточном Лесу. Было похоже, что это мог быть один из нас.

— Что ты помнишь из всего этого — нападение и так далее?

— Ничего! Вы же знаете, как околосветовой полет воздействует на психику...

— Я знаю, что для тех, кто находится внутри корабля,двигающегося со скоростью света, время как бы останавливается. Но какие при этом возникают ощущения в книгах Лесов написано не было.

— Я на самом деле отчетливо ничего не помню. Я был тогда мальчишкой девяти земных лет. И я не уверен, что кто-нибудь мог бы вспомнить это отчетливо. Невозможно сказать, как все соотносится между собой. Как будто и слышишь, и видишь, только все как-то не стыкуется друг с другом. Все теряет всякое значение. Не могу объяснить: это ужасно, но только все происходит как будто во сне. Но когда затем происходит переход в обычное пространство, вот этот переход Повелители и называют Барьером, то пассажиры теряют сознание, если только готовы к этому переходу. Наш корабль не был к этому готов. Никто из нас не пришел в себя, когда на нас напали — поэтому-то я ничего не помню о нападении, ничего — ничуть не больше, чем вы, врач Ромаррен. Когда я пришел в себя, то был уже на борту корабля Сингов.

— Почему тебя, мальчика, взяли в такую опасную экспедицию?

— Мой отец был ее руководителем, мать тоже была

на корабле. Вы же знаете, врач Ромаррен, что когда возвращаются из такого путешествия, то все родные и близкие уже давно умерли. Теперь-то это уже не имеет никакого значения — мои родители погибли, или, может быть, с ними поступили точно так же, как с вами, и они даже не узнали бы меня, если бы мы встретились.

— Какова была моя роль в этой экспедиции?

— Вы были нашим навигатором.

Ирония этих слов заставила Фалька поморщиться, но Орри продолжал в своей уважительной, наивной манере:

— Конечно, это не означало, что вы должны были прокладывать курс нашего корабля, определять его координаты в космосе. Из всех Келши вы были самым великим мастером в математике и астрономии. Вы были по рангу старше всех нас на корабле, кроме, конечно, моего отца Хара Уэдена. У вас была восьмая ступень, врач Ромаррен. Вы помните что-нибудь об этом?

Фальк покачал головой.

Мальчик закончил описание экспедиции и в конце концов с печалью сказал:

— Я не могу поверить в то, что вы ничего не помните. Да еще этот ваш жест...

— То, что я покачал головой?

— На Вереле в знак отрицания мы пожимаем плечами. Вот так.

Простодушие мальчика было неотразимым. Фальк попытался пожать плечами, и ему показалось, что в этом была какая-то правомерность, правильность, которая могла убедить его, что жест этот был давно ему знакомым и привычным. Он улыбнулся, и Орри сразу же стал его утешать.

— Вы так похожи на себя того прежнего, врач Ромаррен, и вместе с тем совсем другой! Простите меня. Но что же с вами такое сделали, что вы столько забыли?

— Они уничтожили меня. Но теперь я и такой себе нравлюсь. Я такой, какой есть. Фальк — мое имя!

Орри наклонил в знак почтения голову.

— Как сильно за тобой здесь следят? — спросил бывший врач Ромаррен.

— Повелители требуют, чтобы я носил при себе коммуникатор, особенно когда я улетаю куда-нибудь на аэроплане.

Орри притронулся к браслету на левом запястье, который на вид казался простой золотой цепочкой:

— Это может быть опасным — оказаться среди туземцев.

— Пожалуй. Но ты волен ходить куда угодно?

— Конечно. Ваша комната, врач Ромаррен, точно такая же, как и моя, только на другой стороне каньона.

Орри снова смутился.

— Здесь у вас нет врагов, поймите это, врач Ромаррен.

— Нет? Где же они тогда?

— Ну, снаружи, там, откуда вы пришли.

Они взглянули друг на друга, чувствуя обоюдное взаимопонимание.

— Ты думаешь, что земляне наши враги? Ты думаешь, что это они уничтожили мой разум?

— А кто же еще? — тяжело дыша, испуганно прошептал Орри.

— Пришельцы, вот кто! Это наши враги Синги напали на «Альтерру» и сделали с нами то, что мы сейчас есть.

— Но, — кротко возразил мальчик, как бы понимая, насколько его бывший учитель и наставник невежествен и дик, — врага никогда и не было. Я хочу сказать, что Синги — это не пришельцы. И Войны Миров не было во Вселенной!

9

В комнате раздался мягкий дрожащий звук, похожий на звук гонга, и через мгновение бестелесный голос произнес:

— Совет открывается.

Скользнув в сторону, дверь отворилась, и в комнате появилась высокая фигура в длинной белой мантии и богато украшенном парике.

Брови на лице этого человека были сбиты и нарисованы высоко на лбу. Лицо, полностью приглаженное гримом, было лицом сильного человека среднего возраста.

Орри быстро выскочил из-за стола и поклонился, прошептав:

— Добро пожаловать, Лорд Абендабот!

— Хар Орри, — отозвался мужчина голосом, приглушенным до уровня шепота, — приветствую тебя, малыш!

Затем он повернулся к Фальку.

— И вас тоже, Агад Ромаррен. Добро пожаловать к нам. Начинается заседание Совета Земли. Мы соберем-

ся, чтобы ответить на ваши вопросы и рассмотреть ваши требования. Смотрите...

Он только на миг взглянул на Фалька и ни на шаг не приблизился ни к одному из присутствующих в комнате верелиан. Этого человека окружала какая-то странная атмосфера власти, а также полного самозаточения, поглощения собой. Он был как бы в стороне от всего происходящего в этой комнате. Все трое какое-то мгновение стояли неподвижно. Фальк, следя за взглядами остальных, увидел, что внутренняя стена комнаты потускнела и изменилась, став теперь как будто границей прозрачного сероватого студня, в котором линии и формы двигались и трепетали.

Затем изображение приблизилось, и Фальк затаил дыхание. Это было лицо Эстрел, только в несколько раз увеличенное.

Ее глаза смотрели на него с отрешенным спокойствием портрета.

— Я — Стрелла Зиобельель.

Губы изображения зашевелились, но откуда исходил голос, определить было невозможно — холодный абстрактный шепот, дрожащий (от эха?) в комнате.

— Меня послали доставить в Город в целости и сохранности участника экспедиции с планеты Верель. Об этом человеке говорили, что он живет где-то на Восточном Континенте номер один. Когда я впервые увидела его, я сразу поняла, что это именно тот человек, который нам нужен.

Ее лицо, постепенно исчезая, уступило место изображению лица Фалька.

Бестелесный голос спросил:

— Хар Орри, узнаете этого человека?

Как только юноша заговорил, на экране появилось его лицо.

— Это Лорд Ромаррен, Повелители. Он был навигатором «Альтерры».

Лицо мальчика поблекло, и экран остался пустым. Зашептало множество голосов, как будто происходило совещание духов, говоривших на неизвестном языке.

Фальк догадался, что, очевидно, таким образом Синги проводят заседание своего Совета: каждый из них находился, вероятно, в своей собственной комнате, окруженный только шепчущими голосами. Пока следовала вся эта неразборчивая абракадабра, Фальк шепнул Орри:

— Ты знаешь этот язык?

— Нет, врач Ромаррен. Со мной они всегда говорят только на Галакте.

— Почему они общаются таким способом, а не лицом к лицу?

— Здесь их очень много. Лорд Абендабот говорил, что на Совете Земли их присутствуют тысячи и тысячи. Они разбросаны по всей планете и для того, чтобы участвовать в заседании Совета, им приходится прибегать к такой церемонии. Повелители находятся почти во всех районах Земли, хотя Эс Тох является единственным городом на этой планете.

Жужжание бесплотных голосов угасло, и на экране начало проявляться лицо мужчины с мертвенно бледной кожей, черными волосами и блеклыми глазами.

— Это Кен Кениек,— шепнул Орри.

Мужчина заговорил:

— Агад Ромаррен, мы собрались на этот Совет для того, чтобы вы могли завершить свою миссию на Земле, и, если только пожелаете, вернуться затем на свою планету. Сейчас вам будет передано мысленное послание Лорда Пелле Абендабота.

Стена сразу же погасла, вернувшись к своему обычному полупрозрачному зеленоватому цвету.

Высокий человек в дальнем конце комнаты не сводил глаз с Фалька. Губы его не шевелились, но Фальк слышал то, что он говорил, не шепотом, а четко и необычайно отчетливо. Фальк не мог поверить в то, что это была мысленная речь, но в то же время это не могло быть и ничем иным. Лишенная особенностей тембра, рафинированная речь. Но в то же время она была абсолютно понятной и простой. Это была чистая логика, адресованная логика.

— Мы пользуемся мысленной речью только для того, чтобы слышать правду, потому что совершенно не соответствует истине то, что мы, называющие себя Сингами, или какие-то другие люди могут исказить или утратить правду при мысленной речи. Ложь, которую люди приписывают нам, является сама по себе ложью. Но если вы предпочитаете говорить вслух, то так и поступайте, но тогда и мы сделаем то же самое.

— Я не владею искусством мысленной речи,— громко произнес Фальк после некоторой паузы. Его живой голос громко и жестко звучал в тишине комнаты после этого яркого, бессловесного контакта разумов.— Но я достаточно хорошо все слышу. И я не прошу у вас правды. Кто я такой, чтобы требовать истину? Но

мне хотелось бы услышать то, что вы считаете необходимым сообщить мне.

Юный Орри, казалось, был потрясен. На лице же Абендабота ничего не отразилось.

Очевидно, он был настроен одновременно и на мозг Фалька, и на мозг Орри — само по себе редчайшее достижение! Фальк это понял по тому напряженному выражению лица, с которым Орри прислушивался к телепатической речи.

— Люди стерли содержимое твоего мозга, врач Ромаррен. Они научили тебя тому, что они хотели, и заставили тебя этому верить. Наученный таким образом, ты не доверяешь нам. Именно этого мы и боялись. Но спрашивай все, что хочешь, Агад Ромаррен с Вереля. Мы будем отвечать тебе правду!

— Долго ли я нахожусь здесь, в Эс Тохе?

— Шесть дней.

— Почему меня накачали наркотиками и пытались, одурманив, ввести в заблуждение?

— Мы пытались восстановить вашу память, но, как видите, нам не удалось это сделать.

— «Не верь ему!» — говорил Фальк сам себе столь упрямо, что Синг, без сомнений, имей он хоть какое-нибудь искусство проникновения, весьма отчетливо воспринял бы эту мысль.

Но Фалька это не заботило. Игра должна быть сыграна, как они того хотят, несмотря на то, что правила ее установлены ими, и они владеют богатым опытом подобных игр. Его неумение не играет никакой роли. Главное — это честность. Он теперь все поставил только на одну истину — нельзя надуть честного человека. Правда, если доводить игру до конца, не отступая от правил, она приведет только к правде.

— Скажите мне, почему я должен вам доверять? — спросил он.

Мысленная речь, чистая и четкая, снова обрушилась на него. Сам же ее передатчик, Абендабот, так же, как и Фальк, и Орри, стоял неподвижно, подобно фигуре на шахматной доске.

— Мы, кого вы знаете как Сингов, являемся людьми. Мы — Земляне. Мы родились на Земле от обычных людей, так же, как и ваш предок Агад Джекоб, житель первой колонии на Вереле. Люди научили вас тому, что, по их мнению, является земной историей за те двадцать

веков, которые прошли со времени основания колонии на Вереле. Теперь мы — тоже люди — научим вас тому, что известно нам. Не было никакого Врага, который бы обрушился с далеких звезд на Лигу Всех Миров. Лига была уничтожена революцией, гражданской войной. Она была уничтожена своими собственными коррупцией, милитаризмом и деспотизмом. По всем планетам Лиги прокатились волны переворотов, восстаний, захватов власти: С главной планеты были посланы карательные экспедиции, подвергавшие огню и мечу восставшие планеты, оставляя на них только выжженный песок. Теперь в охваченный войной космос не отправлялись корабли. Космос кишел кораблями-снарядами, опустошителями планет. Земля не подвергалась полному уничтожению, но половина населения ее была уничтожена. Половина ее городов, ее кораблей и ансибл-передатчиков, ее записей, ее культуры тоже погибла. Все это произошло за два ужасных года гражданской войны между противниками и сторонниками Лиги, причем обе стороны были до зубов вооружены невообразимо ужасным оружием, разработанным Лигой для борьбы с пришельцами. Некоторые отчаявшиеся люди, на какой-то миг приостановив борьбу, но зная, что дальнейшие контрперевороты, разрушения и руины неизбежны, применили новое оружие. Они стали лгать! Они сами себе придумали название, язык. Они выдумали определенные смутные легенды о своем далеком родном мире, откуда они пришли на эту Землю. Они распространили по всей Земле слух, как среди собственных приверженцев, так и среди сторонников Лиги, что на Земле появился Враг, что именно он толкнул все разумные расы Лиги на Гражданскую Войну, что именно он покончил с этой Лигой и полностью захватил власть на Земле в свои руки, и что добились они этого с помощью неожиданной, присущей только им одним способности — лгать в мысленной речи! Люди поверили этому. Это вполне соответствовало их панике, их страху, их усталости. Мир вокруг них лежал теперь в руинах, и они покорились Врагу, который — они с радостью поверили в это — имел над ними сверхъестественную власть и поэтому был несокрушим. Они проглотили эту наживку ради установления мира. И с тех пор они живут в мире! Мы, обитатели Эс Тоха, рассказываем небольшой миф, согласно которому в начале всех начал Создатель сказал Великую Ложь, потому что вообще ничего не существовало, но Создатель заговорил, сказав: «Она существует!», и смотрите — для то-

го, чтобы эта ложь Бога доказывала Истинность Бога, сразу же начала свое существование Вселенная. Если мир среди людей зависит от лжи, то тогда должны быть те, кто умышленно поддерживал бы эту ложь. Поскольку люди упорно верили тому, что явился Враг и овладел Землей, мы сами назвали себя Врагами и стали править. Никто не пришел, чтобы оспорить нашу ложь или нарушить установившееся равновесие, мир. Планеты Лиги были разобщены. Век межзвездных полетов прошел. Возможно, всего лишь раз в столетие какой-то корабль с далекой планеты, подобно вашему, заберется сюда. Но еще остались бунтовщики, которые противятся нашему господству, вроде тех, которые напали на ваш корабль у Барьера. Мы пытались их взять под свой контроль, так как, правы мы или нет, мы несли и несем в течение тысячелетия бремя мира между людьми. За то, что мы сказали Великую Ложь, мы должны теперь поддерживать Великий Закон, вам он известен, который мы — люди среди людей — навязываем каждому индивидууму, один Закон, которому научились в самую ужасную для человечества годину.

Яркая мысленная речь прекратилась. Это было похоже на то, словно неожиданно выключили свет. В наступившей подобно тьме тишине юный Орри прошептал вслух:

— Почтение перед жизнью!

Вновь наступила тишина. Фальк стоял неподвижно, стараясь ни выражением своего лица, ни даже мыслями, которые могли быть подслушаны, не выдавать смутение и нерешительность, охватившие его. Неужели все, что он знал раньше, не соответствует истине? Неужели у человечества действительно не было Врагов?

— Но если эта история правдива, — наконец вымолвил он, — почему вы громко не скажете об этом и не докажете свою правоту людям?

— Мы — люди, — пришел телепатический ответ. — Нас много тысяч, которые знают эту горькую правду. Мы — те, кто располагает в этом мире властью и знаниями и пользуется ими во имя Мира! Наступили темные века. Сейчас длится как раз один из них, один из многих, когда люди считают, что миром правят демоны. Мы играем роль демонов в их мифологии. Когда же люди начнут заменять свою мифологию логикой или разумом, мы придем им на помощь. Тогда-то они и узнают правду!

— Зачем вы обо всем этом рассказали мне?
— Ради истины как таковой и ради вас самих.
— Кто я такой, чтобы заслужить такую честь? — холодно повторил Фальк.

Он глядел на похожее на маску лицо Абендабота.

— Вы — посланец затерянной в космосе планеты, колонии, все записи о которой были утеряны в эпоху Смуты. Вы прибыли на Землю, и мы, Повелители Земли, не смогли оградить вас от опасности. Ведь это люди Земли напали на вас, перебили или подвергли лоботомии весь ваш экипаж. Это были люди Земли, планеты, на которую вы вернулись после многих столетий! Ими оказались повстанцы с континента номер три, который не так примитивен и заселен более густо по сравнению с этим континентом номер один. Они пользуются украденными межпланетными кораблями. Они считают, что каждый корабль, обладающий околосветовой скоростью, может принадлежать только Сингам. Вот только поэтому они и напали на ваш корабль без предупреждения. Это могло быть предотвращено, будь мы более бдительными. Но сейчас об этом уже поздно говорить, а поэтому мы стремимся произвести любые возмещения, которые только в наших силах.

— Они искали вас и остальных все эти годы, — вмешался в разговор Орри. — Поверьте мне, врач Ромаррен, они искали вас.

Очевидно, ему очень хотелось, чтобы Фальк поверил всему этому и... что сделал?

— Вы пытались восстановить мою память? — спросил Фальк. — Зачем?

— Разве не за этим вы пришли сюда? Разве не за своим утерянным «я» вы отважились проникнуть в Эс Тох?

— Да, это так, но я...

Фальк не знал даже, что еще сказать.

Он не мог не поверить в то, что ему только что сказали, но в это же время принимать это за истину... У него не было отправных точек, опираясь на которые он мог бы вынести свое суждение. Для него было недопустимо, что Зоув и все остальные лгали ему. Но, может быть, они сами были жестоко обмануты?

И все же инстинктивно он с недоверием относился ко всему тому, что только что сказал Абендабот. Однако все это было высказано посредством мысленной речи, при которой ложь была невозможна. Но на самом ли де-

ле так уж и невозможна? Если лжец говорит о том, что он не лжет...

Но Фальк сейчас же сдался и не стал углубляться в логические противоречия.

Еще раз взглянув на Синга, он произнес:

— Пожалуйста, больше не пользуйтесь мысленной речью. Я хотел бы слышать ваш голос. Вы, значит, обнаружили, что не смогли восстановить мою память?

После плавности мысленной речи шепот Абендабота показался сбивчивым и скрипучим:

— Да, теми средствами, которыми мы пользовались, нам не удалось этого сделать.

— А другими средствами?

— Возможно, можно было бы совершить. Мы считали, что в вашем мозгу была установлена парагипнотическая блокировка. Однако вместо этого, как мы обнаружили, было просто стерто содержимое вашего мозга. Мы не знаем, откуда повстанцы могли узнать технику этого процесса, которую мы держим в строжайшей тайне. Но еще большей тайной является то, что даже стертый мозг можно восстановить...

На широком, суровом, похожем на маску лице Синга на миг появилась улыбка.

— С помощью нашей психокомпьютерной техники, мы думаем, что сможем восстановить ваш прежний разум. Однако это связано с непременным полным блокированием вашей теперешней личности. Поскольку она имеется, мы не смогли продолжить работы над вашим мозгом без согласия индивидуума с именем Фальк.

Замещающая личность...

Фальк съежился, как будто ему стало холодно. Он осторожно спросил:

— Вы имеете в виду, что для того, чтобы вспомнить, кем я был на самом деле, я должен забыть, кем я являюсь сейчас?

— К несчастью, в данном случае это именно так. Мы очень сожалеем об этом, поверьте мне. Потеря эта, я хочу сказать, что потеря этой новой вашей личности, возраст которой всего лишь несколько лет, хотя и заслуживает всякого сожаления, но, вероятно, все же не слишком высокая цена, которой оплачивается то вступление во владение разумом, который был у вас прежде. Поймите, разве это такая высокая цена, если у вас появится возможность завершения великой космической миссии и возвращения на свою родную планету. Вы обогатитесь знаниями и принесете пользу своему народу.

Несмотря на свой ржавый, необычно звучащий шепот, Абендабот и в обычном разговоре был столь же красноречивым, как и в мысленном. И в то же время несмотря на эту красноречивость, Фальк только с третьего или четвертого раза уловил все значение произнесенных слов.

— Возможность завершения? — повторил он.

Он чувствовал себя дураком и глядел на Орри, как бы пытаясь найти в нем поддержку и помощь.

— Вы имеете в виду то, что послали бы меня, нас, назад на ту планету, с которой, как вы полагаете, я прибыл сюда?

— Мы бы почли это за честь и начало возмещения, предоставив вам околосветовой корабль для обратного путешествия на Верель.

— Мой дом — Земля! — с неожиданной яростью воскликнул Фальк.

Абендабот промолчал. Через минуту заговорил Орри.

— А мой — Верель, врач Ромаррен, — жалобно произнес он. — И я никогда не смогу вернуться туда без вас.

— Почему?

— Я не знаю, где он расположен. Я никогда не смог бы рассчитать курс для возвращения домой.

— Но у этих людей есть субсветовые корабли и навигационные компьютеры! Тебе нужно только знать, возле какой звезды вращается Верель, и дело с концом!

— Но я как раз не знаю этого, врач Ромаррен.

— Какая чепуха! — откликнулся Фальк.

Его недоверчивость стала перерастать в гнев.

Абендабот поднял руку.

— Пусть мальчик все объяснит, Агад Ромаррен, — прошептал он.

— Объяснит, почему он не знает названия солнца своей родной планеты?

— Это правда, врач Ромаррен, — произнес Орри.

Он дрожал. Его лицо покраснело.

— Если бы вы были собою, вы бы знали это наизусть. Я же был тогда всего лишь в своем девятом лунном круге. У меня была всего лишь Первая ступень. Ступени... Да, наша цивилизация, я полагаю, очень сильно отличается от земной. Теперь я вижу в свете того, что Повелители пытаются здесь делать и в свете демократических идеалов Земли, что наша планета во многом отстала. Но тем не менее, у нас имеются ступени, которые не зависят от ранга и происхождения и являются бази-

сом Гармонии. Не знаю, как это выразить на Галакте. Знания, может быть, являются базисом нашей жизни на Вереле. По крайней мере, в любом случае я был на Первой ступени, а у вас, врач Ромаррен, была Восьмая. И на каждой ступени имеется многое, что не может быть понято, пока полностью не взойдешь на нее. Я думаю, что истинное имя планеты или ее Солнца можно узнать не раньше, чем на Седьмой ступени. Истинное название — древнее название, оно приведено в восьмом сборнике Книг Альтерры, книг колоний. Эти названия приведены на галактическом языке и поэтому могут быть поняты живущими на Земле Повелителями. Но я не могу назвать их, так как не знаю. Все, что я знаю, это сами понятия «солнце» и «земля». Но это не поможет мне попасть домой до тех пор, пока вы не вспомните то, что прежде знали. Какое солнце? Какая земля? О, вы должны разрешить им, врач Ромаррен, вернуть вам память. Вы должны понять меня.

— Ты хочешь моей смерти, малыш?

Орри заплакал и Фальк промолчал.

Несмотря на все смятение, в котором он пребывал, он вдруг отчетливо увидел сияющее над Поляной Солнце. Он будто бы стоял на продуваемом ветрами балконе Лесного Дома. И тут он понял, что не за своим именем он пришел в Эс Тох, в этот страшный Город, а для того, чтобы узнать название Солнца, истинное название древнего светила своей родной планеты!

10

Странное заседание невидимого Совета Повелителей Земли завершилось. Уходя, Абендабот проскрипел:

— Вы можете поступать по своему усмотрению, Агад Ромаррен. Вы можете остаться Фальком, нашим гостем на Земле или вступить во владение своим наследством и завершить предначертание ваших соотечественников на Вереле. Мы хотим, чтобы вы сознательно совершили свой выбор и тогда, когда вы сами сочтете это нужным. Мы ждем вашего решения и будем терпеливы.

Затем, обернувшись к Орри, он добавил:

— Сделай так, чтобы твой соплеменник чувствовал себя в городе свободным, и дай нам знать, если ты или он захотите вдруг что-то узнать.

Дверь отъехала в сторону перед Повелителем, и он вышел из комнаты. Его высокая могучая фигура мгно-

венно исчезла. Был ли он здесь на самом деле, во плоти, или это своего рода проекция, Фальк не мог с уверенностью судить об этом. Он даже удивился, подумав — видел ли он хоть раз живого Синга, или все это были только тени, проекции?

— Нам есть куда уйти отсюда? — резко спросил он у маленького соплеменника, устав от бесплотных скрытых способов общения и странных стен этого дворца и одновременно интересуясь, насколько на самом деле простирается их свобода.

— Куда угодно, врач Ромаррен. Мы можем выйти на улицу или, может быть, возьмем слайдер? Или, давайте, пойдем в сад, расположенный прямо здесь, во Дворце?

— В сад так в сад.

Он пошел вниз по огромному пустому, сверкающему коридору через тамбур-шлюз и попал в какую-то небольшую комнатку. Орри вошел за ним следом, закрыл дверь и произнес: «Сад».

Он не ощутил движения, но когда двери открылись, он уже был в саду. Вряд ли это чудо было снаружи Дворца. Через полупрозрачные стены далеко внизу мерцали огни города. Полная луна празднично висела над стеклянным потолком. Все вокруг было полно мягких световых пятен и теней, повсюду были тропические кустарники и лианы, которые вились вокруг шпалер и свисали с беседок. Фальк резко обернулся, чтобы удостовериться, существует ли позади него дорога к выходу. Горячая, тяжелая, полная необыкновенных запахов тишина казалась сверхъестественной. Казалось, что этот сад хранит воспоминания о какой-то далекой, ныне утраченной планете, чуждой всему земному, наполненной запахами и иллюзиями, болотами и неожиданными превращениями.

На тропинке меж мрачных цветов Орри остановился, чтобы взять из висевшей на столбе корзины маленькую белую трубочку и, поместив ее в губах, стал нетерпеливо сосать. Фальк был слишком поглощен другими впечатлениями, чтобы придать этому особое значение, но мальчик, как бы слегка смутившись, сам начал объяснять:

— Это парпита, успокаивающее средство. Все Повелители прибегают к нему. Оно стимулирует работу мозга. Может быть, вы хотите.

— Нет, спасибо. Я хотел бы спросить тебя о многом другом.

Однако он замолчал, колеблясь. Его новые вопросы могли и не быть прямыми.

Все время пока шел Совет, и пока Абендабот давал свои объяснения, Фалька не покидало ощущение, что все это было представлением, игрой, такой же, какие он видел на древних магнитных лентах у Владыки Канзаса.

Там он смотрел какую-то пьесу, где старый безумный король Лир рыщет в бурю по вересковым зарослям. Но у Фалька было еще и любопытное ощущение, что эта пьеса разыгралась не столько для него, сколько для Орри. Он не понимал причины этого, но снова и снова ощущал, что все то, что говорил ему Абендабот, говорилось только для того, чтобы что-то доказать мальчику.

И мальчик верил происходящему.

Для него это было пьесой. Или же он сам был актером и участником в ней.

— Меня смущает вот что,— осторожно произнес Фальк.— Ты сказал мне, что Верель находится на расстоянии ста тридцати — ста сорока световых лет от Земли. Но именно на таком расстоянии не должно быть чересчур много планет земного класса, и компьютер мог бы...

— Повелители говорят,— перебил Фалька Орри,— что на расстоянии ста пятнадцати — ста пятидесяти световых лет имеются всего четыре звезды класса «Ж» с планетами, среди которых может оказаться и наша. Но все они находятся в различных направлениях, и если Синги пошлют корабли на ее поиски, то на это, возможно, придется потратить около тысячи трехсот лет реального времени. Вы понимаете, врач Ромаррен, для того, чтобы отыскать нашу родную планету, понадобится около тысячи трехсот лет!

— Хотя ты был всего лишь ребенком, все же мне кажется немного странным то, что ты не знал, сколько времени уйдет на путешествие, и сколько лет тебе будет, когда ты вернешься домой.

— Речь шла о «двух годах», врач Ромаррен, то есть, грубо говоря, о ста двадцати земных годах, но мне казалось ясным, что это не точная цифра, потому что мне это было не нужно.

На какой-то момент возвратившись в своей памяти на Верель, мальчик заговорил с такой трезвой рассудительностью, какой раньше не выказывал.

— Я думаю,— продолжал он,— что, вероятно, не зная, кого и что взрослые собирались обнаружить на

Земле, они хотели быть уверенными в том, что мы, дети, незнакомые с техникой блокировки мозга, не смогли бы выдать местонахождение Вереля противнику. Для нас же самих было, возможно, безопаснее оставаться в полном неведении.

— А ты помнишь, как выглядит звездное небо Вереля, какие там созвездия?

Орри пожал плечами в знак отрицания и засмеялся.

— Повелители тоже спрашивали меня об этом. Я был зимнерожденным, врач Ромаррен. Весна только началась, когда мы покинули Верель. Я едва ли видел безоблачное небо.

Если все это было правдой, то тогда казалось, что действительно только он — его подавленная личность, только Ромаррен мог бы сказать, где находится планета Верель. Объясняло ли это то, что казалось главной загадкой — интерес, который Синги проявляли к нему, причину, по которой под попечительством Эстрел он был приведен сюда. Объясняло ли это их предложение восстановить его память?

Существовала планета, которая не находилась под их контролем. На ней вновь открыли субсветовой полет.

Именно поэтому Синги хотят узнать ее местонахождение. Если они восстановят его память, он должен будет сказать им все, что знает. Если только они смогут восстановить его память. Если только все из того, что они ему говорили, было правдой.

Он вздохнул. Он устал от этой сумасшедшей жизни, подозрений, суматохи, от избытка не имевших достаточных оснований чудес. Иногда он даже задумывался над тем, а не находится ли он еще до сих пор под влиянием какого-то наркотика. Он чувствовал, что не в состоянии судить о том, что ему следует делать. Он и, вероятно, этот мальчик были игрушками в руках страшных, не имеющих веры игроков.

— Был ли он — тот, которого зовут Абендабот, сейчас в комнате, или это была какая-то иллюзия?

— Я не знаю, врач Ромаррен, — ответил Орри.

Вещество, которым он надышался из трубки, казалось, успокоило его. Обычно похожий на малое дитя, сейчас он говорил весело и непринужденно.

— Думаю, что все же он был там. Но они никогда близко не подходят друг к другу. Скажу вам честно, хотя это и очень странно, но за все время, которое я провел здесь, за все эти шесть лет, я еще ни разу не прикоснулся ни к одному из них. Они стараются держать-

ся в стороне, всегда поодиночке. Я не имею в виду того, что они не были добры ко мне,— поспешно добавил он.

Он глядел на Фалька своими чистыми глазами, чтобы у него не сложилось впечатление, что он лжет.

— Они очень добрые. Я очень люблю и Лорда Абендабота, и Кена Кениека, и Парлу. Но они так далеки, всегда далеки от меня. Они так много знают. Они несут слишком тяжелое бремя. Они сохраняют знания и поддерживают мир. Они выполняют много других обязанностей и притом делают это уже в течение тысячи лет, тогда как остальные люди Земли не несут никакой ответственности, а живут жизнью диких зверей на воле. Их соплеменники — люди — ненавидят их и не хотят знать правды, которую им предлагают. Поэтому Повелители всегда должны оставаться порознь, оставаться одинокими, чтобы сохранить мир, ремесла и знания, которые, если бы их не было, были бы утрачены за несколько десятков лет среди этих воинственных племен, Домов, Странников и рыщущих по планете людоедов.

— Далеко не все они людоеды,— сухо заметил Фальк.

Казалось, что Орри подзабыл немного выученный урок.

— Может быть, и так,— согласился он.

— Некоторые из них говорят, что они опустились так низко потому, что их так держат Синги. Если же они будут искать новые знания, которые им не хотят открыть Синги, знания, которые помогут им начать строить свой собственный город, то Синги уничтожат его и их вместе с ним!

Наступила пауза. Орри закончил обсасывать свою трубку и аккуратно припрятал ее среди корней кустарника с длинными сверкающими красными оттенками цветами. Красными, как плоть, отметил про себя Фальк. Он ждал, что ему ответит на его патетическое высказывание мальчик, но постепенно до него стало доходить, что ответа не будет. То, что он только что сказал, просто не дошло до сознания Орри. Оно просто не имело для него никакого смысла.

Они продолжали молча идти в глубь сада.

— Ты знаешь ту, изображение которой появилось вначале? — спросил Фальк.

— Стреллу Зиобельель? — с готовностью отозвался Орри.— Да, я видел ее и раньше на собраниях Совета.

— Она из Сингов?

— Нет. Она не принадлежит к Повелителям. Я ду-

маю, что она из горцев, но была воспитана в Эс Тохе. Многие люди приводят или присылают сюда своих детей, чтобы их воспитали для службы у Повелителей. А детей с недоразвитым мышлением приводят сюда и подключают к психокомпьютеру для того, чтобы даже они внесли свой посильный вклад в великое дело. Именно их невежественные люди называют «людьми-орудиями». Ты пришел сюда со Стреллой Зиобельель, врач Ромаррен?

— Да, кроме, того, я странствовал с ней, делился с ней пищей и спал в одной постели. Она называла себя тогда Эстрел, Странницей.

— Но вы же тогда должны были сами догадаться, что она не Синг! — сразу вырвалось у мальчика.

Он тут же покраснел, замолчал, вытащил еще одну белую трубочку и начал сосать, опустив глаза вниз.

— О, если бы она была из Сингов, то не спала бы тогда со мной? Это ты хотел сказать?

Фальк заинтересовался.

Мальчик, все еще красный от смущения, пожал плечами, выразив на свой манер отрицание. Затем наркотик все же придал ему смелости, и он произнес:

— Они не вступают в физическое соприкосновение с другими людьми, врач Ромаррен. Они словно боги, добрые, умные, но такие холодные и далекие. Они все время держатся порознь.

Речь мальчика была сбивчивой, многосложной, по-детски наивной. Осознал ли он свое одиночество в этом чуждом мире, в мире, в котором он прожил свое детство и в котором вступил в годы юности? Как, должно быть, он был одинок среди всех этих людей, которые всегда старались держаться отдельно друг от друга, которые не дотронулись до него, которые напичкали его словами, но настолько оторвали от реальности, что уже в пятнадцать лет он стал искать утешение в наркотике! Он не осознавал своей изоляции, не имел определенных представлений о многих вещах. Но иногда в его глазах были такие острые тоска и надежда, что Фальк не мог страстно не жалеть бедного юношу. У Орри был взгляд человека, которым тот смотрит на миражи, возникающие перед ним, — пальмы и арыки с прохладной водой.

Фальку хотелось еще о многом расспросить мальчика, но от этого было бы очень мало пользы. Фальк положил руку на хилое плечо Орри. Мальчик вздрогнул от прикосновения, слегка улыбнулся и принялся снова сосать свой наркотик.

Позже, будучи уже в своей комнате, где все было таким роскошным и предназначалось для его удобства — или для того, чтобы ошеломить Орри? — Фальк долго шагал взад и вперед, как волк в клетке, пока в конце концов не лег спать. Ему снилось, что он находится в доме, похожем на Лесные Дома, но у обитателей этого дома были глаза цвета янтаря и агата.

Он изо всех сил старался убедить их, что принадлежит к их племени, но они не понимали его языка, и как-то странно смотрели на него, когда он, запинаясь, искал нужные слова, слова истины, слова правды.

Когда он проснулся, его уже поджидали люди-орудия, чтобы предупредить любое желание. Он отпустил их. Выйти в коридор ему никто не препятствовал. По дороге он никого не встретил. Длинные туманные коридоры казались совершенно пустыми, так же, как и подернутые дымкой полупрозрачные комнаты, мимо которых он шел и которые, казалось, не имели дверей. Однако все это время его не покидало чувство, что за ним наблюдают, следят за каждым его движением.

Когда он, вдоволь нагулявшись по этим длинным коридорам, вернулся к себе в комнату, там его уже поджидал Орри, который горел желанием показать Фальку город.

Целый день они бродили по городу пешком, иногда на слайдере, по его улицам, покрытым висячими садами, среди дворцов, жилых домов и общественных зданий Эс Тоха. Орри был щедро снабжен полосками иридия, которые служили здесь деньгами, и когда Фальк заметил, что ему не нравится модная одежда, в которую его одели хозяева дворца, Орри настоял, чтобы они зашли в лавку, торгующую одеждой, и купили ему все, что было нужно. Фальк стоял среди стеллажей и прилавков, заполненных пышными одеяниями и сотканными, и пластифицированными, сиявшими яркими цветными узорами. Он подумал о Парт, которая ткала на своей маленькой прялке белых журавлей на сером фоне.

— Я сотку черную одежду, — сказала она в момент прощания, — и буду ходить в ней.

Вспомнив об этом, он предпочел бы всей радуге материй и накидок простые черные штаны, темную рубаху и короткую черную меховую куртку.

— Эта одежда немного напоминает мне ту, которую носят у нас дома на Вереле, — сказал Орри.

Он с сомнением глядел на свое собственное огненно-красное одеяние.

— Но у нас там не было зимней одежды из искусственного меха. О, мы могли бы так много взять с собой на Верель. Мы о многом могли бы рассказать и многому научить, если только смогли бы отправиться туда!

Они зашли в помещение для еды, построенное на прозрачном уступе прямо над ущельем. По мере того, как холодный ясный вечер опускался с гор в бездну под ними, дома, которые вздымались прямо над ее краями, стали переливаться всеми цветами радуги, а улицы и висячие мосты засверкали огнями. Пока они ели остро приправленную пищу, они как бы плавали в волнах тихой музыки, окутавшей их, и наблюдали за многочисленными обитателями города.

Некоторые из людей, ходивших по улицам Эс Тох, были одеты бедно, некоторые — роскошно. Многие были в одежде лиц противоположного пола, безвкусной и кричащей, и это смутно напоминало Фальку одежды Эстрел, когда он впервые увидел ее после того, как пришел в себя.

Среди жителей Эс Тох были люди различных физических данных, причем многие из них Фальку никогда раньше не встречались. У одной из групп людей была очень белая кожа, голубые глаза и волосы цвета солом.

Фальк решил, что они каким-то образом обесцветили себя, но Орри объяснил, что это представители племени, живущего на континенте, чья культура поощрялась Сингами, и которые привозили сюда их вождей и молодых людей на аэрокарах, чтобы те смогли увидеть Эс Тох и рассказать остальным.

— Как видишь, врач Ромаррен, это неправда, что Повелители отказываются учить туземцев. Как раз наоборот, это туземцы отказываются учиться. Все эти люди располагают многими знаниями Сингов.

— И что же им пришлось забыть, чтобы заслужить такую награду? — с иронией справился Фальк.

Орри не понял подоплеку вопроса, а если и понял, то ничего не мог рассказать о так называемых «туземцах». Он не знал, как они живут и что им известно из бывшего культурного и научного наследия когда-то великой цивилизации Земли. С владельцами лавок и официантами он был снисходительно вежлив, старался вести себя, как человек ведет себя с домашними животными.

Это высокомерие он, возможно, привез с Вереля. Судя по его описаниям, общество Империи Келшак было иерархическим, где каждый строго знал свое место на шкале Ступеней или шкале рангов, но кто устанавливал ранги, какие именно достоинства лежали в основе деления на ранги, Фальк так никогда и не смог понять.

Насколько он мог судить, ранг зависел не только от происхождения из той или иной семьи.

Детских воспоминаний Орри не хватало для составления четкой и цельной картины. Кроме того, Фальку очень не нравилось в Орри то, с каким выражением тот произносил слово «туземцы», и он, не выдержав, спросил с оттенком иронии:

— Откуда тебе известно, кому следует кланяться и кто должен кланяться тебе? Я не могу отличить Повелителя от жителей Земли.

— О, да. Туземцы так называют себя сами, потому что они упорствуют в своих представлениях о Повелителях как завоевателях-пришельцах. Я сам не могу их различать.

Мальчик искренне улыбнулся.

— Большинство людей на этих улицах Синги?

— Я считаю, да. Хотя, разумеется, я мог бы отличить по виду всего лишь нескольких.

— Я не понимаю, что удерживает Повелителей — Сингов вдали от людей, если и те и другие — земные люди?

— Ну, знания, власть. Ведь Повелители уже очень долго господствуют на Земле.

— Но почему они держатся как обособленная каста? Ты как-то сказал, что Повелители верят в идеалы демократии.

Это было какое-то древнее слово, которое запало ему в голову, когда он впервые услышал его из уст Орри. Он не был уверен в его значении, но знал, что оно имеет какое-то отношение к участию всех в управлении.

— Да, конечно, врач Ромаррен. Совет правит демократически, для всеобщего блага. Не забывайте, что здесь нет ни королей, ни диктаторов. Может быть, сходим в парпита-холл? Если вам не нравится парпита, там есть другие стимулирующие средства — танцовщицы, мастера игры на теанде.

— Тебе нравится музыка?

— Нет, — чистосердечно признался мальчик.

Он как бы извинялся.

— Она вызывает у меня желание плакать или кри-

чать. Конечно, на Вереле тоже поют, но только маленькие дети и животные. Как-то даже странно слышать, когда это делают взрослые люди. Но Повелителям нравится поощрять местное искусство. А танцы — они иногда очень красивы.

— Нет.

Фальк становился все более неугомонным. Ему не терпелось все понять и покончить с этим делом.

— У меня есть один вопрос к тому, которого зовут Абендабот, если он пожелает нас видеть.

— Пожалуйста. Он был моим учителем в течение целого года. Я могу позвать его с помощью этого.

Орри поднял к губам золотой браслет, охватывающий его запястье. Пока он говорил в него, Фальк тихо сидел, вспоминая, как Эстрел шептала молитвы в свой амулет и удивлялся своей собственной тупости. Любой дурак мог бы догадаться, что это был передатчик. Любой дурак, кроме него.

— Лорд Абендабот говорит, что может принять вас в любое удобное для вас время. Он в Восточном Дворце, — объявил Орри.

Они ушли из столовой, швырнув полоску денег кланявшемуся официанту, увидевшему, что они уходят.

Весенние грозовые тучи скрыли звезды и луну, но улицы были залиты светом. С тяжелым сердцем шел по ним Фальк. Несмотря на все свои страхи, он страстно желал увидеть Город «Элону» — место Людей!

А когда увидел, то еще больше встревожился и устал. И не толпы людей беспокоили его, а нереальность.

Это отнюдь не было местом людей. В Эс Тохе не было ощущения истории, протяженности назад во времени, и вперед в пространстве, хотя он уже в течение тысячелетия господствовал над человеческим миром. В нем было отчетливо заметно отсутствие библиотек, школ, музеев, которых так много насчитывалось в древних городах Земли, судя по телевизионным лентам, хранившимся в Доме Зоува. Здесь не осталось памятников и напоминаний о Великой Эре Человечества. Иссяк поток знаний и товаров. Деньги, которыми пользовались, были просто щедрым даром Сингов, а не порождением экономики, которая могла вдохнуть в них жизненную силу. Хотя говорили, что на Земле очень много Повелителей, они основали почему-то только один Город. Они держались порознь друг от друга так же, как и сама Земля держалась отдельно от других планет, которые неког-

да образовали Лигу. Эс Тох был замкнутым на себе городом. Все его великолепие, мелькание огней и машин, множество незнакомцев, роскошь улиц и зданий царили над глубокой расщелиной, на пустом месте. Это было Место Лжи. Но все же это был удивительный город, подобно ограненному бриллианту, упавшему с неба на беспокойную пустыню Земли — это был удивительный, чуждый и в то же время вечный город.

Слайдер перенес их через ярко освещенный мост к вздыбленной вверх башне.

Далеко внизу во тьме бежала речка. Гор не было видно из-за грозовых облаков.

У входа в башню Фалька и Орри встретили люди-орудия, и привели их к лифту, а затем в комнату, стены которой как всегда были полупрозрачными и без окон. Их попросили присесть и предложили высокие серебряные кубки с каким-то напитком.

Фальк осторожно попробовал его на вкус и с удивлением обнаружил тот же запах можжевельника, который был у напитка, некогда предложенного ему во Владении Канзас. Он знал, что это крепкое спиртное, и не стал пить.

Орри с наслаждением смаковал каждый глоток. Вошел Абендабот, высокий, в белой мантии. Лицо его было похоже на маску.

Едва заметным жестом он отпустил слуг и встал на некотором расстоянии от Фалька и Орри.

Еще один человек-орудие поставил на маленький столик третий кубок.

Абендабот поднял его, как бы салютуя, выпил до дна и только после этого заговорил сухим шепотом.

— Вы не сушили свой кубок, Лорд Ромаррен. На Земле существует одна старая-престарая поговорка: «Истина в вине».

Повелитель улыбнулся, но через мгновение снова стал серьезным.

— Но вас мучает та жажда, которая утоляется не вином, а истиной.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Всего один?

Что-то насмешливое слышалось Фальку в этих словах настолько отчетливо, что он взглянул на Орри, надеясь, что и тот уловил насмешку, но мальчик, посадивая еще одну трубку парпиты, ничего не уловил.

Его серо-золотые глаза были низко опущены.

— Я бы предпочел переговорить с вами наедине, — резко сказал Фальк.

Услышав эти слова, Орри удивленно поднял взор.

— Разумеется, я всегда готов.

Синг усмехнулся.

— Однако хочу вам заметить, Лорд Ромаррен, что на мой ответ не повлияет то обстоятельство, будет здесь Хар Орри или нет. У нас нет ничего такого, что мы могли бы рассказать вам, утаив при этом от него, как и нет ничего, что мы могли бы утаить от вас, поставив при этом его в известность. Но если вам угодно, чтобы мы были наедине, то что ж, пусть будет по-вашему.

— Подожди меня в холле, Орри, — попросил Фальк.

Мальчик кивнул и покорно вышел из комнаты.

Когда вертикальные створки двери закрылись за ним, Фальк произнес, вернее, прошептал, потому что все здесь не столько говорили, сколько шептали:

— Я хотел бы повторить еще раз мой вопрос. Вы можете восстановить мою прежнюю память только за счет нынешней личности, не так ли?

— Почему вы спрашиваете у меня? И разве я, ответив вам правду, буду уверен, что вы этому поверите?

— А почему я не должен поверить? — запротестовал Фальк.

Сердце у него защемило, потому что он почувствовал, как играет с ним Синг. Похоже, что в этой игре партнеры отнюдь не равноценны. По крайней мере, он был совершенно безвольным и ни в чем не сведущим.

— А разве мы не Лжецы? Вы обязаны не верить всему тому, что мы говорим. Разве не этому учили нас в Доме Зоува? Разве не так вы сейчас думаете?

Фальк осознавал всю тщетность своего упорства.

— Я скажу вам то, что уже говорил раньше, но только немного подробнее, хотя Кен Кениек лучше меня разбирается во всем этом. Он наиболее искусный среди нас в обращении с мозгом. Вы хотите, чтобы я позвал его? Я не сомневаюсь, что он не будет возражать против присутствия своей проекции здесь, среди нас. Нет? Конечно, это не имеет особого значения. Выражаясь грубо, ответ на ваш вопрос таков: содержимое вашего мозга стерто, выскоблено. Это такая хрупкая операция, разумеется, не хирургическая, которая производится с помощью психоэлектрического оборудования, воздействие которого намного эффективнее, чем обычного гипнотического блокирования.

То, о чем вы в данный момент спрашиваете, — это

вторичная, добавочная, частичная память, и структура личности, которую вы сейчас считаете своей основой, своим «Я». Но это, конечно, не так. Если взглянуть беспристрастно, ваше вторичное «Я» просто рудимент, эмоционально чахлый и интеллектуально неполноценный в сравнении с истинной личностью, которая очень глубоко упрятана в вашей психике. Поскольку мы не можем ожидать от вас, да и не ожидаем, что вы сможете взглянуть на все это беспристрастно, мы, тем не менее, хотим верить, что восстановление личности Ромаррена включит в себя и продолжение существования личности Фалька. Мы имели сильное искушение солгать вам об этом, чтобы рассеять все ваши страхи и сомнения, и тем самым облегчить выбор. Но мы думаем, что вам лучше знать правду. Мы не можем поступить иначе. А истина заключена в следующем: когда мы восстановим функциональные способности вашего мозга, если только этими словами можно назвать такую сложную и опасную операцию, которую готов провести с помощью своих психокомпьютеров Кен Кениек, то такое восстановление повлечет за собой всеобщую блокировку вторичной синаптической плоскости, которую вы сейчас считаете своим разумом и личностью. Это вторичное целое будет безвредно подавлено, то есть в свою очередь стерто.

— Чтобы оживить Ромаррена, вы, значит, должны убить Фалька?

— Мы не убиваем, — раздался резкий шепот Синга. Затем эти же слова он с жаром повторил мысленно.

Последовала некоторая пауза, после которой Абендабот прошептал:

— Чтобы добиться великого, мы должны отказаться от малого. Таково всеобщее правило.

— Чтобы жить, нужно согласиться умереть, — произнес Фальк.

Он увидел, что лицо, похожее на маску, поморщилось.

— Очень хорошо. Я согласен позволить убить меня. Мое сознание не играет особой роли, не так ли? Но вы все же хотите его получить?

— Мы не убьем вас.

Шепот стал громче.

— Мы никогда не убиваем. Мы не забираем ничьей жизни. Мы просто восстановим вашу истинную память и сущность. Но вам придется забыть все земное. Такова цена. Здесь не может быть ни выбора, ни сомнения. Чтобы стать Ромарреном, необходимо забыть Фалька. На

это придется согласиться. Это единственное, что мы просим у вас.

— Дайте мне еще один день, — попросил Фальк.

Он встал, давая тем самым понять, что разговор окончен.

Он проиграл. В этой игре он бессилён что-либо предпринять.

И все же он заставил эту маску поморщиться, на какое-то мгновение он задел ложь за живое. Все эти мгновения он чувствовал, что истина, будь у него чуть больше сил или умения дотянуться до нее, лежала совсем близко, на поверхности.

Вместе с Орри Фальк покинул башню.

Уже на улице он предложил:

— Давай немного пройдемся. Я хотел бы кое-что обсудить с тобой, но только подальше от этих стен.

Они пересекли ярко освещенную улицу и вышли на край обрыва. Овеваемые холодным ветром, они стояли плечом к плечу и смотрели вниз.

Фонари моста отбрасывали на них свет, прямо с края улицы вниз падали стенки глубокого черного ущелья.

— Когда я был Ромарреном, — медленно произнес Фальк, — имел ли я право просить у тебя о какой-нибудь услуге?

— Вы могли рассчитывать на что угодно, — быстро и спокойно ответил мальчик, как будто вспомнив дни своей первоначальной учебы на Вереле.

Фальк посмотрел ему прямо в глаза, перевел взгляд на золотой браслет на руке Орри и жестом показал, что его необходимо бросить в ущелье.

Орри попытался было что-то сказать, но Фальк приложил палец к губам.

Глаза мальчика вспыхнули. Он немного колебался, затем все же снял браслет и швырнул его в темноту пропасти.

После этого он повернулся к Фальку.

На лице у него были страх и смущение, но в то же время можно было увидеть, что он всей душой жаждал заслужить одобрение Фалька.

Впервые за все время общения с Орри Фальк мысленно обратился к нему:

— Есть ли у тебя другое такое устройство?

Сначала мальчик ничего не понял.

Мысленная речь Фалька была неумелой и слабой по сравнению с тем, как это умели делать Синги.

Когда же, наконец, Орри понял, он так же мысленно ответил:

— Нет. У меня был только этот компьютер. Зачем вы приказали мне его выбросить, врач Ромаррен?

— Я хочу поговорить с тобой и только с тобой. Для того, чтобы нас никто не подслушал. Тебе понятно?

Мальчик казался испуганным.

— Повелители могут услышать, — пробормотал он. — Они могут подслушать мысленную речь где угодно, врач Ромаррен, а я только начинаю упражняться в защите своего мозга...

— Тогда мы будем говорить вслух, — заметил Фальк.

Но он сомневался в том, что Синги могут прослушивать мысленную речь «где угодно» без помощи какого-либо рода технических средств.

— Вот что я хочу у тебя спросить. Эти Повелители Эс Тоха привели меня сюда, кажется, для того, чтобы восстановить мою память, память Ромаррена. Но они могут сделать это только ценой моей памяти, принадлежащей мне такому, как я сейчас, ценою всего того, что я узнал на Земле. Они настаивают именно на этом. Я же не хочу, чтобы так случилось. Я не хочу забыть то, что знаю и о чем догадываюсь. Я не хочу стать невежественным орудием в руках этих людей. Я не хочу умереть еще раз до естественной смерти. Я не рассчитываю, что мне удастся воспротивиться им, но я хочу попытаться. Поэтому услуга, о которой я хотел бы попросить тебя, заключается в...

Он замолчал, обдумывая продолжение, поскольку четкого плана у него пока не было.

Лицо Орри, покрасневшее поначалу от возбуждения, теперь снова потускнело, в конце концов он спросил:

— Но почему... — и тоже смолк.

— Ну? — потребовал Фальк.

Он видел, что власть, которой он на короткое время добился над мальчиком, стала улетучиваться.

Однако этим своим нетерпением «ну» ему все же удалось немного растормошить Орри.

— Ну? — чуть ли не грозно повторил снова Фальк.

— Почему вы не доверяете Повелителям, врач Ромаррен? Зачем им нужно подавлять ваши воспоминания о Земле?

— Потому что Ромаррен не знает того, что знаю я. И ты тоже не знаешь. А раз так, то для того, чтобы не предать планету, пославшую нас сюда, мы должны быть очень осторожны в своих поступках.

— Но вы ведь даже не помните Верель?

— Ты прав, малыш. Но я не хочу служить лицам, которые повелевают здесь. Слушай меня. Вот все, о чем я могу догадываться относительно их намерений. Они восстановят мой прежний разум для того, чтобы узнать местонахождение нашей родной планеты. Едва они узнают об этом, тут же убьют меня, а тебе скажут, что операция потерпела неудачу. Если же они ничего не узнают, то оставят мне жизнь, по крайней мере, до тех пор, пока я не скажу им того, что они хотят узнать. А я как Ромаррен не буду располагать достаточными знаниями, чтобы утаить от них всю правду. После этого они пошлют нас назад, на Верель, как единственных уцелевших после великого путешествия. Мы после длительного отсутствия, продолжавшегося несколько земных веков, возвратимся на родную планету, чтобы рассказать о том, что на варварской Земле Синги-люди высоко держат факел цивилизации. Синги, которые вовсе не являются Врагами, а совсем наоборот, они — жертвующие собой Владыки, мудрые Повелители. И не какие-то там пришельцы из глубин Вселенной, а что ни на есть самые обыкновенные люди. Мы должны будем рассказать на Вереле о том, как дружелюбно они отнеслись к нам. И нам охотно поверят, поверят той же лжи, которой поверили мы сами. Поэтому они не будут бояться появления Сингов на Вереле и не придут на помощь людям Земли, истинным ее обитателям, которые так жаждут избавления от лжи.

— Но, врач Ромаррен, все это совсем не ложь, — запротестовал Орри.

Фальк долго смотрел на него сосредоточенным ясным взглядом. Сердце его сжалось, но в конце концов он сказал:

— Так ты сделаешь для меня то, о чем я тебя прошу?

— Да, — прошептал мальчик.

— Не сказав об этом ни одной живой душе?

— Да.

— Все очень просто. Когда ты впервые встретишься со мной как с Ромарреном, если вообще встретишься, — то скажи мне такие слова: «Прочитайте первую страницу книги».

— Прочитайте первую страницу книги, — покорно повторил мальчик и кивнул головой.

Наступила пауза. Фальк стоял, чувствуя, что его все больше охватывает безысходность, ощущая себя мухой, запутавшейся в паутине.

— И это все, о чем вы хотели меня попросить, врач Ромаррен? — нарушил наконец тишину Орри.

— Это все.

Мальчик склонил голову и пробормотал какую-то фразу на своем родном языке, очевидно, какую-то формулу обещания. Затем он спросил:

— А что мне следует сказать о браслете-коммуникаторе Повелителям, врач Ромаррен?

— Скажи им правду. Это не имеет никакого значения, если ты сохранишь другую тайну.

Кажется, они уже научили мальчишку лгать, но и не научили отличать правду от лжи.

Орри провел Фалька назад через мост к слайдеру, и они вернулись в сиявший дворец с полупрозрачными стенами, куда Эстрел в первый раз привела его.

Оставшись в комнате наедине с собой, Фальк дал выход страху и ярости, осознав, что он полностью одурачен и беспомощен. Когда ему все же удалось укротить свой гнев, он продолжал метаться по комнате, как волк в клетке, борясь со страхом смерти.

Если он отклонит их требования, могут ли они оставить его в живых, как Фалька, пусть бесполезного для них, но и безвредного?

Нет, не оставят. Это было ясно, как день, и только трусость заставила его рассматривать этот вариант. Надежды не было никакой! Может ли он сбежать от них?

Кажущаяся пустота этого здания могла быть ловушкой или, наоборот, подобно многому другому здесь, иллюзией. Он чувствовал, догадывался, что за ним неотступно следят, подслушивают и подглядывают с помощью скрытых автоматических устройств.

Как он уже успел отметить, все реальные двери охранялись здесь или людьми-орудиями, или электронными мониторами.

Но даже если ему и удастся сбежать из Эс Тоха, что тогда?

Может ли он совершить обратный путь через горы и равнины, через реки и леса, чтобы вернуться в конце концов на Поляну к Парт... Нет!

Он гневно остановил ход своих мыслей.

Он не может вернуться назад. Он уже столь далеко зашел, что теперь просто обязан идти до самого конца, пусть даже через смерть, если ее не удастся миновать, ко второму рождению — рождению чужого ему человека с чужой душой.

Но здесь уже больше никого не будет, никого, кто

сказал бы этому незнакомцу всю правду, потому что здесь нет никого, кому бы Фальк мог довериться, кроме себя самого, и, следовательно, Фальку не только придется умирать, но и смерть его должна будет послужить намерениям Врага, а этого Фальк не мог выдержать. Это было невыносимым.

Он шагал вдоль и поперек по тихому зеленоватому полумраку своей комнаты. Он не должен, не может оказывать услугу лжецам, не должен рассказывать им того, что они хотят узнать.

И не судьба Вереля беспокоила его — исходя из всего того, что он знал, все его догадки шли в никуда, а сам Верель казался такой же ложью. То же самое можно было сказать об Орри и еще с большей уверенностью об Эстрел. Но он любил Землю, хотя и был чужаком на ней. Земля для него означала Дом в Лесу, залитую Солнцем Поляну, девушку Парт. Вот их-то он и не имел права предавать! Он должен верить в то, что найдет какой-нибудь способ остаться самим собой, несмотря на все ухищрения и силу Врага. Снова и снова он пытался представить себе, каким образом он, Фальк, мог бы оставить послание самому себе, но уже Ромаррену.

Проблема эта сама по себе выглядела столь нелепой, что притупляла воображение и казалась неразрешимой. Если Синги не заметят, как он будет писать такое послание, они, конечно, тут же обнаружат его, когда оно будет написано. Сначала он думал воспользоваться Орри, как посредником, приказав ему сказать Ромаррену: «Не отвечайте на вопросы Сингов...», но он не был уверен в преданности мальчика. Он не надеялся, что Орри будет повиноваться его приказам и сохранит все в тайне от захватчиков. Синги так манипулировали сознанием этого бедного ребенка, что он фактически стал их орудием. Даже лишенное смысла послание, которое он передал Орри, могло быть уже известно Сингам.

Нет никакого устройства или уловки, никакого средства или способа, чтобы выбраться из создавшегося положения.

Была только надежда, да и та очень слабая, что он выстоит, что бы с ним ни сделали, что он останется самим собой и откажется забыть, откажется умереть. Единственное, что ему давало основание надеяться на это, было то, что Синг сказал, что это невозможно.

Он хотел, чтобы он поверил в то, что это невозможно.

Иллюзии, видения и галлюцинации его первых часов или дней в Эс Тохе скорее всего имели целью привести

его в состояние смятения. Он должен был запутаться, сбиться с толку и потерять веру в себя. Вот чего они добивались!

Они хотят, чтобы он не верил в свои убеждения, свои знания, в свою силу. Все их рассуждения о стирании содержимого мозга были в равной степени запугиванием и шантажом с целью убедить его, что он, вероятно, не сможет противостоять их парагипнотическим операциям.

Ромаррен не выдержал их...

Но у Ромаррена не было подозрения или предубеждения против их способности или о том, что они попытаются сделать с ним, в то время как у Фалька только это и держится в голове. Вот в чем разница. Поэтому, вероятно, память Ромаррена и оказалась уничтоженной. По их уверениям, то же ожидает и память Фалька. Однако лучшим доказательством их лжи было то, что они все же пытались восстановить память Ромаррена!

Очень слабая надежда. Все, что он мог сделать, — это внушить себе: «Я все выдержу», — в надежде, что это окажется возможным.

Если удача будет на его стороне, так может случиться. Если же удача от него отвернется...

«Надежда — еще более хрупкая, более трудная вещь, чем вера», — подумал он, шагая по комнате, под отблески беззвучных молний весенней грозы, различных сквозь полупрозрачные стены, грозы, разразившейся высоко над его головой. В хорошую погоду верят в жизнь, в плохую — только надеются. Но суть при этом одна и та же. В этих категориях необходима связь одного разума с другим, с миром и со временем. Без веры человек живет, но не человеческой жизнью. Без надежды он погибает. Когда же нет взаимосвязей, когда руки не соприкасаются с другими руками, чувства атрофируются, разум кажется бесплотным и одержимым, и связь между людьми становится такой, какая связывает хозяина и раба, убийцу и жертву.

Законы существуют для того, чтобы подавлять побуждения, которых люди сами в себе боятся.

«Не убий!» было единственным хвастливым законом Сингов. Все остальное было дозволено. Это означало скорее всего, что существует не так уж много такого, что бы они на самом деле хотели сделать.

Страшась своего собственного, глубоко заложенного влечения к смерти, они проповедовали почтение к жизни, дурача в конце концов и самих себя собственной ложью!

У него не оставалось бы ни малейшей надежды на

победу, если бы не одно качество, с которым ни один лжец не может справиться — человеческая честность. Вероятно, им и в голову не придет, что человек может так сильно жаждать остаться самим собой, что, возможно, устоит, даже будучи абсолютно беспомощным.

Все возможно...

Успокоив наконец свои мысли, он взял книгу, которую подарил ему Владыка Канзаса и которую, наперекор его предсказанию, он до сих пор не потерял, и читал ее очень внимательно, пока не уснул.

На следующее утро, возможно, последнее в жизни Фалька, Орри предложил продолжить осмотр достопримечательностей города с аэрокара. Фальк согласился, ответив, что он очень хотел бы взглянуть на Западный океан.

Подчеркнуто вежливо двое из Сингов, Абендабот и Кен Кениек, справились, можно ли им сопровождать почетного гостя и постараться ответить на все возникшие у того по ходу полета вопросы. У Фалька была смутная надежда, что ему удастся как можно больше узнать о том, что они собираются сделать с его мозгом, и тем самым подготовиться к сопротивлению. Но из этого ничего не получилось. Кен Кениек разразился бесконечным потоком терминов, непрерывно говоря о нейронах и синапсах, блокировании и разблокировании, о наркотиках, гипнозе и парагипнозе, о подключенных и неподключенных к мозгу компьютерных. Все это было для Фалька бессвязным набором слов, но слов устрашающих. Он вскоре прекратил все попытки что-либо узнать о предстоящей операции.

Аэрокар, пилотируемый бессловесным человеком-орудием, который казался всего лишь продолжением органов управления, поднялся над горами и устремился на запад над пустынями, яркими от краткого весеннего цветения. Через несколько минут они уже были лицом к лицу с суровым гранитом Западного Хребта. Несмотря на катаклизмы, горы Сиерры все так же вздымали в небо свои зазубренные пики, выраставшие из занесенных снегом ущелий. За пределами хребта лежал океан, ярко отражая солнечный свет. Темными пятнами над его волнами выделялись затонувшие участки суши.

Когда-то там были города, ныне уже забытые — так же, как и в его собственном мозгу забытые города, имена и...

Когда аэрокар повернул, чтобы направиться на восток, Фальк сказал:

— Завтра будет землетрясение, и то, что было Фальком, может уйти под воду.

— Поверьте, мне будет очень жаль, если такое случится, Лорд Ромаррен.

Абендабот печально кивнул. Фальку показалось, что в его голосе промелькнула нотка удовлетворения. Всякий раз, когда этот Синг выражал какие-то свои чувства словами, это было настолько фальшивым, что, казалось, подразумевало прямо противоположное. Но, возможно, у Абендабота полностью отсутствовали какие-либо чувства и волнения. Кен Кениек, с бледным лицом и водянистыми глазами, которые ничего не говорили о его возрасте, в отличие от своего напарника, Абендабота, не выказывал никаких чувств и не притворялся, что они у него есть.

Вот и сейчас он сидел, не двигаясь, без всякого выражения на лице, всецело замкнутый, ушедший в себя, отрешенный.

Аэрокар стрелой мчался над пустынями, отделявшими Эс Тох от моря. На всем этом огромном пространстве не было никаких признаков обитания людей. Они совершили посадку на крыше здания, в котором была расположена комната Фалька. После нескольких часов, проведенных в обществе холодных бесстрастных Сингов, он страстно желал хотя бы этого призрачного уединения. И они позволили Фальку получить его.

Остаток дня он провел в своей комнате, опасаясь, что Синги могут снова одурманить его или навязать какие-то иллюзии, чтобы рассеять внимание и ослабить волю. Но, по-видимому, они почувствовали, что уже нет необходимости предпринимать какие-либо меры предосторожности относительно его личности. Его оставили в покое — пусть себе шагает по полупрозрачному полу, сидит или читает свою книгу. Что, в общем-то, он может совершить против их воли?

Снова и снова в течение этих долгих часов он возвращался к книге. Он не осмеливался делать на ее полях никаких заметок или отметок, даже ногтем.

Он только читал ее, хотя, пожалуй, и так знал наизусть. Он был полностью поглощен чтением, страница за страницей вникал он в ее слова, повторяя их про себя, что бы он ни делал — расхаживал или сидел, или лежал. Вновь и вновь его мысли возвращались к самому началу

этой книги, к первым словам Старого Канона на первой странице:

«Путь, который может быть пройден,
Это не есть вечный Путь.
Имя, которое может быть названо,
Это не есть вечное Имя».

Поздно ночью, под гнетом усталости и голода, мыслей, которые он непрерывно гнал от себя, мыслей о страхе смерти, которым он не позволил овладеть собой, ум его наконец пришел к такому состоянию, которого он искал. Стена пала, душа отделилась от брэнного тела, и он стал ничем. Он стал словом. Словом, произносимым во тьме, которое некому было услышать. Его личность отделилась от него, и он всецело стал вечно собой — безымянным и одним единственным во Вселенной.

Постепенно чувство времени вернулось, и вещи снова получили имена, а стены поднялись вокруг него. Он прочел первую страницу книги еще раз, затем лег и постарался уснуть.

Восточная стена его комнаты под ранними лучами солнца стала ярко-изумрудной, когда за ним пришли двое людей-орудий и повели вниз через дымчатый коридор и нижние этажи здания на улицу, усадили в слайдер и повезли по тенистым улицам. Переехав через глубокую расщелину, они попали в другую башню.

Эти двое не были слугами, которые обслуживали его. Это были могучие бессловесные стражники, на лица которых даже психокомпьютер не смог наложить отпечаток индивидуальности. Помня методичную жестокость избияния, которому он был подвергнут, когда впервые очутился в Эс Тохе, первый урок неверия в себя, который ему преподнесли Синги, он предположил, что они боятся, как бы он не скрылся в последнюю минуту, и приставили к нему этих стражников, чтобы охладить любой подобный порыв.

Его провели через лабиринт комнат, заканчивавшийся в ярко освещенных подземных палатах, стены которых представляли собой экраны и блоки какого-то огромного вычислительного комплекса. В одну из таких комнат и вошел Кен Кеннек, чтобы встретить его.

Фальк удивился, почему Синг один. У него мелькнула мысль, что за все время пребывания в Эс Тохе он видел от силы двух Сингов одновременно. Сингов во плоти и крови, не считая иллюзий. Но сейчас у него уже не было времени ломать себе голову над подобной проблемой,

хотя где-то в закоулках мозга промелькнуло какое-то неясное воспоминание, объяснение.

— Вы не пытались прошлой ночью совершить самоубийство, — сказал Кен Кениек своим безразличным шепотом.

Было непонятно — вопрос это или просто констатация факта.

Такой выход даже не приходил Фальку в голову.

— Я думал о том, что позволил бы только вам проделать это, — с вызовом ответил Фальк.

Кен Кениек не обратил внимания на эти слова, хотя отлично их понял.

— Все готово, — прошептал он. — Это те же запоминающие устройства и точно такие же связи, которые были использованы для блокирования вашей первоначальной структуры сознания и подсознания шесть лет назад. Если вы в душе согласны на этот опыт, то устранение блокировок подсознания не будет сопряжено с какими бы то ни было затруднениями или нанесением умственных травм. Согласие очень существенно для восстановления, хотя совершенно не нужно для подавления сознания. Вы готовы?

Почти одновременно с произнесенными вслух словами он обратился к Фальку при помощи мысленной речи: «Вы готовы?»

— Да, — едва слышно пробормотал Фальк.

Как бы удовлетворившись ответом и сопровождающими этот ответ эмоциональными обертонами, Синг кивнул и произнес своим монотонным шепотом:

— Я начну прямо сейчас же, без применения наркоза. Наркотики затуманивают ясность гипнотического и парагипнотического процесса. Без них мне легче работать. Садитесь.

Фальк повиновался молча, стараясь изгнать из мозга какие-либо мысли.

По какому-то неслышимому сигналу в комнату вошел ассистент и наклонился над Фальком, в то время как сам Кен Кениек расположился перед лицевой панелью одного из компьютеров.

В его позе было что-то от музыканта, сидящего перед своим инструментом. На мгновение Фальк вспомнил огромную систему в тронном зале Властителя Канзаса, быстрые черные пальцы, парившие над ней, которые чертили и перечеркивали определенные изменяющиеся узоры камней, звезд, мыслей. Тьма нахлынула на него, как шторы на глаза и разум. Он сознавал, что к его черепу

что-то приспособливают, нечто вроде колпака. Затем он перестал что-либо ощущать, кроме черноты, бесконечной черноты, кромешной, всеобъемлющей тьмы!

В этой тьме чей-то голос произнес одно слово, которое он почти что понял. Снова и снова этот голос произносил одно и то же слово, какое-то имя...

Подобно языку пламени вспыхнула его воля к жизни, и он провозгласил, собрав все свои силы, ломая все препятствия, в тишине тьмы, которая обволакивала его мозг:

— Я — Фальк!

Но тьма все же поглотила его.

11

Место было темное и тихое, как в дремучем лесу. Слабый, он долго блуждал где-то между сном и пробуждением.

Ему часто снились какие-то сны или фрагменты снов, когда-то ранее виденных им. Затем он снова крепко уснул и снова проснулся среди тусклой зелени и тишины.

Кто-то шевельнулся рядом с ним. Повернув голову, он увидел какого-то юношу, совершенно ему незнакомого.

— Кто вы?

— Я Хар Орри.

Имя это упало как камень на спокойную поверхность его мозга и исчезло. Только круги от него становились все шире и шире, пока мягко и медленно самое внешнее кольцо не коснулось берега и не исчезло. Орри, сын Хара Уэдена, один из Путешественников, мальчик, ребенок, зимнерожденный.

По спокойной поверхности его мозга прошла легкая рябь.

Он прикрыл глаза, и ему захотелось снова нырнуть в глубь успокаивающей темноты.

— Мне снилось, — пробормотал он с закрытыми глазами, — что...

Через мгновение он опять заговорил:

— Мне очень много привиделось...

Он понял, что от действительности уйти нельзя. Он открыл глаза и смело взглянул в испуганное нерешительное лицо юноши. Это был Орри, сын Уэдена.

О чем он позабыл?

— Что это за место?

— Пожалуйста, лежите спокойно, врач Ромаррен. Вам еще нельзя разговаривать. Пожалуйста, лежите тихо.

— Что со мной случилось?

Головокружение заставило его послушаться мальчика, и он опустил голову на подушку.

Тело его, даже мышцы губ и языка, когда он произносил слова, не повиновались ему должным образом. Это была не слабость, а странное и страшное отсутствие управляемости. Чтобы поднять руку, ему требовалось прибегнуть к усилию воли, как будто он поднимал не свою, а чужую чугунную руку.

Чью-то чужую руку... Он довольно долго смотрел на свою вытянутую вперед руку, которая была покрыта на удивление темным загаром.

От локтя до запястья следовала серия голубоватых параллельных шрамов, образующих легкий пунктир, словно нанесенный повторяющимися уколами игл. Кожа на ладони огрубела и обветрилась, как будто долгое время он провел на открытом воздухе, а не в лабораториях и вычислительном центре Управления путешествиями.

Внезапно что-то заставило его приподняться и оглядеться. Комната, в которой он находился, не имела окон, но почему-то он мог видеть солнечный свет внутри ее, пробивавшийся сквозь полупрозрачные — это он понял уже позднее — зеленоватые стены.

— Что? Произошла авария? — вымолвил он с трудом. — При запуске или когда... Но мы все же совершили полет. А может быть, мне все это снится?

— Нет, врач Ромаррен, мы действительно совершили этот полет.

Вновь в комнате воцарилась тишина. Через несколько минут как будто про себя он начал говорить вслух:

— Я припоминаю полет, как одну ночь, одну долгую, последнюю ночь. Но длилась она столько, что ты превратился из ребенка почти в мужчину. Значит, мы в чем-то ошиблись, определяя время полета.

— Нет, полет здесь ни при чем...

Орри запнулся.

— А где же все остальные?

— Пропали без вести.

— Погибли? Говори прямо, Орри.

— Возможно, что и погибли, врач Ромаррен.

— Где мы сейчас находимся?

— Пожалуйста, успокойтесь...

— Отвечай!

— Эта комната находится в городе, который называется Эс Тох, что на планете Земля, — без запинки ответил мальчик.

Затем он разразился чем-то вроде рыданий.

— Вам ничего об этом неизвестно? Вы не помните этого? Ничего не помните? Значит, сейчас еще хуже, чем прежде...

— Откуда мне помнить Землю? — прошептал Ромаррен.

— Я должен был сказать вот что. Прочтите первую страницу книги.

Ромаррен не только не обратил внимания на сбивчивую речь мальчика. Теперь он знал, что все пошло вкривь и вкось, и о том, что произошло за эти годы, он ничего не знал. Но пока ему не удалось побороть эту необычную слабость своего тела, он ничего не сможет сделать. Пока не прошло головокружение, он решил не делать резких движений и начал отрешенно цитировать монологи Пятого Уровня. Когда это успокоило его разум, он стал засыпать.

Снова ему привиделся сон, запутанный и страшный, но он пробивался в его успокоившееся сознание, как лучи солнца пробиваются сквозь тьму страшного леса.

Когда он заснул еще крепче, эти фантастические видения исчезли, и во сне всплыло одно простое, отчетливое воспоминание: он стоит рядом с каким-то крылатым аппаратом, чтобы вместе с отцом отправиться в город. Вплоть до самого подножия горы Чара леса уже сбросили свои листья, но воздух все еще оставался темным, чистым и спокойным. Его отец, Агад Кароен, художавый, подвижный, пожилой человек, облаченный в парадное одеяние, со шлемом на голове, держа в руках жезл, медленно идет по лужайке вместе со своей дочерью, и оба они смеются, когда он поддразнивает ее упоминаниями о ее первом поклоннике.

— Гляди в оба за этим парнем, Парт, он будет немилосердно свататься к тебе, стоит только тебе позволить...

Слова эти, легкомысленно произнесенные давным-давно, в яркий солнечный день долгой золотой осени его молодости, он снова услышал теперь так же, как и ответный смех девушки. Сестра, сестренка, любимая Ариан... Каким это именем назвал ее отец? Не настоящим ее именем, а как-то иначе, чем-то вроде Нарт...

Ромаррен проснулся. Он сел на кровати, с определенным усилием пытаясь подчинить себе свое тело, и хотя

оно еще не должным образом отозвалось, он все же ощутил, что это определено его тело, а ведь какое-то мгновение при пробуждении у него было чувство, что он какой-то призрак в чужой плоти, насильно помещенный в нее и потерянный.

Теперь же он вполне прилично себя чувствовал. Он — Агад Ромаррен, рожденный в доме из серебристого камня среди широких лугов, раскинувшихся у седой вершины Чара — Единственной Горы. Он был наследником Агада, рожденным осенью, и поэтому всю свою жизнь вынужденным прожить осенью и зимой. Весну он никогда не увидит, так как корабль «Альтерра» начал свой полет к Земле в первый день весны. Но долгие зима и осень, все время его взрослой жизни, юности и детства, простирались в глубь его памяти ярко и полно.

Он помнил все до мелочей, память его была подобна реке, по которой можно было подняться до самого истока.

Орри в комнате не было.

— Орри! — громко позвал он мальчика.

Теперь он уже был настроен решительно. Он готов был узнать, что же произошло с ним, с его спутниками, с «Альтеррой» и целью их великого Путешествия.

На его крик никто не отозвался. Комната, казалось, не имела не только окон, но и дверей. Он сдержал свой порыв мысленно обратиться к мальчику. Он не знал, настроен ли до сих пор на его мозг Орри, и чувствовал также, что его собственный мозг, очевидно, перенес то ли какое-то повреждение, то ли вмешательство. Поэтому он решил, что лучше действовать осторожно и не синхронизировать свой мозг с каким-либо другим, пока он не узнает, не угрожает ли ему контроль над его волей извне.

Он встал, преодолевая тошноту и кратковременный острый приступ боли в затылке, несколько раз прошелся по комнате, чтобы размяться и обрести координацию движений. Заодно он рассмотрел более внимательно дикинскую одежду, которая была на нем, и ту странную комнату, в которой он находился. Здесь было много мебели — кровать, столы, места для сидения, — все на длинных тонких ножках. Полупрозрачные и в то же время мрачные зеленые стены были покрыты явно обманчивыми, чередовавшимися узорами, один из которых маскировал дверь-диафрагму, а другой — высокое зеркало. Он остановился на миг и взглянул на себя. Он показался себе похудевшим, обветренным и, вероятно, гораздо более старше, насколько, сейчас сказать было трудно.

Глядя на себя, он ощущал удивительную неловкость. Чем она была вызвана? Что случилось? Он повернулся и еще раз внимательно осмотрел комнату.

В ней было много предметов. Два из них были обычной формы, хотя детали их непривычно терзали взгляд — чашка для воды на столе, и рядом с ней Книга, состоявшая, очевидно, из страниц. Он подошел и взял Книгу. Что-то, о чем недавно сказал Орри, промелькнуло у него в голове и вновь исчезло.

Название этой Книги было для него совершенно лишено всякого смысла, хотя отдельные буквы были очень похожи на буквы алфавита Языка Книг. Он открыл ее, стал листать страницы. Листы слева были исписаны столбцами причудливых и очень сложных узоров, которые могли быть религиозными символами, иероглифами, а может быть, стенографическими знаками. Листы справа были, похоже, тоже написаны от руки, но буквы напоминали буквы книг, буквы Галактического Алфавита. Книга-шифр? Он не успел как следует поломать голову над первыми предположениями, как дверь ушла в сторону, как штора, и в комнату вошла женщина.

Ромаррен смотрел на нее с нескрываемым любопытством, беспечно и без всякого страха, и только почувствовав себя уязвимым, он сделал свой взгляд несколько более твердым и уверенным, взглядом, который должен был соответствовать его происхождению и достигнутой им Ступени. Этот взгляд не смутил женщину, она тоже твердо смотрела на него.

Некоторое время они так и стояли, не издавая ни звука.

Она была красивой и стройной, одетой в фантастические одежды. Волосы ее были то ли обесцвечены, то ли пигментированы.

Глаза казались темными кругами, оправленными в белый овал.

На фресках Зала Лиги в Старом Городе ему уже встречались подобные глаза, принадлежащие темнокожим высоким людям, которые были первыми колонистами на Вереле и которые построили Старый Город.

Теперь Ромаррен знал точно, без всяких сомнений, что он на самом деле находится на Земле, что он совершил полет!

Он отбросил гордыню и инстинкт самозащиты и встал перед женщиной на колени.

Для него, для всех людей, которые послали его в путешествие через восемьсот двадцать пять триллионов

милль пустоты, она была представительницей расы, которую время и память наделили божественными качествами.

Она стояла перед ним сама по себе, как отдельный индивидум, однако она была из расы людей и смотрела на него глазами этой расы, и он почтил историю, легенды и долгое изгнание своих предков, склонив голову, стоя перед ней на коленях.

Через мгновение он встал и протянул раскрытые ладони, как было принято у народа Келшак приветствовать близких. Она начала что-то говорить ему. Эта речь была очень странной, потому что, хотя ему никогда и не доводилось видеть ее прежде, голос этой женщины был бесконечно знаком, и хотя он не знал этого языка, все же он понял сначала одно слово, затем другое. На мгновение это испугало его своей естественностью и вызвало в нем боязнь того, что она пользуется какой-то из форм мысленной речи, способной проникнуть через его барьер не-синхронизированного мышления. В следующее мгновение он осознал, что понял ее, потому что она заговорила на Языке Книг, на Галакте, только ее акцент и беглость речи помешали ему сразу осознать это.

Она уже сказала несколько фраз, говоря удивительно быстро, бесстрастно и как-то безжизненно.

— ...не знают, что я здесь, — произнесла она конец фразы, который он смог уловить. — Теперь скажи мне, кто из нас лжец. Скажи, кто из нас оказался неправым? Я прошла вместе с тобой весь этот бесконечный путь, я спала с тобой добрую сотню ночей, а теперь ты даже не знаешь моего имени. Так, Фальк? Тебе известно мое имя? Знаешь ли ты свое собственное?

— Меня зовут Агад Ромаррен, женщина, — сказал он.

Собственное его имя звучало как-то странно для его слуха.

— Кто тебе это сказал? Ты — Фальк! Разве тебе не известен человек по имени Фальк? Он прежде был в твоей плоти. Кен Кениек и Краджи запретили мне говорить тебе твое имя, но мне уже давно тошно от их вечных игр и невозможности жить той жизнью, какой хочется. Мне пора разыгрывать свою собственную игру. Неужели ты не помнишь свое имя, Фальк? О, ты сейчас такой же слабый и глупый, каким был всегда, глядя на меня, как выброшенная на берег рыба.

Он сразу же опустил глаза. Смотреть прямо в глаза другому человеку было очень болезненно для обитателей

Вереля, и поэтому строго регламентировалось различными табу и предписаниями. Это был его единственный отклик на ее слова. Он не смог отреагировать иначе. Поскольку, с одной стороны, она была под воздействием слабой доли наркотика, скорее всего стимулирующего галлюцинации. Его натренированная восприимчивость сказала ему об этом со всей определенностью, независимо от того, понравилось бы ему то, что под этим подразумевалось, или нет, когда дело касалось расы людей. С другой стороны, он не был уверен, что понимал все, что она говорила, и не имел понятия о том, о чем она говорила. Но ее намерения были по природе своей агрессивными и имели целью какое-то разрушение. И эта агрессивность была действенной. Несмотря на всю непостижимость того, что она только что ему сказала, ее загадочные колкости и произнесенное неизвестное имя потрясли и смутили его разум.

Он немного отвернулся в сторону, чтобы дать понять ей, что он не станет встречаться с ней взглядом, если только она сама этого не захочет, и произнес на архаичном языке, который его народ знал только по древним книгам Колонии:

— Вы из расы людей или расы Врага, женщина?

Она рассмеялась.

— Из обоих, Фальк. Здесь нет Врага, и я работаю на него. Слушай, скажи Абендаботу, что твое имя Фальк. Скажи Кену Кениеку! Скажи всем Повелителям, что твое имя — Фальк! Это заставит их немного побеспокоиться, Ф а л ь к...

— Хватит!

Голос его был таким же мягким, как и раньше, но теперь он вложил в него всю властность, которая была ему обычно присуща.

Она замолкла на полуслове, в недоумении открыв рот и тяжело дыша. Она явно находилась временно или даже постоянно в состоянии душевного расстройства, и он почувствовал себя в сложившихся обстоятельствах слишком уязвимым и слишком неуверенным, чтобы продолжать и дальше общение с ней. Он и сам ощущал себя потрясенным, поэтому постарался избавиться от присутствия ее голоса, воздвигнув в своем мозгу блокаду. Ему необходимо было собраться с мыслями.

С ним происходило что-то очень страшное. Какое-то наркотическое воздействие, последствий которого он не ощущал.

Но глубокий душевный сдвиг и неустойчивость пси-

хики были сейчас гораздо хуже, чем любое из стимулированных безумий, которые он прошел для достижения Седьмой ступени.

Голос позади него перешел в пронзительный, злобный крик. Он уловил в этом крике ярость и вместе с тем почувствовал, что в комнате присутствует еще кто-то. Он быстро обернулся.

Женщина начала вытаскивать из своей одежды что-то, что скорее всего было оружием, но тут же замерла, глядя не на него, а на высокого человека, появившегося в дверях.

Не было произнесено ни слова, но прибывший направил в сторону женщины телепатический сигнал столь ошеломляющей силы, что Ромаррен вздрогнул. Оружие упало на пол, а женщина, пронзительно визжа, выбежала из комнаты, пытаясь убежать от уничтожающей категоричности мысленного распоряжения. Ее туманная тень вызвала на мгновение игру красок на стене и исчезла.

Высокий человек перевел взгляд своих окаймленных белым цветом глаз на Ромаррена и с обычной интенсивностью телепатически обратился к нему:

— Кто вы?

Ромаррен спокойно ответил:

— Агад Ромаррен.

Больше он ничего не сказал и не поклонился.

Все сложилось гораздо хуже, чем он сначала представлял себе. Что это за люди? Судя по противоборству, свидетелем которого он только что стал, здесь царствовали безумие, жестокость и ничего больше. Определенно, здесь не было ничего, что могло бы вызвать почтительность и доверие.

Высокий человек подошел ближе с улыбкой на суровом, напряженном лице и вежливо произнес на Языке Книг:

— Я Пелле Абендабот, и я говорю вам: добро пожаловать на Землю, наш родственник, сын долгого изгнания, посланец Затерянной колонии.

Ромаррен, услышав эти слова, отвесил очень сдержанный поклон и спустя довольно продолжительное время вымолвил:

— Похоже, что я уже был на Земле какое-то время и нажил себе врага в лице этой женщины, а также заработал несколько шрамов. Вы мне должны рассказать, как это произошло. Кроме того, я хотел бы знать, что произошло с моими соотечественниками. Если хотите,

обращайтесь ко мне мысленно. Я не говорю на Галакте столь же хорошо, как вы.

Высокий мужчина кивнул.

— Врач Ромаррен...

Очевидно, он перенял это обращение от Орри просто как выражение почтения и не имел представления, чем устанавливается взаимоотношение врачнизма.

— Сначала простите меня за то, что я заговорил вслух. Мы пользуемся мысленной речью только в самых неотложных случаях или при обращении с низшими по положению. Кроме того, извините нас за вторжение этого создания, прислуги, которую безумие побудило преступить закон. Обещаю Вам, что мы обязательно приведем ее рассудок в нормальное состояние. Больше она вас беспокоить не будет. Что же касается ваших вопросов, то на все из них будет дан ответ. Если говорить коротко, то это очень невеселая история, которая сейчас вопреки всему завершается относительно счастливым концом. Ваш корабль «Альтерра» подвергся нападению со стороны наших врагов в околоземном пространстве. На вас напали бунтовщики, поставившие себя вне Закона. Они успели забрать с собой по меньшей мере двоих, если не больше, из вашего экипажа, в свои небольшие корабли, прежде чем появилась наша дежурная команда. Когда же она прибыла, то они уже успели уничтожить «Альтерру» со всеми, кто находился на ее борту, и рассыпались в разные стороны на своих маленьких аппаратах. Мы поймали один из них, в котором пленником был Хар Орри, но вас, похоже, увезли на другом — не знаю, с какой целью. Они не убили вас, но стерли вашу память вплоть до языкового периода вашего детства, а затем отпустили вас в диком лесу, где вас могла ожидать только смерть. Но вы выжили и были приняты в среду Лесных Варваров. В конце концов наши поисковики обнаружили вас и привезли сюда. С помощью парагипнотической техники нам удалось восстановить вашу память. Вот и все, что мы могли сделать. Безусловно, это немного, но большего нам не удалось.

Ромаррен внимательно слушал. Рассказ ошеломил его, и он не сделал попытки скрыть охватившие его чувства. Но он ощущал также что-то похожее на тревогу и подозрение, и эти чувства он попытался скрыть. Высокий незнакомец, отрекомендовавшийся Абендаботом, обратился к нему, хотя и на очень короткое время, телепатически и таким образом сумел произвести определенную настройку на разум Ромаррена. Затем он прекратил свои

телепатические посылки и установил защиту от мысленного проникновения верелианина.

Однако она не была совершенна. Ромаррен, очень чувствительный и прекрасно натренированный, ощутил смутное противоречие с тем, что говорит этот человек вслух, что намекало либо на слабоумие, либо, что было вполне вероятно, на ложь. Но, может быть, он сам настолько выбит из седла — возможно, в результате испытанного им парагипноза — что на его чувствительное восприятие просто нельзя было положиться?

— Как давно? — спросил он наконец.

Он заглянул наконец на мгновение в эти чужие для него глаза.

— Шесть лет по земному летоисчислению, врач Ромаррен.

Длительность земного года приблизительно была равна длительности одного лунокруга.

— Как долго, — прошептал он.

Он был не в состоянии переварить это.

Его друзья, его соратники по полету, выходит, были уже давно мертвы. И он был один на Земле.

— Шесть лет?

— Вы ничего не помните об этих годах?

— Ничего.

— Мы вынуждены были стереть рудименты памяти, которые вы, возможно, имели об этом времени, для того, чтобы восстановить вашу первоначальную память и истинную личность. Мы очень сожалеем об этой потере, об этих шести годах, но воспоминания о них не были ни нормальными, ни приятными. Преступные злодеи сделали из вас создание еще более жестокое, чем они сами. Я рад, что вы ничего не помните, врач Ромаррен.

Он был не только рад, но и полон ликования.

У этого человека, видимо, очень ограниченные чувственные способности, либо нет приличной тренировки. В противном случае его защита была бы лучше.

У самого же Ромаррена телепатическая блокировка была безупречной. Все больше и больше увлекаясь подслушанными обертонами разума этого человека, которые служили свидетельством фальши или неискренности того, что говорил Абендабот, вследствие продолжавшегося отсутствия ясности собственного мышления Ромаррен вынужден был мобилизовать все свое умение анализировать и делать правильные выводы. Как могло пройти шесть лет, не оставив ни одного воспоминания? Однако

прошло сто сорок лет, пока их корабль со скоростью света летел с Вереля на Землю, и из всего этого вспомнился только один момент, к тому же ужасный, длившийся целую вечность...

Как назвала его эта безумная женщина?

Она выкрикивала какое-то имя. Какое?

— Как меня звали в течение этих шести лет?

— Звали? Вы имеете в виду — среди туземцев, врач Ромаррен? Я не знаю, какое имя они вам дали, не говоря уже о том, что они могли не дать вам никакого.

«Фальк! Она назвала меня Фальк!» — мелькнула в его голове мысль.

— Друг мой! — неожиданно он произнес на Галакте верельскую форму обращения. — Если вы позволите, я хотел бы немного побыть один, а поэтому попросил бы вас покинуть меня ненадолго.

— Конечно, врач Ромаррен. Ваш молодой друг Орри с нетерпением ждет встречи с вами. Послать его сюда?

Но Ромаррен, высказав свое пожелание и услышав, что оно будет исполнено, был уже где-то не здесь. Он отключился от реальности, воспринимая ее просто как шум.

— Мы тоже хотели бы узнать о вас побольше, и нам не терпится сделать это теперь, когда вы уже чувствуете себя вполне поправившимся.

Наступила тишина. Затем шум возобновился.

— Наши слуги ждут, чтобы чем-нибудь вам угодить. Если вы захотите освежиться или пообщаться с кем-нибудь, вам нужно только подойти к двери и сказать об этом.

Снова наступила тишина, и наконец назойливое присутствие этого человека перестало мучить Ромаррена.

Но он думал не об этом.

Он слишком был поглощен собой, чтобы беспокоиться о странной манере поведения своих хозяев. Суматоха внутри его мозга нарастала с каждым мгновением. У него было ощущение, будто его волокут на встречу с кем-то или чем-то, чего он не сможет выдержать, и в то же самое время он сам страстно хотел увидеть это, обнаружить и идентифицировать. Самые горькие дни тренинга Седьмой ступени были всего лишь бледной тенью этого расплывчатого чувства, так как то расстройство рассудка было стимулированным, тщательно контролируемым, это же полностью вышло из-под его влияния. Или же... Он,

может быть, сам вел себя к этому, принуждая достичь критической точки?

Но кто же был этот «он», который принуждал сам и которого принуждали? Он был убит и возвращен к жизни. Но была ли смертью та смерть, о которой он не в состоянии вспомнить?

Чтобы совершенно не впасть в панику, он стал осматриваться в поисках предмета, глядя на который мог бы сосредоточиться, возвращаясь к некогда пройденному курсу обучения технике выхода из трудных положений, которая базировалась на сосредоточении на одной конкретной вещи с целью восстановления правильности анализа и способности к умозаключению. Но все вокруг было чуждым, необычным и обманчивым. Даже пол под его ногами был мрачным листом тумана. Он опять обратил свое внимание на Книгу, которую уже просматривал, когда вошла та женщина.

Книга... Он держал ее в своих руках, она была реальной. Он опять очень осторожно взял ее и взглянул на страницу, на которой она была открыта. Столбцы красивых, лишенных значения знаков, строчки наполовину понятной рукописи, буквы которой сильно отличались от тех, которые он изучал когда-то давным-давно по Сборнику Первых Текстов. Он смотрел на эти знаки и не мог прочитать их. И слово, значение которого было для него непонятным, складывалось из них. Первое слово:

П у т ь...

Он перевел взгляд с Книги на собственную руку, которая держала Книгу. Чья это рука, которая загорела под чужим солнцем и покрылась шрамами чужой жизни?

Чья она?

Путь, который можно пройти,
Не есть вечный путь.

Имя...

Он не мог вспомнить имя, он бы не мог прочесть его. Во сне он читал эти слова. В том долгом сне в то время, когда был мертв.

Имя, которое нельзя назвать,
Не есть вечное имя.

Вместе со сном над ним поднялась какая-то огромная волна и обрушилась на него.

Он стал Фальком, но продолжал быть и Ромарреном. Он был глупцом, и он был мудрецом.

Он стал единым человеком. Он был рожденным дважды.

В эти первые полные страха часы он молился тому, чтобы его избавили то от одного «Я», то от другого. Один раз, когда он мучительно громко выкрикнул что-то на своем родном языке, родном ему, он совсем не понял произнесенных им же самим слов, и это было настолько ужасно, что он даже заплакал, ощущая собственное бессилие.

Он был Фальком, когда не понял этих слов, и Ромарреном, когда заплакал.

В это самое мгновение своих непрекращающихся страданий он в первый раз дотронулся всего на какой-то миг до уравнивающего шеста в середине своей личности и на мгновение стал «собой». Затем он снова потерял ощущение этого равновесия, но в нем затеплилась надежда, что мгновение равновесия и гармонии повторится.

Гармония!

Когда он был Ромарреном он цеплялся за это понятие, и, возможно, то, что он мастерски владел этой доктриной своего родного народа Келшак, удерживало его от падения в бездну Безумия. Но пока еще не было воссоединения или равновесия двух разумов, которые разделяли его черепную коробку. Он вынужден был метаться между ними, вытесняя одну личность другой. Он едва ли был в состоянии передвигаться, будучи подвержен галлюцинациям владения двумя телами. По сути он был двумя физически разными людьми. Он не отваживался спать, хотя и устал до изнеможения, — он очень боялся пробуждения.

Была ночь, и он был предоставлен самому себе. «Самим себе», — заметил Фальк. Поначалу он был сильнее, поскольку был некоторым образом подготовлен к этому испытанию. Именно Фальк был первым, именно он затеял диалог с Ромарреном, а не наоборот.

«Мне нужно хоть немного поспать, Ромаррен, ты понимаешь?» — сказал он.

Ромаррен воспринял его слова как мысленно произнесенные, и без какого-либо раздумия, искренне ответил:

«Я боюсь уснуть».

Некоторое время Ромаррен бодрствовал и воспринимал сны Фалька, подобно теням и эху в своем мозгу.

Он прошел сквозь это первое, самое худшее время, и к тому времени, когда утро осветило мрачные стены

его комнаты, страхи прошли, и он начал постепенно овладевать контролем над мыслями и действиями обеих личностей, заключавшихся в нем.

Конечно, не было настоящего перекрытия между двумя комплектами его воспоминаний. Сознание Фалька возникало благодаря огромному количеству нейронов, оставшихся незадействованными в высоко развитом интеллекте на вспаханных полях разума Ромаррена. Основные двигательные функции и сенсорные пути никогда не были заблокированы и в определенном смысле использовались обоими разумами, хотя и возникали трудности, обусловленные двойным набором двигательных привычек и образов восприятия. Любой предмет представлялся сейчас по-разному, в зависимости от того, Фальк или Ромаррен рассматривали его. Хотя в перспективе это раздвоение могло иметь следствием увеличение его интеллектуальной мощи и повышение восприимчивости, в настоящее время от такой неразберихи голова у него шла кругом.

Кроме того, была ощутима разница в эмоциональных оттенках, что во многих случаях приводило к противоборству испытываемых им чувств. Поскольку воспоминания Фалька так же, как и воспоминания Ромаррена, полностью покрывали собственную часть жизни, они никак не могли выстроиться в надлежащей последовательности и имели склонность восприниматься синхронно по времени. Личности Ромаррена было трудно смириться с тем, что он потерял где-то шесть лет своей жизни. Он не знал, кем он был хотя бы десять дней назад. Это его очень беспокоило. Он ехал на спине мула среди заснеженных гор Земли? Фальку это было известно точно. Но Ромаррен помнил, что как раз в это же время он расставался со своей женой в доме на покрытой высокой травой равнине Вереля. К тому же догадки Ромаррена относительно Земли часто вступали в противоречие с тем, что знал его напарник — Фальк. Но в то же время невежество этого напарника в отношении всего, что касалось Вереля, накладывало странный отпечаток легендарности на собственное прошлое Ромаррена.

Но даже в этой путанице было все же семя взаимодействия, семя согласованности, к которой он изо всех сил стремился, потому что было фактом, что телом и хронологически он был одним человеком. Его проблемой было не воссоздание единства, а только постижение его.

Но до согласованности было еще очень далеко.

Пока что доминировала то одна, то другая структура памяти. Если ему нужно было действовать правильно и умело, брал верх Ромаррен, поскольку навигатор «Альтерры» был решительным и сильным человеком.

Фальк в сравнении с ним чувствовал себя ребенком, маленьким и неопытным ребенком.

Он мог предложить только те знания, которыми он располагал, поэтому сейчас он решил полагаться на силу и опыт Ромаррена. Фальк отлично понимал, что сейчас не время ссориться и бороться за обладание телом. Разум должен быть единым, потому что человек с двумя разными мнениями находится в очень неясном и даже опасном положении.

Больше всего его беспокоил один вопрос.

Сам по себе он был очень простым — можно доверять Сингам или нет? Потому что, если Фальку просто внушен беспочвенный страх перед Повелителями Земли, то опасности и неясности окажутся беспочвенными. Поначалу Ромаррен думал, что, возможно, так оно и есть. Но думал он так совсем недолго.

Его двойная память уловила уже и открытую ложь, и противоречия. Абендабот отказался мысленно говорить с Ромарреном, заявив, что Синги избегают телепатического общения. Фальк же знал, что это ложь. Почему тогда Абендабот пошел на это? Очевидно, потому, что солгал, изложив версию Сингов о том, что случилось с «Альтеррой» и ее экипажем, и не хотел или не осмеливался сделать это телепатически.

Но Фальку он рассказал точно такую же историю посредством мысленной речи.

Если бы это была ложь, если эта версия была фальшивой, значит Синги в состоянии лгать в мысленной речи и пользуются этим. Но была ли она фальшивой?

Ромаррен обратился к памяти Фалька.

Сначала эта попытка общения была для него непостижимой, но когда он приложил все свое умение, связи начали налаживаться, и постепенно возникла ясность. Он мог воспринимать звенящую тишину, сопровождающую слова Абендабота: «Мы, кого вы называете Сингами, являемся людьми». Слыша ее даже в памяти, Ромаррен понял, что это была ложь.

Это было невероятным, но тем не менее не вызывало сомнения. Синги умели лгать телепатически. Пред-

положения и страх униженного человечества были обоснованными. Синги были истинным Врагом.

Они не были людьми. Они были пришельцами, наделенными чужим даром, и, без сомнения, это они раскололи Лигу и добились господства над Землей. Именно они напали на «Альтерру», когда она вошла в околоземное пространство. Все разговоры о бунтовщиках были вымыслом. Они убили всех членов экипажа или подвергли их разум обработке, пощадив при этом только ребенка Орри. Ромаррен был в состоянии догадаться, почему: потому что они обнаружили, испытывая его или кого-нибудь другого из хорошо натренированных телепатов из состава команды, что верелиане могут обнаружить ложь в мысленной речи. Это устрасило Сингов, и они разделались со взрослыми, оставив в живых только безвредного ребенка в качестве источника информации.

Для Ромаррена его спутники по полету погибли только вчера, и, перенеся этот удар, он пытался представить себе, что, может быть, где-нибудь на Земле спасся еще кто-нибудь так же, как и он.

Но если такие существуют, — а ведь ему, очевидно, везло все время — то где же они сейчас? Сингам оказалось очень трудно отыскать даже одного, когда они обнаружили, что нуждаются в нем.

Но для чего он им был нужен? Почему они приложили столько усилий, чтобы разыскать его и вернуть ему память, которую прежде так непредусмотрительно уничтожили?

Факты, имевшиеся в его распоряжении, не давали этому объяснения, за исключением, правда, одного — того, что он пришел сюда, как Фальк.

Сингам он был нужен для того, чтобы сказать им, откуда пришла «Альтерра».

Это дало Фальку-Ромаррену первую порцию развлечения. Если это на самом деле так просто, то просто смешно. Они оставили Орри в живых, потому что он был столь юным, нетренированным, уязвимым, послушным, отличным орудием и источником информации. Он определенно был всем этим, одно только Орри не знал — откуда он прибыл на Землю. К тому времени, когда они обнаружили это, информация уже начисто была стерта из сознания тех, кто располагал ею. Синги, вероятнее всего, рассеяли все свои жертвы по дикой, лежавшей в руинах Земле, обрекая их на смерть от не-

счастливого случая или голода, или нападения диких животных или людей.

Он мог предположить, что Кен Кениек, манипулируя его мозгом с помощью компьютера, пытался заставить его выдать галактическое название солнца планеты Верель. Он мог предположить, что, если бы он разгласил эти сведения, то был бы уже мертв или лишен разума. Он, Ромаррен, им не нужен. Им нужны только его знания. Но похоже, что они так и не получили их.

Это само по себе должно было изрядно их обеспокоить. Способы сохранения тайн, выработанные народом Келшак, развивались нога в ногу с техникой охраны мозга от телепатического вторжения.

Эта мистическая секретность, или, вернее, замкнутость, выросла за долгие годы из ревностного контроля за развитием научно-технических знаний, практиковавшегося первыми колонистами и имевшего в основе своей Закон Лиги о Культурном Эмбарго, который запрещал импорт достижений культуры и техники на колонизируемые планеты. К нынешнему времени цельная концепция сдержанности и замкнутости стала краеугольным камнем верелианской культуры, и стратификация общества на Вереле обуславливалась убеждением, что знания и техника должны оставаться под разумным контролем. Такие детали, как Истинное Имя Солнца, были формальными символами, но формализм этот воспринимался серьезно, с беспредельной серьезностью, ибо у народа Келшак знание было религией, религиозным знаменем. Для охраны неосязаемых мест в человеческом разуме были разработаны неуловимые и неуязвимые средства защиты. Если только он не находился в одном из Мест Тишины, и к нему не обращался один из его сотоварищей, достигших такой же Ступени, Ромаррен был абсолютно не способен на то, чтобы предать — будь то устный разговор, письмо или телепатический обмен — истинное имя Солнца своей родной планеты.

Он располагал, разумеется, эквивалентными знаниями — комплексом астрономических знаний, которые давали ему возможность проложить курс между Верелем и Землей, знанием точного расстояния между солнцем этих двух планет, точной астрономической картой звездного неба, каким оно видится с Вереля.

Очевидно, Синги пока что не получили от него этих знаний, скорее всего, вследствие того, что мозг его на-

ходил в слишком хаотичном состоянии, когда был восстановлен посредством манипуляции Кен Кениека, или, может быть, потому, что продолжал функционировать его парагипнотический усиленный защитный блок и специфические барьеры. Зная, что на Земле до сих пор еще может быть Враг, экипаж «Альтерры» не позволил себе быть неподготовленным к этому. Если только научные достижения Сингов в области изучения мозга не превосходят уровень, достигнутый верелианцами, они так и не сумеют вынудить его что-либо рассказать им. Они надеялись внушить ему, убедить его рассказать все. Так что, по крайней мере пока, он в безопасности, пока они не узнают, что он помнит о своем существовании тогда, когда был Фальком.

Когда эти логические умозаключения были закончены, по коже его пробежал мороз. Раньше это как-то не приходило ему в голову. Как Фальк, он был для Сингов бесполезен и безвреден. Как Ромаррен, он был полезен и тоже безвреден. Но как Фальк-Ромаррен, он представлял угрозу, и они не потерпят этого.

Они не могут допустить существования такой угрозы. Кроме того, необходимо было ответить еще на один вопрос — зачем им так нужно узнать, где находится Верель?

Какое им дело до Вереля?

Снова память Фалька старалась рассказывать разуму Ромаррена, на этот раз о спокойном, жизнерадостном, ироничном голосе. Старый Слухач в дремучем лесу, человек на Земле, еще более одинокий, чем даже Фальк. Так вот этот человек когда-то сказал: «Сингов совсем не так уж много».

В памяти Фалька было много сведений, мудрости и советов. Многие из них были истинны в буквальном смысле. Согласно старинным преданиям, с которыми Фальк познакомился в Доме Зоува, Синги были пришельцами из очень отдаленного района Вселенной, расположенного за скоплением Риалы, на расстоянии нескольких тысяч световых лет. Если это было так, то, вероятно, не очень большое их число пересекло столь невообразимую бездну пространства и времени. А отсюда следует вывод, что их число было все же достаточным, чтобы внедриться в Лигу и уничтожить ее то ли посредством телепатической лжи и других скрытых способов, то ли с помощью какого-то оружия, которым они располагали.

Но было ли их достаточно много, чтобы править всеми теми планетами, которые они разъединили и завоевали? Планеты были обширны по любой мерке, исключая только протяженность космического пространства между ними. Сингам, должно быть, пришлось рассеяться и много внимания уделять тому, чтобы покоренные планеты не воссоединились. Орри сказал как-то Фальку, что похоже на то, что Синги слишком много путешествуют или торгуют, используя для этого корабли с околосветовой скоростью.

Еще он сказал Фальку, что за все время его пребывания на Земле он ни разу не видел такого корабля. Было ли это следствием того, что они боялись своих собственных соплеменников на других планетах, которые могли во многом превзойти их за прошедшие столетия?

Или, возможно, Земля была единственной планетой, которой они еще не правили, защищая от исследований со стороны других планет? Об этом нельзя было сказать точно, но, скорее всего, на Земле их, действительно, было не очень много.

Они отказывались верить рассказу Орри о том, что земляне на Вереле видоизменились и таким образом смешались с туземными гуманоидами.

Они говорили, что это невозможно.

Это означало лишь то, что с ними этого не произошло. Смешение их с землянами оказалось невозможным. Они до сих пор оставались чужаками, все эти двадцать веков продолжали оставаться на Земле в изоляции. На самом ли деле они правили человечеством из этого единственного города?

Еще раз Ромаррен обратился за советом к Фальку и получил отрицательный ответ.

Они управляли с помощью обычаев, хитрости, страха и оружия. Они были в состоянии, пользуясь этим, предотвратить возникновение какого-либо сильного племени или накопление знаний, которые могли бы им угрожать. Они не давали человечеству возможности что-либо сделать.

Но и сами ничего не делали. Они не правили, а наносили вред.

Теперь было ясно, почему Верель представлял для них смертельную опасность.

Им до сих пор удавалось сохранить свою тонкую, но разрушительную власть над человеческой культурой, которую они давным-давно сломали и переориен-

тировали. Но сильная, многочисленная, технологически передовая раса, сохранившая легенды о своем кровном родстве с землянами, располагающая развитой наукой о мозге и оснащенная оружием, не уступавшим их собственному, могла сокрушить их одним ударом и освободить людей от их власти.

Если они узнают от него, где находится Верель, вышлют ли они туда корабль-бомбу, подобно длинному бикфордову шнуру, протянувшемуся через световые годы, чтобы уничтожить опасную планету прежде, чем на ней узнают о их существовании.

Да, такая опасность существовала.

Но против говорили два факта: во-первых, их тщательная подготовка юного Орри, как будто они хотят, чтобы он был их посланником, а во-вторых, их Закон.

Фальк-Ромаррен был не в состоянии решить, было ли уважение к жизни единственной подлинной верой Сингов, их единственным мостом над пропастью самоуничтожения, которая таилась под их поведением, подобно черному каньону, над которым был выстроен их город? Или же это было самой огромной ложью из всего того количества лжи, которое они пронесли на эту планету? Они, казалось, избегали убирать разумные существа. Они оставляли их в живых, как и другие живые существа. Их тщательно скрываемая пища была растительной. Для того, чтобы сдерживать рост населения, они натравливали одно племя на другое, начинали войны, но оставляли людям возможность самим уничтожать друг друга. Согласно легендам, в первые годы их господства они прибегали к евгенике в перенаселенных местах, а не к геноциду, для того, чтобы укрепить свое главенствующее положение. Это могло быть правдой, и тогда значит, что они в самом деле повиновались этому Закону, но на свой лад.

В этом случае их забота об Орри служила доказательством того, что он должен быть их посланником. Единственному спасшемуся участнику полета предстояло вернуться через бездну космического пространства на Верель и рассказать соотечественникам, что Синги внушили ему на Земле — чирик, чирик, подобно птицам, чирикающим: «Нельзя отнимать жизнь» — подобно высокоморальному борову или попискивающим мышам в подвалах Дома Страха.

Будучи лишенным разума, честным, но одурманенным, Орри принесет ложь и на Верель.

Почитание и память о Колонии были очень сильны-

ми на Вереле, и зов помощи с Земли мог получить на нем отклик. Но если обитателям Вереля расскажут, что нет и никогда не было Врага, что Земля всего лишь древний счастливый рай, вряд ли им захочется проделывать такое длительное путешествие, чтобы взглянуть на это. Если же они все-таки решатся проделать это, то отправятся невооруженными, так же, как и Ромаррен со своими товарищами.

Еще один голос всплыл в его памяти, услышанный очень давно в глубинах Леса: «Мы не можем так жить вечно. Должна быть какая-нибудь надежда, знак».

Он не был отправлен с посланием человечеству, как говорил Зоув. Надежда была гораздо более непрочной, знак более неясным. Он должен был переправить послание человечества, по существу, его вопль о помощи, об избавлении.

«Я должен отправиться домой. Я должен рассказать им всю правду», — подумал он, зная, что Синги не допустят этого, что будет послан только Орри, а его задержат здесь или убьют.

Совершенно измотавшись в своих продолжительных попытках думать последовательно и ясно, он весь обмяк, его раскованный контроль над своим измученным сомнением и тревогой двойным разумом сломался. Он упал в изнеможении на кушетку и уткнул лицо в ладони. «Если бы я только мог отправиться домой, — думал он. — Если бы я смог еще раз пройтись вместе с Парт по Поляне...»

Так оплакивал свою печальную долю мечтатель Фальк. Ромаррен же пытался уйти от этой безысходной тоски, думая о своей жене — темноволосой, золотоглазой женщине в платье, расшитом тысячью крохотных серебряных цепочек, своей жене Адрис. Но его обручальное кольцо пропало, и Адрис была мертва. Она умерла очень давно. Она выходила замуж за Ромаррена, зная, что вместе они будут не больше одного лунокруга, так как он уже готовился к полету на Землю. И за время этого единственного, ужасного мгновения этого полета она прожила всю свою жизнь, состарилась и умерла. Ее уже больше не существовало, скорее всего, не менее сотни земных лет прошло со дня ее смерти.

«Тебе следовало умереть столетием раньше», — сказал как-то Властитель Канзаса ничего не понимающему Фальку, видя, либо чувствуя, либо зная, что внутри его находится еще один человек, заброшенный, рожденный очень давно. Теперь, если Ромаррену суждено

вернуться на Верель, это произойдет почти через три столетия. Около пяти больших лет Вереля пройдет с тех пор, как он его покинул. Все изменится настолько, что на Вереле он будет таким же чужаком, каким был на Земле.

Было только одно место, где он мог быть действительно дома, где его ждали и любили — это Дом Зоува. Но он никогда больше не увидит его. Если и ведет его путь куда-то, то только прочь от Земли. Он должен был полагаться на себя и должен был совершить единственное — изо всех сил стараться следовать своему предназначению до конца.

13

День уже давно наступил, и, осознав, что он очень голоден, Ромаррен подошел к искусно замаскированной двери и громко попросил на галактическом языке пищу.

Ответа не последовало, однако вскоре человек-орудие принес еду и обслужил Ромаррена. Когда он заканчивал трапезу, снаружи прозвучал слабый сигнал зуммера.

— Войдите, — сказал Ромаррен на языке Келшак.

В комнату вошли Хар Орри, вслед за ним высокий Синг Абендабот и двое других, которых Ромаррен не знал, и все же их имена звучали у него в голове: Кен Кениек и Краджи. Их представили ему. Вся церемония была очень вежливой. Ромаррен обнаружил, что он в состоянии весьма прилично владеть собой. Необходимость полностью скрыть и подавить личность Фалька фактически только пошла на пользу, позволив держаться легко и непринужденно. Он осознавал, что психолог Кен Кениек пытался произвести настройку на его мышление, причем с определенным искусством и напором, но это его не беспокоило.

Если его барьеры выдержали испытание даже под парагипнотическим колпаком, они, безусловно, не подведут его и сейчас.

Никто из Сингов не разговаривал с ним телепатически. Они стояли поодаль в своих странных напряженных позах, как бы опасаясь чьего-то прикосновения, и обо всем говорили шепотом.

Ромаррен задал несколько вопросов, которые можно было от него ожидать, касавшихся Земли, человечества и Сингов. Он с самым серьезным видом выслушивал

каждый ответ и удовлетворенно кивал головой. Раз он попытался синхронизироваться с юным Орри, но это ему не удалось. Мальчик, по сути, не имел какой-либо защиты мозга, что, вероятнее всего, указывало на какую-то обработку, которая свела к нулю то небольшое искусство фазовой настройки, которому он научился, еще будучи ребенком.

Кроме того, мальчик находился, причем добровольно, под действием наркотика, к употреблению которого был приучен.

Даже когда Ромаррен послал ему слабый привычный сигнал об их родстве по врачннзму, Орри продолжал сосать трубку с наркотиком.

Благодаря яркому, отвлекающему миру полугаллюцинаций, который обеспечивал ему наркотик, восприятия мальчика были притуплены, и мозг его не мог ничего воспринимать.

— Вы на Земле пока что ничего не видели, кроме одной этой комнаты, — хриплым шепотом произнес один из Сингов, одетый словно женщина, Синг по имени Краджи.

Присутствовавшие вселили тревогу в сердце Ромаррена, но Краджи возбуждал еще и инстинктивный страх, и антипатию. Было что-то омерзительное в этом тучном теле под ниспадающими одеждами, в этих длинных пурпурно-черных волосах, в хриплом, выветренном шепоте.

— Мне хотелось бы, разумеется, увидеть больше.

— Мы обязательно покажем вам все, что вы пожелаете увидеть. Земля открыта для почетного гостя.

— Я не помню, видел ли я Землю с борта «Альтерры», — задумчиво произнес Ромаррен. — Не помню я и нападения на корабль. Вы мне можете объяснить, чем это вызвано?

Вопрос заключал в себе определенный риск, но он был очень заинтересован в ответе. Это было единственным пробелом в его удвоенной памяти.

— Вы были в состоянии, которое мы называем ахронией, — ответил Кен Кениек. — Вы вышли из полета со скоростью света непосредственно у Барьера, поскольку ваш корабль не был оборудован устройством для облегчения перехода из состояния с различными масштабами времени, так называемым ретемполяризатором. В этот миг вы были либо без сознания, либо безумны.

— Эта проблема нам не известна. Правда, полеты

со световой скоростью до этого были не так продолжительны.

— Чем дольше и дальше полет, тем сильнее Барьер.

— Это очень храбрый поступок, — добавил Абендабот характерным для него скрипучим шепотом и с не менее характерной напыщенностью. — Путешествие на сто двадцать пять световых лет в едва опробованном корабле...

Ромаррен принял комплимент, не поправив цифры.

— Давайте, Лорды мои, покажем нашему гостю город Земли.

Одновременно со словами Абендабота Ромаррен уловил обрывок телепатического разговора между Краджи и Кен Кениеком, но не понял смысла. Он был слишком поглощен поддержанием своей собственной защиты, чтобы быть в состоянии подслушивать мысленную речь или даже просто ощущать ее присутствие.

— Корабль, на котором вы возвратитесь на Верель, — сказал Кен Кениек, — будет, конечно, оснащен ретемполяризатором, и вы не испытаете расстройств психики при выходе в околопланетное пространство родной планеты.

Ромаррен поднялся, причем весьма неуклюже, в отличие от Фалька, который привык к стульям и не ощущал неудобства от сидения как бы на насесте, но теперь стоял уверенно и спустя мгновение спросил:

— Корабль, на котором мы вернемся?

В затуманенном взоре Орри промелькнула искра. Краджи кивнул, показав при этом свои большие желтые зубы.

— Когда вы увидите все, что хотели бы увидеть на Земле, — сказал он через мгновение, — и узнаете все, что вы хотели бы узнать, мы подготовим для вас околосветовой корабль, на котором вы, Лорд Агад и, конечно же, Хар Орри сможете вернуться домой. Сами мы путешествуем среди звезд очень мало. У нас нет больше войн. Нет и необходимости торговать с другими планетами. Мы не хотим снова разбить нашу бедную Землю гигантскими расходами на постройку кораблей только для того, чтобы еще раз утолить свое любопытство. Мы, люди Земли, теперь относимся к старым расам. Мы остаемся дома, присматриваем за своим садом и не лезем в чужие дела. Но ваша миссия, Лорд, должна быть завершена. Для ее завершения необходимо совершить обратный полет. В нашем космопорту вас будет дожидаться корабль, который мы с гордостью на-

звали «Новая Альтерра». Мы надеемся, что Верель будет рад вашему возвращению. Очень жаль, что вашей цивилизации не удалось заново открыть принцип связи с помощью ансибла, и мы поэтому не можем прямо сейчас послать на Верель дружественное послание. Но сейчас, возможно, после стольких лет вашего отсутствия, на Вереле все же появились установки мгновенной связи. Но мы не можем наладить контакт с вашими соотечественниками, так как не располагаем координатами Вереля...

— В самом деле? — удивленно перебил Синга Ромаррен.

Возникла небольшая напряженная пауза.

— Не думаю, что я понял... — первым начал Ромаррен.

— Ансибл — это...

— Я понимаю, что такое ансибл-передача, — Лорд Агад поднял руку ладонью вперед, — хотя я не знаю, как она осуществляется. Как вы уже сказали, к тому времени, когда я покинул Верель, мы повторно не открыли принципы мгновенной связи. Но я не понимаю, что мешало вам попытаться отправить сигналы на Верель?

Он встал на скользкий путь.

Теперь он был весь внимание, полностью владея собой.

Он чувствовал себя игроком в игре, где играют совсем не языками. Поэтому в собеседниках он чувствовал прямо-таки электрическое напряжение.

— Врач Ромаррен, — сказал Абендабот, — поскольку Хар Орри был слишком молод, чтобы знать точное расстояние до вашей планеты, мы никогда не имели чести знать точное расположение Вереля, хотя имеем все же общее представление. Так как его почти не учили Галактическому языку, Хар Орри не мог назвать нам имя солнца Вереля на Галакте, что было бы нам, конечно, понятным, поскольку мы вместе с вами приняли в наследство этот язык времени Лиги. Поэтому мы были вынуждены ждать помощи от вас, прежде чем смогли бы попытаться установить ансибл-контакт с Верелем и подготовить программу автоматического полета с четкими координатами вашей родной планеты.

— Так, если я вас правильно понял, вы не знаете названия звезды, вокруг которой вращается Верель?

— К несчастью, в этом вся загадка. Если вам угодно сказать нам...

— Но я не могу сказать вам этого.

Это не удивило Сингов. Они были слишком самоуглублены, слишком эгоистичны.

Абендабот и Кен Кениек никак не отреагировали на это.

Краджи же произнес странным печальным выветренным шепотом:

— Вы хотите сказать, Лорд Агад, что тоже не знаете?

— Я не могу назвать вам подлинное Имя Нашего Солнца, — торжественно произнес Ромаррен.

На этот раз он уловил мысленный посыл, обращенный Кен Кениеком к Абендаботу:

«А что я говорил!»

— Простите, врач Ромаррен, мое невежество. Я не знал, что это запрещено. Вы простите меня, не так ли? В свое оправдание могу только сказать, что нам неизвестны ваши обычаи, и, хотя невежество является плохим извинением, это все, о чем я вас молю, — трещал и трещал Абендабот, когда его неожиданно перебил Орри, проснувшийся в испуге:

— Врач Ромаррен, вы... мы не сможем полететь назад на Верель, так как вы не сможете задать координаты кораблю? Но вы же должны помнить это, вы должны знать координаты, вы ведь навигатор!

Ромаррен повернулся к нему и тихо спросил:

— Ты очень хочешь вернуться домой?

— Да!

— Через двадцать или двадцать пять дней, если это доставит удовольствие Лордам, щедро предложившим нам столь великий дар, мы отправимся на их корабле к Верелю.

Он снова повернулся к Сингам.

— Извините меня, — продолжал он, — что мой рот и мой разум закрыты и не дают ответа на ваш вопрос. Мое молчание — плохая благодарность за вашу искренность.

«Если бы они пользовались мысленной речью, — подумал он, — этот обман был бы ГОРАЗДО МЕНЕЕ вежливым». Он, в отличие от Сингов, не умел мысленно лгать и, следовательно, не мог бы сказать ни единственного слова из этой вежливой речи.

— Не беспокойтесь, Лорд Агад. Не столько наши вопросы, сколько ваше благополучное возвращение, вот что важно! Если только вы в состоянии запрограммировать корабль — а все наши записи и компьютеры в

вашем распоряжении, стоит вам только что-либо затребовать — то нас вполне устроит тот ответ, который вы дали.

Это действительно было так, поскольку, если они захотят узнать где расположен Верель, им нужно будет всего лишь проверить, каким курсом запрограммирован корабельный компьютер. После этого, если они по-прежнему не доверяют ему, они повторно сотрут содержимое его мозга, объяснив Орри, что восстановление памяти в конце концов привело к полному расстройству психики. Затем они отправят Орри с посланием на Верель. Они по-прежнему не доверяли ему, так как им было известно, что он может обнаружить мысленную ложь. Если и был какой-то выход из этой западни, то он его еще до сих пор не отыскал.

Они все вместе прошли через окутанные туманом коридоры, спустились вниз по наклонной галерее и вышли из дворца на улицу. То, что в двойном мозгу оставалось Фальком, теперь было почти полностью подавлено, и Ромаррен двигался, думал и говорил совершенно свободно, чего и следовало ожидать от Ромаррена. Он ощущал постоянную настороженную готовность Сингов, особенно Кена Кениека, которые только и ждали момента, чтобы поймать его на малейшей ошибке и проникнуть сквозь защитные барьеры его мозга. Напряжение заставило быть бдительным вдвойне. Поэтому он, как Ромаррен, чужак, взглянул вверх на небо, и увидел там желтое солнце Земли.

Он остановился, охваченный внезапной радостью, потому что он видел на протяжении одной жизни свет двух солнц. Свет оранжево-золотого солнца Вереля и светло-золотой — Земли. Он смог бы теперь сопоставить их, как человек, державший два самоцвета, сравнить их красоту ради того, чтобы воздать еще большую хвалу каждому в отдельности.

Мальчик стоял рядом с ним. Ромаррен начал бормотать первые слова приветствия, которому учат маленьких детей народа Келшак и которые они произносят при виде солнца на заре или после затяжных зимних бурь:

«Добро пожаловать, звезда жизни,
средоточие жизни...»

Орри подхватил слова гимна и стал нараспев вторить ему. Впервые между ними возникло согласие, и

Ромаррен был рад этому, поскольку ему очень нужен был Орри, нужен был прежде, чем игра будет окончена.

Вызвали слайдер и поехали по улицам города. Ромаррен задавал соответствующие вопросы, Синги отвечали на них так, как считали для себя нужным. Абендабот стал подробнее описывать, как было построено все в Эс Тохе тысячу лет назад, построено за одну ночь. Все его башни, мосты и улицы и дворцы. Как только у них появилось намерение, Повелители Земли призвали на помощь свои удивительные машины и орудия для того, чтобы переместить целый город на новое место, в большей степени удовлетворяющее их прихоти. Это был очень красивый рассказ, и Орри, оглушенный наркотиками и сладкими речами, верил всему напропалую.

Верил ли этому Ромаррен, мало интересовало Сингов. Абендабот, очевидно, рассказывал эту ложь просто для собственного удовольствия.

Возможно, это было единственным удовольствием, известным ему. Через некоторое время за этими чудесами последовали другие, подробные описания того, как управляется Земля, как много Сингов проводят свою жизнь среди обычных людей, замаскировавшись простыми туземцами, но работая по единому плану, исходившему из Эс Тоха. Абендабот рассказывал о беззаботном и удовлетворенном человечестве, живущем сознанием того, что Синги будут сохранять мир и нести бремя власти, о том, как осторожно поощряются науки и искусства и как осторожно обращаются с бунтовщиками или дестабилизирующими элементами. Планета скромных, смиренных людей, живущих в своих скромных домиках, на которой нет городов, войн, убийств, перенаселенности.

Старые достижения и притязания забыты. Почти что раса детей, защищенных твердым, но добрым руководством и неуязвимой техникой Сингов...

Рассказ все продолжался и продолжался все время об одном и том же, с небольшими вариациями, утешающий и ободряющий.

Неудивительно, что бедный мальчик Орри верил этому. Ромаррен тоже поверил бы почти всему, не будь у него воспоминаний Фалька о Лесе и Равнинах, которые показывали тонкую, трудно отличимую, однако полную фальшь всего этого. Фальк жил на Земле совсем не среди детей, а среди людей, огрубевших, ожесточившихся, страждущих и пылких.

В этот день они водили Ромаррена по всему Эс

Тоху, который ему, живущему раньше среди старинных улиц Бегеста и в гигантских зимних Домах Каспула, показался призрачным городом, ненастоящим, впечатляющим только своим фантастическим естественным расположением. Затем ему и Орри начали показывать планету с борта аэрокара и с межпланетных кораблей во время однодневных поездок, которыми по-прежнему руководили Абендабот и помогавший ему Кен Кениек. Они совершили вылазку на каждый из материков Земли и даже на пустынную давным-давно заброшенную Луну. Дни шли за днями. Они продолжали вести свою игру, в основном ради Орри, обхаживая Ромаррена до тех пор, пока им не удастся заполучить то, что им было нужно. Конечно же, они за ним наблюдали визуально или телепатически, либо с помощью электронных устройств, но никоим образом не ограничивали ни в чем. Очевидно, они почувствовали, что теперь им нечего бояться его.

Возможно даже, что его отпустили бы домой вместе с Орри. Вероятно, они считали его достаточно безвредным в своем неведении.

Но он мог купить себе возможность бегства с Земли, только снабдив их желанной информацией, выдав месторасположение Вереля. Но пока что они ничего об этом не говорили, а он ничего не спрашивал.

Ну, а имело ли слишком большое значение, в конце концов, то, что Синги узнают, где находится Верель?

Имело. Хотя они, возможно, и не планировали какое-то немедленное нападение на потенциального противника, но могли выслать робот-монитор прямо вслед «Новой Альтерре» с ансиблпередатчиком на борту, чтобы он передавал мгновенные сообщения на Землю о любых приготовлениях к новому межзвездному полету на Вереле.

Ансибл дал бы им преимущество перед верелианами продолжительностью в сто сорок лет. У них бы появилась возможность предупредить экспедицию на Земле еще до ее старта. Единственное техническое преимущество перед Сингами, которым обладал Верель, было незнание Сингов о его точном местонахождении. А на то, чтобы его определить, у них могло уйти несколько столетий. Ромаррен мог купить возможность освобождения только ценой риска для планеты, за которую он был ответствен.

Поэтому он тянул время, стараясь разработать способ решения возникшей дилеммы, летая вместе с Орри

и с одним из приставленных к нему Сингов в самые различные места на Земле, которая простиралась под ним подобно гигантскому прекрасному саду, представленному сорнякам и запустению.

Всем своим натренированным умом он искал какой-нибудь способ, с помощью которого можно было бы изменить ситуацию и самому стать игроком, а не пешкой.

Так во всяком случае все это дело представлялось его складу ума, воспитанному в традициях народов Келшак. Если выбрать правильную точку зрения, то любое положение, даже хаос или западня, должно проясниться и само собой привести к единственно правильному выводу, поскольку при достаточно глубоком рассмотрении, с учетом далекой перспективы в основе всего лежит не дисгармония, а понятия возможности и невозможности существуют только для невежественного разума.

Так думал Ромаррен и вместе с ним его вторая душа, Фальк, не оспаривая этот вывод и не тратя времени на то, чтобы его всесторонне обдумывать. Потому что Фальку, который видел, как тусклые и яркие камни скользят по полочкам машин-оракулов, который жил среди людей в их разоренных владениях, с королями в изгнании в их собственных земных королевствах, казалось, что ни одному человеку не дано управлять своей судьбой, либо изменить ход игры. Единственное, что оставалось — это ждать, когда сверкающий бриллиант удачи соскользнет на подходящий виток времени. Гармония существует, но вот понимания еще нет, и Путь не может быть пройден. Поэтому, пока Ромаррен изнурял сверх всякой меры свой разум, Фальк залег где-то в глубинах мозга и выжидал. Когда появится возможность, они ее не упустят!

Или, может быть, так обернется, что шанс подхватит его.

Но пока что ничего особенного не происходило. Они были вместе с Кен Кениеком на борту аэрокара, оборудованного автопилотом. Это была одна из красивых умных машин, с помощью которых Синги могли столь эффективно контролировать всю планету и поддерживать навязанные ими порядки. Они возвращались в Эс Тох после продолжительного полета к островам Западного Океана, на одном из которых они сделали остановку на несколько часов. Это оказался остров, населенный красивыми, уверенными в себе людьми, всецело

поглощенными хождением под парусом, плаванием и сексом на берегу лазурного теплого моря. Это был великолепный образец человеческого счастья и культурной отсталости, как бы нарочно созданный для того, чтобы быть показанным верелианам.

Здесь не о чем было беспокоиться, нечего было бояться.

Орри дремал, не выпускал из пальцев трубку с парпитой. Кен Кениек переключил автопилот на автоматический режим и вместе с Ромарреном, как всегда, метрах в двух от него, поскольку Синги никогда ни к кому не приближались близко, смотрел через стеклянный колпак кабины аэрокара на голубое море, простиравшееся во все стороны от них на триста-четырееста километров. Погода стояла великолепная.

Ромаррен устал и позволил себе немного расслабиться в эти приятные мгновения праздности.

— Не правда ли, прекрасная планета, — заметил Синг.

Он искоса взглянул на Ромаррена.

— Да, это так.

— Бриллиант среди других планет. Может быть, Верель красивее?

— Нет, он посуровее.

— Да. Слишком продолжительный год обуславливает более суровый климат. Сколько он длится — шестьдесят земных лет?

— Да.

— Вы родились осенью, не так ли? Это значит, что вы так и не увидели свою планету летом, до того как покинули ее.

— Всего один раз, когда я летал в южном полушарии. Но лето там холоднее, а зима теплее, чем в Келшти. Но мне так и не довелось увидеть Великое Лето Севера.

— Вы еще сможете это увидеть. Если вы вернетесь через несколько месяцев, какое время года будет на Вереле?

Несколько секунд Ромаррен подсчитывал в уме, после чего ответил:

— Позднее лето. Возможно, что-то вроде двенадцатого лунокруга лета.

— По моим подсчетам должна была бы быть осень. Если только я правильно подсчитал длительность полета. Кстати, сколько времени он длится?

— Сто сорок два земных года, — ответил Ромаррен.

Небольшой порыв паники промчался по его рассудку и тут же исчез. Он почувствовал присутствие сознания Кена Кениека в своем разуме.

Пока он говорил, Синг незаметно подобрался к его рассудку, обнаружил, что уровень защиты ослаб и захватил фазовый контроль над его мозгом. Но это не очень-то беспокоило Ромаррена. Он даже не удивился той невероятной терпеливости и телепатическому искусству, которые продемонстрировал в данной ситуации Кен Кениек.

Раньше он, если говорить честно, побаивался возникновения такой ситуации, но теперь, когда это все-таки случилось, все было в полном порядке.

Теперь Кен Кениек разговаривал с ним только мысленно и не трескучим тихим шепотом, а чистой, отчетливой, отлично воспринимаемой речью.

— Теперь все в порядке. Очень даже неплохо. Разве это не приятно, что мы наконец-то произвели сквозную настройку?

— Очень приятно! — согласился Ромаррен.

— Действительно. Теперь, когда мы можем оставаться в созвучии друг с другом, все наши тревоги в прошлом. Что ж, расстояние в сто сорок два световых года — это значит, что ваше солнце, Лорд Агад, должно быть одной из звезд созвездия Дракона. Как оно называется на галактическом языке? Нет, все правильно, вы не можете сказать его здесь ни вслух, ни мысленно... Альтаир — вот оно название вашего солнца?

Ромаррен никак не откликнулся на это.

— «Альтаир» — Око Дракона. Да, очень хорошо. Другие звезды, которые мы рассматривали, несколько ближе. Теперь же это знание позволит нам сэкономить уйму времени. Мы уже почти...

14

Быстрая, ясная, насмешливая, убаюкивающая мысленная речь внезапно оборвалась, и Кен Кениек конвульсивно дернулся.

В то же самое мгновение судорога свела члены Ромаррена.

Синг резко рванулся к органам управления аэрокара, но тут же отпрянул назад. Он как-то странно на-

клонился вперед, очень сильно вперед, как небрежно управляемая кукла на веревочке. Затем он соскользнул на пол кабины и так и остался лежать там, лицом вверх.

Орри внезапно пробудился от своей дремоты и смотрел на Ромаррена, широко раскрыв глаза.

— Что случилось? Что-то не так?

Ответа он не услышал. Ромаррен сидел так же неподвижно, как лежал Синг, и глаза его были устремлены в глаза Кен Кениека неподвижным двойным невидящим взглядом. Когда он наконец зашевелился, с его губ сорвалось несколько слов на непонятном для Орри языке. Через мгновение Ромаррен с трудом произнес на Галакте:

— Сделай так, чтобы этот корабль завис.

Теперь он говорил на галактическом языке, но с характерным верелианским акцентом, на его испорченном диалекте, употребляемом земными туземцами. Хотя язык был и не совсем тот, настойчивость и авторитетные интонации звучали довольно ясно. Орри автоматически повиновался приказу.

Маленький стеклянный пузырь завис посреди океана к востоку от солнца.

— Это же...

— Не двигайся!

Молчание. Кен Кениек лежал, не шевелясь, на полу кабины. Очень медленно напряжение, которым был охвачен Ромаррен, стало ослабевать.

То, что случилось во время борьбы умов между ним и Кеном Кениеком, сводилось к засаде и внезапному нападению из-за угла на противника. В физическом смысле Синг одним броском проник в сознание Ромаррена, полагая, что он захватил в плен одного человека, но и сам был захвачен врасплох другим, находившимся в засаде, разумом Фалька. Только на один миг Фальк был в состоянии захватить контроль и только вследствие неожиданного нападения, но и этого мига вполне хватило Ромаррену для того, чтобы освободиться от фазового контроля со стороны Синга.

Сделал он это мгновенно, а вот разум Кен Кениека все еще оставался синхронизированным с его мышлением, а потому оставался уязвимым. Освободившись, Ромаррен, в свою очередь, овладел сознанием Синга. Для этого потребовалось все его искусство и мощь разума, чтобы удержать мозг Кен Кениека, беспомощный и соглашающийся со всем, в одной фазе с его мозгом, в том

состоянии, в котором он сам находился мигом раньше.

Но у него было большое преимущество: он все еще оставался человеком с двумя разумами, и пока Ромаррен удерживал Синга в беспомощном состоянии, Фальк был свободен в своих мыслях и поступках.

Именно сейчас выдался тот случай, тот момент, которого так терпеливо он ждал.

Второй такой возможности может и не быть.

Фальк произнес вслух:

— Где находится приготовленный к полету космический корабль, подготовленный для нас?

Было очень интересно слышать ответ Синга, как обычно произнесенный шепотом, и знать со всей определенностью, что он не лжет.

— В пустыне к северо-западу от Эс Тоха.

— Он охраняется?

— Да.

— Людьми?

— Нет.

— Вы должны отвезти меня туда.

— Я отвезу вас туда.

— Направь корабль туда, куда он скажет, Орри.

— Я ничего не понимаю, врач Ромаррен. Разве мы не...

— Мы собираемся покинуть Землю прямо сейчас, мальчик. Ты понимаешь — сейчас! Займись управлением.

— Займись управлением, — мягко прошептал Кен Кениек.

Орри повиновался, следуя указаниям Синга относительно курса полета.

На полной скорости аэрокар устремился на восток, но пока что казалось, что он все еще висит над безбрежными океанскими просторами.

Затем появились Западные Острова, которые, казалось, плыли им навстречу по морщинистой поверхности океана.

Потом перед ними возникли остроконечные белые вершины прибрежных хребтов, которые через мгновение уже стали мелькать под аэрокаром.

Теперь они находились над мрачной пустыней, изрезанной лишенными влаги извилистыми цепями гор, отбрасывающих длинные тени на восток.

Продолжая следовать произносимым шепотом указаниям Кена Кениека, Орри снизил скорость аэрокара и стал кружить над одним из этих горных кряжей.

Он переключил управление на маяк для автоматической посадки и позволил, чтобы корабль был захвачен силовым полем.

Высокие безжизненные горы вздымались перед ними, надвигались, словно стены, когда аэрокар садился на тусклое покрытое зеленью плато.

Не было видно ни космопорта, ни посадочного поля, ни дорог, ни зданий, но какие-то неясные очень большие тени, как миражи, дрожали над песком и зарослями солончаковой пустыни.

Фальк смотрел на них и не мог сосредоточиться.

Но Орри уже кричал во все горло:

— Корабли!

Это были межпланетные корабли Сингов, их флот или часть его, замаскированные светоотражающими сетками.

Сначала Фальк увидел небольшие корабли.

За ними в поле его зрения попали и другие, которые он сперва принимал за остроконечные холмы.

Аэрокар каким-то непостижимым образом сел рядом с маленьким разрушенным баракком без крыши, доски которого побелели и потрескались под воздействием ветра пустыни.

— Что это за барак?

— Вход в подземные помещения находится у одной из его стен.

— Там что, находятся компьютеры?

— Да.

— Готов ли какой-нибудь из кораблей к полету?

— Они все готовы. Это полностью автоматизированные корабли обороны.

— Есть ли среди них хотя бы один, который может пилотироваться людьми?

— Да. Тот, который предназначается для Хара Орри.

Ромаррен не ослаблял телепатическую хватку, которой он держал под контролем мозг Синга, в то время, как Фальк приказывал тому показать этот корабль.

Кен Кениек сразу же повиновался, хотя Фальк-Ромаррен не совсем ожидал этого.

Так же, как и для обыкновенного гипнотического внушения, существовали пределы и для управления разумом.

Тяга к самосохранению зачастую сопротивляется даже самому сильному внушению и иногда расстраивает всю настройку.

Однако, измена, которую вынужден был сейчас совершить Синг, по-видимому, не возбуждала инстинктивного сопротивления в нем.

Он провел их к звездолету и послушно отвечал на вопросы Фалька-Ромаррена.

Затем он отвел их назад в полуразрушенную хижину и как звуком своего голоса, так и телепатически открыл в песке дверь-западню, которая находилась рядом с дверью в хижину.

Они вошли в открывшийся перед ними туннель.

У каждой подземной двери или защитного устройства Кен Кениек подавал соответствующий сигнал, и в конце концов они очутились в защищенных от нападения, катаклизмов и грабителей помещениях, находившихся глубоко под землей.

Здесь размещались устройства автоматического управления и наведения, вычислительные устройства, позволяющие проложить курс среди звезд во Вселенной.

Со времени инцидента в аэрокаре прошло уже более часа.

Кен Кениек, покорный и подобострастный, напоминающий временами больную Эстрел, стоял рядом обезвреженный, пока Ромаррен сохранял полный контроль над его разумом.

В то мгновение, когда этот контроль ослабнет, Синг тут же отправит мысленный призыв о помощи в Эс Тох, если только найдет на это силы, либо активизирует какую-нибудь систему сигнализации, что приведет к тому, что Синги и их люди-орудия буквально через несколько минут появятся здесь.

Несмотря на это, Ромаррен все же должен был ослабить этот контроль, ибо ему был нужен именно его мозг, мозг истинного Ромаррена, чтобы целиком оценить всю сложившуюся ситуацию.

Фальку было неизвестно, как программировать компьютер для вычислений курса полета на Верель, планету системы звезды Альтаир.

Только Ромаррен мог это сделать.

Однако у Фалька были свои способы решения этой проблемы.

— Отдайте мне свой пистолет.

Кен Кениек тут же вручил ему свое маленькое оружие, которое скрывал под ниспадающими одеждами. Орри с ужасом смотрел на все происходящее.

Фальк не собирался ослабить потрясение мальчика. Фактически он еще больше растравил его.

— Почтение к жизни? — холодно спросил Фальк.

Он небрежно подбросил в руке оружие.

Как он и подозревал, это был не пистолет и не лазер, а только парализатор, причем очень слабого действия.

Фальк направил оружие на Кен Кениека, жалкого в отсутствии всякого сопротивления, и выстрелил.

Орри вскрикнул и рванулся вперед, но Фальк направил парализатор и на него.

Затем он отвернулся от двух распростертых на полу парализованных тел и дал волю Ромаррену.

К данному моменту он уже сделал свое дело.

У Ромаррена не было времени на угрызения совести или беспокойство.

Он сразу же направился к компьютерам и принялся за работу.

Он уже знал по опыту проверок бортовых устройств корабля, что действие компьютеров не базировалось на обычной математике, которую применяли земляне и которую унаследовали со времен Колонии и обитатели Вереля. Некоторые из операций, которыми пользовались Синги и которые были заложены в их компьютеры, были абсолютно чужды земной логике и математическому мышлению.

Ничто больше не могло столь твердо убедить Ромаррена в том, что Синги действительно были на Земле пришельцами, и для всех планет древней Лиги — завоевателями с какой-то очень далекой планеты, как этот чуждый всему человечеству характер их математики и логики.

Он никогда раньше не был уверен в подлинности старых земных легенд об этом, но теперь воочию убедился в этом сам.

Он ведь был, в конце концов, довольно неплохим математиком.

И как раз хорошо, что он был математиком, иначе он быстро бы опустил руки, безуспешно пытаясь ввести координаты Вереля в компьютер Сингов.

Как таковая, эта работа отняла у него пять часов.

Все это время он был вынужден буквально занимать половину своего мозга наблюдением за Кен Кениеком и Орри.

Оставить мальчика без сознания было проще, чем объясниться с ним или что-то приказать.

Но было просто жизненно необходимо, чтобы Кен

Кениек оставался все это время полностью без сознания.

К счастью, парализатор хотя и был небольшим по размеру, но оказался очень эффективным прибором и, обнаружив в конце концов его настройку, Фальк всего лишь один раз после этого прибегнул к нему. Затем он был просто волен существовать в разуме Ромаррена, который весь ушел в вычисления.

Смотреть Фальку было не на что, пока работал Ромаррен, и, не ослабляя контроля за окружающим пространством, он размышлял.

Он думал об Эстрел.

Его страшно интересовало, где она сейчас и кем она является в настоящее время.

Держат ли они ее под стражей, а может быть, стерли память или убили?

Нет, они не убивают.

Они боятся убивать и боятся умереть, поэтому называли свой страх почтением к Жизни.

Синги. Враги. Лжецы...

Лгали ли они на самом деле?

Возможно, что это было не совсем так.

Возможно, сутью их лжи было глубокое, непоправимое отсутствие понимания.

Они не были способны допустить сопрокосновения с людьми.

Они использовали к собственной выгоде, превратив ее в грозное оружие, мысленную речь.

Но, в конце концов, стоили ли этого те жалкие результаты, которых они добились?

Двадцать столетий лжи с тех пор, как они впервые появились на Земле...

Изгнанники или пираты, может быть, просто авантюристы, мечтавшие о создании собственной империи.

Выходцы с какой-то далекой планеты, решившие добиться господства над всеми расами, разум которых они не могли постичь, и чья плоть навечно оставалась стерильной.

Одинокие, изолированные, «глухонемые», правившие «глухонемыми» в мире иллюзий.

Ромаррен завершил свой труд.

После пяти часов изнурительной работы и восьми секунд действия компьютерной системы в его руке оказалась крохотная иридиевая полоска, выданная выходящим устройством компьютера, готовая осуществить

программирование бортового компьютера, следящего за курсом корабля.

Он обернулся и нерешительно посмотрел на Орри и Кена Кениека.

Что делать с ними?

Очевидно, им придется отправиться вместе с ним.

«Сотри записи расчетов в компьютере», — пронеслось в его голове; голос — знакомый, его собственный — голос Фалька.

У Ромаррена кружилась голова от усталости, но постепенно до него дошел смысл требования, и он молча повиновался.

После этого он уже ничего не мог придумать, что же нужно делать дальше.

Поэтому, в конце концов, он впервые сдался, не делая больше никаких усилий доминировать и, позволил себе раствориться... в себе.

Фальк-Ромаррен сразу же принялся за работу.

Он энергично вытащил Кена Кениека на поверхность земли и понес его по залитому лунным светом песку к кораблю, очертания которого дрожали в прозрачном ночном воздухе пустыни. Он загрузил неподвижное тело в горизонтальное кресло, дал лишнюю дозу парализующего облучения и отправился назад к Орри.

По дороге к кораблю Орри начал приходить в себя и ухитрился забраться в корабль без посторонней помощи.

— Врач Ромаррен, — хрипло произнес он, вцепившись в руку Фалька-Ромаррена, — куда это мы направляемся?

— На Верель.

— Кен Кениек тоже с нами?

— Да. Он сможет рассказать на Вереле свою версию происходящего на Земле, ты — свою, а я — свою. Всегда существует более, чем один путь к истине. Пристегнись. Вот так.

Фальк-Ромаррен вставил маленькую металлическую полоску в устройство корабельного компьютера.

Через три минуты корабль стартует.

Последний раз взглянув на пустыню и звезды, он закрыл все люки и поспешил, трясаясь от усталости и напряжения, пристегнуться рядом с Орри и Сингом.

Взлет обеспечивали ракеты. Привод световой скорости начинал действовать только на самом внешнем краю околоземного пространства.

Корабль мягко оторвался от земли и через несколько секунд оказался за пределами атмосферы. Автоматически включились видеоэкраны, и Фальк-Ромаррен увидел, как быстро уменьшается в размерах Земля.

Покидает ли он свой дом, или же, наоборот, направляется домой?

На экранах в последний раз мелькнул золотой отблеск Солнца на поверхности Восточного Океана.

Земля вспыхнула, как драгоценный камень на фоне мириад звезд, и исчезла.

Барьер был преодолен. Маленький корабль вырвался из слоев времени и помчался сквозь тьму космоса.

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Фантастический роман

Из архива Хейна. Копия записи по ансиблу, документ 01—01101—934—2—Гетен: отчет Дженли Ая, Первого мобиля на Гетене, Зиме, Хейнский Цикл 93, Экуменийский год 1490—97.

1

Я пишу отчет так, будто сочиняю рассказ — еще ребенком меня научили, что истина во многом — дело воображения. Самые неоспоримые факты могут толковаться по-разному в зависимости от стиля рассказа, подобно органическому драгоценному камню наших морей: когда его носит одна женщина, он становится ярче, а когда другая, он тускнеет и даже распадается в порошок. Факты не прочнее, чем жемчуг. И то, и другое зависит от восприятия.

Не весь рассказ принадлежит мне, не я один его излагаю. В сущности я не знаю, кому он принадлежит: вы можете судить лучше. Но сам рассказ один и даже если иногда кажется, что с изменением голоса рассказчика меняются факты, это не так: все факты остаются истинными и все составляют единое повествование.

Оно начинается в сорок четвертый день 1491 года, который на планете Зиме кархиды называют Одхар-хахад Туза, или двадцать второй день третьего месяца весны Первого года. Здесь всегда первый год. С каждым новым годом лишь меняются даты прошлых событий, номера прошедших и будущих годов, отсчитываемых назад и вперед от первого года.

В Эрхенранге, столице Кархида, жизнь моя находилась в опасности, но я этого не знал.

Шел парад. Я двигался вслед за госсиворами, чтобы предстать перед королем. Дождило. Черные тучи над темными башнями, дождь, падающий на улицы, серый, подверженный бурям каменный город, медленно изви-
вающаяся золотая лента..

Шли купцы, вельможи и художники Эрхенранга, ряд за рядом, все роскошно одетые. Под дождем они чувствовали себя так привычно, как рыба в море. Лица их были спокойны. Они не шагали в ногу. Это был не военный парад и даже не его имитация.

Шли лорды, мэры и представители — по одному, пять, сорок пять или чetyреста — от каждого домейна Кархида, длинная, пестрая процессия,двигающаяся под звуки металлических рогов, барабанов и электрических флейт. Многочисленные разноцветные знамена домейнов свешивались, сплетаясь с желтыми вымпелами, украшавшими путь, а музыка каждой группы отличалась различными ритмами, отдаваясь эхом в глубоких каменных улицах.

Шли группы жонглеров с полированными золотыми шарами, которые они высоко подбрасывали — будто на улице взрывались яркие фонтаны. Вдруг солнце пробилось сквозь облака и все шары ослепительно блеснули, поймав свет.

Шли сорок человек в желтом, играющие на госсиворах. Госсиворы, на которых играют только в присутствии короля, издавали нелепый дисгармонический рев. Когда звучали одновременно сорок госсиворов, то тряслись башни Эрхенранга и последние капли дождя падали из уносимых ветром облаков. Если такова королевская музыка, не удивительно, что все короли Кархида безумцы.

Дальше шла королевская группа: стражники, сановники города и двора, депутаты, сенаторы, послы, лорды королевства — никто не соблюдал равнения, но все шли с большим достоинством и среди них в белой тунике, куртке и брюках, в сапогах из шафрановой кожи, в островерхой желтой шапке — король Аргавен XV. Золотое кольцо на пальце было его единственным украшением и знаком сана. За этой группой восемь крепких солдат несли королевские носилки, сплошь усаженные желтыми сапфирами, в которых уже много столетий не ездили короли — это был церемониальный реликт древнего прошлого. У носилок было восемь охранников, вооруженных «мародерскими ружьями» — тоже реликтом варварского прошлого, но стволы ружей не пустовали, они были заряжены пулями из мягкого железа. Смерть шла за королем.

За смертью шли ученики школы искусств, различных колледжей, торговых школ — длинные ряды детей и молодых людей в белом, красном, золотом и зеленом.

И наконец множество бесшумных медлительных темных карет завершало парад.

Королевская группа, в которой находился и я, собралась на новом деревянном помосте у арки Речных Ворот. Поводом для парада служило завершение сооружения этой арки. С ней заканчивалось строительство новой дороги к речному порту Эрхенранга — грандиозная операция, которая прославит правление Аргавена XV в анналах Кархида.

Мы толпились на помосте, давя друг друга в мокрой обширной яркой массе.

Дождь кончался, пробивалось солнце, великолепное, яркое, предательское солнце Зимы. Я заметил, обращаясь к стоявшему слева:

— Жарко. Очень жарко.

Стоявший слева от меня приземистый, смуглый кархидец в тяжелом плаще зеленой кожи, украшенной золотом, в тяжелой белой куртке, брюках с серебряной цепью из тяжелых звеньев в ладонь величиной, обильно потея, ответил:

— Да, жарко.

Нас, сжатых в толпе, окружали лица жителей города, похожие на коричневые бутылки, сверкающие тысячами глаз.

Король по сходням из розового туфа поднимался к платформе на вершине арки. Ее разъединенные пилоны возвышались над толпой, верфями и рекой. Когда он поднялся, толпа зашевелилась, разнесся гулкий крик: «Аргавен!» Король не отвечал. Зрители не ждали ответа. Госсиворы, издав громогласный нестройный рев, смолкли. Тишина. Солнце светило на город, реку, толпу, короля. Каменщики внизу включили электролебедку, и мимо короля почти беззвучно проплыл и лег на свое место между двумя пилонами арки ключевой камень.

Большой блок весом в тонну замкнул арку, превратив ее в единое целое. На лесах короля ждал каменщик с мастерком и ведром, а все остальные рабочие, словно пауки, спустились по веревочным лестницам.

Король и каменщик остались одни высоко на узком помосте между рекой и солнцем.

Король взял у каменщика мастерок и принялся якобы заделывать длинные стыки ключевого камня. Он даже не коснулся камня, передав тут же мастерок каменщику, который методично принялся за работу. Цемент,

который он использовал, был розового цвета и отличался от остальной кладки. Спустя пять или десять минут я спросил у стоявшего слева:

— Ваши ключевые камни всегда крепятся розовым цементом?

На всех арках Старого Моста, перебросившего свою дугу через реку, отчетливо выделялись розовые пятна.

Вытирая пот с темного лица, мужчина — я вынужден так называть его, употребляя местоимения «он» и «его» — ответил:

— Когда-то цемент для ключевых камней замешивали на крови, на человеческой крови. Понимаете, без крови арка обязательно упадет. Сейчас мы используем кровь животных.

Он говорил откровенно, но осторожно, иронично, как будто всегда знал, что я вижу и сужу обо всем как чужак. Мой собеседник был одним из самых влиятельных людей в стране. Мне трудно подобрать историческую параллель его должности: визирь, премьер-министр или канцлер. По-кархидски он назывался Королевское Ухо, лорд домейна и лорд королевства, деятель крупного масштаба, Терем Харт рем ир Эстравен.

Король вроде закончил свою работу каменщика, и я с облегчением вздохнул. Но пройдя под аркой по паутине планок, король начал с противоположной стороны ключевого камня, который действительно имел две стороны. В Кархиде не следует быть нетерпеливым. Его жители вовсе не флегматичны, они упрямы, неуступчивы, и они обязательно кончают начатое. Толпа удовлетворенно созерцала королевскую работу, а мне было скучно и жарко. На Зиме мне еще ни разу не было жарко и не будет жарко, но тогда я этого не оценил.

Одет я был в расчете на Ледяной Век, а не на солнце. На мне была одежда со множеством слоев: плетеное растительное волокно, искусственное волокно, шерсть, мех, кожа — мощное вооружение против холода, в котором я теперь завяз, как лист капусты. Я принялся для развлечения рассматривать толпу и участников парада. Многочисленные знамена домейнов и кланов повисли в воздухе, ярко освещенные солнцем. Я стал расспрашивать Эстравена об этих знаменах. Он знал все, хотя их были сотни, и некоторые из очень отдаленных районов, домейнов, очагов и поселений, из земель Перинга и Керна.

— Я сам из земель Керна, — заметил он, когда я восхитился его познаниями. — И вообще моя обязан-

ность знать все домейны. Они и составляют Кархид. Управлять этой землей — значит управлять ее лордами. Но, впрочем, это никому не удавалось сделать. Знаете поговорку: Кархид не нация, а семейная ссора?

Я не знал, но заподозрил, что ее сочинил сам Эстравен.

В этот момент через толпу протиснулся другой член Кноремми — высшей палаты или парламента, возглавляемого Эстравеном. Он подошел к нам и заговорил. Это был двоюродный брат короля Пеммер Харт рем ир Тайб. Говорил очень тихо, но держался вызывающе и все время улыбался. Эстравен потел, как лед на солнце, но оставался холодным, как лед, отвечая на шепот Тайба громко и с вежливостью, котораяставляла собеседника дураком.

Я слушал, глядя, как король заливает цементом стык, но ничего не понял, кроме явной враждебности между Эстравеном и Тайбом. Ко мне, во всяком случае, это не имело отношения, я просто интересовался поведением людей, которые правят нацией, правят будущим двадцати миллионов других людей. На Экумене власть столь скрытна, что только очень проницательный человек может увидеть ее в действии. Здесь же она проявляется открыто. В Эстравене, например, власть чувствуется как выражение его характера. Он не может сделать простого жеста или сказать обыкновенного слова, чтобы все не прислушались. Он сам знает об этом, и это знание придает ему еще большую уверенность в себе. Я не доверяю Эстравену, мотивы поведения которого для меня не ясны, он мне не нравится, однако я чувствую исходящую от него власть как теплоту солнца.

Пока я так размышлял, солнце зашло за вновь образовавшиеся облака, и скоро на город, реку и толпу обрушился поток дождя. Когда король спускался по сходням, солнечный луч прорвался в последний раз, и белая фигура короля и высокая арка на мгновение высветились на фоне потемневшего неба. Облака сомкнулись, подул холодный ветер, река посерела, деревья закачались. Парад кончился. Полчаса спустя пошел снег.

Когда экипаж короля двинулся по улице ко дворцу, толпа исчезла, как груда гальки, перекатываемая медленными приливами. Эстравен снова повернулся ко мне и спросил:

— Не хотите ли поужинать со мной сегодня вечером, мистер Ай?

Я согласился, больше удивленный, чем обрадованный. За последние шесть или восемь месяцев Эстравен многое сделал для меня, но я совсем не ожидал такого проявления благосклонности, как приглашение в дом. Харт рем ир Тайб все еще стоял поблизости, слушая нас, и я чувствовал, что он подслушивает сознательно.

Раздраженный запахом назревающей интриги, я спустился с платформы и затерялся в толпе, пригибаясь к земле. Я немного выше гетенианской нормы, но в толпе эта разница бросалась в глаза. «Это он, смотрите, это посланник».

Конечно, это часть моей работы, но с течением времени она раздражает все сильнее. Все чаще тосковал я по анонимности, подобно другим, мне хотелось быть таким же, как и все.

Пройдя несколько кварталов по улице Бревери, я повернул к своему жилищу и неожиданно обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Великое событие, — произнес брат короля.

Он улыбнулся мне. Длинные желтые зубы обнажились и исчезли, когда он заговорил.

Хотя он был еще не стар, его лицо покрывала густая сеть морщин.

— Хорошее предзнаменование успеха нового порта, — согласился я.

— Да, конечно.

Снова демонстрация зубов.

— Церемония укладки ключевого камня весьма впечатляющая.

— Да, конечно. Она восходит к очень древним временам, но, несомненно, лорд Эстравен все это вам уже объяснил.

— Лорд Эстравен весьма любезен.

Я старался говорить просто и прямо, но все, что я говорил, Тайбу казалось имеющим двойное значение.

— О, да, конечно, — сказал он. — Лорд Эстравен известен своей добротой к иноземцам.

Он снова улыбнулся. Каждый его зуб, казалось, приобретал особое значение — тридцать два различных значения.

— Здесь мало иноземцев, таких иноземцев, как я, лорд Тайб. Я очень признателен за доброту.

— Да, конечно! Благодарность — редкое и благородное чувство, воспетое поэтами. Особенно редкое здесь, в Эрхенранге, несомненно, из-за своей непрактич-

ности. Век, в котором мы живем, жестокий и неблагодарный. Все совсем не так, как в дни наших предков.

— Не могу судить, сэр, но подобные жалобы я слышал и во многих других мирах.

Тайб некоторое время смотрел на меня, как бы в припадке безумия. Потом снова показал свои длинные желтые зубы.

— О да, конечно! Я все время забываю, что вы прибыли с другой планеты. Вы никак не можете забыть об этом. Хотя проще и безопаснее сделать это. Да, конечно! Вот мой экипаж, я с удовольствием подвез бы вас к вашему острову, но вынужден отказаться от этой чести, меня ждут мои обязанности в королевском дворце.

Он прыгнул в небольшой черный электрический экипаж, блестя зубами и глазами в сети морщин.

Я пошел домой к своему острову. Снег в саду растаял, а зимняя дверь в десяти футах над землей была убрана осенью до возвращения глубоких снегов.

Кархеш — остров — обычное название для жилых домов, в которых живет большая часть городского населения Кархида. Острова содержат от двадцати до двухсот отдельных комнат, еда совместная, одни питаются в отелях, другие в кооперативных коммунах. Иногда эти типы объединяются. Это, несомненно, приспособление к городам фундаментального кархидского института очагов, хотя, конечно, им недостает местной и генеалогической устойчивости очагов.

У стены здания в грязи и воде среди весенней растительности сада стояла, разговаривая, молодая пара. Правые руки их были сжаты. Они находились в первой фазе кеммера. Большие мягкие снежинки падали на них, а они стояли босиком в ледяной воде, сжимая руки и глядя друг другу в глаза.

Весна на Зиме.

Я пообедал у себя на острове и, когда колокола на башне Ремни пробили четвертый час, поспешил до дворец. Кархидцы основательно едят четыре раза в день: завтрак, ленч, обед и ужин, не считая многочисленных перекусываний между этими основными приемами пищи. На Зиме нет животных и молочных продуктов! Единственным видом высокопротеиновой пищи служат яйца, рыба, орехи и гигантское зерно. Скромная диета для такого сурового климата заставляет часто подкрепляться. Мне казалось, что я привык есть через каждые несколько минут. Только позже я узнал, что гетениан-

цы в совершенстве овладели умением не только есть, но и голодать.

Снег продолжал идти, мягкий, весенний снег, гораздо приятнее безжалостного дождя, только что кончившегося. Я прокладывал свой путь ко дворцу в спокойных бледных сумерках снегопада, только раз потеряв направление. Дворец Эрхенранга находился во внутреннем городе, в окруженной стенами путанице дворцов, башен, садов, дворов, крытых мостиков, маленьких крепостей и темниц — продукт столетней паранойи в огромном масштабе. Над всем этим возвышались огромные, угрюмые, сложенные из красного материала стены королевского дворца, в котором, хотя он использовался постоянно, жил только король. Все остальные: слуги, работники, лорды, министры, парламентарии, стражники и прочие спали в другом месте — крепостях, домах, казармах внутри стен. Домом Эстравена — знак высокой королевской милости — был Дом Красного Угла, построенный четыреста лет назад для Хармса, возлюбленного кеммеринга Зарана, чья красота все еще прославлялась, и которого похитили, искалечили и отослали назад наемники Фракции Внутренней Земли. Заран умер лишь спустя сорок лет, все эти годы мстя своей несчастной стране, за что его и прозвали Заран Злополучный.

Трагедия столь древняя, что ужас забылся, крашенные стены и тени домов внушали сейчас только легкую меланхолию.

Сад при доме был маленький, окруженный стенами, над прудом склонялись деревья — серемы. В тусклых столбах света, падавших из окна дома, я видел, как снежные хлопья и нитевидные белые споры деревьев мягко падали в темную воду.

Эстравен ждал меня. Он стоял с обнаженной головой и без плаща на холоде, смотрел на бесконечное падение снега в ночи.

Он спокойно приветствовал меня и ввел в дом. Других гостей не было. Я удивился этому, но мы медленно прошли к столу, а за едой не говорят о делах, к тому же мое внимание было отвлечено пищей, которая оказалась превосходной. Даже вечные хлебные яблоки были приготовлены так, что я восхитился искусством повара. В мире, где одной из принадлежностей стола является специальное приспособление, которым переламывают лед, образующийся между глотками, горячие напитки ценятся высоко.

За столом Эстравен еще дружески разговаривал. Теперь же, сидя у очага, он молчал.

Хотя я провел на Зиме около двух лет, я все еще не в состоянии был взглянуть на ее жителей их собственными глазами. Я пытался, но все сводилось к тому, что я видел в гетенианце вначале мужчину, а потом женщину. То есть мыслил категориями, немыслимыми для них, но совершенно естественными для меня. Я отхлебывал дымящееся кислое пиво и думал, что за столом поведение Эстравена было женским — очарование, искусность и отсутствие показного. Неужели от этого оттенка женственности, который мне в нем нравился, я ему не доверял? Невозможно было думать, как о женщине, об этом смуглом, ироничном и властном человеке, сидевшем около меня в полутьме у очага, и все же, когда я думал о нем как о мужчине, я тоже чувствовал оттенок фальши и обмана — в нем или в моем отношении к нему? Голос у него был мягкий и звучный, но не глубокий — не мужской голос, но в то же время и, не женский... Но о чем он говорит?

— Простите, — начал он, — что я так долго откладывал удовольствие видеть вас у себя в доме, но сейчас я по крайней мере рад, что между нами больше не возникает вопроса о покровительстве.

Я слегка удивился его словам. До сегодняшнего дня он, несомненно, был моим покровителем при Дворе. Неужели он думает, что аудиенция у короля, которой он для меня добился и которая состоится завтра утром, делает нас равными?

— Не думаю, чтобы я понял вас, — признался я.

Он помолчал, очевидно, тоже удивленный.

— Ну, вы понимаете, — сказал он, наконец. — Будучи здесь... вы понимаете, что я больше не смогу говорить от вашего имени перед королем.

Он говорил так, будто стыдился — не меня, а себя. Несомненно, в его приглашении и в моем согласии прийти было какое-то значение, но я его не уловил. Ошибка моя заключалась в непонимании не нравов, а манер. Я не впервые подумал, что правильно делал, не доверяя Эстравену. Он был властен, но в то же время неверен. В эти месяцы в Эрхенранге именно он слушал меня, отвечал на мои вопросы, посылал медиков и инженеров для установления чуждости моей физиологии и моего корабля, представлял меня нужным людям и постепенно поднял меня из моего первоначального положения довольно странного чудовища до нынешне-

го статуса тайнственного посланника, которого ожидает сам король. Теперь он неожиданно холодно заявляет, что больше не поддерживает меня.

— Я привык рассчитывать на вас.

— И поступали неверно.

— Вы хотите сказать, что после моей встречи с королем вы больше не будете выступать в поддержку моих предложений? Как вы...

Я вовремя остановился, не сказав «обещали».

— Я не могу.

Я был разгневан, но в нем не чувствовалось ни гнева, ни вины.

Немного погодя он бросил:

— Да, — потом снова надолго замолчал.

Во время этой паузы я подумал, что беззащитный чужак не должен требовать объяснений у всемогущего премьер-министра. Тем более, что он, видимо, никогда не поймет основ власти и деятельности правительства в этом королевстве. Вне всякого сомнения, это было вопросом шифратора — престижа, достоинства, чести, гордости — непереводаемого и вездесущего принципа социальных отношений в Кархиде и во всех цивилизациях Гетена. И именно этого я не понимал.

— Вы слышали, что сказал мне сегодня король на церемонии?

— Нет.

Эстравен склонился к очагу, поднял с горячих углей кувшин с пивом и наполнил мою кружку. Он больше ничего не сказал, поэтому я добавил:

— Король не говорил с вами в моем присутствии.

— И в моем.

— Я уверен, что снова чего-то не понял.

Проклиная все эти хитрости — женские хитрости — я спросил:

— Вы пытаетесь сообщить мне, лорд Эстравен, что вышли из милости у короля?

Я думал, что он разгневается, но он только ответил:

— Я ничего не стараюсь вам сообщить, мистер Ай.

— Клянусь господом, я хотел бы, чтобы вы постарались.

Он с любопытством взглянул на меня:

— Что ж, тогда скажем так. При дворе есть личности, которые, пользуясь вашим выражением, находятся в милости у короля и которым не нравится ваше пребывание и ваша миссия здесь.

«Поэтому ты и торопишься присоединиться к ним, продать меня, чтобы спасти свою шкуру», — подумал я. Впрочем, что толку сожалеть? Эстравен — придворный политик, а я — глупец, поверивший ему. Даже в двуполом обществе политики — это не совсем нормальные люди.

Приглашение на обед свидетельствовало, что он думает, будто я так же легко восприму его предательство, как он совершил его. Ясно, что внешние приличия здесь важнее честности. Поэтому я сказал:

— Мне жаль, что ваша доброта ко мне причинила вам неприятности.

Глядя на горящие угли, я радовался чувству морального превосходства, но, впрочем, ненадолго: его действия были слишком непредсказуемы.

Он откинулся назад, так что красные отсветы легли на его колени, на красивые и сильные маленькие руки, на серебряную кружку, но лицо его оставалось в тени — смуглое лицо, всегда затененное густыми бровями и ресницами. Лицо его почти всегда казалось лишенным выражения. Можно ли разгадать выражение морды кошки, тюленя, выдры? Многие гетенианцы похожи на этих животных с глубокими яркими глазками, не меняющими выражения.

— Я сам причинил себе неприятности, — произнес он, — действием, которое не имеет никакого отношения к вам, мистер Ай. Вы знаете, что между Кархидом и Оргорейном идет спор из-за полосы земли вдоль нашей границы в высоких Северных Холмах вблизи Сассинота. Дед Аргавена объявил долину Синота принадлежащей Кархиду, но Сотрапезники не признавали этого. Я помог некоторым кархидским фермерам переселиться подальше к востоку от границы, решив, что можно просто оставить эту полосу орготам, которые владели ею несколько тысячелетий. Я работал в администрации Северных Холмов несколько лет назад и знал многих из этих фермеров. Мне не хотелось, чтобы их убили в пограничных стычках или отправили на добровольные фермы Оргорейна. Почему бы не убрать сам предмет спора? Но это, оказывается, не патриотическая мысль. В сущности — это трусость и оскорбление самого короля.

Его ирония и эти тонкости пограничного конфликта с Оргорейном были безразличны мне. Я вернулся к тому, что меня больше интересовало. Веря ему или нет, я все же мог извлечь из него кое-какую пользу.

— Простите, — оборвал его я, — жаль, что история с несколькими фермерами может помешать моей важнейшей миссии. Речь идет о гораздо большем, чем несколько миль спорной территории.

— Да, о гораздо большем. Но, может быть, Экумен, у которого от границы до границы сотни световых лет, отнесется к нам с пониманием и сочувствием.

— Стабили Экумена очень терпеливые люди, сэр! Они будут ждать и сто, и пятьдесят лет, пока Кархид и остальной Гетен не решат, присоединиться ли им ко всему человечеству. Я сейчас говорю о личной надежде. И личном разочаровании. Я думаю, что с вашей поддержкой...

— Я тоже. Что ж, ледник не тает за одну ночь.

Поговорки легко соскальзывали с его губ, но мысленно он был где-то в другом месте. Он думал. Я представил себе, как он передвигает меня вместе с другими пешками по шахматной доске.

— Вы появились в моей стране, — сказал он, наконец, — в необычное время. Жизнь меняется, мы куда-то поворачиваем. Впрочем, не очень в сторону от обычного пути. Я думаю, что ваше присутствие и ваша миссия помогут нам выбрать нужный путь и в нужном месте. Все это очень ненадежно, мистер Ай.

Раздраженный этими общими словами, я произнес:

— Вы считаете, что сейчас неподходящий момент? Вы советуете мне отказаться от аудиенции?

Я сознательно допустил оплошность, но Эстравен даже не улыбнулся, не мигнул.

— Боюсь, что только король может сделать это, — спокойно ответил он.

— О боже, я не это имел в виду.

Я обхватил голову руками. Выросший на Земле, с ее открытым обществом и свободой обращения, я никогда не овладею бесстрашием, столь ценным в Кархиде. Я знал, что такое король — история Земли полна ими, — но у меня не было должного преклонения перед ними, не было такта. Я поднял кружку и сделал большой глоток.

— Придется говорить королю меньше, чем я собирался, рассчитывая на вашу поддержку.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Что ж, мистер Ай, вы не безумец. И я тоже. Но, видите ли, ни вы, ни я — не король. Я полагаю, что вы собираетесь разумно объяснить Аргавену, что ваша мис-

сия здесь в том, чтобы попытаться заключить союз между Гетеном и Землей. И он знает об этом. Я уже говорил ему. Я обсуждал с ним ваше предложение, старался заинтересовать его. Это было неверно сделано, неверно рассчитано. Я забыл, будучи сильно заинтересованным, что он король и видит все не рационально, а по-королевски. Все, что я говорил ему, для него значило просто, что его власти угрожают, что его королевство — это лишь точка в пространстве и лишь игрушка для людей, правящих сотней миров.

— Но Экумен не правит, он координирует. Его сила — это сила членов Союза, государств и миров. В союзе с Экуменом Кархид станет менее уязвимым и более могучим, чем до сих пор.

Эстравен некоторое время не отвечал.

Он сидел, глядя на огонь, который отражался в кружке и на широкой яркой серебряной цепи у него на груди. В старом доме было тихо. Стол накрывал слуга. Но в Кархиде нет рабства или личной несвободы, поэтому, выполнив свои обязанности, все слуги разошлись по домам. Такой человек, как Эстравен, должен был иметь телохранителей, потому что убийства встречаются в Кархиде, но я не видел и не слышал ничего. Мы были одни.

Я был один с чужаком в стенах темного дома, в чужом, замеченном снегом городе, в сердце Ледяного Века, в чужом мире.

Все, что я говорил сегодня вечером и вообще со времени высадки на Зиме, вдруг показалось мне глупым и невероятным.

Как я мог ожидать, что этот человек или кто-нибудь другой поверит моим рассказам о других мирах, других расах, благосклонном правительстве где-то далеко в небе? Все это ерунда. Я физически кое-чем отличался от гетенианцев. Это требовало объяснения. Но мои собственные объяснения были нелепы. В этот момент я и сам в них не верил.

— Я верю вам, — задумчиво произнес чужак-незнакомец, находившийся со мной.

Во мне было так сильно чувство отчуждения, что я с удивлением взглянул на него.

— Но он вам не доверяет. Отчасти потому, что не доверяет мне, больше не доверяет. Я допускал ошибки, был беззаботен и неосторожен. Я поставил вас в опасное положение и больше не могу просить вас о доверии. Я забыл, кто такой король. Забыл о том, что ко-

роль в собственных глазах и есть Кархид, забыл, что существует патриотизм, и что в необходимых случаях король самый горячий патриот. Позвольте мне спросить, мистер Ай, знаете ли вы по своему опыту, что такое патриотизм?

— Нет,— признался я. Я был потрясен внезапной страстностью, приоткрывшейся в нем.

— Но если под патриотизмом вы понимаете любовь к миру, где я родился, тогда знаю.

— Нет, говоря о патриотизме, я не имею в виду любовь. Я имею в виду страх. Страх перед другими. И проявляется он не в поэзии, а в политике. Этот страх в нас все время растет. Он растет год за годом. И мы слишком зашли по дороге страха. А вы, пришедший к нам из мира, который уже много столетий назад перерос нации, едва ли понимаете, о чем я говорю, вы, который понимаете и показываете нам новую дорогу... холодно и вежливо. Именно из-за страха я не могу больше обсуждать ваше предложение с кораблем. Но не из-за страха за себя, мистер Ай. Я действую не из-за патриотизма в конце концов. На Гетене есть и другие нации.

Я понятия не имел, к чему он клонит.

— Из всех этих загадочных, неуловимых темных душ, которые я встретил в этом мрачном городе, он был самой темной. Я не хотел участвовать в игре в лабиринт.

Я ничего не ответил.

Немного погодя он осторожно продолжал:

— Если я вас правильно понял, ваш Экумен заботится об интересах всего человечества. Например, у оргов есть опыт в подчинении местных интересов общим, а у Кархида такого опыта нет. И Сотрапезники Оргорейна — в большинстве здравомыслящие люди, высокоинтеллектуальные, в то время как король Кархида не только безумен, но и глуп.

Ясно, что у Эстравена верность совершенно отсутствует. С некоторым отвращением я заметил:

— В таком случае ему трудно служить.

— Я не уверен, что когда-либо служил королю,— сказал королевский премьер-министр.— Или собирался служить. Я не слуга. Человек должен отбрасывать собственную тень...

Колокола на башне Ремни пробили шестой час, полночь, и я воспользовался этим как поводом для ухода. Когда я одевался, он сказал:

— Сейчас у меня больше не будет возможности, так

как вы, вероятно, покинете Эрхенранг. Но я надеюсь, наступит день, когда я смогу подробнее расспросить вас. Мне так много хочется узнать. О вашей мозговой речи в особенности. Вы так и не успели объяснить мне, что это такое.

Его любопытство, казалось, было совершенно искренним. Но он обладал бесстыдством человека, облеченного властью. Его прошлые обещания помогать мне тоже казались искренними. Я заверил: да, конечно, когда он только захочет. На этом вечер кончился. Он провел меня через сад, где тонким слоем лежал снег в свете большой тусклой луны. Я вздрогнул. Температура была гораздо ниже нуля. Он спросил меня с вежливым удивлением:

— Вам холодно?

Для него, конечно, это была теплая ночь, весенняя ночь.

Я устал, был удручен и потому ответил:

— Мне холодно с того самого момента, когда я появился в вашем мире.

— Как вы называете наш мир на своем языке?

— Гетен.

— Вы не дали ему собственного названия?

— Первые исследователи дали. Они называли его Зима.

Мы остановились у калитки. Снаружи виднелись башни и крыши дворцов, кое-где блестели освещенные окна. Стоя под узкой аркой, я взглянул вверх, размышляя, укреплен ли и здесь ключевой камень на кровле.

Эстравен попрощался и повернул назад, он никогда не был щедр на прощания и приветствия. Я пошел тихим двором и переулками дворца. Башмаки мои оставляли след на тонком слое снега. Я замерз, чувствовал неуверенность, был расстроен вероломством.

Мне было одиноко и страшно.

2

Двести лет назад в очаге Шат в области Перинг были два брата, которые дали обет кеммеринга друг другу. В те дни, как и сейчас, кровным братьям разрешалось вступать в кеммер, пока один из них не зачинал ребенка. После этого они должны были расстаться. Потому давать обет кеммеринга на всю жизнь им не разрешалось. Но они сделали это. Когда был зачат ребенок, лорд Шата приказал им разорвать обет и больше никогда не

вступать в кеммер. Услышав это, один из них, тот, который носил ребенка, впал в отчаяние, и, не слушая советов и утешений, он принял яд, покончил жизнь самоубийством. Люди очага поднялись против другого брата и изгнали его из очага и домейна, возложив на него позор самоубийства. И поскольку собственный лорд изгнал его, и рассказ о нем распространился повсюду, никто не хотел принимать его, после трех гостевых дней его отовсюду изгоняли, как стоявшего вне закона.

И так он бродил от одного места к другому, пока не узнал, что нет для него доброты в этом мире и что его преступление не будет прощено. Молодой и неопытный, он вначале не верил в это. Убедившись, что так оно и есть, он вернулся в землю Шат и как изгнанник встал у входа во внешний очаг. И сказал главному сожителю по очагу:

— У меня нет лица среди людей. И меня не видят. Я говорю, но меня не слышат. Я вхожу, но меня не приглашают. Нет у меня места у огня, нет для меня еды на столе, нет постели, где бы я мог поспать спокойно. Но у меня есть еще имя. Гетерен зовут меня. И это имя я, как проклятый, возлагаю на очаг, храните его для меня. А я, безымянный, буду искать свою смерть.

Тут многие жители очага вскочили с криками и суматохой, намереваясь убить его, потому что убийство бросает меньшую тень на дом, чем самоубийство. Он бежал от них и ушел на север, к землям, пограничным со льдом. Преследователи уныло вернулись в Шат. Но Гетерен продолжал идти и пришел на ледник Перинг. Ледник Перинг — ледяной щит, покрывающий северную часть Кархида. Зимой, когда замерзает залив Гутен, он соединяется с Ледником в Оргорейне.

Еще два дня он продвигался на север по льду. У него не было с собой ни пищи, ни укрытия. На льду ничего не растет и нет никаких животных. Был месяц Сасми, и первый большой снег шел днем и ночью. Гетерен один шел сквозь бурю. На второй день он почувствовал, что слабеет. На вторую ночь ему пришлось лечь и немного поспать. Проснувшись на третье утро, он заметил, что руки у него обморожены, что ноги тоже обморожены, хотя он и не мог снять ботинок, чтобы осмотреть их: руки не повиновались ему. Он пополз вперед на четвереньках. У него не было для этого никаких причин: какая разница, в каком месте умирать, но он чувствовал, что должен двигаться на север.

Много времени спустя прекратились снег и ветер. Светило солнце. Гетерен не мог видеть, что у него впереди, потому что капюшон сполз ему на глаза. Не чувствуя больше холода в руках и ногах, он решил, что они онемели от мороза, но он мог продолжать ползти. Снег, покрывающий лед, показался ему странным: как будто из льда росла белая трава. Она сгибалась под его тяжестью и снова распрямлялась за ним. Он перестал ползти, сел и откинул капюшон, чтобы осмотреться. Повсюду, насколько хватало глаз, лежали диковинные белые и сверкающие поля снежной травы. Видны были роши белых деревьев с белыми листьями на них. Светило солнце, было безветренно и бело.

Гетерен снял варежки и посмотрел на руки. Они были белы как снег, но не были обморожены, и он мог двигать пальцами и стоять на ногах. Он не чувствовал ни боли, ни холода, ни голода.

Гетерен увидел впереди белую башню, похожую на башню домейна. Оттуда кто-то шел по направлению к нему. Спустя какое-то время стало видно, что этот человек, совершенно нагой, с белой кожей и белыми волосами. Он подошел к Гетерену, и Гетерен спросил его:

— Кто ты?

Белый человек ответил:

— Я твой брат и кеммеринг Ход.

Ходом звали его брата, убившего себя.

Гетерен увидел, что этот человек действительно его брат лицом и телом. Но в теле не было жизни, а голос звучал как треск льда.

Гетерен спросил:

— Что это за место?

Ход ответил:

— Это место внутри бури. Здесь живут те, кто убил себя. Здесь мы с тобой продолжим наш обет.

Гетерен испугался и заявил:

— Я не останусь здесь. Если бы ты ушел со мной из нашего очага в южные земли, мы могли бы остаться вместе и хранить наш обет всю жизнь, и никто не знал бы о нашем проступке. Но ты нарушил наш с тобой обет, отбросив его вместе со своей жизнью. Ты не можешь теперь называть меня по имени.

И правда, Ход пошевелил губами, но не смог произнести имени брата.

Он быстро подошел к Гетерену и схватил его левой рукой. Гетерен высвободился и побежал. Он бежал на юг и увидел перед собой стену падающего снега, а ког-

да он вошел в нее, снова не смог держаться на ногах и пополз.

На девятый день его нашли в своем домейне люди очага Орхоч, который расположен на юге Шата.

Они не знали, кто он и куда идет.

Когда его нашли, он, обмороженный и умирающий от голода, полз по снегу. От солнечного света он ослеп, лицо его почернело. Вначале он не мог говорить. Но особого вреда мороз ему не причинил, только левая рука у него онемела и ее пришлось ампутировать. Некоторые говорили, что это Гетерен из Шата, о котором они слышали, другие заявляли, что этого не может быть, потому что Гетерен в самом начале осени ушел на лед и теперь давно мертв. Сам он отрицал, что его зовут Гетерен. Оправившись, он покинул Орхоч и границу бури и ушел в южные земли, называя себя Энноч.

Состарившись, Энноч встретил в долине Гор человека со своей родины и спросил его:

— Как поживает домейн Шат?

Тот ответил, что Шат живет плохо. Ничего не растет на полях, люди болеют, весенние посадки вымерзают, и так продолжается уже много лет. Тогда Энноч сказал ему:

— Я Гетерен из Шата.

Он рассказал, как ушел на лед и с кем там встретился. В конце своего рассказа он сказал:

— Скажи всем в Шате, что я беру назад свое имя и свою тень.

Вскоре Гетерен заболел и умер. Путешественник принес его слова в Шат и с того времени домейн снова стал процветать, и все в домах, полях и в очагах стало хорошо.

3

Я проснулся поздно и остаток утра провел, перечитывая заметки об этике дворца, наблюдения над гетенианской психологией и манерами, сделанные моим предшественником-исследователем. Я плохо понимал, что читаю. Впрочем, это не имело значения: все это я уже знал и читал, чтобы заглушить внутренний голос, говоривший мне, что все идет плохо.

Не сумев заглушить его, я начал с ним спорить, утверждая, что без Эстравена было бы еще хуже, чем с ним. В конце концов, моя работа — это работа одного человека.

Первый корабль всегда один. Первые известия об Экумене в любой мир приносит лишь один человек.

Он может быть убит, как Пелледж на Тауресе-4, или заключен в сумасшедший дом, как первые три мобилиа на Гао, один за другим. Но подобная практика продолжалась, потому что она оказалась действенной.

Один голос, говорящий правду, обладал большей силой, чем флоты и армии, но для этого нужно время, много времени, а времени у Экумена предостаточно. Не спорь, произнес внутренний голос, но я продолжал спорить в молчании и прибыл во дворец на аудиенцию к королю во втором часу, полный спокойствия и решимости. И все улетучилось еще до того, как я увидел короля.

Стражники и чиновники дворца провели меня в приемную по длинным залам и коридорам королевского дома. Меня попросили подождать и оставили одного в высокой комнате без окон. Там я и стоял, одетый соответственно предстоящему свиданию с королем. Я продал свой четвертый рубин. Исследователи сообщили, что гетенианцы высоко ценят эти драгоценные камни, поэтому я захватил их с собой целую сумку, чтобы расплачиваться за все необходимое. Третью полученных денег я потратил на одежду для вечернего парада и сегодняшней аудиенции — все новое: серые брюки, длинная нижняя рубашка, новая шапка, новые перчатки, заткнутые под соответствующим углом за пояс, и новые сапоги. Уверенность в том, что я хорошо одет, увеличила мое спокойствие и решительность. Я спокойно и мужественно смотрел по сторонам.

Подобно всему королевскому дому, комната эта была высока, красна и стара, в ней было холодно, как будто сквозняки дули не из других залов, а из прошедших столетий.

В очаге горел огонь, но тепла он не давал.

Огонь в Кархиде согревает скорее душу, чем тело. Индустриальный век в Кархиде длится уже три тысячи лет, и за эти тридцать столетий кархидцы создали много великолепных экономичных устройств центрального отопления, использующих пар, электричество и другие принципы, но в домах они не устанавливаются.

Возможно, кархидцы не хотят утратить свою естественную приспособленность, подобно арктическим птицам, которые, пожив в тепле, отмораживают затем лапы. Я, однако, тропическая птица, и мне было холодно

на улице и холодно в доме. Чтобы согреться, я принялся ходить взад и вперед. Кроме меня и огня в очаге, в приемной почти ничего не было: табуретка и стол, на котором стоял один резной кувшин и древний радиоприемник в резном деревянном корпусе. Он говорил шепотом, и я увеличил громкость, слушая дворцовый бюллетень, сменивший однообразную песню-лай, которая передавалась перед этим.

Кархидцы, как правило, предпочитают слушать новости, а не читать о них. Книги и телевизоры распространены гораздо меньше радио, а газета вообще отсутствует. Я пропустил утренний бюллетень и тут мое внимание привлекло несколько раз повторенное имя. Я теперь перестал расхаживать. Что там было с Эстравеном? Сообщение повторили: «Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстра в Карме, этим указом лишается своего титула и места в ассамблее королевства и приговаривается к изгнанию из королевства и всех домейнов Кархида. Если через три дня он окажется в королевстве или любом из домейнов, или впоследствии вернется в Кархид, любой подданный обязан предать его смерти без всякого судебного разбирательства. Ни один подданный Кархида не должен разговаривать с Харт рем ир Эстравеном, впускать его в свой дом или свою землю под угрозой тюремного заключения. Ни один подданный Кархида не должен давать Харту рем ир Эстравену займы деньги или вещь и не должен возвращать взятые в долг вещи или деньги под угрозой тюремного заключения и штрафа. Да знают все поданные Кархида, что преступление, за которое Харт рем ир Эстравен осужден на изгнание есть предательство: он открыто под предлогом верной службы королю вел дело к тому, чтобы уничтожить независимость Кархида и подчинить его чужой власти. Он хотел, чтобы Кархид стал подчиненным и зависимым членом некоего Союза народов, утверждал, что подобный Союз существует, хотел ослабить власть короля в Кархиде с выгодой для настоящих и будущих врагов королевства. Одгир из Тува, восьмой час, дворец в Эрхенранге. Аргавен Харт».

Первый мой импульс был прост. Я выключил радио, как будто оно обвиняло меня, и заторопился к двери. Тут я, конечно, остановился и вернулся к столу у очага. Спокойствия и решительности как не бывало, мне хотелось открыть сумку, достать ансибл и послать срочное сообщение. Но я подавил и этот импульс — он был еще глупее первого. К счастью, у меня не оказалось вре-

мени для следующих импульсов. Двойная дверь в дальнем конце приемной открылась, появился чиновник:

— Дженри Ай!

Меня зовут Дженли, но кархидцы не произносят звука «л». Он впустил меня в красный зал, где находился Аргавен XV.

Красный зал королевского дома — огромная, высокая и длинная комната. До очага полмили. До снабженного стропилами и увешанного пыльными знаменами потолка тоже полмили. Узкие разрезы окон в толстых стенах. Света мало, тусклая полутьма. Мои новые сапоги стучали. Я шел к королю по длинному залу.

В зале было три очага. Перед центральным, самым большим из них, на низком помосте или платформе стоял Аргавен — низкорослый, очень прямой и смуглый. На нем не было видно никаких царских знаков, кроме золотого кольца на пальце.

Я остановился у края помоста и, как мне было сказано, молчал.

— Поднимитесь, мистер Ай! Садитесь.

Я повиновался, сев в правое от очага кресло. Всему этому меня обучили. Аргавен не сядил. Он стоял в десяти футах от меня у ревушего яркого пламени. Наконец он сказал:

— Говорите, мистер Ай, то, что собирались сказать. Уверяют, вы принесли какое-то сообщение.

Лицо его покраснело от жара. Оно было плоское и грубое, как луна, тусклая коричневато-красная луна Зимы. Аргавен вблизи был менее похож на короля и мужчину, чем на расстоянии и среди придворных. Голос у него был тонкий, а безумная голова высоко и высокомерно поднята.

— Ваше величество, все, что я знал, вылетело у меня из головы. Я только что узнал об опале Эстравена.

Аргавен резко рассмеялся, как разгневанная женщина, делающая вид, что ей забавно.

— Будь проклят этот гордый, позирующий, лжесвидетельствующий предатель! Вы с ним ужинали вчера вечером? И он вам говорил, какой он могущественный, как он правит королем, как легко пойдут ваши дела теперь, когда он со мной поговорил о вас? Да? Он говорил вам так, мистер Ай?

Я колебался.

— Я скажу вам, что он говорил мне о вас, если вам интересно это услышать. Он советовал мне отказать вам в аудиенции, заставить вас ждать, может быть, выслать

вас в Оргорейн или на острова. Все полмесяца он твердил мне это, будь проклята его дерзость! Это он выслан теперь в Оргорейн. Ха-ха-ха!

Снова резкий фальшивый хохот. Смеясь, он хлопнул в ладоши. Немедленно среди занавесей в конце помоста появились стражники. Аргавен фыркнул на них, те исчезли. Все еще смеясь и фыркая, Аргавен подошел ближе и уставился на меня. Темные зрачки его глаз слегка отливали оранжевым. Я гораздо больше испугался его, чем ожидал, и не видел иного выхода из этих несуразностей, кроме искренности.

— Могу спросить вас, сэр, считаюсь ли я причастным к преступлению Эстравена?

— Вы? Нет.

Он еще пристальней посмотрел на меня.

— Не знаю, мистер Ай, что вы за дьявол: сексуальный урод, искусственно созданное чудовище или посетитель из домейна Небо,— но вы не предатель, вы были лишь орудием предателя. Я не наказываю орудия. Они причиняют вред только в руках плохого рабочего. Позвольте мне дать вам совет...

Аргавен изрек это очень подчеркнуто и с явным удовлетворением, мне тотчас пришло в голову, что за два года никто не давал мне советов. На вопросы отвечали, но никогда не пытались советовать. Даже Эстравен, явно старавшийся помочь мне. Это, видимо, имело какое-то отношение к шифгретору.

— Пусть никто не использует вас, мистер Ай,— говорил король.— И держитесь подальше от фракций. Говорите собственные слова, совершайте собственные поступки и никому не верьте. Поняли? Никому. Будь проклят этот лживый, хладнокровный предатель. Я ему верил, я надел серебряную цепь на его проклятую шею. Повесить бы его на той же цепи. Никогда я не доверял ему. Никогда. Никому не доверяйте. Пусть он сдохнет в помойных ямах Мцинори, выпрашивая подаяние, пусть сжигают его кишки.

Король Аргавен затрясся, задыхаясь, схватился за грудь и повернулся ко мне спиной. Он пинал большое полено в очаге, пока из него не полетели искры.

Не оборачиваясь, он потребовал резким и болезненным тоном:

— Говорите, мистер Ай.

— Могу ли я задать вопрос, сэр?

— Да.

Он глядел на огонь, раскачиваясь с ноги на ногу. Я обращался к его спине.

— Верите ли вы в то, что я говорю о себе?

— По приказу Эстравена врачи посылали мне бесконечные сообщения о вас. Еще больше докладов инженеров о вашем корабле. Все они могут быть лжецами, но все они утверждают, что вы не человек. Так кто же вы?

— Существуют и другие, подобные мне. А я представитель...

— Этого союза, этой власти, да, очень хорошо. Зачем они послали сюда вас, чего они хотят от меня?

Хотя Аргавен мог быть и безумным, и не очень проницательным, но у него была долгая практика в уклонениях, вызовах, риторических тонкостях, используемых в разговорах с теми, чья главная цель в жизни заключается в достижении и укреплении отношений шифгретора на высшем уровне. Многие аспекты этих отношений были не ясны мне, но я знал о том, какие словесные дуэли могут возникать на этой основе. Я не собирался спорить с Аргавеном, я хотел общаться с ним.

— Я не делаю из этого тайны, сэр. Экумен хочет союза с нациями Гетена.

— Зачем?

— Материальная выгода. Увеличение знаний. Расширение поля разумной жизни. Обогащение гармонии и большая слава. Приключения. Радость.

Я не говорил языком, которым пользуются те, кто правит людьми: короли, завоеватели, диктаторы, полководцы. На их языке нет ответа на вопрос короля. Аргавен неподвижно и угрюмо продолжал смотреть в огонь.

— Как велико королевство в Небе, этот Экумен?

— В сфере Экумена находятся восемьдесят три обитаемых планеты, а они содержат около трех тысяч наций и антропологических групп.

— Три тысячи наций на восьмидесяти трех мирах, мы, одни, можем иметь общего с тысячами чудищ, живущих в небе?

Он снова повернулся ко мне. Он продолжал дуэль, задавал риторические вопросы, он почти шутил. Но шутка была неглубокой. Он был — Эстравен предупреждал меня об этом — обеспокоен, встревожен.

— Три тысячи наций на восьмидесяти трех мирах, сэр. Но ближайший находится в семнадцати годах пути от Гетена на кораблях, которые летят со скоростью света. Если вы считаете, что Гетен может быть вовлечен

в пограничные конфликты с соседями, подумайте о разделяющем вас расстоянии. Через такое расстояние всякий набег теряет разумность,— я не говорил о войне и не без причины — на кархидском языке нет такого слова.— Торговля же, разумеется, выгодна. Торговля идеями, усовершенствованиями, передаваемыми по ансамблю. И торговля товарами и изделиями, которые доставляют корабли с экипажами и без него. Сюда могут прибывать послы, ученые, купцы и, в свою очередь, ваши люди смогут отправиться в космос. Экумен не королевство, а координирующий центр, обменный пункт для торговли и знаний. Без него сообщения между населенными пунктами стали бы случайными, а торговля — очень рискованной. Жизнь человека слишком коротка для прыжков между мирами, если не существует опорной сети и определенности, если нет контроля, если не ведется постоянная работа, поэтому все миры становятся членами Экумена. Мы все люди, вы знаете, сэр. Все мы. Все миры были заселены много лет назад из родного мира — Хейна. Мы различаемся, но мы все дети одного очага.

Ничто из сказанного не вызывало любопытства короля. Я продолжал некоторое время, подчеркивая, что его инфрегот Кархида лишь усилится, если они вступят в Экумен, но ничего не добился. Аргавен стоял мрачный, угрюмый, как старая выдра в клетке, покачиваясь взад и вперед с ноги на ногу, скаля зубы в улыбке боли.

Я замолчал.

— Они все черные, как вы?

Гетенианцы в основном желто-коричневые или красно-коричневые, но я видел многих не менее смуглых, чем я.

— Некоторые чернее,— сказал я,— мы приобрели разные цвета.

Я открыл сумку (вежливо осмотренную охранниками дворца четырежды при моем продвижении к красному залу), в которой находился мой ансамбль и несколько картинок. Фильмы, фотографии, движущиеся изображения — это была маленькая галерея людей — жителей Хейна, Чиффердвера, Сети, Земли, Альтерры, Кэмтэйна, Олдула, Таурса-4, Роканнона, Знебе, Сайма и других.

Король посмотрел их без интереса.

— Что это?

— Человек с Сайма, женщина.

Я вынужден был использовать слова, которыми гетенианцы обозначают только человека в кульминационном

периоде кеммера, причем такого, который выполняет функции женщины.

— Постоянно?

Он опустил куб и стоял, покачиваясь с ноги на ногу, глядя на меня или немного ниже меня. Отблески огня падали на его лицо.

— Они все подобны этому, подобны вам?

Этот барьер я не мог понизить для него. К этому им в конце концов придется привыкнуть.

— Да. Гетенианская половая психология, насколько мы можем судить, совершенно уникальна среди человеческих существ.

— Значит, все они на этих планетах постоянно находятся в кеммере? Общество извращенцев? Так утверждает и лорд Тайб. Я думал, он шутит. Может, так оно и есть. Но это отвратительно, мистер Ай, и я не вижу, для чего нам общаться с существами, так чудовищно отличающимися от нас.

— Выбор Кархида принадлежит вам, сэр.

— А если я вышлю вас?

— Что ж, я уйду. Может быть, попытаюсь снова в следующем поколении.

Это подействовало. Он выпалил:

— Вы бессмертный?

— Вовсе нет, сэр. Но прыжки в пространстве сказываются на времени. Если я сейчас вылечу с Гетена к ближайшему миру, Силлулу, то проведу в пути семнадцать лет планетного времени. Это одно из следствий полета со скоростью света. Если я просто поверну и вернусь назад с Силлулу, мои несколько часов, проведенные на борту корабля, здесь будут равны тридцати четырем годам и я смогу начать все сначала.

Мысль о прыжках во времени, которая давала видимость бессмертия, очаровывала всех: от рыбаков острова Хордена до премьер-министра. Но короля она оставила равнодушным.

Он спросил своим резким, хриплым голосом:

— Что это?

Он указал на ансибл.

— Мгновенный коммуникатор, сэр.

— Радио?

— Он не использует ни радиоволны, ни другие виды энергии. Принцип его работы, дающий мгновенную связь, основан на использовании гравитации.

Я снова забыл, что говорю не с Эстравеном, который

читал все отчеты обо мне и внимательно выслушивал мои объяснения, а со скучающим королем.

— Ансибл дает мгновенную связь между двумя любыми пунктами. Один пункт должен быть закреплен и находиться на планете определенной массы, другой пункт подвижен. Это и есть мой ансибл. Я установил координаты Первичного мира Хейна. Кораблю типа «Нафал» потребуется шестьдесят семь лет, чтобы добраться до Хейна с Гетена, но если я наберу здесь на клавишах сообщение, оно будет получено на Хейне в тот момент, когда я его пишу. Не хотите ли связаться со стабильными?

— Я не говорю по-небесному,— запротестовал король со своей тусклой улыбкой.

— Там находится специальный человек — я их предупредил,— который может переводить с кархидского.

— Как это?

— Ну, вы знаете, сэр, что я не первый чужак на Гетене. Мне предшествовал отряд исследователей, которые не сообщили о своем присутствии: они выдавали себя за гетенианцев и изъездили в течение года весь Кархид, Оргорейн и Архипелаг. Они сделали доклад Совету Экумена около сорока лет назад, в правление вашего деда. Доклад их был чрезвычайно благоприятен. Я изучил собранную ими информацию, записанные ими языки и прибыл сюда. Не хотите ли посмотреть ансибл в действии?

— Я не люблю фокусы, мистер Ай.

— Это не фокус, сэр. Ваши собственные ученые осматривали...

— Я не ученый.

— Вы повелитель, сэр. Равные вам на Первичном мире Экумена ждут вашего слова.

Он свирепо посмотрел на меня. Стараясь заинтересовать его, я завлек его в престижную ловушку.

— Ладно. Спросите вашу машину, что делает человека предателем.

Я медленно набрал на клавишах, где были обозначены кархидские буквы: «Король Аргавен спрашивает стабилей Хейна, что делает человека предателем?» Надпись появилась на маленьком экране и поблекла.

Аргавен ждал, прекратив свое покачивание.

Наступила пауза, долгая пауза. Где-то там, в семидесяти двух световых годах, несомненно, лихорадочно посылали запросы в кархидский компьютер, а может и в компьютер, содержащий сведения по философии. Нако-

нец на экране загорелись яркие буквы, повисли и медленно поблекли: «Приветствуем короля Кархида Аргавена на Гетене. Я не знаю, что делает человека предателем. Ни один человек не считает себя предателем, поэтому на ваш вопрос ответить трудно. С уважением, Дж. Ф. Спаймолл, от имени стабилей, Сари, Хейн 91/1491/45».

Оторвав ленту с записью, я протянул ее Аргавену. Он бросил ее на стол, снова подошел к центральному очагу и принялся пинать полено, ловя искры руками.

— Такой полезный ответ я мог бы получить от любого предсказателя. Этот ответ меня не удовлетворяет, мистер Ай. Так же, как ваш ящик, эта ваша машина и ваш корабль. Мешок с фокусами и фокусник. Вы хотите, чтобы я поверил в ваши сказки. Но почему я должен вам верить? Что с того, что среди звезд существует восемьдесят тысяч миров, населенных чудовищами? Нам ничего от них не нужно. Мы выбрали свой путь в жизни и давно идем по нему. Кархид на пороге новой эпохи нового великого века. Мы пойдем своим путем.

Он остановился, как будто потерял нить рассуждений, может быть, не своих: если Эстравен больше не был Королевским Ухом, его место занял кто-то другой.

— И если бы этот ваш Экумен чего-нибудь хотел от нас, он не послал бы вас одного. Это обман, подлог. Чужаки хлынули бы сюда тысячами.

— Но для того, чтобы открыть дверь, не нужно тысячи человек, милорд.

— Ее нужно держать открытой.

— Экумен может подождать, пока вы откроете ее, сэр. Мы никого не принуждаем. Я послан один, чтобы вы не боялись нас.

— Бояться вас! — воскликнул король. Он повернул свое искаженное тенями лицо, улыбнулся и заговорил громко и резко:

— Но я боюсь вас, посланник. Я боюсь тех, кто послал вас. Я боюсь лжецов, фокусников, а больше всего боюсь правды. И поэтому я хорошо правлю страной. Только страх правит людьми. Ничто иное не действует. И ничто иное не продержится достаточно долго. Вы тот, за кого себя выдаете, и в то же время вы — обман. Между звездами нет ничего, кроме ужаса и тьмы, и вы явились оттуда, стараясь испугать меня. Но я уже испуган, и я король. Страх — вот король! Забирайте ваши рисунки и фокусы и уходите. Я приказал, чтобы вам предоставили свободу в пределах Кархида. Больше нам не о чем говорить.

Я пошел по длинному залу, сапоги мои стучали, и двойные двери отделяли меня от короля.

Я потерпел неудачу. Но когда я покинул королевский дом и возвращался домой, меня больше всего беспокоила собственная неудача, а также участие в ней Эстравена. Почему король изгнал его за защиту Экумена (так, во всяком случае, утверждал приказ)? Если в соответствии со словами самого короля, он действовал как раз в противоположном направлении? Когда он начал советовать королю избавиться от меня и почему? Не потому ли он изгнан, а мне предоставлена свобода? Кто из них лгал больше, и какого дьявола они вообще лгали?

Эстравен — чтобы спасти свою шкуру, решил я, а король — чтобы спасти свое лицо. Объяснение как будто подходило. Но на самом ли деле Эстравен лгал мне? Я понял, что не знаю этого.

Я проходил мимо дома в Красном Углу. Ворота в сад были открыты. Я увидел деревья, склонившиеся над темным прудом, тропинку розового кирпича в безмятежном сером свете солнца, и по-прежнему снег на берегах пруда.

Я вспомнил, как ждал меня здесь под снегом Эстравен прошлым вечером, и почувствовал прилив острой жалости к человеку, который только вчера находился на вершине своего могущества, а сегодня пал, изгнан, исчез, бежит к границе, а смерть идет по пятам и никто не разговаривает с ним. Смертные приговоры редки в Кархиде: жизнь на Зиме тяжела и люди предоставляют право убивать природе, а не закону. Я гадал, куда направится Эстравен. Экипажа у него нет, они все предоставляют дворцовую собственность. Ни один корабль или грузовик не подберет его. Он идет пешком по дороге и несет с собой то немного, что смог захватить. Кархидцы в своем большинстве передвигаются пешком. У них нет верховых животных, нет летательных аппаратов, большую часть года погода не благоприятствует движению машин, а гетенианцы не торопятся. Я представил себе, как этот гордый человек бредет в изгнание — маленькая согнутая фигура на дороге, ведущей к западу от залива.

Все эти мысли мелькали в моем мозгу, когда я проходил мимо дома на Красном Углу. В то же время я продолжал обдумывать действия Эстравена и короля. В обращении с ними я потерпел неудачу. Что же делать дальше?

Я должен отправиться в Оргорейн — соседнее с Кар-

хидом государство, соперничающее с ним. Но оттуда мне трудно будет вернуться в Кархид, а я еще не закончил тут дела. Я напомнил себе, что вся моя жизнь может пройти в осуществлении миссии Экумена. Не торопиться, не бежать в Оргорейн, прежде чем я узнаю больше о Кархиде, и особенно о предсказателях.

Два года я отвечал на вопросы, теперь я сам буду задавать их. Но не в Эрхенранге. Я наконец-то понял, что Эстравен предупреждал меня, и хотя я не могу доверять его предупреждению, не учитывать его тоже нельзя. Он сказал, хотя и не прямо, что мне следует удалиться от двора и уехать из города. Я почему-то вспомнил о зубах лорда Тайба.

Король предоставил мне свободу в своей стране, я воспользуюсь ею. Как говорят в Экуменийской школе, если действия невыгодны, собирай информацию; когда информация становится невыгодной, спи. Я еще не хотел спать. Я отправлюсь на восток и буду собирать информацию о предсказателях.

4

Лорд Ферости рем ир Айн прибыл в крепость Тангеринг и предложил сорок беррилов и половину дохода от урожая своих садов, как плату за предсказание.

Его условия были приняты. Он задал свой вопрос Ткачу Одрену и вопрос его был: «в какой день я умру?»

Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Когда кончилась тьма, Одрен дал ответ: «Ты умрешь в Одстрет» (девятнадцатый день любого месяца).

— Какого месяца? Через сколько лет? — воскликнул Ферости.

Но связь была разорвана, и ответа не было. Лорд вбежал в круг, схватил Одрена за горло и начал душить его, крича, что если он не получит ответа, то сломает Ткачу шею. Его оттащили, хотя он и был сильным человеком. Он бился в их руках и кричал:

— Дайте мне ответ!

Одрен сказал:

— Ответ дан, и цена уплачена. Иди.

Разгневанный Ферости рем ир Айн вернулся в Гарут, третий домейн своей семьи, бедную местность на севере Осноринера, которую он сделал еще беднее, выжимая из нее плату за предсказание. Он закрылся в крепости, в самой высокой башне очага, и не выходил

оттуда ни к другу, ни к врагу, ни в посев, ни в жатву, ни для кеммера, ни для набега. И прошел месяц и девять месяцев, а он продолжал жить и ждать. А в Однотерхат и в Одстрет — в восемнадцатый и девятнадцатый дни месяца — он не ел, не пил и не спал.

Его кеммерингом по любви и обету был Харбор из клана Геганнер. Этот Харбор в месяц Гренде пришел в крепость Тангеринг и сказал Ткачу:

— Мне нужно предсказание.

— Чем ты заплатишь? — спросил Одрен.

Он видел, что пришедший плохо одет и плохо обут, его сани стары, а все его снаряжение нуждалось в замене.

— Я заплачу своей жизнью, — сказал Харбор.

— У вас больше ничего нет, милорд? — поинтересовался у него Одрен. Он говорил теперь с ним, как с благородным человеком.

— Вы больше ничего не можете предложить?

— Ничего, — заявил Харбор. — И я не знаю, ценна ли для вас моя жизнь?

— Нет, — сказал Одрен. — Для нас она не ценна.

Тогда Харбор упал на колени, сраженный любовью и стыдом, и воскликнул:

— Я умоляю ответить на мой вопрос! Спрашиваю я не для себя!

— А для кого?

— Для моего лорда и кеммеринга Ферости, — признался Харбор и заплакал. — С тех пор, как он вернулся от вас с ответом, у него нет любви и радости. Он умрет от вашего ответа, который вовсе не является ответом.

— Человек умирает только от смерти, — сказал Ткач Одрен. Но страсть Харбора его тронула. Наконец он сказал:

— Я поищу ответ на ваш вопрос, Харбор, и не спрошу за это плату. Но помните, что плата есть всегда. Вопросающий всегда платит.

Тогда Харбор прижал руки Одрена к своим глазам в знак благодарности. Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Харбор был с ними и задал свой вопрос, а вопрос его был: «Долго ли проживет Ферости рем ир Айн», ибо Харбор хотел узнать день, месяц и год, чтобы любящее сердце его кеммеринга успокоилось. Предсказатели ушли во тьму, и вот Одрен закричал, как от великой боли, как будто его жгли на огне:

— Дольше, чем Харбор из Геганнера!

Харбор отправился домой в Герут через снега Гренде. Он поднимался на башню.

Здесь сидел его кеммеринг Ферости, мрачный и хмурый.

— Аше,— сказал Харбор,— я был в крепости и получил от предсказателя ответ. Я спросил, долго ли ты проживешь, и он ответил: дольше, чем Харбор.

— Значит, ты спросил у них, когда я умру? — спросил Ферости и медленно поднял голову, как будто она у него непомерно тяжела.

— Я спросил, долго ли ты будешь жить?

— Долго ли? Глупец! Ты мог и не спрашивать у них, когда я умру, в какой день, месяц, год. Сколько дней мне осталось. Ты спросил: «Долго ли?» О, глупец! Дурак! Конечно, дольше, чем ты!

Ферости поднял стол из красного камня и бросил его в голову Харбора. Харбор упал.

Ферости увидел, что разбил Харбору череп и поставил стол на место. Он лег рядом с мертвым и обхватил его руками, как будто они были в кеммере. Так их и нашли. Ферости сошел с ума, и его держали под замком, так как он повсюду искал Харбора, думая, что тот где-то в домейне.

Он прожил еще месяц и повесился в Одстрет, в девятнадцатый день месяца Терн.

5

Моя хозяйка, разговорчивый человек, организовала мое путешествие на восток.

— Если человек хочет посетить крепости, он должен пересечь Каргаз, затем попасть через горы в старый Кархид, к Рену, старому королевскому городу. Мой сожитель по очагу водит караваны грузовиков через проход Зенар. За чашкой орша он рассказал мне, что завтра они отправятся в первый переход. Весна теплая, дороги расчистились до самого Энгожера. Еще несколько дней и снегоочистители совсем расчистят их. Меня не заставишь пересекать Каргаз.

Эрхенранг — мой дом и крыша над головой, но я Йомешта, да будет благословенно молоко Меши, а Йомештой можно быть где угодно. Мы вновь прибывшие: лорд Меша родился две тысячи двести два года назад, а Старый Путь Хандадара уходит в прошлое еще на десять тысяч лет. Если вы интересуетесь Старым Путем, вам нужно вернуться на Старую Землю. Послу-

шайте, мистер Ай, я сохраню вашу комнату до вашего возвращения, но вы мудрый человек и на время должны уехать из Эрхенранга, потому что все знают, что предатель всем демонстрировал свою дружбу с вами. Теперь, когда старина Тайб стал Королевским Ухом, все опять будет хорошо. Если вы пойдете в Новый порт, найдете там моего товарища по очагу и скажете ему, что я вас послал...

И так далее. Как я сказал, он был разговорчив, и, обнаружив, что у меня нет ингретора, принялся давать мне советы, правда, маскируя их словами «если» и «как если бы».

Он был управляющим моего острова. Я мысленно называл его хозяйкой, так как у него были толстые ягодицы, которые раскачивались при ходьбе, мягкое толстое лицо, а по характеру он был добр и любил подглядывать, шпионить и разнюхивать. Он хорошо относился ко мне, но за маленькую плату показывал мою комнату любителям острых ощущений, когда я отсутствовал: смотрите комнату загадочного Посланника! Он был так женоподобен по внешности и манерам, что я однажды спросил, много ли у него детей. Он удивленно взглянул на меня.

Оказывается, он не родил ни одного, хотя был отцом четверых — одно из маленьких потрясений, которые я постоянно получал. И культурный шок ничто по сравнению с биологическим шоком, который получал я как мужчина, находясь в обществе тех, кто пять шестых времени был не мужчиной и не женщиной, а чем-то средним.

Радиобюллетени были полны деяний нового премьер-министра Пеммер Харт рем ир Тайба.

Большинство из этих новостей касалось событий на Севере в долине Синот. Тайб постоянно поддерживал претензии Кархида на этот район — именно такие действия на любой другой планете на данном этапе цивилизации привели бы к войне, но не на Гетене. Ссоры, убийства, феодальные распри, набеги, вендетты, пытки, похищения — весь знакомый человечеству набор. Только без войн, как будто у них не было способности к войне. В этом смысле они вели себя как женщины, но не как мужчины или муравьи. Во всяком случае, до сих пор. Все, что я знал об Оргорейне, указывало, что последние пять-шесть столетий он превратился в способное к войне общество, в настоящую нацию.

Соперничество, главным образом экономическое, побуждало Кархид тоже превращаться в нацию, развить,

как говорил Эстравен, патриотизм. Если это произойдет, у гетенианцев появится отличный шанс для изобретения войны.

Я хотел отправиться в Оргорейн и проверить, верны ли мои догадки, но раньше мне нужно было покончить с Кархидом, поэтому я продал еще один рубин ювелиру с улицы Энг и, захватив с собой все деньги, ансамбль, несколько инструментов и смену одежды, выехал как пассажир торгового каравана в первый день первого месяца лета.

Грузовики тронулись на рассвете от нового грузового порта. Они проехали под аркой и повернули на восток — двадцать громоздких, тихоходных, похожих на баржи грузовиков на гусеничном ходу, двигавшихся цепочкой по глубоким улицам Эрхенранга сквозь утренние тени. Они везли ящики с линзами, катушки звукозаписей, медную и платиновую проволоку, ткани, ящики с сушеной рыбой с залива, шарикоподшипники и другие детали машин. Десять грузовиков перевозили орготское зерно картик. Все это было закуплено для Перинга, самой северной области страны.

Перевозки на великом континенте осуществлялись главным образом на этих электрических грузовиках, а когда было возможно, на барже по рекам и каналам. Во времена месяцев глубоких снегов медлительные тракторы и снегоочистители, механические сани и ледовые корабли — единственный транспорт, кроме лыж и саней, которые тащат люди. Во время оттепели вообще никаких сообщений организовать было невозможно, поэтому перевозки осуществлялись почти исключительно летом. На дороге тогда появлялось множество караванов.

Движение контролируется, каждый караван или отдельная машина поддерживают постоянную радиосвязь с контрольными пунктами по всему пути, движение осуществляется со скоростью двадцать пять миль в час (земной). Машины гетенианцев способны двигаться быстрее, но никогда этого не делают. Если гетенианцев спрашивают об этом, они отвечают:

— А зачем?

Когда землян спрашивают, почему их машины двигаются быстро, они отвечают: «А почему бы и нет?»

О вкусах не спорят.

Земляне постоянно стремятся вперед, они считают движение прогрессом. Люди Зимы, всегда живущие в первом году, считают, что прогресс менее важен, чем присутствие. У меня земные вкусы, и, покинув Эрхен-

ранг, я испытывал раздражение от медлительности каравана. Мне хотелось, чтобы он двигался быстрее. Я был рад избавиться от длинных каменных улиц с черными крутыми крышами, бесчисленными башнями, избавиться от бесконечного города, где все мои усилия оказались бессильными и напрасными из-за страха и предательства.

Взбираясь на Каргаз, караван останавливался ненадолго, но часто для еды в придорожных гостиницах. Вскоре после полудня мы смогли бросить взгляд на весь хребет с вершины предгорья. Мы видели Костор с четырех миль высоты от подножья до вершины, гигантский западный склон горы скрывал от нас северные пики. Некоторые из них достигали тридцати тысяч футов. Южнее Костора один пик за другим вздымались белыми громадами на фоне бесцветного неба. Я насчитал их тридцать, а дальше виднелось лишь неразличимое мерцание в туманной дымке. Водитель назвал мне все тридцать вершин. Он рассказал мне о лавинах, о грузовиках, запертых на недели, и о прочем в дружеской попытке напугать меня.

Он рассказал, как однажды грузовик, шедший перед ним, соскользнул с дороги и полетел вниз, в тысячеметровую бездну.

— И что замечательно, — сказал он, — так это медлительность, с которой все это происходило. Казалось, целый час грузовик падал и удивительно, что он беззвучно исчез в сорокаметровом слое снега на дне пропасти.

В третьем часу мы остановились для обеда в большой гостинице с обширными ревущими очагами, высокими комнатами, множеством столов, уставленных хорошей пищей, но на ночь мы не остановились. Наш караван был рассчитан на движение по ночам, он торопился (по-кархидски, конечно), чтобы первым в сезоне добраться до области Перинг и снять пенку прибыли с рынка.

Аккумуляторы грузовиков подзарядили. На работу заступила новая смена водителей, и мы двинулись дальше. Один из грузовиков каравана служил в качестве спальни для водителей. Для пассажиров спальных мест не было. Я провел ночь в холодной кабине на жестком сидении. В полночь была сделана короткая остановка у маленькой гостиницы высоко в горах. Кархид не приспособлен для комфорта. Проснувшись на рассвете, я увидел лишь скалы, свет и узкую дорогу, поднимающую-

ся все вверх и вверх под гусеницами наших грузовиков. Я с дрожью заставил себя вспомнить, что есть вещи важнее удобства, если только ты не старая женщина или кошка.

Дальше гостиниц не было. К обеду грузовики остановились один за другим на покрытой снегом гряде. Все выбрались из кабин и собрались вокруг спальной машины.

Из нее выносили чашки с горячим супом, раздавали ломти сухого хлебного яблока и кружки с кислым пивом. Мы стояли в снегу, ели и пили, повернувшись спинами к резкому ветру, который нес сухую снежную пыль. Потом снова сели в грузовики и поехали дальше вверх. В полдень на высоте четырнадцати тысяч футов было восемьдесят два градуса по Фаренгейту на солнце и тридцать в тени. Электродвигатели работали так тихо, что слышно было, как где-то далеко, милях в двадцати срывались в пространство лавины.

После полудня на высоте пятнадцати тысяч футов мы миновали вершину.

Глядя на южный склон Костора, по которому мы бесконечно ползли весь день, я заметил странную скальную формацию в четверти мили над дорогой, напоминающую замок.

— Видите там крепость? — спросил водитель.

— То здание?

— Крепость Аriskостор.

— Но так высоко невозможно жить.

— Старые люди могли и могут. Прошлым летом я вел грузовик в караване, который доставил им пищу из Эрхенранга. Конечно, десять или одиннадцать месяцев в году они не могут оттуда выходить, но это их не беспокоит. Здесь, в горах, семь или восемь таких поселений.

Я смотрел на одинокое здание на огромной высоте и не мог поверить водителю. Затем подавил свое недоверие. Если кто-либо и может выжить в таком суровом климате, то только кархидцы.

Дорога спускалась по краю пропасти, извиваясь. Восточный склон Каргаза более крут, чем западный, и падает к равнинам внизу ступенями большой лестницы — остатками бурного горообразования. На закате мы увидели цепочку крохотных точек, ползущих в обширной белой тени на семь тысяч футов ниже нас. Это был караван грузовиков, вышедших из Эрхенранга на день раньше нас. На следующий день мы тоже спустились по этому склону, очень медленно, стараясь не дышать, чтобы

не вызвать лавины. Отсюда уже смутно виднелись в пятнах облаков и в серебряных нитках рек обширные равнины Рер. В сумерках на четвертый день после выхода из Эрхенранга мы прибыли в Рер.

Между двумя городами лежит расстояние в одиннадцать сотен миль, горная стена в несколько миль высотой и две-три тысячи лет.

Караван остановился у западных ворот, где он будет перегружен на баржи. Ни один грузовик не может войти в Рер. Он был построен до того, как кархидцы начали использовать машины, а они использовали их уже двадцать столетий. В Рере нет улиц. Вместо них — крытые, подобные туннелям, переходы. В них можно идти и внутри, и по крыше. Дома, острова и очаги разбросаны хаотично, в удивительной и изобильной путанице, которая внезапно сменяется великолепными кроваво-красными башнями дворца Ан, лишенными окон.

Построенные семнадцать столетий назад, эти башни служили в течение тысячи лет резиденцией королей Кархида, пока Аргавен Харт, первый в своей династии, не пересек Каргаз и не поселился на обширной равнине к западу от гор. Все здания в Рере фантастически массивны, на высоких мощных фундаментах, оборудованы для защиты от непогоды и воды. Зимой ветер с равнины выдувает снег из города, но в сильные бураны улицы могут быть полностью завалены.

Над снегом торчат крыши домов, зимние двери под карнизами, как слуховые окна. Оттепель — плохое время на этой равнине. Туннели превращаются в бурлящие сточные трубы, каналы или озера, жители Рера отправляются по своим делам в лодках, отталкиваясь веслами от льдин. И всегда над пылью лета, над снегами зимы, над весенними разливами возвышаются красные башни — пустое сердце города.

Я остановился в дорогой гостинице вблизи башен, ночью спал плохо, видел множество кошмаров, на рассвете уплатил владельцу за постель, завтрак, путаное объяснение, как добраться до нужного места, и пошел к Стерхеду, древней крепости недалеко от Рера. Отойдя от гостиницы ярдов на пятьдесят, я заблудился. Стараясь, чтобы башня осталась за мной, а огромная белая стена Каргаза была справа, я выбрался из города.

Встретившийся по дороге мальчишка, сын фермера, указал мне поворот на Стерхед.

Я пришел туда в полдень. Впрочем, я не был уверен, туда ли я попал. Меня окружал лес толстых деревьев.

Лес этот казался еще более тщательно расчищенным чем остальные на этой планете аккуратных лесов.

Тропа проходила по холму среди деревьев.

Справа от себя заметил деревянный домик, потом слева увидел несколько больших деревянных зданий. Откуда-то доносился запах жареной рыбы.

Я медленно, слегка беспокоясь, шел по тропе. Откуда мне знать, как Жанндары относятся к туристам? Я вообще очень мало знал о них. Жанндара — это религия без организации, без жрецов, без иерархии, без обетов и вероучений. Я не могу даже сказать, признает ли она существование бога. Единственным видимым ее проявлением служат крепости-убежища, в которых верующие могут провести ночь или всю жизнь.

Я не стал бы любопытствовать по поводу тайн этого культа, если бы я не хотел получить ответ на вопрос, на который не ответили мои предшественники-исследователи, а именно: кто такие предсказатели и чем они, в сущности, занимаются? Я прибыл в Кархид и пробыл в нем дольше исследователей и все же не знал, есть ли правда в рассказах о предсказателях и их пророчествах. Легенды о предсказателях распространены на всех заселенных людьми планетах.

Боги предсказывают, духи предсказывают и компьютеры предсказывают. Неопределенность советов оракулов и статистическая вероятность представляют многочисленные увертки, а противоречия уничтожаются верой. Однако, если даже легенды достойны расследования, я не убедил еще ни одного кархидца в существовании телепатической связи. Он не убедится, пока сам не «увидит». Точно такая же и моя позиция по отношению к предсказателям Жанндарам.

Идя по тропе, я понял, что в тени леса размещается целый поселок. Здания его разбросаны, как в Рере, но выглядит этот поселок мирным и деревенским. Над крышами и тропой свисали ветви хеммена, самого распространенного на Зиме дерева, крепкого хвойного растения с толстыми бледно-алыми иглами. Шишки хеммена усеивали ветвящиеся тропы. Ветер приносил запах пыльцы хеммена, и все дома были построены из древесины. Я остановился, гадая, в какую бы дверь постучать, но тут какой-то человек вышел из леса и вежливо поздоровался со мной.

— Вы ищете место для ночлега? — спросил он.

— Я пришел с вопросом к предсказателям.

Я решил по крайней мере в первое время выдавать

себя за кархидца. Подобно исследователям, я никогда не имел неприятностей, выдавая себя за туземца, если это было нужно. Среди множества кархидских диалектов мой акцент проходил незамеченным, а сексуальная ненормальность скрывалась под тяжелой одеждой. Мне не доставало толстой волосяной кисточки, у меня был несколько другой разрез глаз, я был смуглее и выше большего числа гетенианцев, но все это оставалось в пределах нормальной формации.

Бороду мне удалили совсем, прежде чем я покинул Оллул. В то время мы не подозревали о волосатых племенах Перунтера, которые не только носили бороды, но вообще полностью заросли волосами.

Изредка меня спрашивали, где я сломал нос. У гетенианцев сильно выступающие узкие носы со стягивающимися ноздрями, прекрасно приспособленные к вдыханию морского воздуха. Человек на тропе Стерхеда с любопытством взглянул на мой нос и продолжил расспросы:

— Тогда, может быть, вы хотите поговорить с Ткачем? Он ниже на поляне, если не поехал куда-нибудь. Или вначале предпочитаете поговорить с кем-нибудь другим, из холостяков?

— Не знаю, я крайне невежествен...

Молодой человек насмешливо поклонился:

— Я польщен! — сказал он. — Я прожил здесь три года, но не приобрел еще достаточно невежества, чтобы оно было достойно упоминания.

Он явно забавлялся, но манеры его оставались вежливыми, и, вспомнив открытки из сказаний Жанндары, я понял, что безбожно хвастал: все равно, как если бы я сказал ему: «Я исключительно красив».

— Я хотел сказать, что ничего не знаю о предсказателях.

— Завидую, — заявил юный житель Стерхеда. — Но если мы хотим прийти куда-нибудь, нужно оставить на снегу след. Я покажу вам дорогу на поляну. Меня зовут Росс.

— Дженри, — представился я.

Я отказался от своего «л». Вслед за Россом я углубился в лесную тень. Узкая тропа часто меняла направление, извиваясь по склону. Тут и там поближе и подалее от тропы среди массивных деревьев виднелись маленькие дома. Все было красным и коричневым, влажным, ароматным и тусклым.

Из одного домика доносились мягкие свистящие зву-

ки кархидской флейты. Росс шагал легко и быстро как девушка, в нескольких ярдах впереди меня. Вот его белая куртка сверкнула на солнце, и мы оказались на широком пологом лугу.

В двадцати футах от нас стояла фигура: прямая и неподвижная. Алый хоб и белая куртка, инкрустированная яркой эмалью, отчетливо выделялись на фоне высокой зеленой травы. В ста ярдах от нас стояла еще одна статуя в голубом и белом. За все время, пока мы разговаривали с первым, второй не шевельнулся и не оглянулся. Они упражнялись в жанндарском умении (они называют это присутствием), которое является разновидностью транса, включая самоутрату, путем крайнего обострения чувственного восприятия. Росс заговорил с человеком в алом. Тот шевельнулся, взглянул на нас и медленно подошел.

Он был так же высок, как и я, строен, с чистым, открытым и прекрасным лицом. Когда наши взгляды встретились, я почувствовал желание мысленно поговорить с ним, постараться донести до него мозговую речь. Я никогда раньше не испытывал этого желания на Зиме и не должен был испытывать... Оно было так сильно, что я начал мысленно говорить с ним.

Ответа не было. Контакта не состоялось.

Он продолжал смотреть прямо на меня. Мгновение спустя он улыбнулся мне и справился высоким голосом:

— Вы ведь Посланник?

Запинаясь, я ответил:

— Да.

— Меня зовут Фейкс. Вы оказываете нам честь, посетив нас. Вы хотите провести некоторое время в Стерхеде?

— С удовольствием. Я хочу побольше узнать о ваших предсказателях. Если вас интересуют мои рассказы, я мог бы рассказать, откуда я прибыл.

— Как вам будет угодно,— сказал Фейкс. Он безмятежно улыбнулся. Прекрасно, что вы пересекли океан, а потом добавили еще тысячу миль и пересекли Каргаз, чтобы прибыть сюда.

— Я пришел в Стерхед из-за славы его предсказателей.

— Тогда, возможно, вы захотите увидеть, как мы предсказываем. Или у вас есть собственный вопрос?

Его ясные глаза излучали правду.

— Не знаю,— признался я.

— Иусут,— сказал он.— Неважно. Может быть, про-

быв у нас немного, вы найдете свой вопрос. Вы знаете, что предсказатели способны собираться только в определенное время, так что вам все равно придется провести у нас несколько дней.

Я так и поступил, и это были приятные дни. Время было свободное, за исключением коммунальных работ на полях, в садах и в лесу. К таким работам в случае необходимости приглашали и пришедших. Помимо этих работ целые дни могли проходить без единого произнесенного слова. Впрочем, я разговаривал с Россом и Фейксом, чей необычный характер, прозрачный и глубокий, как колодец с чистой водой, был копией характера этого места. По вечерам происходили собрания у очага в одном из одиноких, окруженных деревьями домов. Здесь шли беседы, можно было выпить вина, звучала энергичная музыка Кархида: мелодически простая, но ритмически сложная, всегда импровизированная. Однажды вечером начали танцевать два человека, таких старых, что их волосы поседели, а тела высохли. Танец был медленным, четким и строго контролируемым, чаровал глаз и рассудок. Они начали танец во время третьего часа после обеда. Музыканты присоединялись к игре или бросали ее, когда угодно, лишь барабанщик не прекращал своих ритмичных ударов. В шестом часу в полночь, спустя пять земных часов, старые танцоры все еще продолжали танцевать.

В первый раз тогда я увидел феномен сознательного контролируемого использования того, что мы называем «мистической силой». После этого я стал с большим доверием относиться к рассказам о Старых Людах Жанндары.

Это была сосредоточенная на самой себе жизнь, самонадеянная, застывшая, погруженная в то единственное «невежество», которое превыше всего ценится Жанндарами, жизнь, которая полностью подчиняется их правилу пассивности и невмешательства. Это правило (выраженное в слове иусут, которое я приблизительно перевел как «неважно») — сердце культа, и я не стану делать вид, что понял его. Но после полумесяца, проведенного в Стерхеде, я начал лучше понимать кархидцев.

Под политикой и страстями лежит старая тьма, пассивная, анархистская, молчаливая и плодотворная тьма Жанндары.

Из этой молчаливой тьмы необъяснимо доносится голос предсказателя.

Юный Росс, которому нравилось быть моим гидом,

объяснил, что вопрос предсказателям может касаться чего угодно и формулироваться в любой форме.

— Чем более точно сформулирован вопрос и чем более он ограничен, тем точнее ответ,— заверил он.— Неясность порождает неясность. Ну и, конечно, на некоторые вопросы дать ответ нельзя.

— А что, если я задам именно такой вопрос? — спросил я.

Эта преграда, хотя и усложненная, была мне знакома. Но я не ожидал услышать в ответ:

— Ткач отвергнет его. Вопросы, на которые нельзя дать ответ, вредят предсказателям.

— Вредят?

— Разве вы не знаете истории лорда Шорта, который заставил предсказателей крепости Асен ответить на вопрос: «В чем смысл жизни?». Это было несколько тысяч лет назад. Предсказатели оставались во тьме шесть дней и ночей, в конце все холостяки впали в кататонию, все дураки умерли, извращенец убил лорда Шорта камнем, а Ткач... Им был человек по имени Меше...

— Основатель Комештского культа?

— Да,— сказал Росс.

Он рассмеялся, но я не понял, смеялся он по поводу Комешты или надо мной.

Я решил задать вопрос, требующий ответа лишь в виде «да» или «нет». Такой вопрос, по крайней мере, покажет степень скрытности или истинности ответа. Фейкс подтвердил сказанное Россом: вопрос может касаться и таких предметов, о которых предсказатель ничего не знает. Я мог спросить, хорош ли будет урожай хулма в западном полушарии, и они ответили бы, даже не подозревая, где находится это полушарие. Это, по-видимому, ставило их гадание на уровень обычной вероятности в одном ряду с гаданиями на лепестках ромашки или по костям. Нет, вероятность тут ни при чем.

— Предсказание дается точное и от вероятности не зависит,— ответил Фейкс.

— Значит, вы читаете мысли?

— Нет,— сказал Фейкс.

Он опять безмятежно улыбнулся.

— Может быть, вы читаете мысли, сами того не подозревая?

— Что хорошего в этом? Если спрашивающий заранее знает ответ, он не станет за него платить.

Я выбрал вопрос, на который определенно не знал ответа. Только время покажет, правы ли предсказатели,

если, конечно, это не будет одним из тех восхитительных профессиональных пророчеств, что применимы к любому исходу.

Вопрос был не тривиальный. Я отказался от банальных вопросов типа «Когда прекратится дождь?», узнав, что любой вопрос труден и опасен для девяти предсказателей Стерхеда. Цена высока для спрашивающего — два моих рубина перекочевали в сокровищницу Стерхеда. Но еще выше она была для отвечающих. Я хорошо узнал Фейкса, и мне трудно было поверить, что он сознательный или бессознательный лжец. Разум его был тверд, ясен и отшлифован, как мои рубины. Я не решился ставить ему ловушку. Я спросил именно то, что больше всего хотел узнать.

В Однотерхад, восемнадцатый день месяца, девять предсказателей собрались в большом здании, которое обычно было закрыто. Это был высокий зал, холодный, с каменным полом, тускло освещенный светом из нескольких узких окон. В одном конце зала в очаге горел огонь. Они сели на каменный пол кружком, все в длинных плащах с капюшонами. Грубые неподвижные фигуры, похожие на статуи первобытного прошлого. Росс среди нескольких других жителей Стерхеда и врач из ближайшего домейна молча смотрели на них с сидений у очага, а я пересек зал и вошел в круг.

Все испытывали сильное напряжение. Одна из фигур подняла голову, и я увидел странное лицо с резкими чертами и дерзкими глазами.

Фейкс сидел, скрестив ноги, неподвижный, напряженный, полный поднимающейся силы, которая сделала его чистый и мягкий голос резким, как электрический заряд.

— Спрашивайте,— бросил он.

Я задал свой вопрос:

— Будет ли спустя пять лет Гетен членом Экумена?

Молчание. Я стоял, пойманный в паутину молчания.

Все почувствовали облегчение. Камни в капюшонах шевельнулись, тот, который показался мне таким странным, начал шептаться с соседями. Я оставил круг и присоединился к наблюдателям у очага.

Двое предсказателей оставались молчаливыми и не реагировали на окружающее.

Один из них время от времени поднимал левую руку и слегка хлопал по полу десять-двенадцать раз, потом вновь замирал. Ни одного из них я раньше не видел.

Это дураки, по определению Росса, душевнобольные,

безумные. Росс называл их «разделителями времени». Возможно, он имел в виду шизофрению. Кархидские психологи, хотя и не обладали мозговой речью и поэтому действовали, как слепые хирурги, хорошо знали наркотики, гипноз, шоки, лечение холодом и различные виды умственной терапии. Я спросил, можно ли вылечить этих психопатов.

— Вылечить? — переспросил Росс. — Станете ли вы лечить певца от его голоса?

Пять других в круге были жителями Стерхеда, адептами жанндарской науки присутствия. Росс сказал, что пока они считаются предсказателями, они будут холостяками, то есть в период сексуальной потенции они не вступают в кеммер. Один из этих холостяков был во время предсказания в периоде кеммера. Я видел признаки в его фигуре, которые говорили о первой фразе кеммера.

Рядом с ним сидел извращенец.

— Он пришел из Опрева с врачом, — сказал мне Росс. — Некоторые группы предсказателей искусственно вызывают извращения, вводя мужские и женские гормоны в дни перед встречей. Но лучше иметь естественного. Этот сам пожелал прийти. Ему нравится известность.

Росс использовал местоимение, обозначающее самца животного, а не человеческое существо в мужской роли в период кеммера. Он выглядел несколько смущенным. Кархидцы свободно обсуждают сексуальные проблемы и с удовольствием говорят о кеммере, но неохотно вступают в разговоры об извращенцах. По крайней мере, общаясь со мной. Чрезмерная продолжительность периода кеммера с постоянным преобладанием гормонального равновесия в сторону мужчины или женщины — это они называют извращением. Оно встречается нередко, три-четыре процента взрослых обычно относятся к психологическим извращенцам. Их не исключают из общества. Но относятся к ним с некоторым отвращением. Извращенцы стерильны. Извращенец группы после первого странного взгляда не обращал внимания ни на кого, кроме соседа в кеммере, чья увеличенная сексуальная активность должна была перейти в высшую женскую стадию кеммера под влиянием преувеличенной мужественности извращенца. Извращенец продолжал негромко шептать, склонившись к кеммерингу, который почти не отвечал и, казалось, испытывал отвращение. Остальные молчали и слушали шепот извращенца. Фейкс внимательно следил за одним из дураков. Извращенец положил свою руку на руку кеммеринга. Тот то-

ропливо отпрянул, как бы в страхе взглянув на Фейкса. Фейкс не шевельнулся. Кеммеринг вернулся на место и оставался неподвижным, когда извращенец снова коснулся его. Один из дураков поднял голову и рассмеялся долгим фальшивым хриплым хохотом:

— Ах-ах-ах...

Фейкс поднял руку. Немедленно все в круге повернули к нему лица, как будто он собирал их взглядом в пучок.

Когда мы вошли в зал, был вечер, и шел дождь. Серый свет вскоре потускнел в узких высоких окнах. Теперь полосы света расстилались, как фантастические паруса, длинные треугольники его падали на пол, на лица девяти. Это над лесом всходила луна. Огонь в очаге погас, стало темно, только лунный свет вырывал из тьмы то лицо, то руку, то неподвижную спину. Некоторое время я сидел не шевелясь, видел неподвижный, как из бледного камня, профиль Фейкса. Диагонали лунного света медленно ползли и вскоре осветили темную фигуру кеммеринга: голова склонена к коленям, руки прижаты к полу, тело дрожит в регулярных приступах, сопровождаемых хлопаньем ладоней о пол. Все они были связаны, соединены, как части паутины. Я чувствовал, хотел я этого или нет, связь, коммуникацию: бессловесную и необычную. Она проходила через Фейкса и Фейкс старался проконтролировать ее и придать ей какую-то форму.

Фейкс был ткачом, центром этой паутины.

Тусклый свет переполз на восточную стену.

Паутина силы, направления, молчания росла.

Я старался не вступать в контакт с сознанием предсказателей. Молчаливое электрическое напряжение вызвало во мне сильное беспокойство. Такое чувство, будто меня втягивают, будто я становлюсь частью общего рисунка, звеном в паутине. Но когда я почувствовал себя отрезанным от всего мира и замкнутым в собственном мозгу, я понял, что установил барьер. Я был подавлен зрительными галлюцинациями, мешаниной каких-то образов, гротескных и сексуально обусловленных — черно-красных проявлений эротического гнева. Я был окружен гигантскими зияющими ямами, полными разорванных губ, ног и грудей. Я терял равновесие, я падал туда. Если это не прекратится, я действительно упаду и сойду с ума. Действовали могучие первобытные силы, вызывающие извращения и раздражения пола, силы, настолько мощные, что намного превосходили мои возможности контроля. Проходили секунды и часы, лу-

на освещала стену, но в середине была лишь тьма и в центре тьмы — Фейкс, Ткач, женщина, одетая в свет.

Этот свет был серебряным. Одетая в серебряную броню, женщина с мечом.

Свет горел резко и невыносимо, свет вокруг ее тела, огонь, и она закричала от ужаса и боли.

— Да-да-да!

Хрипло захохотал дурак:

— Ах-ах-ах!..

Его хохот перешел в крик, который все тянулся и тянулся. В круге слышалось движение, кто-то зашевелился.

— Свет, свет,— донесся неверный голос откуда-то из другого мира.— Свет, разожгите огонь в очаге.

Это был врач из Опрева. Он вошел в круг. Круг был разорван. Врач склонился над дураками, которые служили предохранителями. Оба неподвижно лежали на полу. Кеммеринг уткнулся головой в колени Фейкса, тяжело дыша и дрожа всем телом.

Извращенец, мрачный и угрюмый, скорчился в углу.

Сессия закончилась, время шло обычно, паутина снова рассеялась. Где же мой ответ, загадка оракула, двусмысленное пророчество? Я склонился над Фейксом. Он посмотрел на меня ясными глазами. На мгновение я снова увидел его таким, каким видел во тьме, в виде женщины, окруженной броней света, горящей и кричащей.

Мягкий голос Фейкса прервал видение.

— Ты получил ответ, спрашивающий?

— Да, Ткач.

Я и в самом деле получил ответ. Пять лет спустя Гетен станет членом Экумена. И никаких загадок и двусмысленностей. Мне казалось, что ответ этот не пророчество, а итог наблюдения.

Я не мог избавиться от ощущения, что ответ этот правильный. У него была повелительная ясность предчувствия.

У нас есть корабль «Нафал», мгновенная связь, мозговая речь, но мы не сумели обуздать предчувствия. Чтобы научиться этому, придется обратиться к гетенианцам.

— Я служу в качестве волокна,— признался мне Фейкс день или два спустя после предсказания.— В нас растет энергия, все растет, пока не прерывается, образуя свет вокруг меня. Я сам становлюсь светом. Старик в крепости Арбин говорил мне, что если бы Ткача в мо-

мент ответа поместить в вакуум, он горел бы сотни лет. Поэтому мы, йомешта, верим в Меше. Верим, что он ясно видел прошлое и будущее и не только на мгновение, на всю жизнь после вопроса Шорта. Трудно поверить. Сомневаюсь, может ли человек это вынести. Но неважно...

Иусут, вездесущее и неуловимое отрицание Жанндары.

Мы шли рядом, и Фейкс смотрел на меня.

Его лицо, одно из самых красивых лиц, которые я видел, казалось вырезанным из камня.

— Во тьме было десять, а не девять,— сказал он.— Был незнакомец.

— Да, был. У меня не было против вас барьера. Вы слушатель, Фейкс, типичный эмфаш. Вероятно, вы и превосходный естественный телепат. Поэтому вы и Ткач, вы собираете в один центр излучения мозга всех предсказателей и организуете его определенным образом так, чтобы устремиться на поиски ответа.

Он слушал с неподдельным интересом.

— Странно видеть чудеса моей профессии со стороны, через ваши глаза. До сих пор я видел лишь изнутри, как участник.

— Если позволите... если хотите, Фейкс, я попытаюсь общаться с вами с помощью мозговой речи.

Теперь я был уверен, что он естественный коммуникатор. Его согласие и небольшая практика снимут неосознаваемый им барьер.

— Если вы сделаете это, я услышу, что думают другие?

— Нет. Мозговая речь — это общение.

— Тогда почему бы не говорить вслух?

— В мозговой речи нельзя лгать сознательно.

Фейкс немного подумал.

— Эта наука может вызвать интерес королей, политиков и деловых людей.

— Деловые люди боролись против использования мозговой речи, когда стало известно, что ей можно научиться. Они на несколько десятилетий поставили ее вне закона.

Фейкс улыбнулся:

— А короли?

— У нас больше нет королей.

— Да, понимаю. Что ж, благодарю вас, Дженри. Но не мое дело учиться. И я не хочу учиться искусству, которое перевернет весь мир.

— По вашему собственному предсказанию, этот мир изменится в течение пяти лет.

— Я изменяюсь вместе с ним, Дженри. Но я не хочу менять его.

Шел дождь, долгий приятный дождь гетенианского лета. Мы шли под хемменами над крепостью. Троп тут не было. И среди темных ветвей падал серый свет, чистая вода капала с алых игл.

Воздух был прохладен и полон звуков дождя.

— Ответьте мне, Фейкс. Вы, Жанндары, обладаете даром, о котором страстно мечтают люди всех планет. У вас он есть. Вы можете предсказывать будущее. И все же вы живете, как и все остальные. Как будто этот ваш дар не имеет никакого значения.

— А какое он может иметь значение, Дженри?

— Но послушайте. Например, это соперничество между Кархидом и Сргорейном, ссора из-за долины Синот. За эти последние несколько недель Кархид сильно ухудшил свои позиции. Почему бы королю Аргавену не посоветоваться с предсказателями, какой ход действия выбрать или какого члена кноремми назначить премьер-министром, или еще что-нибудь в этом роде?

— Трудно задавать вопросы.

— Не понимаю, почему? Он может просто спросить: «Кто будет моим лучшим премьер-министром?» — и поступить в соответствии с ответом.

— Может. Но он не знает, что это значит — «быть лучшим». Может, это значит, что назначенный им человек отдаст долину Оргорейну, или отправится в изгнание, или убьет короля. Это выражение может означать многое, чего не примет король. Он должен очень точно сформулировать свой вопрос.

— Да. Но в таком случае ему придется задать несколько вопросов. Даже король должен платить за вопросы. И вы дорого спросите с него?

— Очень дорого, — спокойно согласился Фейкс. — Вопрошающий платит в соответствии со своими возможностями. Короли обращались к предсказателям, но не очень часто.

— А что, если один из предсказателей и сам влиятельный человек.

— У жителей крепости нет ни ранга, ни положения. Я могу быть послан в Эрхенранг в кноремми. В таком случае я получаю обратно свой статус и свою тень, и моим предсказаниям наступает конец. Если у меня, пока я нахожусь в кноремми, возникает вопрос, я пойду в

крепость, заплачу свою цену и получу ответ. Но мы Жанндары, и мы не хотим ответов. Этого трудно избежать, но мы пытаемся.

— Фейкс, мне кажется, я понял.

— Мы поселяемся в крепости главным образом для того, чтобы узнать, каких вопросов не нужно задавать.

— Но ведь вы отвечающие.

— Разве вы еще не поняли, Дженри, почему мы практикуем предсказания?

— Нет.

— Чтобы показать абсолютную бесполезность знания ответа на неверно поставленный вопрос.

Я размышлял над этим, пока мы шли под темными ветвями стерхедского леса.

Лицо Фейкса в белом капюшоне было усталым и спокойным, свет его ослабел, но он по-прежнему внушал мне благоговейный страх.

Когда он смотрел на меня своими ясными добрыми и искренними глазами, на меня как будто смотрела традиция в тринадцать тысяч лет, образ мысли и жизни такой древний, такой устоявшийся, такой согласованный, что придавал человеку чувство, будто он дикое животное.

— Неизвестно,— продолжал Фейкс своим мягким голосом,— непредсказуемо — вот на чем основана жизнь. Бездоказательность — вот почва действия. Если бы было доказано, что бога не существует, не было бы религии. Ни жанндарских, ни йомештских, ни очаговых богов не существует. Но если было доказано, что бог есть, религии тоже не стало бы. Скажите мне, Дженри, что известно? Что же неизбежное, предсказуемое, обязательно единственное вы знаете о своем будущем и о моем?

— Что мы умрем.

— Да. Есть единственный вопрос, на который можно отвечать, Дженри, но мы уже знали на него ответ. Единственное, что делает жизнь возможной, это постоянная неопределенность. Никто не знает, что его ждет впереди.

6

Повар, всегда приходивший очень рано, разбудил меня. Спал я крепко, он долго тряс меня и говорил:

— Проснитесь, лорд Эстравен, пришел вестник из королевского дома!

Наконец я понял его слова, торопливо встал и подошел к двери, где меня ждал вестник. Так, обнаженным и глупым, я вступил в свое изгнание.

Читая бумагу, поданную мне вестником, я думал, что ожидал этого, хотя и не так скоро. Но когда я смотрел, как этот человек прикладывает указ к дверям моего дома, я почувствовал, что он как будто прокалывает мне глаза. Я отвернулся от него и стоял потерянный, чувствуя боль.

Но это прошло. Я быстро сообразил, что нужно действовать, и к девятому часу уже выходил из дома. Ничто меня не задерживало. Я взял то, что мог унести.

Вклад в банк и немного бумаг я не мог получить, не навлекая опасности на людей, с которыми пришлось бы иметь дело. Причем, чем ближе был мне человек, тем большей опасности он подвергался. Я написал записку своему старому кеммерингу Аше с советами, как использовать для нашего сына драгоценности, но просил его не посылать денег. Я знал, что Тайб будет следить за границами. Письмо я не подписал. Позвонить кому-либо по телефону — значит отправить его в тюрьму, и я поторопился уйти, прежде чем какой-нибудь невинный знакомый придет повидаться со мной и утратит деньги и свободу в оплату за свою дружбу.

Я пошел по городу на запад. Остановившись на перекрестке, я задумался: почему бы не пойти на восток, через горы и равнины к земле Керм, и придти домой в Эстре, где я родился в каменном доме у подножия горы? Почему бы мне не вернуться домой? Три или четыре раза я останавливался и оглядывался, и каждый раз видел за собой, среди множества знакомых, вероятных шпионов. Глупо пытаться идти домой, все равно, что убить себя. Я осужден жить в изгнании и могу вернуться домой только мертвым. Поэтому я двинулся на запад и больше не оборачивался.

Трехдневная отсрочка позволяла мне в случае удачи добраться максимум до Кьюбена на заливе в восьмидесяти пяти милях. Большинство изгнанников получало предупреждение накануне вечером и имело возможность воспользоваться кораблем, прежде чем хозяин откажет им в страхе перед наказанием. Но такая любезность не в духе Тайба. Ни один корабельщик не возьмет меня теперь. Все они видели меня в порту, который я построил для Аргавена. Ни один грузовик не подвезет меня, а до наземных границ от Эрхенранга четыреста миль. У меня не было выбора.

Нужно добраться до Кьюбена пешком.

Повар предвидел это. Я немедленно отослал его, но, уходя, он упаковал еду, какую смог найти, для трех

дней пути. Его доброта спасла меня. Каждый раз, когда я в дороге ел фрукты, я думал:

«Есть человек, не считающий меня предателем. Он дал мне еду».

Я обнаружил, что трудно называться предателем, очень трудно. А ведь как легко назвать другого человека. Это название бьет, оно убеждает. Я сам был наполовину убежден.

На третий день в сумерках я пришел в Кьюбен, сбив ноги и измучившись. Годы в Эрхенранге я провел в роскоши и утратил привычку к ходьбе. И здесь у ворот маленького городка меня ждал Аше.

Семь лет назад мы были кеммерингами и имели двоих сыновей. Будучи детьми его плоти, они носили его имя Форот рем ир Собоги и воспитывались в его клане. Три года назад он ушел в крепость Оргин и теперь носил золотую цепь холостяка-предсказателя. За эти три года мы ни разу не виделись, и теперь, увидев в полутьме его знакомое лицо, я почувствовал себя так, как будто наш обет любви разрушен лишь вчера. Я понял, что верность вынудила его разделить со мной мое поражение. И чувствуя связывающие нас узы, я рассердился — любовь к Аше всегда заставляла меня действовать вопреки разуму.

Я прошел мимо него. Если я вынужден быть жестоким, нечего скрывать эту жестокость.

— Терем,— позвал он меня.

Он пошел за мной. Я быстро шел по крутому склону к верфям Кьюбена. С моря дул южный ветер и сквозь теплую летнюю бурю я бежал от него, как от убийцы. Он догнал меня, потому что я сильно устал.

— Терем, я иду с тобой.

Я не отвечал.

— Десять лет назад в этот же месяц Тува мы дали обет...

— И три года назад ты убил его, оставив меня одного. Ты поступил мудро.

— Я никогда не нарушал наш обет, Терем.

— Верно. Нарушения не было. Сам обет был фальшив. Он был вторичен. Единственный правильный обет верности так и не был произнесен, а человек этот мертв, и обещание нарушено давным-давно. Ты ничего не должен мне, я — тебе. Пропусти меня.

Пока я говорил, гнев и горечь обернулись против меня самого и моей жизни, которая лежала позади, как

разбитое обещание. Но Аше не знал этого, и слезы стояли в его глазах. Он сказал:

— Возьми это, Терем. Я ничего тебе не должен, но я люблю тебя.

Он протянул мне небольшой сверток.

— Нет, у меня есть деньги. Пусти меня, я должен идти один.

Я пошел, и он не последовал за мной. За мной пошла тень моего брата. Не следовало разговаривать с ним вообще, многого не следовало бы делать.

В гавани меня ждала неудача. Ни один корабль не отходил в Оргорейн до полуночи.

На верфях было мало людей, да и те торопились домой. Я попытался заговорить с рыбаком, чинившим мотор в своей лодке, но тот отвернулся от меня. Его предупредили.

Наемники Тайба опередили меня, они должны меня задержать в Кархиде дольше трех дней.

До тех пор меня одолевали боль и гнев, но не страх. Я не думал, что приказ об изгнании может послужить поводом для казни. И когда пробьет шестой час, я стану легкой добычей для людей Тайба, и никто не закричит «убийство!», а скажет: «Правосудие свершилось».

Я сидел на мешке с песком в ветреной мгле порта. Море плескалось у пирса, рыбацьи лодки теснились у причалов, а на дальнем конце пирса горела лампа. Я сидел и смотрел на эту лампу и дальше в море.

Некоторых опасность возбуждает, но не меня. Мой дар — точный расчет и предвидение.

Сидя на мешке с песком, я рассуждал, сможет ли человек доплыть до Оргорейна.

Лед сошел с залива месяц или два назад, можно остаться живым в воде. До берега Орготы сто пятьдесят миль. Я не умею плавать. Оглянувшись на улицы Кьюбена, я понял, что ищу Аше в надежде, что он последует за мной. Стыд вывел меня из оцепенения, и я вернул себе способность рассуждать.

Подкуп и насилие — вот мой выбор, если я решусь иметь дело с рыбаком, который по-прежнему работал в своей лодке.

Впрочем, у него все еще не работал мотор. Далее — воровство. Но все лодочные моторы на замках. Вскрыть замок, завести мотор, вывести лодку из дока при свете ламп пирса и плыть в Оргорейн тому, кто никогда в жизни не управлял моторной лодкой, казалось глупым и отчаянным предприятием. Некогда я занимался греб-

лей на озере Айсфут в Карме. Недалеко от меня стояла гребная лодка. Я побежал по пирсу, прыгнул в эту лодку, отвязал веревку, вставил весла и начал грести вглубь гавани, где свет лампы отражался в черных волнах. Отплыв достаточно далеко, я остановился, чтобы поправить весло в уключине. Я надеялся, что наутро меня подберет какой-нибудь орготский патрульный или рыбацкий корабль. Но до этого предстояло немало погрести. Когда я склонился к уключине, слабость охватила все мое тело. Я подумал, что теряю сознание, и лег на корму. Меня победила слабость трусости. Я не знал, что трусость так глубоко лежит во мне. Подняв глаза, я увидел на конце пирса две фигуры, мечущиеся в электрическом освещении, и понял, что мой паралич объясняется не страхом, а действием ружья на пределе дальности.

Я видел, что один из них держит мародерское ружье. Если бы была полночь, он выстрелил бы и убил меня, но мародерское ружье стреляет очень громко, а звук выстрела потребовал бы объяснений, потому они использовали ультразвуковое ружье.

Я видел и знал, что это ружье дает заметный эффект в пределах ста ярдов. Я не знаю, на каком расстоянии оно поражает насмерть, но я, видимо, был близок к этому, потому что корчился на корме в страшных болях. Мне трудно было дышать. Ослабленное поле ударило в грудь. Но поскольку сейчас за мной, несомненно, вышлют из гавани катер, мне нельзя было сидеть, согнувшись над веслами. Тьма лежала перед моей лодкой, и в этой тьме я должен скрыться.

Я греб ослабевшими руками, все время глядя на них, чтобы удостовериться, что весла остаются в них: я не чувствовал рук. Наконец я выбрался на открытую воду с большими волнами. Здесь мне пришлось остановиться. С каждым гребком онемение моих рук усиливалось. Сердце колотилось, легкие, казалось, забыли как вдыхать воздух. Я пытался грести, но не был уверен, что руки мои движутся. Когда прожектор патрульного катера выловил меня из ночи, как снежинку на саже, я не мог отвести взгляд от света.

Они оторвали мои руки от весел, вытащили из лодки и положили, как выпотрошенную черную рыбу, на палубу патрульного корабля. Я чувствовал, что они смотрят на меня, но не понимал ни слова, разобрав только, как один из них заметил:

— Еще нет шестого часа.

Другой ответил:

— Какое мне дело? Король изгнал его, а я следую приказу короля.

Вопреки приказам по радио людей Тайба, оставшихся на берегу, вопреки возражениям своего напарника, боявшегося наказания, офицер кьюбенского патруля перевез меня через залив Чарисьон и высадил на берег в оргорейнском порту Шелт. Сделал это он в отместку людям Тайба, пытавшимся убить безоружного, или же по доброте, я не знаю Иусут. «Восхитительное необъяснимо».

Я встал на ноги, когда серый орготский берег выступил из утреннего тумана, и с трудом пошел по улице Шелта, но, отойдя немного, упал. Очнулся я в сотрапезнической больнице четвертого района береговой линии Чарисьон. Двадцать четвертое сотрапезничество, Сепнетти. Я убедился в этом, прочитав надпись, выгравированную орготским шрифтом в изголовии постели, на настольной лампе, на металлической чашке у постели, на столике, на одеяле и простыне. Подошел врач и осведомился:

— Почему вы противодействовали доте?

— Я не был в доте,— ответил я.— Это ультразвуковое поле.

— Ваши симптомы полностью соответствовали тому, кто отказался от релаксационной фазы доте.

Это был деспотический старый врач, и в конце концов он заставил меня согласиться с тем, что я использовал доте во время гребли, не сознавая, что делаю. Затем утром во время фазы танген, когда полагается лежать, я поднялся, тем самым чуть не убив себя. Когда все это было установлено к его удовлетворению, он сказал мне, что я выпишусь через один-два дня, и направился к следующей кровати. Затем зашел инспектор.

За каждым человеком в Оргорейне заходит инспектор.

— Имя?

Я не спросил о его имени. Я должен научиться жить без тени, как живут в Оргорейне. Я не буду оскорбляться, это тоже бесполезно. Но я не назвал ему своего имени по местности: до него никому в Оргорейне нет дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Какое сотрапезничество?

— Кархид.

— Это не сотрапезничество Оргорейна. Где ваша въездная виза и удостоверение?

Где мои документы? Я, должно быть, немало побро-

дил по улицам Шелта, прежде чем меня доставили в больницу. Там я оказался без документов, имущества, плаща, башмаков и денег.

Узнав об этом, я не рассердился, а рассмеялся: на дне сточной ямы гнева это бывает. Инспектора рассердил мой смех.

— Вы понимаете, что вы нуждающийся и незарегистрированный чужеземец? Как вы намерены вернуться в Кархид?

— В гробу.

— Воздержитесь от необдуманных ответов официальному лицу. Если у вас нет намерения возвратиться в вашу страну, вас отправят на добровольную ферму, где место преступным подонкам, чужакам и незарегистрированным, в Оргорейне нет другого места для подрывных элементов. Вам следует заявить о своем намерении в трехдневный срок вернуться в Кархид, иначе я...

— Я изгнан из Кархида.

Врач при звуках моего голоса начал прислушиваться к нашему разговору. Он отвел инспектора в сторону и что-то сказал ему. У того вид стал кислый, как у плохого пива, и он, тщательно выговаривая каждое слово, сказал мне:

— Тогда я надеюсь, что вы обратитесь ко мне с просьбой передать прошение разрешить вам постоянное поселение в Великом Сотрапезничестве Оргорейна.

— Да, — ответил я.

Через пять дней я получил разрешение на постоянное жительство в Мишпори (о чем я просил), а также временное удостоверение для поездки в этот город. Все пять дней мне пришлось бы голодать, если бы не старый врач, который поддержал меня в госпитале. Ему нравилось иметь в числе своих пациентов бывшего премьер-министра Кархида, и этот премьер-министр был ему благодарен. Я проделал путь до Мишпори в качестве грузчика каравана со свежей рыбой из Шанта. Быстрое, хотя и не самое ароматное, путешествие кончилось на большом рынке Южного Мишпори.

Вскоре я нашел здесь работу в холодильнике. В таких местах, где приходится разгружать и хранить скоропортящиеся продукты, летом всегда много работы. Мы разгружали рыбу на острове, находившемся недалеко от рынка, его называли Рыбий остров.

Работал я с несколькими напарниками и от нас всегда пахло рыбой, но мне эта работа нравилась, потому что позволяла большую часть дня находиться в помеще-

нии холодильника. Мишпори летом очень жаркий город. Двери закрыты, от рек идет пар, люди потеют. В месяце Окре было десять дней и ночей, когда температура не опускалась ниже шестидесяти градусов, а однажды поднялась до восьмидесяти восьми. Выходя из своего прохладного рыбацкого убежища, я уходил в Кундерер, где растут деревья и можно посидеть в их тени. Там я оставался допоздна и возвращался на Рыбий остров только ночью.

В этом районе Мишпори уличные фонари разбиты, чтобы не было видно, чем жители занимаются по ночам, но экипажи инспекторов рыскают по темным улицам, забирая у бедняка его единственное имущество — ночь.

Новый закон о регистрации иностранцев, принятый в месяце Кус, как шаг к разрыву отношений с Кархидом, сделал недействительным разрешение и лишил меня работы. Я провел полмесяца в приемных многочисленных инспекторов. Товарищи по работе дали мне займы немного денег и крали рыбу, которой я питался, поэтому я дождался перерегистрации и не умер с голоду. Но я усвоил урок. Мне нравились эти простые верные люди, но они жили в ловушке, из которой не было выхода, а мне предстояла работа среди гораздо менее приятных людей, поэтому я сделал то, что откладывал в течение трех месяцев — позвонил кое-кому по телефону.

На следующий день я стирал одежду в прачечной во дворе Рыбьего острова вместе с несколькими другими обитателями. Все мы были раздеты. И тут сквозь вонь рыбы и плеск воды я расслышал, как кто-то окликает меня именем по местности: в прачечной стоял сотрапезник Еджей. Он выглядел точно так же, как на приеме у посла Архипелага в Зале Церемоний дворца в Эрхенранге семь месяцев назад.

— Идите отсюда, Эстравен, — сказал он высоким громким голосом в нос, как говорят все мишпорские богачи. — Оставьте эти грязные тряпки.

— У меня нет других.

— Тогда выловите их из этого супа и идите. Здесь жарко.

Все смотрели на него с любопытством, узнав в нем богача. Но то, что это сотрапезник, они не знали. Мне не понравилось, что он пришел сам. Он должен был послать кого-нибудь. Мне хотелось поскорее увести его отсюда. Уплатив долги, сунув документы в карманы хеба, я ушел с острова вместе с Еджеем и направился в район, где живут богачи.

Как его «секретарь», я снова перерегистрировался и получил документы не пальца (пальцем назывались все работающие на Оргорейне), а подчиненного. В Оргорейне множество ярлыков, и прежде чем посмотреть на вещь, орготы смотрят на ярлык. В данном случае ярлычок соответствовал. Я был подчиненным и вскоре начал ощущать проклятие, заставившее меня есть хлеб другого человека. В течение месяца не было и признака, что я ближе к своей цели, чем на Рыбьем острове.

Однажды в дождливый вечер последнего летнего дня Еджей вызвал меня к себе в кабинет. Там он разговаривал с сотрапезником района Секив Оболе, которого я знал, когда он возглавлял торговую делегацию Оргота в Эрхенранге. Низкорослый, горбатый, с маленькими треугольными глазками на плоском лице, он представлял собой полный контраст утонченному худому Еджею. Старая карга и щеголь. Но не только.

Эти двое принадлежали к числу тридцати трех, что правили Оргорейном. Но их объединяло еще что-то.

После обмена любезностями и глотка огненной воды Оболе вздохнул и спросил:

— Скажите мне, Эстравен, почему вы так действовали в Сассиноте? Если есть человек, не способный ошибиться в расчете времени и в делах шифгретора, то это вы.

— Страх победил во мне осторожность, сотрапезник.

— Какого дьявола! Чего вы боялись, Эстравен?

— Того, что происходит сейчас. Продолжения борьбы за долину Синот, уничтожения Кархида, гнева, вызванного этим уничтожением, использования этого гнева кархидским правительством.

— Использования? Для чего?

Оболе был бесцеремонен. Еджей, вежливый, но колючий, прервал его:

— Сотрапезник, лорд Эстравен — мой гость, и он не должен подвергаться расспросам.

— Лорд Эстравен будет отвечать на вопросы, поняв, что это ему на пользу, — возразил Оболе, улыбнувшись. — Он знал, что находится среди друзей.

— Я принимаю дружбу, когда нахожу ее, сотрапезник. Но дружба бывает недолгой.

— Понятно. Но ведь можно тащить сани вдвоем, не будучи кеммерингами, как мы говорим в Сениве. Какого черта, я знаю, мой дорогой, за что вы изгнаны. Вы любите Кархид больше, чем короля.

— Скорее за то, что я люблю короля больше, чем его двоюродного брата.

— Или за то, что любил Кархид больше, чем Оргорейн,— сказал Еджей.— Я ошибаюсь, лорд Эстравен?

— Нет, сотрапезник.

— Вы думаете, следовательно,— продолжал Оболе,— что Тайб хочет править Кархидом, как мы Оргорейном — эффективно?

— Да. Я думал, что Тайб, используя спор о долине Синот в качестве стрекала и заостряя его по мере надобности, может за год больше изменить Кархид, чем он изменился за последнюю тысячу лет. У него перед глазами есть образец — Сарф. И он знает, как играть на страхах Аргавена. Это легче, чем пытаться пробудить храбрость Аргавена, как делал я. Если Тайб добьется успеха, перед вами будет достойный противник.

Оболе кивнул.

— Откладывая в сторону шифгретор,— сказал Еджей,— к чему вы ведете, Эстравен?

— Вот к чему: сможет ли великий континент выдержать два Оргорейна?

— Ай-ай-ай, та же самая мысль,— воскликнул Оболе.— Вы давно вложили ее мне в голову, Эстравен, и я никогда не мог от нее избавиться. Наша тень слишком выросла. Она закрывает и Кархид. Вражда между двумя кланами — да, набеги между городами — да, пограничный спор, сожжение амбаров, несколько убийств — да, но вражда между двумя нациями? Набег, в котором участвуют пятьдесят миллионов? Клянусь сладким молоком Меше, эта картина снится мне по ночам и заставляет потеть. Мы в опасности. Вы знаете это, Еджей, вы сами много раз говорили об этом. Я тринадцать раз голосовал против продолжения спора о долине Синот. Но что толку? У господствующей фамилии двадцать голосов, и каждый ход Тайба укрепляет власть Сарфа над этими двадцатью. Тайб строит ограду вдоль всей долины, ставит на ней стражников, вооруженных мародерскими ружьями! Наверное, их держали в музеях. Он бросает господствующей фракции вызов, в котором она нуждается... и тем самым укрепляет Оргорейн. Но и Кархид тоже. Каждый ответ на его провокации, каждое унижение Кархида, каждый наш выигрыш в престиже делают Кархид сильнее, и в конце концов он будет полностью контролироваться из центра, как сейчас Оргорейн.

Еджей налил еще по глотку огненной воды.

Верхушка Оргорейна пьет драгоценный огонь, привозимый за пять тысяч миль из туманных морей у Сита, как будто это просто пиво. Оболе вытер рот.

— Ну,— вздохнул он,— все, как я и думал. Нам предстоит вместе тащить сани. Но прежде чем мы впряжемся, я хотел задать вопрос, Эстравен. Вы совершенно закрыли мне глаза капюшоном. Теперь скажите: что это за оттяжки, сбивание с толку и болтовня по поводу посланника Дальней Стороны Луны?

— Значит, Дженри Ай просил разрешения посетить Оргорейн?

— Посланник? Он тот, за кого себя выдает?

— То есть?

— Он посланник другого мира?

— Да, он с неба.

— Эстравен, мне не нужны ваши проклятые кархидские метафоры. Отбросим шифгретор. Вы ответите мне?

— Я уже ответил.

— Он — чуждое существо? — спросил Оболе.

— И у него была аудиенция у короля Аргавена? — прибавил Еджей.

Я ответил «да» на оба вопроса. Они молчали с минуту, потом одновременно заговорили, не пытаясь скрыть свой интерес. Еджей пустился в рассуждения, но Оболе прямо перешел к делу.

— Каковы же были ваши планы? Вы, по-видимому, делали на него ставку и потерпели неудачу. Почему?

— Потому что Тайб поймал меня в ловушку. Я смотрел на звезды и не видел грязи у себя под ногами.

— Вы интересовались астрономией, мой дорогой?

— Скоро нам всем придется интересоваться астрономией, Оболе.

— Он представляет для нас угрозу, этот посланник?

— Думаю, нет. Он принес от имени своего народа предложение общаться, торговать, вступить в союз. Он пришел один и без оружия, у него ничего нет, кроме устройства связи с его кораблем, которое он разрешил всесторонне изучать. Я думаю, его нечего бояться. Но с собой он принес гибель королевства и сотрапезничества.

— Почему?

— Можем ли мы общаться с чужаками порознь? Может ли Гетен разобщенным вступить в контакт с восьмьюдесятью мирами?

— Восемьдесят миров? — повторил Еджей. Он невесело рассмеялся.

Оболе искоса взглянул на меня и сказал:

— Я склонен думать, что вы слишком много времени провели с сумасшедшим в его дворце и заразились безумием. Во имя Меше, что за болтовня о союзе с солнца-

ми и договорах с лунами? Как он прибыл сюда: на комете, на метеоре? Что за корабль, который может плыть по воздуху или небесному своду? Но вы, Эстравен, если и безумец, то мудрый безумец. Все кархидцы безумны. Продолжайте, лорд. Я следую за вами, давайте.

— Я никуда не могу придти, Оболе. А вот вы — другое дело. Если вы прислушаетесь к посланнику, он сможет указать вам выход из дела о долине Синот, из того зловещего тупика, куда вы попали.

— Хорошо, займусь на старости лет астрономией. Куда это меня только приведет!

— К величию, если вы будете мудрее меня. Сотрапезники, я много времени провел с посланником, и я видел его корабль, который пересек небесный свод, и знаю, что он говорит правду. Он действительно посланник других миров. Невозможно судить об истине его описания других миров, об искренности послания, но если бы он был один из нас, я назвал бы его правдивым человеком. Вы сами сможете судить об этом. Но несомненно одно: в его присутствии линии, проведенные на карте, больше не служат ни границей, ни обороной. Перед Оргорейном больший вызов, чем тот, который бросает Кархид. Люди, которые примут вызов, которые первыми откроют ворота в иной мир, станут лидерами всех нас, всех трех континентов, всего мира. Наши границы теперь пролягут между планетами. Теперь ставить шифгретор на меньший шанс — поступок глупца.

На Еджея мои слова подействовали, но Оболе сидел, погрузившись в свой мир, и смотрел на меня маленькими глазками.

— Не меньше месяца нужно, чтобы принять это всерьез, — произнес наконец он. — И если бы это говорили не вы, Эстравен, я решил бы, что все это чистейший обман, сеть, сотканная из звездных лучей. Но я знаю вашу крепкую шею. Слишком толста она, чтобы согнуться для простого обмана. Я не могу поверить, что вы говорите правду, и в то же время знаю, что вы не лжете. Ну-ну. Будет ли он говорить с нами, как говорил с вами?

— Этого он и хочет: говорить, чтобы быть услышанным. Тут или там. Тайб наверняка заставил его молчать, если бы он снова заговорил в Кархиде. Я боюсь за него: он, кажется, не понимает опасности.

— Вы расскажете нам то, что знаете?

— Да. Но почему бы ему не рассказать самому? Еджей сказал, слегка покусывая палец:

— Он попросил разрешения посетить соотрапезничество. Кархид не возражает. Просьба рассматривается.

7

1448, день 81. Весьма вероятно, что они появились в результате эксперимента.

Неприятная мысль. Но теперь, когда существуют доказательства, что земная колония была экспериментом, пересадкой Хейнской нормальной группы в мир, где существовали собственные протогоминиды, эту возможность нельзя игнорировать. Генетические эксперименты на людях, несомненно, практиковались колонистами. Ничто иное не может объяснить существование хилфов на планете С или дегенерировавших крылатых гоминидов на Роканноне. Что еще может объяснить гетенианскую сексуальную психологию? Случайность — возможно, естественный отбор — вряд ли.

Их сексуальность не имеет приспособительной ценности.

Почему для эксперимента был выбран такой суровый мир? Ответа нет. Тайнибоссел считает, что колония появилась в период между оледенениями. В первые сорок или пятьдесят тысяч лет условия на планете были скорее весьма хорошими:

Ко времени нового наступления льда хейнский отход завершился, и колонисты оказались предоставленными сами себе. От продолжения эксперимента отказались.

Я строю теорию о происхождении гетенианской сексуальной психологии. Что, в сущности, я о ней знаю? Сообщения Оти Нима из Оргорейна разъяснили некоторые из моих предыдущих заблуждений. Позвольте изложить то, что я знаю, а потом мою теорию.

Сначала факты.

Сексуальный цикл длится от двадцати шести до двадцати восьми дней (они предпочитают говорить о двадцати шести днях в соответствии со своим лунным месяцем). В течение двадцати или двадцати двух дней индивидуумы находятся в стадии сомер — отсутствие сексуальной активности. Примерно на восемнадцатый день начинаются гормональные изменения, вызываемые гипофизом, а на двадцать второй или двадцать третий индивидуум вступает в кеммер, период течки. В первой фазе кеммера (по-кархидски сехер) он остается двуполым. Пол или потенция не достигаются в изоляции.

Гетенианец в первой фазе кеммера в одиночестве или

с другими не способен к соитию, но сексуальный импульс в этой фазе исключительно силен, подчиняет себе личность и определяет все ее стремления.

Когда индивидуум находит себе партнера в кеммере, гормональная секреция делает следующий шаг. Пока у одного из партнеров не установится гормональное превосходство мужского или женского рода. Половые органы соответственно увеличиваются или сокращаются. Партнер, приводимый в действие этими изменениями, принимает противоположную сексуальную роль. Это вторая фаза кеммера (по-кархидски торхармен) — процесс взаимного приспособления полов и потенции — занимает время от двух до двадцати часов.

Если один из партнеров находится в полной фазе кеммера, то приспособительная фаза второго партнера очень коротка. Если двое входят в кеммер одновременно, он длится дольше. Нормальные индивидуумы не имеют предрасположения к определенной роли в кеммере. Они не знают того, кем станут — мужчиной или женщиной, — и не имеют возможности выбора (Оти Ним сообщает, что в Оргорейне использование гормональных добавок для достижения предпочитаемой половой роли принято, а в аграрном Кархиде я этого не наблюдал).

После того, как пол установится, он не может быть изменен в течение кеммера. Кульминационная фаза кеммера (по-кархидски текеммер) длится от двух до пяти дней, во время нее половое влечение и возможности максимальны. Этот период обрывается очень резко, и если не произошло зачатие, индивидуумы возвращаются в фазу сомер в течение нескольких часов (примечание: Оти Ним считает это четвертой фазой кеммера, аналогичной менструальному периоду) и цикл начинается снова. Если индивидуум исполняет женскую роль и зачал, то гормональная активность продолжается в течение 3—4 месяцев (беременность — шесть-восемь месяцев). Индивидуум остается женщиной. Мужские половые органы находятся в сокращенном состоянии (как будто в фазе сомер), груди значительно увеличиваются и тазовый пояс расширяется. С прекращением лактации (вскармливания) женщина возвращается в сомер и снова становится двуполым существом. Физиологическая привычка вырабатывается, и мать может родить еще нескольких.

Социальные наблюдения весьма своеобразны. Я усиленно занималась этой проблемой.

Обычно кеммер проводят парами. Это самый рас-

пространенный случай, но в кеммер-домах поселков и городов могут сформироваться группы, тогда между мужчинами и женщинами группы наблюдается промискуитет.

Крайним развитием парного кеммера является обет кеммеринга. Это во всех отношениях и целях не что иное, как моногамный брак. У него нет законного статуса, но в социальном и эстетическом отношении — это весьма древний и живучий институт кархидских кланов, очагов и домейнов. Вся структура кархидских кланов, очагов и домейнов основана на институте моногамного брака. Я не осведомлена о существовании правил развода. Здесь, в Оснориере, развод существует, но после него или смерти одного из партнеров вторичный брак невозможен, обет кеммеринга заключается лишь один раз.

Происхождение, разумеется, по всему Гетену ведется от матери, «родители по плоти» (по-кархидски амха).

Что я еще установила с несомненностью?

Одна особенность этой необычной половой организации может иметь приспособительную ценность. Поскольку кеммер происходит только в период плодovitости, вероятность зачатия очень высока, как у всех млекопитающих. В трудных условиях, где значительная детская смертность, это важно для выживания всей расы.

В настоящее время ни детская смертность, ни уровень рождаемости не поднимаются высоко в цивилизованных странах Гетена. Тайнибоссел оценивает население всех трех континентов в сто миллионов и считает, что оно стабильно уже в течение тысячелетия.

По-видимому, в установлении этой стабильности сыграли основную роль ритуальные и этические воздействия, а также использование противозачаточных средств.

Существуют такие аспекты двуполости, о которых мы только догадываемся, и, вероятно, никогда не узнаем полностью. Разумеется, всех нас, исследователей, чарует феномен кеммера. Нас он чарует, но гетенианцами он правит. Структура их общества, организация промышленности, сельского хозяйства, торговли, внешний вид поселений, темы рассказов — все устроено так, чтобы соответствовать циклу сомер-кеммер. У всех есть ежемесячный отпуск. Никто, какое бы положение он ни занимал, не должен работать в период кеммера. Никому — ни бедняку, ни чужеземцу — не воспрещен вход в кеммер-дома, все отступает перед периодической бурей и праздником страсти. Это нам относительно легко понять. Но гораздо труднее вообразить, что четыре пятых

времени жизнь этих людей сексуально не мотивирована.

Для пола предоставлены особые помещения. Общество Гетена в своем обычном функционировании лишено пола.

Следствие: любой может заниматься чем угодно. Звучит очень просто, но психологический эффект не поддается учету. И тот факт, что всякий в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет может быть, как пишет Ним, связан вынашиванием ребенка, означает, что никто — ни психологически, ни физически — не находится в положении женщины. Обязанности, привилегии распределяются совершенно поровну, перед всеми одинаковые возможности и одинаковый выбор, поэтому здесь никто не свободен так, как свободны в других мирах мужчины.

Следствие: ребенок не имеет психосексуальных взаимоотношений с матерью и отцом.

Миф об Эдипе на Зиме не существует.

Следствие: здесь нет полового насилия, нет изнасилований. Как у всех крупных млекопитающих, за исключением человека, соединение может происходить только по личному согласию, в противном случае оно невозможно. Обольщение, видимо, возможно, но оно должно быть очень тщательно рассчитано по времени.

Следствие: человечество не делится на сильную и слабую половину, нет защищаемых, господствующих — подчиненных, владельцев собственности, активных — пассивных членов общества. В сущности, тенденции к дуализму, преобладающие в человеческом мышлении, ослаблены или изменены на Зиме.

Нижеследующее, возможно, будет включено в мой окончательный отчет. Встречая гетенианца, вы приписываете ему роль мужчины или женщины и начинаете вести себя соответственно. Но наши социально-сексуальные взаимоотношения здесь не существуют. Жители Гетена не видят в себе мужчину или женщину. Наше воображение не в состоянии понять это. Какой первый вопрос мы задаем о новорожденном?

Но к гетенианцам неприменимо местоимение «оно». Они не среднего рода. Они потенциально и он, и она. Поскольку у меня отсутствует кархидское «человеческое местоимение», применимое к индивидууму в период сомер, я должна говорить «он» по той же причине, по которой мы применяем местоимение мужского рода и к трехликому богу. Оно менее определено, менее специфично, чем местоимение женского или среднего рода. Но

само использование этого местоимения заставляет меня забывать, что кархидец — это не мужчина, а мужчина-женщина.

Если будет послан первый мобиль, то его следует предупредить, что, если он не крайне самоуверен или стар, его гордость будет страдать. Мужчина хочет, чтобы его мужественность была подтверждена, женщина — чтобы ее женственность оценили, как бы ни были косвенно слабы эти подтверждения. На Зиме всего этого не существует, каждый оценивается только как человеческое существо.

Вернемся к моей теории. Размышляя о причинах этого эксперимента, если бы он был осуществлен, и стараясь оправдать наших хейнских предков от обвинения в плохом отношении к людям, я сделала несколько предположений о том, чего они добились.

Цикл сомер-кеммер поражает нас, как деградация, как возвращение к периодам течки у высших млекопитающих, как подчинение человеческого существа механическому влечению пола. Возможно, эксперимент пытался установить, останутся ли человеческие существа, лишенные постоянной сексуальности, разумными и способными к созданию культуры.

С другой стороны, ограничение сексуального влечения определенными периодами и «приравнение полов» должно было предотвратить эксплуатацию полов и разочарование, связанное с полом. Конечно, все сказанное о половом влечении существует, но оно кончается, когда кончается кеммер. Конечно, в период кеммера бывают приступы безумия, но не в сомер. Что же заменяет им пол? Чего достигает общество евнухов?

Впрочем, они, конечно, не евнухи, скорее их можно сравнить с подростками.

Есть еще одно предположение о причинах эксперимента: прекращение войн. Считали ли древние хейнцы, что постоянная сексуальная активность ведет к агрессивным, не свойственным никому из низших млекопитающих, кроме человека, проявлениям? Или же, подобно Тумассу Сонг Анготу, они считали войну проявлением мужского начала, огромным изнасилованием, и поэтому стремились в своем эксперименте ограничить как мужественность, которая насилует, так и женственность, которая подвергается насилию?

Бог знает. Но факт: гетенианцы, хотя и очень склонны к соперничеству — оно осуществляется по многим социальным каналам и связано с престижем, — но не аг-

рессивны. У них, во всяком случае, нет того, что можно назвать войной. Они способны к убийству по одному и по двое, редко десятками, но никогда сотнями и тысячами. Так почему?

Возможно, что это не имеет ничего общего с их двуполостью. В конце концов, их немного. И еще климат. Погода на Зиме так безжалостна, так близка к пределам выживания, что ее жители вынуждены, несмотря на свою адаптацию к холоду, направлять все усилия для борьбы с ним.

Окраинные народы, расы, удерживающиеся на краю существования, редко бывают воинственными. И в конце концов, на Гетене доминирует не пол или какое-нибудь свойство жизни, а окружение: холодный и жестокий мир. Здесь перед человеком более страшный враг, чем он сам.

Я женщина с мирного Чиффевера, а не специалист по насилию и войне. Кто-нибудь другой еще займется этими вопросами. Но я думаю, что мечтать о воинской славе и победе следовало бы, проводя зиму на Зиме и посмотрев в глаза Льду.

8

Я провел лето скорее как исследователь, чем как мобиль. Я бродил по Кархиду от поселка к поселку, от домейна к домейну, наблюдая и слушая. Мобиль в первое время, будучи и чудом, и чудовищем, не может всего этого делать. Я говорил своим хозяевам в деревенских очагах и в деревнях, кто я. Большинство из них немного слушало обо мне по радио и смутно представляло себе, кто я такой. Они были любопытны, одни больше, другие меньше.

Меньшинство пугалось, очень немногие не скрывали отвращения. Враг в Кархиде — это не незнакомец. Незнакомец — гость. Враг в Кархиде — это сосед.

Месяц Куш я прожил на восточном побережье в очаге Коринхеринг — в доме поселке-крепости, построенном на холме над вечными туманами ходаминского океана. Тут жило около пятисот человек.

Четыре тысячи лет назад я застал бы их предков, живших на том же самом месте в таком же доме. За эти четыре тысячелетия были созданы электродвигатели, радио, машины и все остальное, но машинный век шел неторопливо, без промышленной революции, вообще без революций. Зима за тридцать столетий не достигла то-

го, чего достигла Земля за тридцать лет. Но Зима и не платила ту цену, которую заплатила Земля.

Зима — враждебный мир, наказание за неправильный поступок наступает быстро и определенно — смерть от холода или голода. Никаких промежуточных мер, никаких отсрочек. Человек может довериться своей удаче, но общество не может. Изменения в культуре, подобно мутациям, могут вызвать неожиданный результат. Поэтому они происходят очень медленно. Торопливый наблюдатель в любом пункте истории Гетена мог бы заявить, что всякий технологический прогресс остановился, но это не так. Сравните водопад и ледник: оба текут, но по-разному.

Я много разговаривал со стариками в Коринхеринге, а также с детьми. У меня впервые появилась возможность общаться с гетенианскими детьми, потому что в Эрхенранге они постоянно содержатся в частных или общественных очагах и школах. От четверти до трети взрослого населения занято уходом за детьми и обучением их. Но здесь, в клане, каждый сам заботится о себе и никто, в частности, не отвечал за детей. Они носились по окутанному туманом холмам и берегам. Когда мне удавалось задержать кого-нибудь для разговора, они оказывались стыдливymi, гордыми и невероятно правдивыми.

Родительский инстинкт, как и повсюду, варьируется в Кархиде, как правильно я сделал вывод. Обобщения невозможны. Я никогда не видел, чтобы ребенка ударили. Лишь однажды кархидец при мне гневно ругал ребенка. Их нежность к своим детям очень глубока, но совершенно лишена чувства собственности. Этим, видимо, она отличается от так называемого материнского инстинкта.

Однажды я слышал в Коринхеринге по радио дворцовый бюллетень. Король Аргавен объявил, что ждет наследника. Не сына кеммеринга, а наследника по телу, королевского сына.

Король был беремен.

Я находил это забавным, жители Коринхеринга тоже, но по другим причинам. Они говорили, что король слишком стар, чтобы носить ребенка, шумно веселились и изрекали всякие непристойности. Старики хихикали и болтали об этом целые дни.

Они смеялись над королем, но не очень интересовались им: «Кархид — это домейн», — как-то сказал Эстравен, и эти его слова, как и многое другое, сказанное им,

часто приходили мне в голову по мере того, как я узнавал все больше и больше. То, что внешне казалось нацией, единой уже несколько столетий, на самом деле было мешаниной княжеств, городов, деревень и псевдофеодальных племенных экономических союзов — варевом из яростно соперничающих, склонных к ссорам индивидуумов, над которыми не очень тяготело бремя центральной власти. Ничто, думал я, не сможет превратить Кархид в нацию. Повсеместное распространение связи, которое предположительно повсеместно должно было с неизбежностью порождать национализм, здесь этого не делало. Экумен не может обращаться к этим людям, как к социальному единству, скорее нужно учитывать их сильное, хотя и неразвитое чувство человечности, человеческого единства. Мысли об этом приводили меня в возбуждение. Конечно, я ошибался, но узнавал кое-что о гетенианцах. Впоследствии эти знания оказались полезными.

Я не хочу провести целый год в старом Кархиде, мне нужно вернуться на запад до того, как закроются переходы через Каргаз. Даже здесь, на побережье, в последний месяц лета было два небольших снегопада. Честно говоря, с неохотой я двинулся назад на запад и в начале Гора — первого месяца осени — достиг Эрхенранга. Аргавен находился в своем летнем дворце в Верревере и на время своего уединения назначил Пеммера Харт рем ир Тайба регентом. Тайб использовал свою власть, и через несколько часов после своего прибытия я понял, что допустил немало ошибок в анализе положения. В Эрхенранге я чувствовал себя неуютно. По-видимому, мне грозила опасность.

Аргавен был безумен, зловещее расстройство мозга накладывало отпечаток на столицу, он питался страхом. Все хорошее в его правление было достигнуто благодаря министрам и кноремми. Но он не причинял много вреда. Его ночные кошмары не приносили ущерба королевству. Двоюродный брат короля Тайб был совсем иным. В его безумии была логика, и Тайб знал, как действовать и когда действовать, он не знал лишь, когда нужно остановиться.

Тайб часто выступал по радио. Эстравен, находясь у власти, никогда этого не делал, и вообще это было не в кархидских обычаях. Их правительство, как правило, действует скрытно и не прямо. Тайб, однако, ораторствовал. Слыша его голос, я снова видел длиннозубую улыбку и лицо, покрытое сетью морщин. Речи его были длинными

и громкими — восхваления Кархида и пренебрежительные замечания об Оргорейне, поношение «неверных друзей», крики о неприкосновенности кархидских границ, экскурсии в историю, этику, экономику — и все в напыщенном, манерном, эмоциональном тоне, перемешанном бранью и низкой лестью. Он много говорил о гордости за свою страну и любви к отечеству, но мало о шифгреторе, личной гордости и престиже. Неужели Кархид так утратил свой престиж в деле с долиной Синот, что от этой проблемы невозможно отступить.

Нет, но Тайб часто говорил о престиже и о долине Синот. Я решил, что он сознательно избегает разговоров о шифгреторе, поскольку хочет возбудить эмоции на более элементарном, неконтролируемом уровне. Он хотел расшевелить нечто, замещением и улучшением чего был шифгретор. Он хотел, чтобы его слушатели были испуганы и рассержены. Темами его были не твердость и любовь, хотя он постоянно употреблял эти слова. Когда он их упоминал, они означали хвастовство и ненависть. Он много говорил о правде, утверждая, что готов заглянуть под внешний лоск цивилизации.

Это была вездесущая, повсеместная и удобная метафора — насчет лоска, скрывающего под собой реальность. Она сразу скрывала дюжину ошибок. Одна из самых опасных: цивилизация, будучи искусственной, неестественна, она является противоположностью примитивности. Конечно, нет никакого лоска. Происходит процесс роста. И примитивность, и цивилизация являются ступеньками этого процесса. Если у цивилизации и есть противоположность, то это война. Разумеется, эти противоположности исключают друг друга. Либо те, либо другие, но не обе сразу.

Когда я слышал трескучие напыщенные речи Тайба, мне казалось, что он снова хочет, чтобы его народ сделал выбор, который он уже сделал в начале своей истории. Время для этого, казалось, уже настало.

Медленно, как и их материальный и технологический прогресс, они в конце концов в последние пять, десять, пятнадцать столетий забежали вперед по сравнению с природой. Они больше не зависели полностью от капризов своего безжалостного климата. Плохой урожай не приводил к голодной смерти целые области, а суровая зима не изолировала целые города. На этой основе материальной стабильности Оргорейн постепенно создал объединенное и эффективно действующее централизованное государство. Кархид двигался по тому же пу-

ти и вот, чтобы ускорить это, требовалось развивать торговлю, улучшать дороги, фермы, колледжи и тому подобное. Все это цивилизация, лоск. И всё это Тайб презрительно отвергал. Он стремился к более уверенному, быстрому превращению своего народа в нацию — к войне. Его идеи относительно войны были не слишком точны и определены, зато очень громки. Другим способом объединения в нацию могла бы стать религия, но ее под рукой не оказалось, и он все поставил на войну.

Я отправил регенту письмо, в котором процитировал вопрос, заданный предсказателям, и их ответ на него. Тайб не ответил. Тогда я отправился к орготскому послу и попросил разрешения на посещение Оргорейна.

Официальных лиц, представляющих стабилей на Хейне в Экумене, меньше, чем работников посольства одной маленькой страны в другой, и все они были вооружены метрами звуковых и обычных записей.

Они были медлительны и основательны. Ни следа поспешного высокомерия или внезапной хитрости, которыми отмечены официальные лица Кархида.

Я ждал, пока они заполнили бумаги. Ожидание становилось тревожным. Число дворцовых стражников и городских полицейских на улицах Эрхенранга, казалось, увеличивалось с каждым днем. Они были вооружены, и у них появилось нечто вроде мундира. Настроение в городе оставалось унылое, хотя всеобщее процветание и хорошая погода должны были его улучшить. Никто не хотел иметь со мной никакого дела. Мой «хозяин» больше не показывал зевакам мою комнату, но постоянно жаловался, что его изводят «люди из дворца», и обращался со мной с гораздо меньшим уважением. Тайб произнес речь о набеге в долине Синот: «Храбрые кархидские фермеры, истинные патриоты перешли границу к югу от Сассинота, напали на орготскую деревню и сожгли ее. Убили девять жителей и утащили тела с собой, чтобы утопить их в реке Эй». «Подобную могилу, — заявил регент, — найдут все враги нашей нации!» Я слушал эту речь в обеденном зале своего острова.

Некоторые слушали угрюмо, другие незаинтересованно, третьи удовлетворенно, но у всех было что-то общее, какое-то выражение, которого я не замечал раньше — выражение беспокойства.

Вечером ко мне пришел человек, первый посетитель за время моего пребывания в Эрхенранге. Кожа у него была гладкая, манеры стыдливо-испуганные, а на шее он носил золотую цепь предсказателя-холостяка.

— Я друг того, кто подружился с вами,— заявил он неожиданно резко.— Я прошу вас об одолжении для него.

— Вы имеете в виду Фейкса?

— Нет. Эстравена.

После недолгого молчания незнакомец продолжил:

— Эстравен — предатель. Вы его помните?

Гнев сменил робость, и он начал играть со мной в шифгретор. Если бы я принял игру, мне следовало сказать что-нибудь вроде: «Не уверен, расскажите мне о нем», но я не хотел играть и уже привык к вулканическому темпераменту кархидцев. Я осуждающе встретил его гнев и сказал:

— Конечно, помню.

— Но вы вспоминаете о нем не с дружбой.

Темные глаза гостя смотрели прямо и пронизательно.

— Скорее с благодарностью и разочарованием. Он послал вас ко мне?

— Нет.

Я ожидал объяснений.

Он сказал:

— Простите, я вижу, что осуждение опередило меня.

— Я не знаю, кто вы и чего хотите.

Я не отказался от разговора, я просто хотел разъяснений.

— Вы должны до продолжения разговора признать за мной право на разумную осторожность. Эстравена изгнали за то, что он поддерживал мою миссию здесь.

— Вы считаете себя перед ним в долгу за это?

— В некотором смысле. Однако моя миссия важнее всякого личного долга и верности.

— В таком случае,— с яростной уверенностью заявил незнакомец,— это аморальная миссия.

Заявление меня остановило, я долго не мог найти ответ, затем, наконец, сказал:

— Это не так. Недостаток не в миссии, а в исполнителе. Но, пожалуйста, скажите мне, что вы хотите от меня.

— У меня с собой деньги, то, что я сумел собрать после крушения карьеры моего друга. Слыша, что вы собираетесь отправиться в Оргорейн, я решил попросить вас отвезти ему эти деньги. Возможно, это бесполезно, может быть, он в Мишпоре или на одной из этих проклятых ферм, или мертв. Я не смог ничего узнать. У меня нет друзей на Оргорейне, а здесь я никого не смею

просить. Я думал, что вы над политикой, что вы можете свободно уезжать и приезжать. Я не думал, конечно, что у вас есть своя политика. Прошу прощения за свою глупость.

— Что ж, я возьму для него деньги. Но если он мертв или я не найду его, кому я должен их вернуть?

Он посмотрел на меня. Лицо его изменилось, он едва сдержал рыдание. Большинство кархидцев легко плачут, не стесняясь слез, как и смеха. Он сказал:

— Спасибо. Меня зовут Форен, я живу в крепости Оргии.

— Вы из клана Эстравена?

— Нет. Форен рем ир Осбот. Я был его кеммерингом.

У Эстравена не было кеммеринга, когда я знал его, но этот незнакомец не вызывал у меня подозрений. Возможно, он был чьим-то орудием, но сам выглядел искренним. Он только что преподавал мне урок: в шифгретор можно играть на уровне этики, и опытный игрок обязательно выиграет. Он загнал меня в угол в два хода. Деньги были у него с собой: солидная сумма в кредитных билетах королевской кархидской торговли. Ничто не дает возможности заподозрить меня, но ничто не мешает мне и истратить их.

— Если вы найдете его...

— Именно?

— Нет. Только если бы я узнал...

— Если я найду его, постараюсь сообщить вам.

— Спасибо,— сказал он.

Он протянул мне обе руки — жест дружбы, который не часто увидишь в Кархиде.

— Желаю успеха вашей миссии, мистер Ай. Он, Эстравен, верил в это, он верил, что вы посеете добро.

Ничто в мире не существовало для этого человека, кроме Эстравена. Он принадлежал к тем, кто осужден на единственную любовь.

Я снова спросил его:

— Я могу что-нибудь передать ему от вас?

— Скажите, что дети здоровы.— Он колебался, затем добавил: — Иусут, неважно.

Он вышел.

Два дня спустя я вышел из Эрхенранга.

На этот раз я пошел пешком по северо-западной дороге. Разрешение посетить Оргорейн пришло гораздо быстрее, чем я мог надеяться, судя по деятельности чиновников в посольстве. Они, по-видимому, сами этого

не ожидали. Когда я явился за документами, они общались со мной с каким-то ядовитым уважением, как будто для меня были нарушены правила и порядки.

Поскольку в Кархиде нет определенных правил отъезда из страны, я сразу выступил в путь. За лето я узнал, как принято ходить по Кархиду пешком. Дороги и гостиницы приспособлены не только для движения на грузовиках, но и пешком, и в любой гостинице можно рассчитывать на нерушимый кодекс гостеприимства.

Жители любого района, фермеры и лорды, дадут путнику приют и еду на три дня.

Этот срок определен неписаным кодексом гостеприимства, но практически можно жить гораздо дольше, и самое хорошее, что вас встречают без суеты и расспросов, как будто ожидали.

Я неторопливо шел между Сессом и Зем, изредка по утрам работал и в домейнах, и на фермах, где все жители были заняты уборкой урожая. Золотое зерно должно быть убрано до наступления осени. Эта неделя ходьбы вся была золотая и плодоносная, а по вечерам перед сном я выходил из фермерских домов или освещенных залов и очагов, шел по сухой стерне в поле и смотрел на звезды, горящие как далекие города в ветреной осенней тьме.

В сущности мне не хотелось покидать эту землю. Она была равнодушна к посланнику, но добра к незнакомцу. Мне страшно было начинать все сначала, повторять все на новом языке новым слушателям и снова, может быть, потерпеть неудачу. Я двигался больше на север, чем на запад, оправдывая свой путь любопытством: мне хотелось взглянуть на долину Синот — причину соперничества между Кархидом и Оргорейном. Хотя погода оставалась ясной, становилось холодно, и я, наконец, повернул на запад, не доходя до Сассинота. Я помнил, что здесь вдоль границы тянется изгородь и мне, возможно, не позволят так легко покинуть Кархид.

Граница проходила по Эю, маленькой, но бурной реке, питаемой ледниковыми водами, подобно большинству рек Великого Континента. Пройдя несколько миль на юг, я нашел мост, связывающий два небольших поселка: Пассерар в Кархиде и Снувенсин в Оргорейне. Они сонно смотрели друг на друга через шумный Эй.

Стражники с кархидской стороны спросили только, собираюсь ли я вернуться сегодня, и пропустили меня. Но на Оргорейнской стороне мне заявили, что мои документы изучаются инспектором. Он делал это в течение

часа, потом сказал, что паспорт мне вернут утром, и дал разрешение на ночлег и еду в сотрапезничестве в приемном доме Снувенсина. Еще час я провел в этом доме, пока управляющий читал мои бумаги и проверял подлинность разрешения, позвонив инспектору сотрапезнической пограничной станции, откуда я только что пришел.

Я не могу точно определить значение орготских слов, которые перевожу как «сотрапезник», «сотрапезничество». Первоначальное их значение — «питаться вместе».

Сейчас они включают в себя все национальные правительственные институты Оргорейна, от государства, через тридцать три района, до отдельных поселков, ферм, шахт, фабрик и так далее: «Сотрапезничество» может означать господствующую верхушку или любую власть. Сотрапезники — это обычно те тридцать три главы районов, которые составляют правительство — «Великое сотрапезничество Оргорейна», законодательное и исполнительное. Но это слово может означать также граждан, сам народ. В своеобразном отсутствии различия между общим и частным применением этого слова, в использовании его для обозначения как целого, так и части, в этой неточности и заключается его точное значение.

Наконец мои документы и мое присутствие были одобрены, и я получил возможность впервые поест после раннего завтрака. Это была похлебка из кадика и ломоть хлебного яблока. Несмотря на свою официальность, Снувенсин был лишь маленьким поселком, погруженным в деревенскую апатию.

Сотрапезнический приемный дом был меньше своего названия. В его гостиной стоял один стол, пять стульев и не было огня.

Пищу приносили из деревенского трактира.

Остальное помещение занимала спальня: шесть кроватей, множество пыли и немного плесени. Поскольку все снувенсианцы, по-видимому, сразу после ужина ложились спать, я поступил так же. Уснул я в такой совершенно деревенской тишине, что в ушах звенело. Спал я около часа и проснулся в кошмаре взрывов, вторжения, убийств и пожаров.

Похоже было на дурной сон, в котором вы бежите по темным улицам, а встречные не имеют лиц, дома за вами вспыхивают, и кричат дети.

Окончательно я пришел в себя в открытом поле на сухой стерне у черной ограды. Тускло-красный лунный полумесяц и несколько звезд виднелись сквозь разры-

вы облаков над головой. Ветер был жгуче холодный, и возле меня в темноте виднелось что-то большое, похожее на амбар или сарай, за ним в воздух поднимались струйки искр.

Я стоял босиком, без хлеба и плаща, но узелок был со мной. В нем была не только запасная одежда, но также рубины, деньги, документы и ансибл. Во время путешествия я спал на нем, как на подушке.

Очевидно, даже в кошмаре я схватился за него. Достав башмаки, брюки и зимний, подбитый мехом хеб, я оделся в холодной, темной тишине. В полумиле от меня догорал Снувенсин. Я побрел в поисках дороги и скоро нашел ее, а с нею и других людей.

Все они были беженцами, подобно мне, и не знали, куда идут. Я последовал за ними. В пути я узнал, что Снувенсин пострадал от набега из Пассерара.

Нападающие ударили, подожгли и отступили. Борьбы не было. Но вот впереди вспыхнул свет. Сбежав с дороги, мы смотрели на караван из двадцати грузовиков, шедших на предельной скорости в сторону Снувенсина.

Со свистом колес, повторяющимся двадцать раз, караван прошел мимо. Снова вернулись тишина и тьма.

Скоро мы добрались до коммунального фермерского центра, где нас задержали и допросили. Я старался присоединиться к группе, с которой шел, но безуспешно.

Всех, у кого не было документов, и меня, как чужестранца без паспорта, отделили от толпы и увели на ночь в большой склад — обширный каменный подвал с одной дверью, запертой за нами, и без окон. Время от времени дверь открывалась, и новые беженцы появлялись в сопровождении полицейских, вооруженных геттианскими ультразвуковыми ружьями. Когда дверь закрылась, стало совершенно темно. В глазах плавали радужные пятна. Было холодно, пахло пылью и зерном.

Ни у кого не оказалось фонарика.

Всех этих людей, подобно мне, набег застал в постели. Было несколько буквально нагих, другие делились с ними одеялами, но в Оргорейне лучше не иметь одежды, чем документов. Они сидели порознь в этой огромной, пыльной яме в полной тьме. Иногда двое начинали негромко разговаривать, но не было никаких жалоб.

Я слышал, как слева от меня кто-то говорил:

— Я видел его на улице перед самой моей дверью. У него была разбита голова.

— Тиенна сказал, что они из Пассерара, а из домейна Оверд приехали на грузовиках.

— Но между Овердом и Снувенсином нет вражды. Они не жаловались, не говоря уже о протесте, когда их закрыли на ночь в холодном складе. Они не понимали, что с ними происходит. Мало-помалу шепот затихал. В темноте слышался лишь плач ребенка.

Когда дверь отворилась, в глаза ударил яркий солнечный свет. Я механически пошел за остальными, не осознав сначала, что меня зовут и не узнав своего имени: орготы могут произносить звук «л».

Кто-то с перерывами выкрикивал мое имя с момента открытия дверей.

— Пожалуйста, сюда, мистер Ай,— сказал человек в красном.

Я перестал быть беженцем. Меня отделили от тех безымянных, с которыми я брел ночью по дороге и чье отсутствие уверенности я разделял в темном складе.

У меня было имя, я существовал.

Какое невероятное облегчение. Я с радостью пошел за человеком в красном.

Контора местного сотрапезничества фермерского центра была в смятении, но и у чиновников нашлось время заняться мной и извиниться за неудобства прошлой ночи.

— Если бы только вы не решили проходить через сотрапезничество Снувенсин,— жаловался один толстый инспектор,— если бы вы избрали обычный путь!

Они не знали, кто я и почему со мной надо обращаться по-особому. Их невежество было очевидным, но какая разница?

Дженри Ая, посланника, надо было принимать с почетом, и они так и поступили.

В полдень я уже направлялся в Мишпори в экипаже, предоставленном в мое распоряжение сотрапезническим фермерским центром Восточного Хомсвашема, район восемь. У меня был новый паспорт, разрешение пользоваться всеми приемными домами в дороге и телеграфное приглашение Мишпорского Первого Сотрапезничества, районного комиссара дорог и портов Ута Шуегиса.

Когда заработал мотор, в маленьком экипаже заработало и радио. Всю вторую половину дня, минуя обширные зерновые поля восточного Оргорейна без единой изгороди — на Гетене нет животных, которых надо было бы выгонять на пастбища,— я слушал радио.

Оно сообщало о погоде, об урожае, о состоянии дорог и предупреждало о необходимости соблюдать на дорогах осторожность, давало самые разнообразные новости

из тридцати трех районов, о производствах на многочисленных факториях, информацию о морских и речных судах, о портах. Оно передавало исмештские гимны и снова говорило о погоде. Все было очень мило, особенно по сравнению с тем, что я слышал по радио в Эрхенранге. Ни одного упоминания о набеге на Снувенсин не было слышно.

Орготское правительство, очевидно, не хотело возбуждать волнения. Короткое официальное сообщение, часто повторявшееся, утверждало, что на всей восточной границе свободного Оргорейна спокойно.

Мне это нравилось. В этом сообщении были какая-то уверенность и спокойствие, которыми я постоянно восхищался в гетенианцах. Я радовался, что вырвался за пределы Кархида, несовершенной страны, которую склоняют к насилию параноидальный беременный король и маньяк регент. Я радовался, спокойно двигаясь со скоростью в двадцать пять миль в час по обширным зерновым полям под серым небом к столице государства, чье правительство верило в порядок.

На дороге, в отличие от дорог Кархида, где приходилось постоянно останавливаться и расспрашивать о направлении, было множество указателей, предупреждающих о необходимости остановиться у очередного инспектора поста такого-то такой-то сотрапезнической области или района. Тут обязательно предъявлялись документы и все проезжавшие регистрировались. Мои документы внушали почтение, и после минутной задержки мне разрешали ехать дальше, вежливо подсказывая, где находится ближайший приемный дом, если я хочу есть или спать. На скорости в двадцать пять миль в час путешествие от границы Мишпори довольно значительное, и я провел в пути две ночи. Пища в приемных домах однообразна, но изобильна, постели вполне приличные, не хватает только уединения. Впрочем, путники в этих домах проявляли большую сдержанность. Ни на одной из остановок не удавалось мне завести знакомства или завязать разговор, хотя я неоднократно пытался это сделать.

Орготы казались не враждебными, а просто нелюбопытными. Они были бесцветны, однообразны и аккуратны. Мне они нравились. С меня хватило двух лет цвета, гнева и страсти в Кархиде. Я с радостью принял перемену.

Двигаясь по восточному берегу великой реки Кундерер, я на третье утро прибыл в Мишпори, самый большой город на планете.

В лучах солнца, светивших между осенними ливнями, это был странный город. Сплошные каменные стены с немногими узкими окнами, посаженными слишком высоко, с широкими улицами, заполненными народом, с уличными фонарями на нелепых высоких столбах, с крышами, задранными круто, как руки молящихся — все в неправильных пропорциях, какой-то гротескный город. Он не был построен для солнечного света. Он был создан для зимы. Зимой, когда улицы на десять футов заполнены плотным слежавшимся снегом, когда крутые крыши не удерживают снега, а под навесами стоят сани, когда сквозь снегопад виднеется желтый огонь в узких окнах, только тогда становится понятной экономичность и красота города, его уместность.

Мишпори был чище, больше и светлее Эрхенранга, в нем преобладали большие здания из желтовато-белого камня, простые прямоугольники одинакового размера. В них помещались конторы и правительственные учреждения, а также храмы Йомештского культа, считавшегося государственным в сотрапезничестве. В них не было суматохи и путаницы, не было чувства, что над тобой что-то возвышается, как в Эрхенранге. Все было просто, удобно и аккуратно. Мне показалось, что я вышел из темного века, и я пожалел, что провел два года в Кархиде. Эта страна выглядела так, будто готова была вступить в Экуменийский век.

Я немного поездил по городу, потом вернул экипаж в соответствующее бюро и пешком направился в резиденцию первого сотрапезника и комиссара дорог и портов. Не знаю, было ли полученное мной телеграфное приглашение просьбой или вежливым приказом. Иусут. Я прибыл в Оргорейн, чтобы говорить об Экумене, и мог начать с любого места.

Мои наблюдения по поводу флегматичности и самоконтроля орготов были совершенно опровергнуты комиссаром Шуегисом, который надвигался на меня со смехом и выкриками. Он схватил обе мои руки жестом, который кархидцы берегут для моментов высшего выражения эмоций, начал дергать мои руки вверх и вниз, как будто стараясь включить мой мотор, и проревел приветствие послу Экумена на Гетене. Это было сюрпризом, так как ни один из десятков инспекторов, проверявших мои бумаги, не проявил и признака того, что им известно мое имя и слова «Экумен» и «посланник».

Я решил, что кархидцы не передали сообщения обо

мне на орготские станции, сделали из меня свой национальный секрет.

— Не посол, мистер Шуегис. Всего лишь посланник.

— Значит, будущий посол. Да, клянусь Меше!

Шуегис осмотрел меня сверху донизу и снова рассмеялся.

— Я не таким вас себе представлял, мистер Ай. Говорили, что вы высоки, как уличный фонарь, худы, как полоз саней, темнокожи и косоглазы. Я думал, что увижу чудовище, людоеда со льдов. Ничего подобного. Вы лишь немного темнее большинства из нас.

— Земной цвет,— сказал я.

— Вы были в Сувенсине накануне набега? Клянусь грудями Меше, в каком мире мы живем! Вас могли убить на мосту через Эй после того, как вы проделали такой большой путь в пространстве. Ну-ну! Здесь многие хотят видеть вас, говорить с вами и приветствовать вас в Оргорейне.

Не слушая моих возражений, он поместил меня в своем доме. Высокопоставленный чиновник и богатый человек, он жил так, как никто в Кархиде, даже лорды самых больших домейнов. Дом Шуегиса был целым островом, вмещавшим сотни слуг, помощников, советников и тому подобное. Но никаких родственников.

Система семейных кланов, очагов и домейнов, черты которой еще проступали кое-где в сотрапезничестве, была «национализирована» в Оргорейне несколько столетий назад. Дети в возрасте более года не жили со своими родителями, а воспитывались в сотрапезнических очагах. Не существовало ни рангов, ни наследования.

Завещания были объявлены незаконными.

Все умирающие оставляли свое имущество государству. Все начинали с равного, но дальше равенство кончалось. Шуегис был богат и пользовался своим богатством.

В моей комнате обнаружили такие предметы роскоши, о существовании которых я даже не подозревал на Зиме. Например, душ. Был также электрообогреватель, помимо отличного очага. Шуегис смеялся:

— Мне сказали: содержи Посланника в тепле, он из горячего мира, не мир, а печь, он не любит нашего холода. Обращайся с ним, как будто он беременный, положи меха на его постель и поставь обогреватель в его комнату, согревай воду, которой он умывается, и держи его окна закрытыми! Как я все это выполнил? Вам удобно? Скажите, пожалуйста, чего вам не хватает?

Удобно! В Кархиде я ни разу, ни при каких обстоятельствах не был спрошен, удобно ли мне.

— Мистер Шуегис,— с чувством произнес я,— я себя чувствую, как дома.

Он не удовлетворился, пока не положил на постель еще одно одеяло, из шерсти пестри и не подбросил дров в очаг.

— Я знаю, каково это,— сказал он,— когда я был беременным, мне все время было холодно, ночи были, как лед. Всю зиму я просидел у огня. Давным-давно, конечно, но я помню.

Гетенианцы стремятся иметь детей в молодости, большинство из них после двадцати четырех лет живут вольно и используют контрацептивы. Они перестают быть плодовитыми в женской роли в возрасте сорока лет.

Шуегису было около пятидесяти, поэтому его «давшим-давно» звучало правдоподобно. В нем трудно было увидеть юную мать. Это был искусный политик, действовавший в собственных интересах, а интерес у него был только один — он сам.

Такой тип человека распространен повсеместно. Я встречал его на Земле, на Хейне и на Олдуле.

— Вы хорошо осведомлены о моей внешности и вкусах, мистер Шуегис. Я удивлен. Не думал, что моя характеристика опередила меня.

— Нет,— сказал он.

Он прекрасно понял меня.

— Там, в Эрхенранге, вас готовы были держать в сугробе, а? Но они вас выпустили, и только тут мы поняли, что вы не очередная кархидская ложь, что вы говорите правду.

— Мне кажется, что я вас не совсем понял.

— Аргавен и его окружение боялись вас, мистер Ай, и рады были увидеть вашу спину. Боялись, что, если плохо обойдутся с вами или заставят вас молчать, придет возмездие. Набег из космоса. Поэтому они не осмелились тронуть вас. Они пытались заставить вас замолчать, потому что боялись вас и того, что вы принесли с собой на Гетен!

Он преувеличивал. В Кархиде новости обо мне не замалчивались, во всяком случае, пока у власти был Эстравен. Но у меня было впечатление, что эти новости не проникали в Оргорейн, и Шуегис подтвердил мое предположение.

— Значит, вы не боитесь того, что я принес на Гетен?

— Нет, сэр.

— А я иногда сам боюсь.

Он весело рассмеялся. Я не подбирал выражений. Я не торговец. Я не продаю прогресс аборигенам. Мы должны встретиться, как равные, со взаимопониманием и искренностью, прежде чем моя миссия сможет начаться.

— Мистер Ай, много людей хотят встретиться с вами, и среди них есть такие, с кем вы сами захотите говорить. Это те, кто делает мир таким, каков он есть. И я просил чести поселить вас у себя. Потому что у меня большой дом и я известен, как нейтральное лицо. Я буду держать вас открыто, и давать возможность говорить с вами всем желающим.

Он рассмеялся:

— Это значит, что вам придется съесть много обедов.

— Я в вашем распоряжении, мистер Шуегис.

— Тогда сегодня вечером мы поужинаем с Венайком Слове, сотрапезником с Кувера, третий район. Разумеется, я проделал кое-какую подготовительную работу перед приездом вас сюда.

Он восхитился снисходительностью, которую я проявил, изучая его страну. Манеры здесь были совершенно отличные от кархидских. Там его поведение подорвало бы его шифгретор и оскорбило меня.

Во время набега на Снувенсин я потерял свой эргенрангский костюм, и мне была нужна одежда, поэтому после обеда я сел в такси и поехал в нижний город. Хеб был такой же, как в Кархиде, но вместо легких летних брюк орготы круглый год носили зимние, мешковатые и нескладные.

Цвета одежды у них варьировались между синим и красным. И материал, и покрой, и изготовление — все было довольно плохим. Стандартная работа. Одежда показала мне, чего не хватало этому большому городу — элегантности. Отсутствие элегантности — дешевая плата за просвещение, и я с радостью уплатил бы ее. Я вернулся в дом Шуегиса и принял горячий душ, бывший со всех сторон, как колючий туман. Я вспомнил о холодных и мелких мисках в восточном Кархиде, в каких я мылся этим летом, о бассейне в моем кархидском доме, обросшем до крыши льдом.

Это элегантность? Да здравствует комфорт!

Надев новый красный костюм, я вместе с Шуегисом поехал на прием в его личном экипаже с особым шофером. В Оргорейне гораздо больше слуг, чем в Кархиде. Это потому, что все орготы являются служащими госу-

дарства. Государство должно найти работу для граждан и находит ее. Таково по крайней мере общепринятое объяснение, хотя, подобно большинству экономических объяснений, оно, возможно, обходит главную из причин.

В ярко освещенной высокой белой приемной зале сотрапезника Слове находилось около тридцати гостей. Трое из них были сотрапезниками, остальные — высокопоставленными чиновниками. Это была не просто группа орготов, любопытствующих взглянуть на «чужака». Я был не «диговинкой», как все два года в Кархиде, не уродством, я был ключом.

Какие двери предстояло мне открыть?

Вероятно, чиновники, приветствовавшие меня, знали об этом, но я не знал.

И не узнал во время ужина. По всей Зиме, даже в суровом варварском Перунтере, считается крайне вульгарным говорить о делах за едой. Поскольку ужин был накрыт очень быстро, я отложил свои вопросы и занялся клейким рыбным супом, наблюдая за хозяином и гостями. Слове оказался хрупким моложавым человеком, с необыкновенно светлыми, яркими глазами и резким голосом. Он выглядел идеалистом, преданным какой-то одной мысли. Слева от меня сидел еще один сотрапезник, толстолицый человек по имени Оболе. Он казался добродушным и любопытным. После третьей порции супа он принялся расспрашивать меня, в каком мире я родился.

— Говорят, — предположил он, — что он теплый, теплее, чем Зима, но насколько?

— Ну, на Земле на этой самой широте никогда не бывает снега.

— Не бывает снега?

Он рассмеялся с искренней радостью, как смеется ребенок хорошей сказке, ожидая дальнейших невероятных рассказов.

— Наши субарктические зоны подобны вашей обитаемой зоне. Мы дальше ушли от последнего оледенения, чем вы, но оно еще не кончилось. В основном Земля и Гетен очень похожи. Все обитаемые миры похожи друг на друга. Человек может существовать только в определенном окружении. Гетен — один предел выносимых человеком условий.

— Значит, есть более теплые планеты, чем ваша?

— Большинство из них теплее, некоторые горячи — Илк, например, преимущественно песчаная и скалистая пустыня. С самого начала она была теплой планетой, а

ее цивилизация нарушила естественное равновесие пятьдесят—шестьдесят тысяч лет назад, она сожгла на топливо леса. Там сейчас живут люди. Туда ссылают преступников.

Это вызвало у Оболе улыбку, спокойную и одобрительную улыбку, которая вдруг заставила меня пересмотреть оценку этого человека.

— Некоторые наши мистики учили, что потусторонний мир действительно существует на других планетах во Вселенной. Встречались ли вы с этой мыслью, Ай?

— Нет, меня описывали по-разному. Но еще никто не называл меня привидением.

Говоря это, я случайно взглянул направо и увидел привидение. Темный, в темной одежде, мрачный и спокойный, он неподвижно сидел за столом, как зритель на пиру.

Внимание Оболе было отвлечено другим гостем, и большинство слушало сидевшего во главе стола Слова. Я негромко сказал:

— Не ожидал увидеть вас здесь, лорд Эстравен.

— Неожиданности делают жизнь более привлекательной.

— У меня есть сообщение для вас.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Оно приняло форму денег, ваших собственных денег. Их послал вам Форет рем ир Осбот. Они в доме Шуегиса. Я передам их вам.

— Вы очень добры, мистер Ай.

Он был спокоен и покорен, изгнанник, в чужой земле. Казалось, он не расположен разговаривать со мной, а я рад был прекратить беседу. Но время от времени в течение этого длинного роскошного ужина, в разговорах с этими влиятельными орготами, которые хотели подружиться со мной или использовать меня, я ощущал его присутствие, замечал его смуглое лицо. И мне пришла в голову мысль, которую я отверг, как совершенно безосновательную, что я не по своей воле появился в Оргорейне, чтобы есть жареную рыбу с сотрапезниками. Он привел меня сюда.

9

Давным давно, до дней короля Аргавена Первого, который превратил Кархид в единое королевство, существовала кровавая вражда между домейном Стоки и домейном Эстре в земле Карм. Вражда в виде набегов и засад велась три поколения и не прекращалась, потому

что спор шел из-за земли. Плодородные земли редки в Карме, а гордость домейна — в длине его границ.

Лорды в земле Карм горды и обидчивы, они отбрасывают черные тени.

Случилось так, что один юноша, наследник лорда Эстре, охотясь на озере Айсфут на пестри в месяце Иррем, вступил на подтаявший лед и провалился в воду. Хотя ему удалось при помощи одной лыжи выбраться на лед, положение его было очень тяжелым, а стоял Курем (Курем — влажная погода с температурой от нуля до минус двадцати градусов) и приближалась ночь. Он понял, что ему не пройти восемь миль вверх по холму до Эстре, и потому отправился в деревню Эбос на северном берегу озера.

Когда наступила ночь, с ледника спустился туман и покрыл все озеро, так что юноша не видел даже своих лыж. Он шел медленно, опасаясь снова провалиться.

Холод пробирал его до костей. Он понимал, что скоро не сможет двигаться. Наконец сквозь туман и ночь он увидел впереди свет. Берег был неровным и местами лишенным снега, поэтому юноша отбросил лыжи, ноги его уже не держали, но он упрямо шел на свет. Он ушел далеко в сторону от Эбоса, пока наткнулся на маленький одинокий домик в лесу из деревьев торе.

Леса земли Карм сплошь состоят из этих деревьев, они кольцом окружали дом. Юноша постучался в дверь и крикнул. Ему открыли и ввели его в дом.

В доме оказался только один человек.

Он помог юноше раздеться — одежда была, как из железа — уложил под меха и согревал собственным телом. Он дал ему горячего чая. Наконец юноша пришел в себя и посмотрел на своего спасителя.

Тот оказался тоже молод. Они смотрели друг на друга. Оба были миловидны, сильны, с красивыми телами и смуглыми лицами, и один увидел в лице другого пламя кеммера.

Он сказал:

— Я Арек из Эстре.

— А я Терем из Стоки, — ответил второй.

Тогда Эстравен рассмеялся, потому что был еще слаб, и сказал:

— Ты вернул меня к жизни, чтобы убить, Стоквен?

Тот ответил:

— Нет.

Он взял Эстравена за руку, как бы желая проверить, вышел ли из нее холод. И хотя до кеммера Эстравену

оставалось день или два, при этом прикосновении он почувствовал, как в нем самом просыпается огонь.

Некоторое время они сидели, взявшись за руки.

— Одинаковые,— сказал Стоквен.

Он указал на свою ладонь и ладонь Эстравена. И действительно, их руки были одинаковыми по величине и форме, как будто один человек сложил свои ладони.

— Я никогда не видел тебя раньше,— сказал Стоквен.— Мы смертельные враги.

Он встал, подбросил в очаг дров и вернулся к Эстравену.

— Мы смертельные враги,— повторил Эстравен.— Я дам тебе клятву кеммеринга.

— А я тебе,— ответил тот.

И они дали обет кеммеринга друг другу, а в земле Карм, как и сейчас, этот обет не мог быть ни нарушен, ни заменен другим. Эту ночь и следующий день они провели в лесном доме у замерзшего озера. На следующий день к дому подошел отряд из Стоки. Один из прибывших узнал Эстравена. Не говоря ни слова, он ударил ножом в его грудь, и молодой человек упал мертвым.

— Он был наследником Эстре,— проговорил убийца. Стоквен сказал:

— Положите его на сани и отвезите в Эстре для погребения.

Он вернулся в Стоки. Люди положили тело Эстравена в сани, но увезли его в лес и оставили там на съедение зверям, а сами вернулись в Стоки. Терем стоял рядом со своим родителем по плоти, лордом Хариш рем ир Стоквен. Он спросил:

— Вы сделали то, что я велел?

Они ответили:

— Да.

— Вы лжете,— заявил Терем.— Вы никогда бы не вернулись из Эстре живыми. Эти люди не выполнили мое приказание и солгали, чтобы скрыть свою неправду, свое неповиновение. Я требую для них наказания.

И лорд Хариш изгнал их из очага и объявил вне закона.

Вскоре после этого Терем покинул свой домейн, сказав, что хочет немного пожить в крепости Ротерер, и целый год не возвращался в Стоки.

В домейне Эстре долго искали Арека в горах и на равнине и горевали о нем все лето и всю осень, потому что он был единственным ребенком лорда по плоти.

Но в конце месяца Терк, когда стояла глубокая тьма зимы, с гор на лыжах спустился человек и отдал привратнику у ворот сверток в мехах, сказав:

— Это Терем, сын сына Эстре.

Он исчез, быстрый, как падающий камень, и никто не сумел задержать его.

В свертке лежал новорожденный ребенок.

Его отнесли к лорду Эстре и передали ему слова незнакомца. Старый лорд, полный горя, увидел, что ребенок как две капли воды похож на его сына Арека. Он приказал, чтобы ребенка растили во внутреннем очаге, и назвали его Терем, хотя это имя и не использовалось в клане Эстре.

Ребенок рос красивым и сильным. Он был смуглым и молчаливым, и все видели в нем сходство с пропавшим Ареком. Когда он вырос, лорд Эстре назвал его своим наследником, но сыновья кеммеринга лорда разгневались. Это были все сильные люди, они долго ждали наследства. Они устроили засаду на юного Терема, когда он отправился охотиться на пестри в месяц Иррем. Но он был вооружен, и они не сумели застать его врасплох. Двоих братьев он застрелил в тумане, который густым покрывалом окутал озеро Айсфут, а с третьим сразился на ножах и убил его, хотя и сам был жестоко изранен. Он стоял над телами братьев в тумане на льду и видел, что приближается ночь. Он слабел, кровь текла из его ран, и он подумал, что найдет помощь в деревне Эбос, но в сгущавшейся тьме он сбился с пути и забрел в лес торе на восточном берегу озера. Увидев заброшенный дом, он вошел в него и, слишком слабый, чтобы разжечь огонь, упал на холодные камни очага.

Ночью в дом пришел человек. Он остановился у входа и молча смотрел на окровавленного юношу, лежавшего у очага, потом торопливо вошел, уложил раненого в постель, разжег огонь в очаге, промыл раны Терема и перевязал его. Увидев, что молодой человек смотрит на него, он сказал:

— Я Терем из Стоки.

— А я Терем из Эстре.

Наступило молчание. Наконец молодой человек улыбнулся и сказал:

— Ты перевязывал мои раны, чтобы убить меня, Стоквен?

— Нет,— ответил старший.

Эстравен спросил:

— Как случилось, лорд Стоквен, что ты тут один, на этой спорной земле?

— Я часто прихожу сюда,— признался Стоквен.

Он взял руку молодого человека, чтобы проверить его пульс, и увидел, что руки у них одинаковые.

— Мы смертельные враги,— сказал Стоквен.

Эстравен ответил:

— Мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен ответил:

— Однажды я видел тебя давным-давно,— сказал он.— Я хочу, чтобы между нами и нашими домами был мир.

Эстравен сказал:

— Я дам тебе клятву мира.

Они дали клятву мира и больше не разговаривали. Раненый уснул. Утром Стоквен ушел, а из Эбоса пришли люди и унесли Эстравена в Эстре. Теперь больше никто не мог противиться воле старого лорда. Все видели три тела на льду озера, и после смерти лорда Терем стал лордом дома Эстре. Он немедленно прекратил старую вражду, отдав половину спорной земли домейну Стоки. За это и за убийство своих братьев он был прозван Эстравен-предатель, но его имя — Терем — по-прежнему дают детям этого домейна.

10

На следующее утро, когда я кончал завтракать в своей комнате в доме Шуегиса, звякнул домашний телефон. Я включил его, оттуда послышался голос, говоривший по-кархидски:

— Говорит Терем Харт. Могу ли я войти?

— Пожалуйста.

Я хотел быстрее отделаться от него.

Ясно, что никаких отношений между Эстравеном и мной не может быть. Даже если его разжалование и изгнание частично можно было отнести на мой счет, я не чувствовал себя виноватым. Ни его поступки, ни их мотивы не были мне ясны в Эрхенранге, и я не мог доверять ему. Я бы не хотел, чтобы он связывался с теми орготами, которые, как я считал, одобряли мою миссию. Его присутствие было осложнением и помехой.

Один из многочисленных слуг ввел его в мою комнату. Я усадил его в мягкое кресло и предложил вы-

пить эля. Он отказался. Его манеры были не то чтобы сдержанными, а какими-то напряженными.

— Первый настоящий снег,— сказал он, заметив, что я смотрю на плотно занавешенное окно.— Вы еще не смотрели на улицу?

Я выглянул и увидел густой снег. Улицы и крыши были укутаны им. За ночь снег выпал толщиной 2—3 дюйма. Был Одарха Гор — одиннадцатый день первого осеннего месяца.

— Ранний снег,— проговорил я, очарованный этим зрелищем.

— Он предсказывает суровую зиму.

Я оставил занавес незадернутым. Тусклый свет падал на смуглое лицо Эстравена. Он выглядел состарившимся с тех пор, как я его в последний раз видел в доме в Красном Углу во дворце Эрхенранга. Он, должно быть, узнал трудные времена.

— Вот то, что меня просили передать вам, Эстравен,— сказал я.

Я отдал ему сверток с деньгами, который после его звонка я выложил на стол. Он взял его и серьезно поблагодарил меня. Я не сел. Немного погодя, по-прежнему держа сверток в руках, он встал.

Что-то говорило мне, что я поступаю неверно, но я не обратил на это чувство внимания. Я не хотел, чтобы он приходил ко мне. Он посмотрел на меня. Конечно, он был ниже ростом и плотнее, но в этот момент мне не казалось, что он смотрит снова снизу вверх. Я не встретился с его взглядом. Я с абстрактным интересом рассматривал радиоприемник на столе.

— Не следует верить всему, что передают здесь по радио,— вежливо сказал он.— Мне кажется, что здесь, в Мишпори, вы будете нуждаться в помощи и совете.

— Похоже, здесь много людей, готовых помочь мне.

— И в их количестве безопасность? Десять человек более достойны доверия, чем один? Но простите, мне не следовало говорить по-кархидски.

Он перешел на орготский.

— Изгнанник не должен говорить на родном языке. В его устах этот язык горек. А орготский язык больше подходит для предателя: он похож на сладкий сироп. Мистер Ай, вы оказали услугу мне и моему старому другу и кеммерингу Аше Форгету, и его именем и своим собственным я прошу о своем праве. Моя благодарность примет форму совета.

Он помолчал. Я ничего не сказал.

Раньше я никогда не слышал о такой местной вежливости. И я понятия не имел, что она означает. Он продолжал:

— Здесь, в Мишпори, вы не то, чем были в Эрхенранге. Здесь вы орудие фракционной борьбы. Советую вам быть осторожным и не позволять им использовать себя. Советую не доверять ни одной фракции. Они могут использовать вас лишь во зло.

Он замолчал, я уже хотел попросить его выразиться с большей определенностью, но он сказал:

— Прощайте, мистер Ай!

Повернулся и вышел. Я стоял, ошеломленный. Этот человек подобен электрическому угрею — не за что ухватиться и не знаешь, что тебя ударило.

Он окончательно испортил настроение мирного самодовольствия, в котором я пребывал за завтраком. Я подошел к узкому окну и выглянул. Снег немного поредел, и картина была прекрасна. Хлопья снега напоминали лепестки вишни, падающие под порывами ветра на моей родине: на Земле, на зеленой теплой Земле весной деревья покрываются цветами. Я почувствовал тоску по родине. Два года я провел на этой планете, начинается третья зима — месяцы безжалостного холода, снега, льда, ветра, холода снаружи и внутри, холода до костей и до мозга костей. И все это время я один, совершенно один, не могу доверять ни единой душе. Бедный Дженри, может быть, мы поплачем? Я видел, как на улицу из дома вышел Эстравен — темная фигура на фоне белого снега — осмотрелся, плотнее затянул пояс своего хеба — пальто у него не было — и пошел по улице, двигаясь грациозно и быстро, как будто был единственным живым существом в Мишпори.

Я отвернулся от окна. В теплой комнате было душно и тесно: обогреватель, мягкие кресла, кровать со множеством теплых одеял, ковры, занавеси.

Надев зимнее пальто, я вышел погулять. Настроение у меня было плохое, и окружающий мир казался ужасным.

В этот день я обедал с сотрапезниками Оболе, Еджеем и еще несколькими, с которыми познакомился накануне. Обычно обедают здесь стоя, чтобы не создавалось впечатление, что человек целый день проводит за столом. Однако в этом случае были приготовлены сидения. Стол был разнообразным — восемнадцать или двадцать горячих и холодных блюд, в основном вареных яиц и хлебного яблока. Не начиная есть, чтобы не нарушать общепринятого табу на деловые разговоры

за едой, но накладывая себе на тарелку жареные яйца, Оболе заметил:

— Вон тот парень по имени Мерсен — эрхенрангский шпион, а вот этот Гаум, агент Сарфа.

Он говорил негромко и смеясь, как будто удачно пошутил.

Я понятия не имел, кто такой Сарф.

Когда все усаживались за стол, к хозяину Еджею подошел молодой человек и что-то сказал. Еджей громко произнес:

— Новости из Кархида. У короля Аргавена сегодня утром родился ребенок и через час умер.

Наступила пауза, потом все разом заговорили, а красивый человек, которого Оболе назвал Гаумом, поднял свою пивную кружку:

— Пусть все короли Кархида проживут так же долго! — воскликнул он.

Некоторые выпили вместе с ним, но большинство не стало этого делать.

— Во имя Меше, смеяться над смертью ребенка! — укоризненно воскликнул толстый старик в пурпурном, сидевший рядом со мной.

Лицо его исказилось от отвращения.

Начался спор о том, кого из детей своих кеммерингов Аргавен назовет наследником, ему уже сорок лет, и, конечно, детей по плоти у него уже не будет, и как долго Тайб еще будет регентом. Некоторые считали, что регентству приходит конец, другие сомневались.

— Как вы думаете, мистер Ай? — спросил человек по имени Мерсен, которого Оболе назвал кархидским шпионом. Вероятно, это был человек Тайба. — Вы ведь только что из Эрхенранга. Говорят, что Аргавен в сущности отрекся от престола, передав сан своему двоюродному брату.

— Я слышал такие разговоры.

— Вы считаете, что для них есть основания?

— Не знаю, — отрезал я.

Тут вмешался хозяин, заговорил о погоде. Гости начали есть.

После того, как слуги унесли тарелки и горы рыбьих костей, мы остались за длинным столом. Принесли маленькие чашки с огненной жидкостью. Меня начали спрашивать.

С тех пор, как меня в Эрхенранге осматривали врачи и ученые, мне никто не задавал вопросов. Мало кто из кархидцев, даже рыбаки и фермеры, среди которых

я провел первые месяцы, стремились удовлетворить свое любопытство. Они избегали прямых вопросов. Вопросы и ответы им не нравились. Я вспомнил, что говорил мне о вопросах Ткач Фейкс в крепости Стерхед. Даже специалисты ограничивались в своих вопросах чисто физиологическим аспектом, главным образом интересуясь действием желез внутренней секреции. В этом отношении я больше всего отличался от гетенианцев. Они никогда не спрашивали о том, как постоянная сексуальность всей расы влияет на социальную организацию, как мы справляемся с нашим постоянным кеммером. Психологи слушали, когда я говорил им о мозговой речи, но ни один из них не задал общих вопросов, чтобы представить себе картину земного или экуменийского общества. Пожалуй, исключением был только Эстравен.

Здесь, по-видимому, люди не так связаны соображениями гордости и престижа, и вопросы не оскорбляли ни спрашивающего, ни отвечающего. Однако скоро я заметил, что некоторые спрашивающие пытались поймать меня, доказать, что я обманщик. Это на минуту вывело меня из равновесия. Конечно, и в Кархиде я встречался с недоверием, но никогда с таким откровенным. Тайб пытался намекать на обман в день парада в Эрхенранге, но теперь я знаю, что это была часть игры, рассчитанной на свержение Эстравена. Я думаю, что на самом деле Тайб верил мне.

В конце концов, он видел мой корабль — маленькую посадочную шлюпку, которая доставила меня на планету. Он читал доклады инженеров о корабле и ансамбле. Никто из орготов не видел мой корабль, даже если бы я показал им свой ансамбль, это не очень убеждает. Его настолько трудно совместить с реальностью, что скорее он покажется доказательством мошенничества.

Старый закон о культурном эмбарго не разрешал на этой стадии ввоз доступных для анализа и воспроизведения предметов культуры, и поэтому со мной не было ничего, кроме корабля и ансамбля, ящика с фотографиями, несомненной странности моего тела и неопровержимой уникальности разума, фотографии передавались вдоль стола и рассматривались с тем непроницаемым выражением, с которым рассматривают фотографии чьей-либо семьи.

Расспросы продолжались.

— Что такое Экумен? — спросил у меня Оболе. — Мир, союз миров или столица?

— Все и в то же время ничего из этого. Экумен —

это наше земное слово, на всеобщем же языке оно означает дом, по-кархидски могу сказать — очаг. Я не знаю, как сказать по-орготски. Я еще плохо владею вашим языком. Не сотрапезничество, мне кажется, хотя есть несомненные параллели между сотрапезническим правительством и Экуменом. Но Экумен — это вовсе не правительство. Это попытка объединить мистику с политикой, и, конечно, эта попытка едва не потерпела неудачу. Но неудача дала нашему обществу больше выгод, чем удачи наших предков. Это сообщество, имеющее свою культуру. Это форма образования, в некотором аспекте это союз или лига миров, обладающих некоторой центральной организацией. В этом аспекте я и представляю эту лигу. Экумен как политическая организация функционирует через координацию, а не по закону. Он не издает законы, решения принимаются советом. Как экономическая организация Экумен исключительно активен, он укрепляет коммуникации между мирами, поддерживает равновесие в торговле среди восьмидесяти миров. Точнее восьмидесяти четырех, если Гетен вступит в Экумен.

— Что это значит — не издает никакого закона? — спросил Оболе.

— Их нет. Государства — члены руководствуются собственными законами. Когда эти законы вступают в противоречие, Экумен служит посредником, пытаюсь найти компромисс, приспособить эти законы друг к другу в юридическом и политическом отношении. Экумен должен был служить силой, поддерживающей мир, но в этом не было необходимости. Центральные миры все еще оправляются от разрушительной войны, шедшей много столетий назад, возрождая утраченные умения и идеи, учась жить заново.

Как мог, я объяснил им, что такое Вражеский Век и каковы его последствия. Но как это объяснишь людям, у которых никогда не было войны.

— Все это исключительно интересно, мистер Ай, — сказал хозяин, сотрапезник Еджей, деликатный, щегольски одетый человек с пронзительными глазами, — но я не понимаю, чего они хотят от нас. То есть, я хочу узнать, какой им смысл присоединять к себе восемьдесят четвертый мир? К тому же, не очень-то мудрый мир. У нас нет звездных кораблей и всего прочего, что есть у них.

— Ни у кого из нас их не было, пока не появились хейнцы, и до сих пор у многих их не было бы, если бы

Экумен не установил правила, которые вы, я думаю, могли бы назвать правилами открытой торговли.

Это вызвало у окружающих громкий смех. Оказывается, так называлась фракция Еджея в сотрапезничестве.

— Именно открытую торговлю я и стараюсь ввести у вас. Торговлю не только товарами, но и знаниями, технологией, идеями, философией, искусством, медициной, наукой, теорией. Думаю, что вряд ли у Гетена будет много путешествий к другим мирам. Мы находимся в семнадцати световых годах от ближайшего экуменийского мира Оллула, планеты звезды, которую вы называете Аеномс, а самые далекие миры — в двухстах пятидесяти световых годах, и вы даже не видите света их звезды. При помощи ансамбла вы можете общаться с мирами, как по радио с соседними городами. Но я сомневаюсь, что вы встретитесь когда-либо с его людьми. Торговля, о которой я говорю, может быть очень выгодна, но это скорее коммуникация, чем транспортировка. В сущности, мое задание — установить, хотите ли вы общаться с остальной частью человечества.

— «Вы», — повторил Оболе, напряженно наклонившись вперед. — Означает ли это Оргорейн или весь Гетен в целом?

Я поколебался: такого вопроса я не ждал.

— Сейчас это означает Оргорейн, но договор не может быть исключительным. Если Сит или остров Наций, или Кархид решат вступить в Экумен, они смогут это сделать. Каждый раз это вопрос индивидуального выбора. Обычно на высокоразвитых планетах типа Гетена дело кончается объединением всех наций и образованием центрального координирующего органа, осуществляющего связь с другими планетами. По нашей терминологии, это местная Стабильность. Такая организация сберегает много времени и денег. Объединившись, легче, например, построить космический корабль.

— Клянусь молоком Меше! — воскликнул толстый Хумери рядом со мной. — Вы хотите, чтобы мы улетели в небо? Уф!

Он с отвращением и негодованием фыркнул.

Гаум спросил:

— А где ваш корабль, мистер Ай?

Вопрос он задал негромко, улыбаясь, как будто он был совершенно незначительным и случайным. Гаум был исключительно красив по любым стандартам, и я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на него, отвечая. И снова подумал, что же такое Сарф.

— Это не секрет, об этом много раз говорилось по кархидскому радио. Ракета, высадившая меня на острове Хорден, сейчас в королевских мастерских в школе ремесел, вернее, то, что от нее осталось. Когда ее исследовали, вероятно, немало деталей было снято.

— Ракета? — переспросил Хумери.

Я использовал орготское слово, обозначающее пиротехническую ракету, шутиху.

— Это слово неплохо передает принцип движения моей шлюпки, сэр.

Хумери опять фыркнул. Гаум лишь улыбнулся и осведомился:

— Значит, у вас нет способа вернуться... словом, туда, откуда вы пришли?

— Почему же? Я могу связаться по ансиблу с Оллулом и оттуда вышлют за мной корабль типа «Нафал». Правда, ему потребуется семнадцать лет, чтобы добраться сюда. Или я могу вызвать по радио тот корабль, который доставил меня в вашу солнечную систему. Он сейчас находится на орбите вокруг нашего солнца. Через несколько дней он будет здесь.

Слова мои вызвали совершенно явную сенсацию, и даже Гаум не смог скрыть своего изумления. Этот факт я никому не сообщал, даже Эстравену в Кархиде.

— Где же этот корабль? — спросил Еджей.

— Он кружит вокруг солнца где-то между Гетеном и Кухурком.

— Не шутите, — сказал старый Хумери.

— Совершенно верно. Мы не приземляемся в межзвездных кораблях, пока не устанавливается сообщение. Я прибыл в маленькой ракетной лодке и высадился на острове Хорден.

— И вы можете связаться с большим кораблем при помощи обычного радио? — поинтересовался Оболе.

— Да.

Я не стал упоминать о маленьком спутнике, выпущенном мною с ракеты. Мне не хотелось, чтобы у них сложилось впечатление, что все их небо занято моим металлическим хламом.

— Нужен достаточно мощный передатчик, но у нас такие есть.

— Значит, и мы можем вызвать ваш корабль по радио?

— Да, если у вас есть соответствующий шифр. Люди на борту находятся в состоянии, которое мы называем статисом или гибернацией. Они не тратят время своей

жизни, пока я здесь выполняю свое задание. Соответствующий сигнал на нужной волне приведет в движение механизмы, которые выведут людей из статиса. После этого они свяжутся со мной по радио или ансиблу, используя Оллул в качестве постоянного центра.

Кто-то тревожно спросил:

— Сколько их?

— Одиннадцать.

Все с облегчением вздохнули, кто-то даже рассмеялся. Напряжение спало.

— А что, если вы не свяжетесь с ними? — спросил Оболе.

— Через четыре года они автоматически выйдут из статиса.

— Тогда они явятся за вами?

— Нет, пока не поговорят со мной. Они проконсультируются со стабиями на Оллуле и Хейне по ансиблу. Вероятнее всего, они решат сделать еще одну попытку — послать другого посланника. Второму посланнику часто бывает легче работать, чем первому. Ему приходится меньше объяснять, и люди охотнее ему верят.

Оболе улыбнулся, большинство остальных выглядело задумчивыми и настороженными, а Гаум слегка кивнул мне, как бы одобряя быстроту ответа. Слове о чем-то напряженно думал. Вдруг он резко повернулся ко мне:

— Почему, мистер посланник, вы никогда не упоминали об этом другом корабле за все два года в Кархиде?

— Откуда нам знать, что он этого не делал? — перебил его Еджей.

Он улыбнулся.

— Не делал, — подтвердил я. — И вот почему. Корабль, ждущий где-то наверху, может испугать. Вероятно, некоторые из вас чувствуют это. В Кархиде мне никогда не удавалось дойти до такой степени доверия, чтобы я мог упомянуть об этом корабле. Но здесь вы меня охотно слушаете, и не втайне, а открыто и публично. Вами не так правит страх, как в Кархиде. Я пошел на риск, потому что считаю его необходимым. И Оргорейн — самое подходящее место.

— Вы правы, мистер Ай! — с воодушевлением заверил Слове. — Через месяц вы вызовете ваш корабль, и его встретят здесь в Оргорейне как добрый знак новой эры. Тогда у всех откроются глаза!

Так продолжалось до самого ужина. Потом мы ели, пили и разошлись по домам. Я очень устал, но был доволен тем, как идут дела.

Конечно, остаются кое-какие препятствия.

Слове хочет сделать из меня новую религию. Хочет доказать, что я обманщик. Мерсен, по-видимому, стремится доказать, что он не кархидский агент, намекая, что таким агентом являюсь я. Но Оболе, Еджей и некоторые другие действуют на самом сносном уровне. Они хотят общаться со стабиями и привести на землю Оргорейна корабль «Нафал», чтобы убедить все сотрапезничество присоединиться к Экумену. Они считают, что, поступив так, Оргорейн одержит победу над Кархидом и что сотрапезники, организовавшие эту победу, получают соответствующий престиж и власть в своем правительстве. Их фракция открытой торговли, находящаяся в меньшинстве среди тридцати трех, противилась продолжению конфликта из-за долины Синот и в основном представляла консервативную националистическую политическую линию. Фракция уже давно потеряла власть и считала, что может вернуть ее на пути, указанном мной.

То, что они не способны были заглянуть дальше и увидеть, что мои мысли и моя миссия означает конец их фракции, меня устраивало. Ступив на дорогу, они начнут понимать, куда она ведет. Оставаясь недалёковидными, они все же были реалистичны.

Оболе, убеждая других, говорил:

— Либо Кархид испугается силы, которую этот союз даст нам — а Кархид всегда боится всего нового, — отступит и останется позади, либо правительство Эрхенранга наберется храбрости и попросит разрешения присоединиться к союзу вслед за нами. В обоих случаях шифгретор Кархида пострадает, в обоих случаях мы будем править санями. Если у нас хватит разума воспользоваться этим случаем, он обеспечит нам преимущество. И надолго!

Потом он повернулся ко мне.

— Но Экумен должен помочь нам, мистер Ай. Нам нужно показать своему народу кое-что еще, кроме вас, одного человека, к тому же уже известного в Эрхенранге.

— Понимаю, сотрапезник. Вам необходимо хорошее убедительное доказательство, и я с радостью предоставляю его. Но я не могу вызвать корабль, пока не обеспечены его безопасность и ваше единодушие. Мне нужно согласие вашего правительства и гарантии. Я считаю, что такой гарантией будет публичное оповещение всего сотрапезничества.

Оболе кисло посмотрел на меня, но сказал:

— Ну, конечно.

Когда мы ехали домой, я спросил:

— Мистер Шуегис, кто такой Сарф?

— Он глава постоянного бюро Внутренней Администрации, занимается подложными документами, торговлей без разрешения, регистрацией, контрабандой.

— Значит, инспекторы — агенты Сарфа?

— Да, многие.

— И полиция тоже находится в его распоряжении до какого-то предела?

Я задал вопрос осторожно и получил такой же осторожный ответ.

— Возможно. Сам я состою во внешней администрации и не знаю подробностей, как у них там во внутренней.

— Но они должны пересекаться. Так, например, с инспекцией вод.

Я, как мог осторожнее, отошел от вопроса о Сарфе. То, что сказал Шуегис, могло ничего не значить для жителя Хейна или, скажем, для жителя счастливого Чифферса. Но я родился на Земле. Не всегда плохо иметь преступных предков. Дед, испытавший ожог, передает внуку по наследству нос, который издалека чувствует запах дыма.

Было удивительно найти здесь, на Гетене, столько совпадений с древней историей Земли: монархия, крайне бюрократическое правительство.

Итак, старающийся представить меня лжецом не был агентом тайной полиции Оргорейна. Знал ли Гаум, что Оболе считает его таковым? Несомненно, знал.

Не был ли он в таком случае агентом-provокатором? И действительно ли он номинально с фракцией Оболе или против нее?

Какую же фракцию в правительстве тридцати трех контролировал Сарф или какая контролировала его? Мне следовало выяснить все это, хотя задача могла оказаться нелегкой. Мой курс, который совсем недавно казался ясным и обнадеживающим, вдруг начал выглядеть сомнительным и полным тайн, как в Эрхенранге. Все шло хорошо, подумал я, пока рядом со мной вчера вечером не появился, как привидение, Эстравен.

— Какова позиция лорда Эстравена здесь, в Мишпори? — спросил я Шуегиса, который забился в угол плавнодвигающегося экипажа и как будто уснул.

— Эстравена? Его здесь зовут Харт, у нас в Оргорейне нет титулов, все отменено Новой Эпохой. Он подчиненный сотрапезника Еджея.

— Он здесь живет?

— Я думаю, да.

Я уже собирался спросить: не странно ли, что я увидел его вчера у Слове и не увидел сегодня у Еджея, но тут же понял, что в свете нашего короткого утреннего свидания это совсем не странно. Но мысль о том, что его сознательно не допускали ко мне, была тревожной.

— Его отыскиали,— сказал Шуегис, поудобнее усаживаясь на мягком сидении,— где-то на южной стороне на консервном заводе или на фабрике клея — в общем, в каком-то таком месте,— и вытащили из грязи. Кто-то из фракции открытой торговли, я думаю. Конечно, он был полезен для них, когда был премьер-министром и членом кноремми, поэтому они поддержали его сейчас. Главным образом для того, я думаю, чтобы досадить Мерсену. Ха-ха! Мерсен — шпион Тайба, и, конечно, думает, что об этом никто не знает, но знают все, он не выносит вида Харта, думает, что тот предатель или двойной агент и бог знает, кто еще.

— А как вы думаете, мистер Шуегис, кто такой Харт?

— Предатель, мистер Ай. Просто и ясно. Отказался от требования своей страны на долину Синот в надежде помешать Тайбу захватить власть, но ничего не добился: У нас его ждало бы худшее изгнание, клянусь сосками Меше! Если играешь против своей страны, рискуешь проиграть все. Этого не понимают те, кто лишен патриотизма. Впрочем, думаю, Харта не слишком беспокоит его положение, пока он может рассчитывать хоть на какую-то видимость власти. Он неплохо прожил эти пять месяцев здесь.

— Наверное, неплохо.

— А вы ему не доверяете?

— Нет.

— Я рад это слышать, мистер Ай. Не понимаю, что Еджей и Оболе нашли в нем. Он явный предатель, всегда заботится лишь о себе и старается править нашими санями. Я так во всяком случае считаю, мистер Ай. Не думаю, чтобы я дал ему волю, если бы это от меня зависело.

Шуегис яростно кивнул, одобряя собственное мнение, и улыбнулся мне, как один добродетельный человек другому. Экипаж плавно двигался по широкой, ярко освещенной улице. Утренний снег стоял, лишь вдоль обочины лежали продолговатые сугробы. Шел холодный дождь.

Большое здание Центрального Мишпори, правительственные учреждения, школы, йомештские храмы в дож-

де жалко блестели и, казалось, тоже таяли. Углы их слились, фасады прогнулись. В тяжелой каменности города было что-то жидкое, непостоянное, как и в монолитности всего государства, где целое и часть назывались одним словом. И в Шуегисе, моем веселом хозяине, тяжелом и устойчивом человеке, тоже было что-то расплывчатое, неуловимо смутное, немного нереальное.

С самого начала своего путешествия по золотым горам Оргорейна четыре дня назад, начиная свое движение к святой святым Мишпори, я что-то упустил. Но что?

Комнаты теплые, еда безвкусная, но какая в этом беда? Почему и люди, которых я встретил, тоже кажутся мне безвкусными? Среди них были яркие личности — Оболе, Слове, прекрасный Гаум. И все же каждому из них не хватало какого-то качества, какого-то измерения, свойственного живым существам. Они были неубедительные. Они казались какими-то нереальными.

Как будто, подумал я, они не отбрасывают тени.

Размышления такого типа составляют существенную часть моей работы. Без определенной способности к ним я не получил бы квалификацию мобиля. Впоследствии я развил эти способности, обучаясь на Хейне и зарабатывая звание Проницательного.

Я никогда не был выдающимся проницательным, а в этот вечер вообще усомнился в своих способностях. Оказавшись в своей комнате, я искал утешения в горячем душе. Но даже здесь я чувствовал себя беспокойно, как будто сама горячая вода была нереальной. И ее не следовало принимать в расчет.

11

Мишпори. Стрет Саоми. Развитие событий внушает некоторую надежду. Оболе торгуется с другими сотрапезниками, Еджей произносит льстивые речи, Слове обращает других в свою веру и силы их последовательно растут. Они проницательные люди и крепко держат в руках свою фракцию. Только семеро из тридцати трех открыто причисляют себя к фракции открытой торговли. Что касается остальных, то Оболе рассчитывает завоевать поддержку еще десятерых, получив тем самым большинство.

Один из них, по-видимому, всерьез интересуется посланником — сотрапезник Инспен из района Эйньен, ко-

торый работает с Сарфом и занимается передачами, которые мы вели из Эрхенранга. Очевидно, они подействовали на его сознание.

Он предложил Оболе, чтобы Тридцать Три объявили о своем приглашении звездного корабля не только в своей стороне, но и в Кархиде, предложив Аргавену решительно присоединиться к этому приглашению. Благородный план, но его не приняли. Они не хотят, чтобы Кархид в чем-то присоединялся к ним.

Люди Сарфа среди Тридцати Трех противятся любому соображению о присутствии посланника и его миссии. Что касается равнодушных и осторожных, кого Оболе надеется склонить на свою сторону, я думаю, они боятся посланника не меньше, чем Аргавен, с той лишь разницей, что Аргавен считает его сумасшедшим, как он сам, а они лжецом, как они сами. Они боятся поддаться обману, изобретенному Кархидом. Они пригласили посланника, пригласили публично, каков же будет их шифгретор, если никакого звездного корабля не окажется.

Несомненно, Дженли Ай требует от нас необычной доверчивости.

Оболе и Еджей думают, что сумеют уговорить большинство из Тридцати Трех. Не знаю, почему я меньше надеюсь на это. Возможно, в глубине души я не хочу, чтобы Оргорейн оказался более просвещенным, чем Кархид, чтобы он пошел на риск, выиграл бы, обогнал бы Кархид и оставил его в тени. Если эта ревность патриотическая, то она пришла слишком поздно. Как только я понял, что Тайб скоро одолеет меня, я начал делать все возможное, чтобы посланник оказался в Оргорейне, а в изгнании делал все, чтобы убедить их в его правдивости.

Благодаря деньгам, которые он принес от Аше, я снова живу независимо, не встречаясь открыто с Оболе и другими сторонниками посланника, а самого посланника не видел уже полмесяца, с его второго дня в Мишпори.

Он отдал мне деньги Аше, как отдают наемному убийце его плату. Я не часто бывал так разгневан и сознательно оскорбил его.

Он знал, что я рассержен, но я не уверен, что он понял, что его оскорбили.

Похоже, что он принял мой совет, несмотря на форму, в которой его преподнесли. Когда я остыл я увидел это, я забеспокоился. Неужели в Эрхенранге он ждал моего совета, не зная, как попросить об этом? Если

так, значит он неверно понял половину того, что я сказал ему в последний вечер в моем доме, и совсем не понял остального. Его шифгретор, видимо, основан совсем на иных принципах, чем наш, и когда я думал, что говорю с ним наиболее откровенно, он считал, что я наиболее скрытен и уклончив.

Его бестолковость — невежество. Его высокомерие — невежество. Он не знает нас, а мы — его. Он бесконечно чужд нам, а я — глупец, позволивший, чтобы моя тень пересекла свет принесенной им надежды.

Мне нужно сдерживать свое тщеславие. Мне нужно уйти с его пути. Ясно, что он этого хочет, и он прав. Изгнанный кархидский предатель недостойн доверия.

В соответствии с орготским законом, которому каждый присоединившийся обязан следовать, я с восьмого часа до полудня работаю на фабрике пластмасс. Работа легкая. Я управляю машиной, которая из кусков пластика сваривает маленькие прозрачные ящики. К полудню устав, я должен обратиться к старой школе, которую изучил в Ротерере. Я рад тому, что не утратил умения собирать силы. Но ведь я выдержал лишь один день, а все тело болит у меня неделю! Месяц!

Ночью холодно. Сегодня вечером резкий ветер принес ледяной дождь. Весь вечер я думал об Эстре. Я написал длинное письмо сыну. Снова и снова ощущаю я присутствие Арека. Казалось, стоит мне обернуться, и я увижу его. Зачем я это пишу? Для сына? Мало хорошего принесет эта запись. Может быть, я пишу, чтобы писать на родном языке.

Хархарад Саоми. По-прежнему, по радио ни одного упоминания о посланнике. Интересно, понимает ли Дженли Ай, что в Оргорейне, несмотря на всю видимость публичности, ничего не делается публично и открыто? Машинисты скрываются за машиной.

Тайб хочет научить Кархид лгать. Он берет уроки у Оргорейна — хорошая школа, но думаю, у него будут затруднения.

Большой орготский набег вчера через Эй, сожженный Текенбар. Именно этого хотят и Сарф, и Тайб. Но чем все это кончится?

Слове, обратив утверждение посланника в Йомештский мистицизм, заявил, что приход Экумена — начало правления Меше среди людей.

— Мы должны прекратить соперничество с Кархидом до прихода новых людей, — говорит он. — Мы должны очистить души перед их приходом, должны простить

все акты насилия и объединиться без вражды, как братья в одном очаге.

Но как сделать, чтобы они пришли? Как разорвать круг?

Гирни Саси. Оболе возглавляет комитет, который собирается запретить непристойные игры в общественных кеммер-домах.

Вероятно, они похожи на кархидские хухуд. Слове против них, потому что они тривиальны, вульгарны и святотатственны.

Противостоять чему-либо — значит, поддерживать его,

Здесь говорят: «Все дороги ведут в Мишпори». Даже, если повернешься спиной к Мишпори и пойдешь от него, все равно будешь на дороге к Мишпори. Противостоять вульгарности, значит, неизбежно быть вульгарным. Нужно идти куда-то еще, нужно иметь другую цель. Только тогда пойдешь по другой дороге.

Еджей в зале Тридцати Трех сказал сегодня:

— Я неизменно выступаю против блокады экспорта кархидского зерна и против того духа соперничества, который вызывает эту блокаду.

Верно, но таким способом не уйдешь с дороги, ведущей в Мишпори. Он должен предложить альтернативу. Оргорейн и Кархид вместе должны сойти с дороги, по которой идут, и пойти в другом направлении. Они должны разорвать круг. Я думаю, Еджей имеет в виду посланника.

Быть атеистом, значит, укреплять бога.

Его существование или несуществование означает одно и то же в плане доказательства. Слово «доказательство» не часто употребляется Жанндарами, они не склонны общаться с богом, как с субъектом или доказательством веры. Они разорвали круг и освободились.

Знать, на какие вопросы нет ответа, и не отвечать на них — в эпоху напряжения и тьмы этого самого нужного знания.

Торменвод Саоми. Мое беспокойство увеличивается: по-прежнему ни слова о посланнике по радио. Даже сообщения о нем, которые мы делали в Эрхенранге, не повторялись здесь, а слухи, возбуждаемые нелегальным подслушиванием нашего радио и приносимые торговцами и путешественниками, по-видимому, распространяются крайне узко.

Сарф более надежно контролирует все линии связи, чем я думаю. Эта возможность отвратительна. В Кархиде король и кноремми могут неплохо контролировать то, что делают люди, но мало — то, что они слышат, и совсем не могут контролировать то, что они говорят. Здесь правительство следит не только за каждым действием, но и за каждой мыслью. Ни один человек не должен иметь такой власти над остальными.

Шуегис и другие открыто принимают Дженли Ая в городе. Понимает ли он, что эта открытость маскирует его, что скрыт. Никто не знает, что он здесь. Я спрашивал своих товарищей по работе на фабрике. Они ничего не знают и решили, что я говорю о каком-то сумасшедшем йомештском сектанте.

Никакой информации, никакого интереса, ничего, что могло бы помочь Аю или защитить его жизнь.

Жаль, что он внешне так похож на нас.

В Эрхенранге люди часто указывали на него на улице, потому что слышали о нем и знали, что он в городе. Здесь, где его присутствие хранится в тайне, его никто не замечает. Они, несомненно, видят его, как увидел впервые я: необычайно высокий, сильный, смуглый юноша, только входящий в фазу кеммера. В прошлом году я изучил отчеты врачей о нем: его отличия от нас глубоки, но не лежат на поверхности.

Нужно знать о них, чтобы увидеть в нем чужака.

Почему они скрывают его? Почему ни один из сотрапезников не упоминает его в своих речах или выступлениях по радио?

Почему молчит даже Оболе? Из страха?

Мой король боялся посланника, эти боятся друг друга.

Я думаю, что Оболе доверяет только мне, иностранцу. Он получает удовольствие в моем обществе (как и я в его) и несколько раз, отбрасывая шифгретор, откровенно просил моего совета. Но когда я советую ему объявить о присутствии посланника, вызвать к нему общественный интерес, он словно не слышит меня.

— Если глаза всего Сотрапезничества будут устремлены к посланнику, Сарф не посмеет тронуть его,— говорю я.

Оболе отдыхает.

— Да, но мы не можем так сделать, Эстравен. Радио, печатные бюллетени, научные доклады — все это в руках Сарфа. Что же мне, произносить речи на углу улицы, как фанатичному жрецу?

— Но можно поговорить с людьми, пустить слухи. Я

проделал нечто подобное в прошлом году в Эрхенранге. Пусть люди знают и задают вопросы, а ответом на них будет сам посланник.

— Если бы только он вызвал этот проклятый корабль, чтобы у нас было что показать людям! Но пока...

— Он не вызовет корабля, пока не убедится, что вы действуете с добрыми намерениями.

— А разве нет? — воскликнул Оболе. — Разве я не уделяю много часов этому делу? Божья вера! Он ждет от нас, что мы поверим ему на слово, но не отвечает нам тем же!

— А должен ли он верить?

Оболе фыркнул и не ответил.

Он ближе к честности, чем любой правительственный деятель Оргорейна, насколько мне известно.

Олгетени Сасми. Чтобы стать высшим чиновником при Сарфе, нужно, по-видимому, проявить определенную глупость. Пример этому — Гаум. Он считает меня кархидским агентом, пытающимся лишить Оргорейн престижа, вовлекая его в грандиозный обман посланника Экумена. Он считает, что, будучи премьер-министром, я готовил этот обман. Клянусь богом, у меня были более важные дела! Он не способен понять это.

Теперь, когда Еджей, очевидно, выставил меня, Гаум решил, что меня можно подкупить, и попытался сделать это на свой манер.

Он внимательно следил за мной и знал, что я должен войти в кеммер в Росте или Торменбод. И вот прошлым вечером в стадии полного кеммера, несомненно вызванного гормональными инъекциями, он решил соблазнить меня. Произошла как бы случайная встреча на улице Пикафен.

— Харт, я не видел вас полмесяца. Где же вы прятались? Выпьете со мной эля?

Он выбрал ресторан с сотрапезническим общественным кеммер-домом и заказал не эль, а воду жизни: решил не тратить времени. После первого же стакана он взял меня за руку и прошептал:

— Мы встретились не случайно. Я ждал вас и прошу быть сегодня моим кеммерингом.

Он назвал меня по имени.

Я не отрезал ему язык: после ухода из Эстре я не ношу с собой нож. Я только сказал ему, что в изгнании решил придерживаться воздержания. Он продолжал ворковать, держа меня за руки. Он быстро входил в жен-

скую роль кеммера. Гаум прекрасен в кеммере и рассчитывал на свою красоту и половую привлекательность, зная, что я, будучи Жанндаром, не использую наркотические вещества для воздержания. Но он забыл, что цель может служить лучшим наркотиком. Я высвободился хотя его прикосновение, конечно, произвело на меня свое действие, и посоветовал ему поискать партнера в соседнем кеммер-доме. Он посмотрел на меня с ненавистью и сожалением, все же он, какими бы ни были его намерения, действительно находился в кеммере и был глубоко возбужден.

Неужели он думал, что я продамся за такую плату?

Будь они прокляты, эти грязные люди!

Среди них нет ни одного настоящего человека.

Орсордни Сасми. Сегодня Дженли Ай выступил в зале Тридцати Трех. Посторонние не допускались, не велась передача по радио, но позже Оболе показал мне собственную запись этой сессии. Посланник говорил хорошо, с трогательной искренностью и убежденностью. В нем есть невинность, которая мне кажется чуждой и глуповатой, но иногда эта невинность приоткрывает такую дисциплину ума и величия цели, которые внушают благоговение.

Через него говорят проницательные и величественные люди, владеющие глубочайшей древней мудростью и невероятно разнообразным жизненным опытом, но сам он молод, нетерпелив и неопытен. Он стоит выше нас, видит дальше, но все же он только человек.

Сейчас он говорит лучше, чем в Эрхенранге, проще. Он учится в процессе работы, как и все мы.

Его речь часто прерывалась выкриками членов господствующих фракций, требовавших, чтобы Президент остановил сумасшедшего. Наиболее шумным был сотрапезник Кменбей.

— Неужели вы проглотили эту чушь? — крикнул он Оболе.

Вот отрывок из записи:

Альшель (президент): Мистер Ай, мы находим эту информацию, переданную нам Оболе, Слове, Итеманом, Еджеем и другими, весьма интересной. Однако нам нужны кое-какие разъяснения (смех). Поскольку ваш экипаж, на котором вы прибыли, остался в Кархиде, и мы не можем осмотреть его, не смогли бы вы вызвать ваш звездный корабль? Так вы его называете?

Ай: Звездный корабль — хорошее название.

Альшель: Да? А как вы называете его сами?

Ай: Технически это надзвездный корабль с экипажем «Нафал-20».

Голос: А не сани святого Петета?

Смех.

Альшель: Прошу тишины. Да. Если бы вы могли вызвать корабль, чтобы он приземлился здесь, чтобы мы могли иметь несомненно...

Голос: Несомненную чушь!

Ай: Я очень хочу вызвать корабль, мистер Альшель, как доказательство и свидетельство нашей доброй воли. Я жду только предварительного публичного извещения об этом событии.

Кахаросайл: Разве вы не понимаете, сотрапезник, что это такое? Это не просто глупая шутка. Это преднамеренное публичное издевательство над нашей доверчивостью, над нашим легковерием, над нашей глупостью, издевательство, подготовленное с необычной наглостью тем, кто стоит сегодня перед нами. Вы знаете, что он кархидский агент. Вы видите перед собой отклонение того типа, что появилось в Кархиде под влиянием Темного Культа, которое там не лечат, но даже вызывают иногда искусственно для оргий предсказателей. И все же, когда он говорит: «Я из космоса», — кое-кто из вас закрывает глаза и верит! Никогда не представлял я себе такой возможности.

И так далее.

Судя по записи, Ай противостоял насмешкам и оскорблениям с терпением. Оболе тоже сказал, что он держался хорошо.

Я слонялся вокруг зала, ожидая, когда они выйдут после сессии Тридцати Трех. У Ая был задумчивый и угрюмый вид. И не зря.

Моя беспомощность невыносима. Я пустил эту машину в ход и теперь не могу контролировать ее. Я брожу по улицам, склонив голову, пытаюсь увидеть посланника. Ради этой жизни я отбросил власть, деньги, друзей. Какой же ты дурак, Терем!

Почему ты не мог заставить себя быть как все?

Одене Саоми. Устройство связи, которое Дженли Ай продемонстрировал по просьбе Оболе Тридцати Трем, не изменило их настроения.

Несомненно, оно действует, но королевский математик Корот сказал только:

— Я не понимаю принципов его работы.

И ни один орготский физик или математик не добьется большего, и ничто не будет доказано или опровергнуто.

Я еще не пробовал уговорить Оболе, чтобы он убедил Ая вызвать по радио корабль, разбудить экипаж на борту и попросить его связаться по радио с сотрапезниками в зале Тридцати Трех. На этот раз у Оболе был готовый ответ, почему этого нельзя сделать.

— Послушайте, мой дорогой Эстравен, вы теперь знаете, что радио под контролем Сарфа. Даже я не знаю, кто именно из людей Сарфа управляет связью. Несомненно, что их большинство, потому что они руководят приемом и передачей на всех уровнях, включая техников и рабочих. Они могут заблокировать или исказить любую передачу, даже если мы получим ее. Можете представить себе сцену в зале? Мы, жертвы великого обмана, слушаем с затаенным дыханием статистические разряды и ничего больше, никакого ответа, никакого послания.

— И у вас нет денег, чтобы нанять или подкупить техников? — спросил я. Бесполезно. Он боялся за свой престиж. Его отношение ко мне изменилось. Если он отменит свое приглашение посланника на вечер, дела плохи.

Одархед Саоми. Он отменил приглашение.

Наутро я решил увидеться с посланником в лучшем орготском стиле. Я не пошел к дому Шуегиса, где, должно быть, все кишело ищейками Сарфа, а окликнул его на улице — случайная встреча.

— Мистер Ай, не выслушаете ли вы меня?

Он удивленно оглянулся, узнав меня, забеспокоился, потом спросил:

— Что хорошего в этом, мистер Харт? Вы знаете, что я не могу полагаться на ваши слова после Эрхенранга.

Искренне, но и благородно. Он знал, что я хочу предложить ему совет, а не просить его о чем-нибудь, и заговорил, чтобы спасти мою гордость.

Я сказал.

— Это Мишпори, а не Эрхенранг. Но опасность та же самая. Вы не сможете убедить сотрапезников объявить по радио, а они не могут уговорить вас вызвать корабль. Вы в большой опасности, мистер Ай, и опасность станет меньше, если вы вызовете корабль.

— Дебаты сотрапезников, касающиеся моей миссии, хранятся в тайне. Откуда вы об этом знаете, мистер Харт?

— Дело моей жизни — знать.

— Но это не ваше дело. Это дело сотрапезников Оргорейна.

— Я говорю, вашей жизни угрожает опасность, мистер Ай.

Он ничего не ответил, и я ушел.

Мне следовало поговорить с ним раньше, сейчас слишком поздно. Страх победит его миссию и мою надежду. У орготов не хватит разума увидеть действительно великое и нужное. Они смотрят на человека из другого мира и видят... что? Шпион из Кархида, подобный им самим.

Если он немедленно не вызовет корабль, будет слишком поздно, может быть, уже поздно.

Это моя вина. Я все делал неверно.

12

Меше есть центр времени. Прозрение его наступило тогда, когда он прожил на земле тридцать лет, после этого он прожил на земле еще тридцать лет, так что момент прозрения пришелся на центр его жизни. И все века до прозрения длились столько же, сколько будут длиться после прозрения, которое совпадает с центром времени. И в Центре нет ни прошлого времени, ни будущего. В нем все прошедшее и все будущее, все, чего не было, и все, что было.

Ничто не остается невидимым.

Бедняк из Шени пришел к Меше, жалуюсь, что у него нет пищи для ребенка его плоти и нет зерна для посева, потому что дожди сгноили его урожай. И весь народ очага умирает с голоду. Меше сказал:

— Выкопай яму на каменистом поле в Туеррене и найдешь там клад из серебра и драгоценных камней. Я вижу короля, закапывающего клад десять тысяч лет назад, когда соседний король совершил на него нападение.

Бедняк из Шени копал в моренах Туеррена и там, где указал Меше, нашел клад древних драгоценностей и, увидев его, закричал от радости. Но стоявший рядом Меше заплакал и сказал:

— Я вижу человека, убивающего своего товарища по очагу из-за этих камней. Это будет через десять тысяч лет, и кости убитого будут лежать там, где лежит сокровище. О, человек из Шени, я знаю, где и твоя могила. Я вижу тебя в ней.

Жизнь человека находится в центре Времени, в момент прозрения Меше, в его глазах. Мы — зрачки его

глаз. Наши деяния есть его Прозрение, наше Бытие — его знание.

Дерево Хеммена в сердце Эрненского леса длиной и шириной в сто миль было старым и росло долго. У него было сто ветвей, и на каждой ветви по тысяче прутьев, а на каждом прутике по сто листьев. И дерево сказало:

— Все мои листья видны, кроме одного, который скрывается в тени других. И этот лист я храню в тайне. Кто увидит его во тьме моих листьев? Кто сочтет их число?

Меше, проходя по Эрненскому лесу в своих скитаниях, сорвал с дерева этот лист.

Осенью идут дожди, и шли, и будут идти.

Меше видит каждую каплю, которая падала, падает и будет падать.

Отвечая на вопрос лорда Шорта в момент прозрения, Меше увидел все небо, как будто это было одно солнце. Над землей и под землей все было ярко, как солнечная поверхность, и не было тьмы. Он увидел то, что есть, и то, что было, и то, что будет.

Улетающие звезды, которые забирают с собой свой свет, все были в его глазах и весь их свет сиял в один момент (Жанндара).

Тьма была лишь в глазах смертных*

Они думают, что видят ее, хотя на самом деле не видят ничего. Во взоре Меше тьмы нет.

Поэтому те, кто призывает тьму — глупцы и выплюнуты изо рта Меше, потому что они называют Истоком и Концом то, чего не существует.

Нет ни источника, ни конца, потому что все находится в центре времени. Как звезды могут отразиться в круглой дождевой капле, падающей в ночи, так и капля отражает все звезды. Нет ни тьмы, ни смерти, все существует в момент прозрения, и начало и конец всего — одно и то же.

Один центр, одно прозрение, один закон и один свет. Смотрите в глаза Меше!

* Это мистическое выражение одной из теорий, объясняющей гипотезу расширяющейся Вселенной, впервые предложенной математической школой Сита свыше четырех тысяч лет назад и принятое всеми позднейшими космогонистами, хотя метеорологические условия на Гетене не способствуют сбору наблюдательных данных по астрономии. Темп разбегания может быть определен по наблюдению звезд на ночном небе. Дело в том, что если бы вселенная не расширялась, ночное небо не было бы темным.

Встревоженный неожиданным появлением Эстравена, его знакомством с моими делами и яростной убежденностью его предупреждения, я нанял такси и отправился прямо к острову Оболе, собираясь спросить сотрапезника, откуда Эстравен знает так много, почему он внезапно выскочил откуда-то и советует мне сделать именно то, чего не советует Оболе. Сотрапезник отсутствовал, привратник не знал, где он и когда вернется. Я пошел к дому Еджея, но результат оказался не лучше. Шел густой снег. Мой шофер отказался везти меня дальше, чем до дома Шуегиса, так как у него не было подходящих для такого снега шин. Вечером мне не удалось связаться с Оболе, Еджем или Слове по телефону.

За обедом Шуегис объяснил, что идет йомештский праздник — торжество Святых и Держателей Трона — и все высшие сановники Сотрапезничества должны находиться в храмах.

Он даже достаточно проницательно объяснил поведение Эстравена: человек, когда-то находившийся у власти, теперь цепляется за всякую возможность управлять событиями, цепляется все более отчаянно и безнадежно по мере того, как проходит время и он все более погружается в безвестность. Я согласился, что это объясняет беспокойное, почти истерическое поведение Эстравена. Однако его беспокойство заразило меня. Весь долгий обед я чувствовал нарастающую тревогу.

Шуегис говорил со мной, с многочисленными помощниками и подчиненными, сидевшими за столом. Я никогда не думал, что он так безжалостно разговорчив. Когда обед кончился, было уже слишком поздно, чтобы выходить, и в любом случае все сотрапезники были заняты, как сказал Шуегис, и освободятся не раньше полуночи. Я решил не ужинать и рано отправился спать. Где-то между полночью и рассветом меня разбудили незнакомцы, сообщившие, что я арестован. Вооруженные охранники доставили меня в тюрьму Кундершаден.

Кундершаден — одно из самых древних зданий в Мишпори. Я часто видел его, когда уходил гулять по городу. Это был длинный угрюмый и зловещий дом со множеством башен, стоявший особняком среди бледных корпусов сотрапезнических зданий. Это реальная вещь, то, что обозначается словом «тюрьма».

Охранники, приземистые и крепкие, провели меня по коридорам и оставили в маленькой комнате, очень гряз-

ной и ярко освещенной. Через несколько минут прибыла еще одна группа охранников как эскорт человека с худым лицом и властным выражением. Он отпустил всех, кроме двоих. Я спросил его, можно ли мне связаться с сотрапезником Оболе.

— Сотрапезник знает о вашем аресте.

Я глупо повторил:

— Знает о нем?

— Мои начальники действуют, конечно, по приказу Тридцати Трех. Вы подвергнетесь допросу.

Охранники взяли меня за руки. Я сопротивлялся, гневно говоря:

— Я и так могу отвечать на ваши вопросы, оставьте ваши запугивания!

Узколицый человек не обратил внимания на мои слова, только позвал других охранников. Вошли еще трое. Меня привязали к столбу, раздели и ввели какое-то вещество, вероятно, заставляющее говорить правду.

Я не знаю, долго ли продолжался допрос и о чем меня допрашивали, потому что все время находился под действием наркотиков и ничего не помню. Придя в себя, я мог лишь предположить, сколько времени меня держали в Кундершадене — четыре или пять дней — судя по физическому состоянию, но я не был уверен в этом, и не знал, какой сегодня день и какой месяц, я вообще очень медленно начинал воспринимать окружающее.

Я находился в грузовике, очень похожем на тот, что вез меня через Кархид в Рер, но на этот раз не в кабине, а в фургоне. Со мной было двадцать или тридцать человек — сколько именно, сказать трудно, поскольку в фургоне не было окон и свет пробивался только в узкую щель в двери, забранной толстой стальной решеткой. Должно быть, мы уже ехали некоторое время, когда я пришел в себя. У каждого было свое место, а запах экскрементов, рвоты и пота достиг высшей концентрации и больше не увеличивался и не уменьшался. Все были незнакомы, никто не знал, куда нас везут. Разговоров почти не было. Вторично я был заперт в темноте с потерявшими надежду жителями Оргорейна.

В первую ночь моего пребывания в этой стране я получил предупреждение, но проигнорировал его.

Я чувствовал, что грузовик движется на восток, и не мог избавиться от этого ощущения, даже когда стало ясно, что он движется на запад, все дальше углубляясь в Оргорейн. Ощущение направления и влияния магнит-

ных полей сказывается по-разному на разных планетах, и когда разум не может компенсировать это различие, появляется впечатление, будто все буквально перевернулось.

Один из запертых в фургоне ночью умер.

Его били дубинками или ногами в живот, и у него шла кровь изо рта и ушей.

Никто ничего для него не сделал, да и делать было нечего. За несколько часов до этого к нам просунули пластиковый кувшин с водой. Но кувшин этот давно был пуст. Умиравший оказался моим соседом справа, и я положил его голову к себе на колени, чтобы ему было легче дышать. Так он и умер.

Все мы были обнажены, и мои руки, ноги и бедра покрылись крсвью.

Становилось холоднее, и мы жались друг к другу, чтобы согреться. Поскольку труп не давал тепла, его оттащили в сторону.

Всю ночь мы теснились, раскачиваясь вместе, когда грузовик подскакивал на неровностях дороги. За нами не было других грузовиков. Даже прижавшись лицом к решетке, ничего нельзя было разглядеть, кроме тьмы и смутного ощущения падающего снега.

Падающий снег, вновь выпавший снег, давно выпавший снег, снег после дождя, снег, схваченный морозом. В орготском и кархидском языках были особые слова для каждого вида снега. В кархидском — я знал его лучше орготского — можно насчитать шестьдесят два различных слова, обозначающих снег. Имеется много слов для обозначения различного вида льда, свыше двадцати обозначений разных типов осадков. Я сидел, стараясь мысленно составить списки этих слов.

Каждый раз, вспоминая новое слово, я пересматривал записи, вставляя его на нужное по алфавиту место.

Прошло немало времени после рассвета, когда грузовик остановился. Заключенные закричали в щель, чтобы из фургона убрали труп. Мы били кулаками в дверь, в стены, превратив внутренность стального ящика в такой гремющий ад, что сами не могли выдержать. Никто не пришел. Грузовик простоял несколько часов. Наконец снаружи послышались голоса, грузовик дернулся, скользя по обледенелым камням дороги, и двинулся дальше. Через щель в двери можно было рассмотреть солнечное утро и лесистые холмы вдоль дороги.

Грузовик шел еще два дня и три ночи — всего четыре со времени моего пробуждения.

Он не останавливался у инспекторских постов, мне кажется, ни разу не проезжал через города или поселки. Путь его был окольным. Он притормаживал, чтобы сменить батареи или шофера. Были и более долгие остановки, причину которых изнутри фургона установить было невозможно. Два дня грузовик двигался при свете, а потом — только ночью.

Однажды через дверцу в большой двери просунули кувшин с водой.

Вместе с мертвецом нас было двадцать шесть, два раза по тринадцать. Гетенианцы часто считают по тринадцать, двадцать шесть и пятьдесят два. Несомненно, из-за двадцатishестидневного лунного цикла, составляющего неизменный месяц и приблизительно соответствующего их половому циклу. Труп был отброшен к решетке, которая образовывала заднюю стену нашего ящика.

Остальные сидели или лежали каждый на своем месте, на своей территории, в своем домейне до ночи. Когда становилось холодно, мы постепенно сближались, образуя единую группу, в середине ее было тепло, а по краям холодно.

Доброта. Я и некоторые другие — старик, человек со зловещим кашлем — хуже всех сопротивлялись холоду, и каждую ночь мы оказывались в центре группы, где было теплее.

Мы не дрались за теплые места, мы просто оказывались в них каждую ночь.

Ужасно, что человек не теряет добро. Мы оказались обнаженными во тьме и холоде, и нам нечего было дать друг другу, кроме доброты.

Несмотря на скученность и на то, что по ночам жались друг к другу, мы не сходились, не сближались друг с другом. Некоторые были одурманены наркотиками, другие казались умственно дефективными, все были оскорблены и испуганы, но может показаться странным, что среди двадцати пяти человек никто не разговаривал, даже не ругался. Доброта и терпимость, но все в молчании, всегда в молчании. Стиснутые в зловонной тьме, мы постоянно сталкивались друг с другом, падали друг на друга, наше дыхание смешивалось. Я так и не узнал, как зовут моих спутников. Мы оставались чужими друг другу.

Однажды — мне кажется, это было на третий день, когда грузовик надолго остановился и я подумал, что нас бросили в холодной пустыне — один из них заговорил со мной. Он рассказал мне длинную историю о фаб-

рике в Южном Оргорейне, где он работал, и как поспорил с надсмотрщиком. Он говорил мягким, тусклым голосом и держал меня за руку, как бы желая привлечь внимание. Светило солнце, и мы стояли на обочине дороги, и один солнечный луч неожиданно пробился в щель, стало светло.

Я увидел девушку, грязную, хорошенькую, глупую и усталую девушку, глядевшую мне в лицо, робко улыбаясь в поисках утешения. Юный орготец находился в кеммере, и его тянуло ко мне. Я встал и подошел к двери, как бы для того, чтобы глотнуть свежего воздуха. Я долго не возвращался на свое место.

Всю ночь грузовик спускался по пологим террасам. Время от времени он неожиданно останавливался. На каждой остановке вокруг стального ящика воцарялась морозная нерушимая тишина обширной пустыни, тишина гор. Находившийся в кеммере по-прежнему пытался коснуться меня. Я встал и долго стоял, прижавшись лицом к щели, вдыхая чистый воздух, который как бритва резал мне горло и легкие. Руки мои, прижатые к решетке, онемели. Я понял, что скоро они будут обморожены. Дыхание мое образовало ледяной мостик между губами и решеткой. Прежде чем обернуться, я должен был сломать этот мостик пальцами.

Втиснувшись между остальными, я трясся от холода. Ничего подобного я не испытывал раньше, прыгающие спазмы, похожие на конвульсию лихорадки. Грузовик снова двинулся. Шум и движение создавали иллюзию тепла, нарушая ледяное молчание, но я все же слишком замерз, чтобы спать этой ночью.

Мне кажется, что большую часть ночи мы провели на большой высоте, но точно сказать трудно: дыхание, пульс и энергетический уровень слишком относительные показатели и зависят от обстоятельств.

Как я узнал позже, этой ночью мы пересекли Самбенсен на высоте в девять тысяч футов.

Голод не очень мучил меня. Последняя еда, которую я помнил — это длинный тяжелый обед в доме Шуегиса. Должно быть, в Курденшадене меня кормили, но мой ум не сохранил воспоминания об этом.

Еда, казалось, не была частью существования в этом стальном ящике, и я не часто думал о ней. С другой стороны, жажда была одним из постоянных условий этой жизни. Раз в день, во время остановки, открывали дверцу в задней стене, один из нас просовывал в нее пластиковый кувшин, который скоро возвращался полный воды.

вместе с ледяным воздухом. Не было возможности разделить эту воду на всех.

Кувшин передавали друг другу, и каждый успевал сделать три-четыре хороших глотка. Никто не распределял и не охранял воду, никто не следил, чтобы ее оставили для кашляющего, хотя тот горел в лихорадке. Я предложил дать ему воду, окружающие кивнули, но ничего не было сделано. Вода делилась более или менее поровну. Никто не пытался получить больше других. Кончалась она через несколько минут. Однажды трое, сидевшие у стены фургона, не получили ничего. Кувшин пришел к ним пустым. На следующий день двое из них потребовали, чтобы они встали первыми в очереди. Так и было. Третий неподвижно лежал в углу, и никто не позаботился, чтобы ему досталась его доля.

Почему не позаботился я? Не знаю.

Это был четвертый день в грузовике.

Я чувствовал жажду остальных, как и свою, но не способен был как-то уменьшить страдания и принимал их, как и все остальные, терпеливо.

Я знаю, что люди ведут себя по-разному в одинаковых обстоятельствах. Но это были орготы, с детства их учили послушанию, повиновению приказам сверху. Независимость и решительность ослабли в них.

Они не сердились. Ночью они объединялись, и я с ними. Это было убежищем и утешением — чувствовать себя частью единого целого, черпать жизнь у других, отдавая им свою. Но это целое было молчаливо, пассивно.

Может быть, люди с сильной волей вели себя по-иному, больше разговаривали бы и более справедливо делили воду, заботились бы о больных и сохраняли храбрость.

Не знаю. Знаю только, как это было в грузовике.

На пятое утро того дня, как я очнулся, если только мой счет правилен, грузовик остановился. Мы слышали голоса снаружи.

Стальная дверь широко раскрылась. Один за другим пробирались мы к выходу из стального ящика, кое-кто на четвереньках, спрыгивали или сваливались на землю.

Вышло двадцать четыре человека. Двоих мертвых — первого умершего и второго, который не пил два дня — вытащили наружу.

Снаружи было холодно, так холодно и ярко от сияния дневного света на белом снегу, что выйти из зловонного убежища оказалось трудно, и некоторые из нас заплакали. Мы стояли, сбившись в кучу, у большого грузовика, все обнаженные и грязные. Нас построили в линию и по-

вели к зданию в нескольких сотнях ярдов от нас. Металлические стены, покрытые снегом крыши зданий, снежная равнина вокруг, огромные горы под восходящим солнцем, обширное небо — все, казалось, дрожало и раскалывалось от излишка снега и света.

Мы по очереди вымылись в большом корыте в клепаной постройке. Каждый начинал с того, что пил эту воду. После этого нас отвели в главное здание, где выдали белье и серую одежду. Охранник проверил нас по списку, после чего мы прошли в большое помещение и вместе с несколькими сотнями других людей в сером сели за прикрепленные к полу столы и поели. После этого все — и новые заключенные, и старые — были разделены на группы по двенадцать человек. Мой отряд двинулся к лесопилке, находившейся внутри ограды в нескольких сотнях ярдов за главным зданием. За оградой начинались лесистые холмы, тянувшиеся до самого горизонта.

Под командой охранника мы таскали доски с лесопилки и складывали их в большой сарай.

После нескольких дней в грузовике это было нелегко: ходить, нагибаться и поднимать тяжести. Нам не позволяли бездельничать, но и не очень подгоняли. В середине дня раздали по чашке перебродившего черного напитка, а перед заходом солнца отвели обратно в бараки, где нам дали обед: овощную похлебку и пиво. На ночь нас закрыли в спальном помещении, где всю ночь горел яркий свет. Мы спали на двухъярусных нарах вдоль стен: там было теплее.

Каждый взял себе спальный мешок из груды, лежавшей у дверей. Мешки были тяжелые. Однако мне они были коротки. Среднего роста гетенианец может легко укрыться с головой, я не мог. Я даже не мог вытянуться в полный рост на нарах.

Это место называлось Пулафенская Сотрапезническая третья добровольная ферма и агентство по переселению. Пулафен, тридцатый район, расположен на крайнем северо-западе обитаемой зоны Оргорейна и ограничен Самбенсенскими горами, рекой Исагель и побережьем. Область слабо заселена и больших городов здесь нет.

Ближайший к нам поселок назывался Туруф и находился в нескольких милях к юго-западу. Я никогда не видел его. Ферма находилась на краю огромного ненаселенного района Терреппет, района лесов.

Так далеко на севере большие деревья: хеммен, серен или черный войс — не росли, лес состоял из искривленных хвойных деревьев с серыми иглами, называемыми

торе. На Зиме количество туземных видов растений и животных очень невелико, зато каждый вид очень многочислен. Этот лес, покрывающий тысячи квадратных миль, состоял только из деревьев торе. Даже в такой местности за лесом ухаживали. В нем не было выгоревших мест, вырубленных полей или обезлесенных оврагов. Было подсчитано каждое дерево, и даже опилки с нашей лесопилки использовались. На ферме была небольшая фабрика, и когда погода не позволяла отправляться в лес, мы работали там, используя для различных целей щепки, опилки и кору, приготовляя из хвои смолу, которая шла на производство пластмасс.

Работа была настоящая, и мы не перетруждали себя. Если бы давали немного больше еды и хорошую одежду, она была бы даже приятной, а так мы большую часть времени слишком мерзли и были голодны, чтобы чувствовать удовольствие. Охранники были флегматичны, тяжеловаты и, на мой взгляд, женственны, но не в смысле утонченности, а наоборот — в смысле тяжеловесности и мясистости. Среди товарищей по заключению, как и вообще в первое время на Зиме, я чувствовал себя единственным мужчиной среди женщин-евнухов. Заключенные, как и охранники, отличались той же медлительностью и неотделанностью.

Их трудно было отличить друг от друга, эмоциональный тонус всегда был низок, разговоры банальны. Вначале я относил эту безжизненность на счет голода и холода, но скоро понял, что это результат применения наркотиков, которые предохраняют их от вступления в кеммер.

Я знал, что существует средство которое может значительно ослабить или совершенно уничтожить активную фазу гетенианского сексуального цикла. Его используют, как обычай, мораль или медицина требуют воздержания. Один или несколько периодов кеммера могут быть пропущены без всяких последствий. Использование этого средства широко распространено. Но мне не приходило в голову, что его могут применять принудительно.

Для этого были причины. Гетенианец в кеммере — это разрушительный элемент. Если освободить его от работы, что он будет делать, особенно если в тот момент никто больше не находится в кеммере? А это вполне возможно, так как нас было всего сто пятьдесят.

Провести кеммер без партнера гетенианцу очень трудно. Лучше устранить это состояние и обходиться без него. Так они и поступали.

Заклученные, находившиеся на ферме в течение нескольких лет, психологически и, как мне кажется, до некоторой степени физически адаптировались к химической кастрации. Они были бесполы, как воны.

Подобно ангелам, они не знали ни стыда, ни желаний. Но человеку несвойственно жить без стыда и желаний.

Будучи строго ограниченными и определенными по природе, половые стремления гетенианцев почти не подвержены общественному влиянию. Здесь меньше угнетений секса, запретов, связанных с ним, чем в бисексуальном обществе. Воздержание исключительно добровольное. Терпимость распространена повсеместно. Сексуальный страх, сексуальные расстройства встречаются крайне редко. На ферме я впервые встретился с вмешательством общества в вопросы пола, и это вмешательство порождало не извращения, а нечто более зловещее — пассивность.

На Зиме нет общественных насекомых.

Если бы на Зиме существовали муравьи, гетенианцы, возможно, занимались бы тем, что копировали их оригинальную жизнь. Режим добровольных ферм появился лишь недавно и ограничен пределами одной страны. В остальных частях планеты он совершенно неизвестен. Но это зловещий указатель того направления, в котором пошло общество, такое уязвимое с точки зрения контроля секса.

Как я сказал, на Пулафенской ферме кормили недостаточно, а одежда, особенно обувь, совершенно не соответствовала зимним условиям. Охранники, в большинстве своем заключенные с испытательным сроком, находились не в лучшем условиях. Впрочем, ферма преследовала карательные, а не уничтожительные цели, и я думаю, что режим ее можно было вынести, если бы не наркотики и осмотры.

Большинство заключенных проходило осмотры группами по десять или двенадцать человек. Они просто повторяли нечто вроде исповеди или катехизиса, получали порции антикеммера и освобождались от работы.

Остальные — политические заключенные — каждые пять дней должны были подвергаться допросу с применением наркотиков.

Не знаю, какие наркотики они использовали. Не знаю, с какой целью проводились допросы. Не представляю, какие вопросы задавали мне. Я пришел в себя спустя несколько часов на нарах среди шести или семи заклю-

ченных, некоторые уже пришли в себя, другие еще находились под действием наркотиков. Когда все встали, охранники повели нас на работу, но после третьего или четвертого допроса я уже не мог встать. Мне позволили лежать, лишь на следующий день я отправился на работу со своим отрядом, хотя чувствовал себя очень слабым. После следующего допроса я был беспомощен и оставался таким уже два дня. Очевидно, антикеммер как лечебное средство, оказался очень токсичным для моего гетенианского организма и эффект его был кумулятивным.

Я помню, что решил упросить инспектора на следующем допросе. Я хотел начать с обещания правдиво отвечать на все вопросы без наркотика. Потом сказать ему:

— Сэр, разве вы не видите, что бесполезно требовать ответа на неверно поставленные вопросы?

Вдруг инспектор превратился в Фейкса с золотой цепью Предсказателя на шее, и я долго беседовал с ним, следя за поступлением кислоты в чан с древесиной. Конечно, когда я явился в маленькую комнатку, где нас осматривали, помощник инспектора без разговоров вкатил мне дозу наркотика, и все, что я помню из следующего, это молодой оргот с усталым лицом и грязными ногтями, уныло повторяющий:

— Вы должны отвечать на мои вопросы по-орготски и не использовать другие языки. Говорите только по-орготски.

На ферме не было больницы. Заключение работали или умирали. Но на практике проявлялось снисхождение — промежуток времени между работой и смертью, которому не препятствовали охранники. Как я говорил, они не были жестоки, но не были и добры.

Они были неряшливыми и ни о чем особенно не заботились, лишь бы не иметь неприятностей.

Меня и еще одного заключенного, как бы по недосмотру, оставили на нарах, когда стало ясно, что мы не можем встать. Я был совершенно болен после очередного осмотра, а другой, средних лет гетенианец с какой-то болезнью печени, умирал.

Поскольку он умер не сразу, ему позволили лежать на нарах.

Я помню его более ясно, чем все остальное на Пулафенской ферме. Физически он был типичным гетенианцем с Великого Континента, плотного сложения, коротконогий и короткорукый, с солидной жировой прослойкой, сообщавшей его телу женскую гладкость и округлость. У него были маленькие руки и ноги, широкие бедра и

большие груди, значительно более развитые, чем у мужчин моей расы. Кожа у него была смуглая, волосы черные, похожие на шерсть, лицо широкое и плоское, с мелкими чертами, с выдающимися скулами.

Он очень походил на представителя некоторых изолированных групп, живущих на высокогорье и в арктических районах земли. Звали его Аора. Он был плотником.

Мы разговорились.

Аора боялся смерти и хотел отвлечься от мысли о ней.

У нас не было ничего общего, кроме близости смерти, но об этом мы не хотели говорить, поэтому большую часть времени не очень хорошо понимали друг друга.

Я, как более молодой и менее доверчивый, хотел бы больше понимания и объяснений, но объяснений не было. Мы просто разговаривали.

По ночам бараки становились сверкающими, переполненными и шумными. Днем свет выключали, и большое помещение становилось пустым и тихим. Мы лежали рядом на нарах и негромко разговаривали. Аора предпочитал длинные разговоры о днях своей молодости на сотрапезнической ферме в долине Кундерер, широкой плодородной равнине, через которую я проезжал по пути в Мишпори. Он говорил на диалекте, многие слова я не понимал, так что обычно улавливал лишь общий ход его мыслей. Когда нам становилось легче, а это было к полудню, я обычно просил его рассказать миф или сказку. Большинство гетенианцев хорошо знают свой фольклор. Их литература, хотя и существует в письменной форме, опирается на живую устную традицию. В этом смысле все они имеют отношение к литературе. Аора знал сказание о Меше, сказку о Персиде — часть большого эпоса.

Кроме того, он рассказал мне отрывки из местного фольклора, запомнившиеся ему с детства, а когда уставал, просил, чтобы рассказал я.

— Что рассказывают в Кархиде? — спрашивал он, растирая мучительно болевшие ноги и поворачивая ко мне лицо с терпеливой улыбкой.

Однажды я сказал:

— Я знаю рассказ о людях, живущих в другом мире.

— Что это за мир?

— Он похож на этот, но вращается вокруг другого солнца. Его солнце — это звезда, которую вы называете Селсми.

— Это учение Санови о других мирах. Когда я был маленьким, в наш очаг приходил сановийский жрец и рассказывал мальчишкам о том, куда уходят после смер-

ти жрецы, а куда — лжецы, самоубийцы и воры. Мы с вами тоже уйдем в это место?

— Нет, я говорю не о мире привидений. Это существующий мир. Там живут настоящие люди, такие же, как здесь. Но они очень давно научились летать.

Аора улыбнулся.

— Они не машут руками, — продолжал я, — а летают на машинах, похожих на экипажи.

По-орготски трудно объяснить, на этом языке нет слова «летать», ближе всего подходит слово «скользить».

— Они научились делать машины, которые скользят по воздуху, как сани на снегу. Они научились передвигаться все быстрее и быстрее, пока не научились нестись, как камень из пращи над Землей, над облаками к другому солнцу. И в других мирах они тоже находили людей.

— Скользящих по воздуху?

— Иногда да, иногда нет. Когда же они появились в нашем мире, мы уже знали, как подниматься в воздух, но не научились перелетать с одного мира на другой.

Аора был удивлен включением рассказа в сюжет сказки. Я бредил и уже не следил за ходом рассказа.

— Продолжай, — просил он, стараясь понять. — А что еще они умеют делать?

— О, они многое умеют. Но они все время находятся в кеммере.

Он захихикал. Конечно, скрыть что-нибудь в таких условиях невозможно, и я неизбежно получил среди заключенных и охранников прозвище «извращенец». Но там, где нет стыда и желаний, даже ненормальных, значение этого прозвища во многом выветривается. Я думал, Аора не сопоставил рассказ с моими особенностями. Немного посмеявшись, он сказал:

— Все время в кеммере. Это вместо вознаграждения или наказания?

— Не знаю, Аора. А этот мир?

— Ни то, ни другое, малыш. Это просто мир. Ты родился в нем, и все здесь, как и должно быть.

— Я не родился в нем. Я приехал в него. Я его выбрал.

Наступило молчание. Лишь изредка доносился звук пилы.

Аора что-то бормотал, вздыхая, растирая ноги. Изредка он начинал стонать.

— Никто из нас его не выбирал, — сказал он.

Через один или два дня он потерял сознание и вскоре умер.

Не знаю, за что он попал на добровольную ферму: за преступление, ослушание начальства или какую-то не-правильность в документах? Знаю только, что он пробыл на Пулафенской ферме меньше года.

На следующий день после смерти Аоры меня вызвали на осмотр. На этот раз меня туда несли, и больше я ничего не помню.

14

Когда Оболе и Еджей одновременно покинули город, а привратник Слове отказался впустить меня, я понял, что настало время обращаться к врагам, потому что друзья ничего хорошего не принесут.

Я шантажировал Шуегиса. Поскольку у меня не было денег, чтобы подкупить его, пришлось рискнуть репутацией.

Среди всех вероломных поступков главное — предательство. Я заявил Шуегису, что являюсь в Оргорейне агентом кархидской фракции благородных, которые планировали убийство Тайба. Он должен был служить для меня связью с Сарфом. Если он откажется давать мне информацию, я вынужден буду сообщить своим друзьям в Эрхенранге, что он двойной агент, служащий в то же время фракции открытой торговли. Это известие, конечно, дойдет до Мишпори и Сарфа. Проклятый дурак поверил мне. И тут же рассказал все, что было нужно. Он даже рискнул осведомиться, доволен ли я.

Мне не грозила немедленная опасность среди моих друзей — Оболе, Еджею и других. Они купили свою безопасность, принеся в жертву посланника. До моего посещения Шуегиса никто из сторонников Сарфа, кроме Гаума, к счастью, не считал меня достойным внимания, но теперь они скоро пойдут по моим следам. Я должен закончить свои дела и скрыться. Не имея возможности послать сообщение кому-нибудь в Кархиде, так как почта просматривается, а радио и телефон прослушиваются, я пошел в королевское посольство. Послом был Сарден рем ир Ченевич, которого я хорошо знал при дворе. Он согласился немедленно отправить письмо Аргавену с сообщением о том, что произошло с посланником и где он находится в заключении. Ченевич был умный и честный человек, я верил, что сообщение достигнет короля, но как поступит Аргавен, предсказать будет невозможно. Я хотел, чтобы Аргавен получил эту информацию до того, как звездный корабль Ая неожиданно упадет из-за

облаков, потому что у меня тогда еще сохранялась надежда, что он послал сигнал на корабль до ареста.

Теперь я уж точно находился в опасности, а если кто-нибудь видел, как я входил в посольство, то в немедленной опасности.

Прямо из посольства я отправился к месту отправки караванов и еще до полудня в тот же день Одстрег Сасми покинул Мишпори, как и пришел в него, грузчиком каравана. Со мной было старое разрешение, немного измененное, чтобы соответствовать новой работе. Подделка документов в Оргорейне связана с сильной опасностью, пятьдесят два раза в день их проверяют инспекторы, но из-за опасности она не становится более редкой, и один из моих знакомых на Рыбьем острове показал мне кое-какие приемы. Пришлось принять вымышленное имя.

Это уязвляло мою гордость, но больше ничто не могло спасти меня и позволить через весь Оргорейн добраться до Западного моря.

Пока караван грохотал по мосту через Кундерер, выбираясь из Мишпори, мысли мои устремлялись на запад. Кончалась осень. Я должен добраться до цели раньше, чем закроются дороги быстрого движения и пока еще надежда на благополучный исход оставалась.

Я видел добровольную ферму в Коматоме, когда входил в администрацию Синота и разговаривал с бывшими заключенными. Увиденное и услышанное заставляло меня тревожиться. Посланник, такой уязвимый для холода, что даже в теплую погоду носил пальто, не переживет зиму в Пулафене. Необходимость заставляла меня спешить, но караван двигался медленно, тащился от города к городу, разгружался и нагружался, так что мне потребовалось полмесяца, чтобы добраться до Этвена в устье реки Исагель.

В Этвене мне повезло. Один человек в доме для приезжих рассказал мне об охотниках за мехами, которые бродят вниз и вверх по реке на санях, охотятся в терапевтском лесу и добираются до самого Льда. Я тут же составил свой план.

Мне знакома охота на пестри. Эти животные живут поблизости от ледников, и я охотился на них в земле Кам, когда был молод.

Почему бы не повторить то же в лесах Путоре вблизи Пулафена?

Здесь, далеко на северо-западе Оргорейна, люди могут приходить и уходить по своей воле, потому что не

хватает инспекторов. Кое-какие остатки прежних свобод сохранились тут, несмотря на Новую эпоху.

Этвен — серый рабочий порт, построенный на серых скалах залива Исагель.

Влажные морские ветры царствуют на его улицах. Население — угрюмые моряки.

Я с благодарностью вспоминаю об Этвене, где мне повезло.

Я купил лыжи, снегоступы, капканы и провизию и получил разрешение для охоты. Затем подготовил другие необходимые документы и вышел пешком вверх по Исагель в отряде охотников под предводительством старика по имени Мавриза. Река еще не замерзла, и движение по дороге еще осуществлялось на колесах, так как дождь шел чаще, чем снег в этот последний месяц года.

Большинство охотников ждало, пока установится зима, и старалось вверх по Исагель отправиться на ледовых санях, но Мавриза хотел пораньше забраться на север и захватить пестри в самом начале их миграции, когда они спускаются в леса. Мавриза хорошо знал Хитерленд и северный Самбесен с Огненными Холмами, и в эти дни, идя вверх по реке, я многое у него узнал. Впоследствии это спасло мне жизнь.

В поселке Туруф я отстал от отряда, разыграв болезнь. Отряд ушел на Север, а я в одиночку двинулся на северо-восток в предгорья Самбесена. Здесь я провел несколько дней, изучая местность и пряча все свое снаряжение в укромной долине в двенадцати-тринадцати милях от Туруфа. Затем я вернулся в поселок, вошел в него с юга и направился в дом для приезжих. Как будто готовясь к охоте, я купил лыжи, снегоступы, провизию, меховой спальный мешок, зимнюю одежду — все заново, купил также печь Чейба, пластиковую палатку и легкие сани, на которые погрузил все имущество.

Теперь оставалось только ждать, пока снег не сменит дождь и грязь не замерзнет. Ждать пришлось недолго. В Архед Терн установилась зима, пошел сильный снег.

Вскоре после полудня я миновал электрическую ограду Пулафенской фермы, и снег сразу скрыл мои следы. Спрятав сани в овраге к востоку от фермы, с мешком на спине я шел к ферме по дороге.

Я открыто подошел к воротам и предъявил документы, подделанные в Туруфе. В них говорилось, что я Терет Барт, освобожденный под честное слово преступник, на два года назначенный в охрану Пулафенской сотрапезнической третьей добровольной фермы. Внимательный

инспектор заподозрил бы эти документы в подлоге, но здесь не было внимательных инспекторов. Войти в тюрьму легко, а вот насчет выхода я не был уверен.

Дежурный начальник охраны выругал меня за то, что я прибыл на день позже срока, указанного в документах, и отправил в бараки. Обед кончился, и, к счастью, было слишком поздно получать мундир и сдавать мою хорошую одежду. Пистолет мне не дали, но я раздобыл его на кухне, куда пошел поест: украл пистолет повара, висевший над жаровней. У него не было смертельного поражения. На ферме охранники не убивают заключенных, а предоставляют их холоду, зиме и отчаянию.

На ферме насчитывалось тридцать или сорок охранников и около ста пятидесяти заключенных.

Большинство из них улеглось спать, хотя был всего лишь четвертый час. Я попросил одного молодого охранника показать мне, где спят заключенные. Я увидел их в ослепительном блеске ламп в большом помещении, и моя надежда на успех в первую же ночь, до того, как я вызову подозрения, почти угасла. Все они лежали в мешках, укрывшись с головой. Все, кроме одного. Этот был слишком длинен. У него было худое лицо, глаза закрыты, волосы спутаны.

У меня есть лишь одно достоинство: я знаю, когда нужно действовать. Мне казалось, что за последний год в Эрхенранге я утратил этот дар, но теперь я снова почувствовал, что владею им.

Поскольку я продолжал бродить, изображая любопытного тупоумного парня, меня назначили в позднюю смену. К полуночи все, кроме меня и еще одного охранника за дверью, спали. Я продолжал время от времени прохаживаться вдоль нар. Обдумывая план действий, я начал готовиться к вхождению в доте. Перед рассветом я еще раз вошел в спальное помещение и выстрелил из пистолета в Дженли Ая, установив самый слабый уровень поражения, затем поднял его вместе с мешком и понес на плече в караульную.

— Что случилось? — спросил второй охранник сонным голосом.

— Он мертв.

— А, это извращенец. Клянусь Глазом, я не верил во все эти рассказы о кархидцах, пока не увидел его. Что за урод! Он всю неделю провел на нарах, но я не думал, что он так быстро кончится. Неси его наружу. Не стой здесь, как грузчик с мешком рыбы.

Я пошел в кабинет инспектора. Никто не остановил

меня. В кабинете я увидел стенд, контролирующий все ограды и тревожные сигналы. Кнопки не были подписаны, но сами охранники нацарапали рядом с ними обозначения, не доверяя своей памяти. Найдя кнопку с буквой «о», я выключил ток в наружной ограде и вышел, неся Ая на плечах. Проходя мимо караульной, я сделал вид, что с трудом тащу тело. Во мне начала оживать сила доте, и я не хотел, чтобы заметили, с какой легкостью я несу человека, который тяжелее меня. Я сам обратился к караульному.

— Мертвый заключенный. Мне велели вынести его из барака. Куда его деть?

— Не знаю. Положи его под навесом, чтобы не занесло снегом, иначе в следующую оттепель он выплывет. Идет педедка.

Он хотел сказать, что идет густой влажный снег, и это была для меня лучшая новость.

— Хорошо, — сказал я.

Вытянув груз наружу, я свернул за угол и исчез из виду. Снова подняв Ая на плечи, я пошел на север. Через несколько сот ярдов добрался до ограды, перелез через нее и перетащил тело Ая. Затем снова поднял его на плечо и как можно быстрее пошел к реке.

Я не очень удалился от ограды, когда взревела сирена и вспыхнули прожектора.

Густой снег скрывал меня, но все же его было недостаточно, чтобы за несколько минут начисто замести следы. Когда я спустился к реке, преследования еще не было. Я двинулся на север по ровной тропе под деревьями. Временами я шел прямо по воде. Речка, торопливый маленький приток Исагеля, все еще не замерзла.

Становилось светлее, и я еще ускорил шаги.

В состоянии доте посланник не казался мне тяжелым. Двигаясь вдоль ручья, я добрался до того места, где спрятал свои сани. На них я уложил посланника, сверху разместил груз, так что он совершенно скрыл Ая, а поверх всего набросил полотно палатки. Потом я переоделся и немного поел, потому что меня начал мучить голод, всегда преследующий в долгом доте.

После этого я двинулся на север по лесу. Вскоре меня догнали два лыжника.

Я был одет и снаряжен, как охотник, и сказал им, что догоняю отряд Мавризы, который в последние дни Гренде ушел на север. Они знали Мавризу и, бросив торопливый взгляд на мое снаряжение и разрешение, поверили моему рассказу. Они не думали, что бежавший напра-

вится к северу, потому что севернее Пулафена ничего нет, кроме леса и льда. Вообще они, видимо, были не очень заинтересованы в поимке бежавшего. Зачем им это? Они прошли дальше и час спустя снова встретились со мной, возвращаясь на ферму. Один из них был тем самым парнем, с которым я дежурил ночью.

Полночи мое лицо у него было перед глазами, и все же он меня не узнал.

Когда они ушли, я свернул с дороги и целый день шел по лесу, широким полукругом возвращаясь к ферме. Наконец с востока, из дикой местности, я пришел к долине под Туруфом, где прятал свое снаряжение. Идти по пересеченной местности, таща за собой груз, было нелегко, но снег лег толстым слоем и подмерз, а я находился в доте. Мне нужно было поддерживать это состояние. Если бы я из него вышел, я ни на что бы не годился. Раньше я никогда не впадал в доте больше, чем на час, но знал, что старые люди могли выдерживать доте сутки и даже больше, а необходимость вместе с тренировкой помогла мне. В доте не особенно заботишься о себе, но я беспокоился о посланнике, который должен был очнуться от легкой дозы ультраизлучения.

Он не шевелился, а у меня не было времени ухаживать за ним. Неужели организм его настолько чужд, что доза, которая у нас вызывает лишь кратковременный паралич, для него смертельна? Когда поворачиваешь колесо, следи за своими руками. Я дважды назвал его мертвым и нес как мертвого. Мне пришла в голову мысль, что он на самом деле мертв, что я тащу по лесу труп, и что моя удача и его жизнь кончилась. При этой мысли я покрылся потом и задрожал, а сила доте, казалось, вытекла из меня, как вода из разбитого кувшина, но я продолжал идти и силы не изменили мне, пока я не достиг долины в предгорьях, не разбил палатку и не сделал все, что можно, для Ая. Я открыл ящик с кубиками высококалорийной пищи, большую часть их я проглотил, но из нескольких приготовил для него похлебку, потому что он выглядел как умирающий от голода. На его груди и руках были язвы, от постоянного трения о грязный мешок они воспалились. Я очистил эти язвы, уложил его в тепло. Наступила ночь, и меня поглотила великая тьма. Это была плата за крайнее напряжение сил.

Я должен был доверять и себя, и его тьме.

Мы спали, шел снег. Все время шел снег, не метель, а первый настоящий зимний снегопад. Когда я, наконец, встал и заставил себя выглянуть наружу, палатка оказа-

лась наполовину погребенной под снегом. На снегу лежали голубые нитки солнечного света. Далеко на востоке в небо поднимался серый столб дыма — это был Уденуштреке, ближайший к нам из Огненных Холмов. Горы, холмы, склоны, овраги — все было в снегу.

Все еще находясь в периоде восстановления, я был еще слаб и хотел спать, но время от времени я давал Аю глоток похлебки. На второй день он начал проявлять признаки жизни, но сознание еще не вернулось к нему. В редкие минуты просветления он садился и начинал с ужасом кричать. Когда я наклонялся к нему, он пытался убежать, а так как для этого требовалось слишком много сил, он снова терял сознание. Ночью он много говорил, но я не понимал языка. Странно было в тишине дикого леса слышать, как он произносит слова другого мира.

Следующий день был очень тяжелый. Он, по-видимому, принимал меня за охранника и боялся, что я дам ему какой-то наркотик. На орготском и кархидском языках он просил меня не делать этого и с силой отчаяния отбивался. Это повторялось снова и снова, и, поскольку я еще находился в периоде танген, я не мог справиться с ним. В тот день я подумал, что он не только испытал действие наркотиков, но и лишился рассудка. Тогда я пожалел, что он не умер на санях в лесу торе, что я выбрался из Мишпори, а не был сослан на какую-нибудь ферму.

Когда я проснулся в следующий раз, он смотрел на меня.

— Эстравен, — произнес он слабым измученным шепотом.

Сердце мое ожило. Я смог успокоить его и позаботиться о нем. В эту ночь мы спали спокойно.

На следующий день ему стало гораздо лучше, и он смог поесть сидя. Язвы на его теле заживали. Я спросил, от чего они.

— Не знаю, думаю, что от наркотиков. Мне постоянно делали уколы.

— Чтобы предотвратить кеммер? Я слышал об этом от человека, бежавшего с добровольной фермы.

— Да. И другие. Я не знаю, какие именно. Наверное, заставляющие говорить правду. Я от них болел, а они все делали и делали их мне. Не знаю, что они хотели от меня узнать.

— Они не столько спрашивали, сколько приручали вас.

— Приручали?

— Человек, привыкший к наркотику, становится по-

слушным. Такая практика известна и в Кархиде. Или они проводили над вами и остальными эксперимент. Мне говорили, что они испытывают разные виды наркотиков на заключенных на фермах. Узнав об этом, я не поверил, теперь верю.

— В Кархиде тоже есть такие фермы?

— В Кархиде? Нет.

Он раздраженно потер лоб.

— Наверное, в Мишпори также утверждают, что в Оргорейне таких мест нет.

— Наоборот. Они хвастают этим, демонстрируют записи и снимки добровольных ферм, где получают убежище отклоняющиеся от обычного поведения и небольшие племенные группы. Они даже могут показать добровольную ферму Первого района совсем рядом с Мишпори. Отличное место для показа. Если вы считаете, что у нас в Кархиде есть такие фермы, мистер Ай, вы нас сильно переоцениваете.

Он долго лежал молча и смотрел на горящую печь Чейба, которую я включил и которая давала живительное тепло. Потом он посмотрел на меня.

— Вы разговаривали со мной сегодня утром, я знаю, но мозг мой еще болен. Где мы и как сюда попали?

Я снова все рассказал ему.

— Вы просто ушли со мной?

— Мистер Ай, любой заключенный мог уйти оттуда. Если бы вы не были голодны, истощены, деморализованы и пропитаны наркотиками, если бы у вас была зимняя одежда, если бы у вас было куда идти... Вот что главное: куда идти? В город? Нет документов. В дикую местность? Нет убежища. Летом, я думаю, на Пулафенской ферме бывает больше охранников. Зимой же сама зима сторожит заключенных.

Он почти не слушал.

— Вы не смогли бы пронести меня и сотни футов, Эстравен, а бежать несколько миль во тьме, таща меня...

— Я был в доте.

Он колебался.

— Сознательно вызванном?

— Да.

— Вы жанндара?

— Я два года провел в крепости Ротерер. В земле Карм большинство населения жанндара.

— Я думал, что после доте, требующего крайнего напряжения сил, наступает упадок.

— Да. Мы называем его танген — черный сон. Он

длится значительно дольше периода доте, и когда вступишь в восстановительный период, очень опасно сопротивляться ему. Я проспал почти двое суток. Я и сейчас еще в периоде танген. Ходить я не могу, а из-за голода, который сопровождает период танген, я съел то, что рассчитывал растянуть на неделю.

— Хорошо, — торопливо проговорил он. — Верю вам. Что еще я могу сделать, как только поверить вам? Вот я, вот вы, но я не понимаю, зачем вы все это проделали?

Тут я не выдержал и долго смотрел на ледоруб в руке, а не на него, чтобы не выдать свой гнев. К счастью, у меня не было сил для действий, и я сказал себе, что он — невежественный человек, чужеземец, большой и испуганный. Поэтому я вернулся к справедливости и наконец произнес:

— Я чувствовал, что отчасти это моя вина, что вы оказались в Оргорейне и на Пулафенской ферме. Я стараюсь исправить свою вину.

— Вы не имеете никакого отношения к моему приезду в Оргорейн.

— Мистер Ай, мы видим одни и те же события разными глазами. Я неверно считал, что мы смотрим одинаково. Позвольте мне вернуться к последней весне. Я начал подбадривать Аргавена, подталкивать его к принятию решения относительно вас примерно за полмесяца до церемонии ключевого камня. Аудиенция была назначена, и я считал, что нужно пройти через нее, хотя никаких конкретных результатов пока не ожидал. Я думаю, что вы все это понимаете, и в том была моя ошибка. Я слишком многое считал само собой разумеющимся, я не хотел оскорблять вас советом. Я думал, что вы понимаете опасность неожиданного усиления власти Пеммера Харт рем ир Тайба в кноремми. Если у Тайба будут причины опасаться вас, он обвинит вас в служении фракции, и Аргавен, который очень легко поддается приступам страха, вполне может приказать убить вас. Я хотел, чтобы вы были в безопасности, пока у власти находится Тайб. Так случилось, что мы с вами пали вместе. Я ожидал этого, но не думал, что это произойдет в ту ночь, когда мы с вами разговаривали в последний раз. Но ни один из премьер-министров Аргавена не удерживается надолго. Получив приказ об изгнании, я уже не мог обшаться с вами, не подвергая вас опасности. Я бежал сюда, в Оргорейн. Я убеждал тех из Тридцати Трех, кому верил меньше, чем остальным,

пригласить вас в Оргорейн. Вы не попали бы сюда без их содействия. Они увидели — я помог им увидеть — в вас путь к власти, выход из усиливающегося соперничества с Кархидом, возврат к установлению открытой торговли, возможность вырваться из тисков Сарфа. Но они сверхосторожные люди, они боятся действовать. Вместо того, чтобы публично объявить о вас, они вас спрятали и тем самым упустили возможность. А потом они продали вас Сарфу, чтобы спасти собственные шкуры. Я слишком много ожидал от них, и поэтому вся вина на мне.

— Но зачем все эти интриги, заговоры и попытки захватить власть? Что вам до этого, Эстравен, чего вы хотите?

— Я хочу того же, что и вы: союза вашего мира с нашим. А вы что думали?

Мы смотрели друг на друга через горящую печь, как два деревянных идола.

— Вы хотите сказать, что даже если бы Оргорейн вступил в союз.

— Даже если бы это был Оргорейн. Кархид вскоре бы последовал за ним. Вы думаете, я играл в шифгретор, рискуя всем? Какая мне разница, какая страна первая вступит в союз?

— Но разве я могу поверить вам! — взорвался Ай. Если это правда, вы должны были раньше объяснить мне все и избавить от поездки в Лулефен. Ваши попытки направить мое поведение...

— Не удалась и принесли вам боль, позор и опасность. Но если бы вы попытались бороться с Тайбом, вы были не здесь, а в могиле в Эрхенранге. Но и в Кархиде, и в Оргорейне есть люди, которые прислушиваются ко мне. Они поверили вам и еще могут принести вам пользу. Самая большая моя ошибка в том, что я не поговорил с вами откровенно и совершенно ясно. Я не привык так делать. У нас не принято давать или принимать советы. Это вежливое оскорбление.

— Я не хочу быть несправедливым, Эстравен...

— Однако вы несправедливы. Странно. Я единственный человек на Гетене, который целиком поверил вам, и мне, единственному на Гетене, вы отказались доверять.

Он опустил голову на руки и после некоторого молчания сказал:

— Мне жаль, Эстравен.

Это было одновременно и извинение, и признание.

— Дело в том,— сказал я,— что вы просто не могли поверить в то, что я верю вам.

Я встал, потому что у меня затекли ноги, и почувствовал, что дрожу от гнева и слабости.

— Научите меня мозговой речи,— сказал я, стараясь говорить мягче и без злобы,— вашему языку, который не лжет. Научите, а потом спрашивайте, зачем я это сделал.

— С удовольствием, Эстравен.

15

Я проснулся. До сих пор необычно просыпаться в тусклом коконе тепла и слышать, как разум говорит мне, что это палатка и что я лежу в ней живой, что я больше не на Пулафенской ферме. На этот раз в моем пробуждении не было странности. Сидя, я зевнул и принялся расчесывать пальцами спутанные волосы. Я посмотрел на Эстравена, шумно спавшего в нескольких футах от меня. Он не укрылся, ему было жарко.

Во сне Эстравен выглядел немного глуповато, как и все во сне: круглое сильное лицо, расслабленное, ненапряженное, круглые капельки пота над верхней губой и над густыми бровями. Я вспомнил, как он стоял, потел в своей роскошной одежде на параде в Эрхенранге. Сейчас я впервые увидел его в холодном свете таким, каков он есть: беззащитным, полуобнаженным.

Он проснулся поздно и с трудом. Зевая, оделся, высунул голову наружу, чтобы посмотреть, какая погода, и спросил меня, хочу ли я чашку орша. Когда он увидел, что я согрел воду на печи, он принял чашку, неловко поблагодарил и выпил.

— Куда мы пойдём отсюда, Эстравен?

— Это зависит от того, куда вы хотите идти, мистер Ай, и какой путь вы сможете выдержать.

— Каков кратчайший путь из Оргорейна?

— На Запад. К берегу около тридцати миль.

— А дальше что?

— Гавани скоро замерзнут, если уже не замерзли. В любом случае ни один корабль не выйдет в море зимой, придется спрятаться и ждать следующей весны, когда большие торговые суда пойдут в Сил и Перунтер. В Кархид не возьмет курс ни один корабль, если продлится политика торгового эмбарго. Мы могли бы уплыть на торговце. К сожалению, у меня нет денег.

— Есть ли другая возможность?

— В Кархид по суше.

— Не далеко ли? Ведь это тысяча миль.

— Да, по дороге. Но мы не можем идти по дорогам. Первый же инспектор задержит нас. Наш единственный путь на север — через горы по восточной части Гобрин и вниз до границы по заливу Гутон.

— Через Гобрин? Ледяной щит?

Он кивнул в ответ.

— Разве это возможно зимой?

— Думаю, да. Если повезет. Впрочем, это условие всех зимних путешествий. В некоторых отношениях ледник лучше пересекать именно зимой. Над ледниками обычно удерживается хорошая погода. Лед отражает солнце, бури проходят по периферии. Отсюда легенда об области внутри бурь. Это нам благоприятствует. Впрочем, лишь немного.

— Вы серьезно думаете...

— Иначе не было бы смысла уносить вас с Пулафенской фермы.

Он по-прежнему был скован, сдержан, угрюм. Вчерашний разговор потряс нас обоих.

— И вы считаете, что пересекать лед менее рискованно, чем ждать весны и пытаться уплыть по морю?

Он кивнул.

— Одиночество, — лаконично пояснил он.

Я немного подумал.

— Вы приняли во внимание мою неприиспособленность? Я не так привык к холоду, как вы. Я плохо хожу на лыжах, и я не в лучшей форме. Впрочем, в последние дни я чувствую себя гораздо лучше.

Он снова кивнул.

— Думаю, что сможем, — заключил он с той простотой, которую я так долго принимал в нем за иронию.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня и отпил чай из своей кружки. Орш вполне можно назвать чаем, он готовился из зерна. Это коричневый кисло-сладкий напиток с большим количеством витаминов А и С и сахара. Он оказывает стимулирующее действие. На Зиме, если нет пива, пьют орш, там, где нет пива и орша, нет и людей.

— Будет трудно, очень трудно, — он поставил кружку. — Без удачи мы не справимся.

— Я готов скорее умереть во льдах, чем на этой полойке, из которой вы меня вытащили.

Он разрезал сушеное хлебное яблоко, предложил мне кусочек и сам стал сосредоточенно жевать.

— Нам потребуется много пищи,— сказал он.

— Что случится, если мы доберемся до Кархида... с вами, я хочу спросить? Ведь вы изгнаны.

Он повернул свое смуглое лицо ко мне.

— Да. Я думаю остаться на той стороне.

— А если они узнают, что вы помогли бежать заключенному?

— Не узнают,— он улыбнулся и задумчиво протянул: — сначала нужно пересечь лед.

Я решился.

— Послушайте, Эстравен, простите мои вчерашние слова.

— Иусут.

Он встал, продолжая зевать, надел хеб, пальто, сапоги и выскользнул через клапан палаточной двери. Затем снова просунул голову в палатку.

— Я могу задержаться или прийти даже завтра. Продержитесь здесь?

— Да.

— Хорошо.

Он исчез.

Я не встречал еще человека, который бы так быстро и точно реагировал на изменение обстоятельств, как Эстравен. Я восстанавливал свои силы и согласен был идти, а он вышел из периода танген и, как только все прояснилось, начал действовать.

Он никогда не суеился, не торопился, но всегда был готов. Несомненно, в этом заключалась тайна его исключительной политической карьеры, которой он рискнул ради меня. В этом же было объяснение его веры в меня и в мою миссию.

Когда я пришел в их мир, он оказался готов к этому. Только он один на всей Зиме. Но сам он считал себя медлительным и нерешительным в крайних ситуациях.

Однажды он сказал мне, что, будучи тугодумом, руководствуется в своих действиях интуицией, которая редко подводит его.

Он говорил серьезно. Возможно, что это и правда. Предсказатели в крепостях не единственные на Зиме, кто может заглядывать вперед. Они лишь усовершенствовали это умение. В словах йомештских легенд глубокий смысл. Дело не просто в предсказании, дело в возможности — пусть хоть на мгновение — видеть все.

Я увеличил до максимума подачу тепла, пока Эстравен отсутствовал, и впервые по-настоящему согрелся.

Должно быть, шел уже Ферн, первый месяц зимы и

нового первого года, но я утратил счет дням в Пулафене. Печь принадлежала к тем великолепным и экономичным приспособлениям, которые создали гетенианцы в своих тысячелетних попытках победить холод. Ее батареи действовали в течение четырнадцати месяцев, выход тепла был очень значительным. Это одновременно печь, обогреватель и светильник, а весит она всего около четырех фунтов. Без нее мы не прошли бы и пятидесяти миль. На нее ушли почти все деньги Эстравена, те самые деньги, которые я так высокомерно вручил ему в Мишпори.

Палатка была сделана из пластика, хорошо выдерживающего зимние условия и поглощающего конденсируемую внутри влагу, — бич палаток в холодную погоду.

Спальные мешки были из шкур пестри. Одежда, лыжи, сани, запасы пищи — все было высшего качества, легкое, прочное и дорогое. Если Эстравен отправился за пищей, то как он надеялся добыть ее?

Он не возвращался до вечера следующего дня. Я несколько раз выходил в снегоступах, набираясь сил и опыта, карабкался по склонам оврага, скрывающего нашу палатку. Лыжами я владел неплохо, но не был знаком со снегоступами. Далеко я не уходил, опасаясь заблудиться. Местность была дикой, полной оврагов, ручьев, склонов и ущелий. Она быстро повышалась на восток, к видневшимся там горам. У меня было достаточно времени подумать, что я буду делать в этом заброшенном месте, если Эстравен не вернется.

Он пронесся по склону холма — Эстравен был великолепным лыжником — и затормозил около меня, грязный, усталый, тяжело нагруженный. На спине у него был большой заплечный мешок, полный свертков — дед Мороз, выскочивший из камина на Старой Земле, да и только. В свертках находились сушеные хлебные яблоки, кадик, орш и пластинки твердого красного с земляным привкусом сахара, который гетенианцы получают из местного растения.

— Как вы раздобыли все это?

— Украл, — ответил бывший премьер-министр Кархида.

Он держал руки над печью и не уменьшал накала. Даже он замерз.

— Я был в Туруфе, поблизости.

Это было все, что я от него узнал. Он не гордился своим поступком. И не способен был смеяться над ним.

Кража считается самым низким преступлением на Зиме, более презирается только самоубийство.

— Все это используем в первую очередь, — говорил он, пока я ставил на печь кастрюлю со снегом. — Все тяжелое.

То, что Эстравен заготовил заранее, было денатурированной плотной высококалорийной пищей в форме кубиков, которую по-орготски называют гичи-мичи. И мы называли ее так, хотя говорили по-кархидски. При минимальном рационе фунт в сутки нам хватило бы ее на шестьдесят дней. Вечером, умывшись и поев, Эстравен долго сидел у печки и подсчитывал наши запасы. У нас не было весов, и он ограничивался приблизительной оценкой, используя в качестве стандарта фунтовый кубик гичи-мичи. Как и большинство гетенианцев, он знал калорийность и питательность каждого вида пищи, собственные потребности в различных условиях, знал, как приблизительно оценить мои потребности. Такие знания жизненно важны на Зиме.

Рассчитав, наконец, наш режим питания, он заполз в мешок и уснул. Ночью я слышал, как он во сне продолжает вычислять вес, дни и расстояние.

По очень приблизительной оценке нам нужно было преодолеть около восьмисот миль. Первые сто миль на север и северо-восток — через лес по северным отрогам хребта Самбесен к ледяному щиту, покрывающему великий континент повсюду севернее сорок пятой параллели, и кое-где опускающемуся до тридцать пятой. Один из таких выдававшихся на юг языков льда находился в районе Огненных Холмов — последних вершин Самбесена. Этот район был нашей первой целью. Здесь в горах, как считал Эстравен, мы легче попадем на ледяной щит, либо опустившись на него с горного склона, либо поднявшись по языку льда. Дальше мы двинемся по самому льду на восток и пройдем около шестисот миль.

Там, где ледник подходит к берегу залива Гутон, мы спустимся с него и, пройдя пятьдесят — сто миль по Пенсайским высотам и болотам, которые будут покрыты десятью или двадцатью футами снега, выйдем на Кархидскую границу.

Весь маршрут проходит по необитаемым местам. Здесь мы не встретим ни одного инспектора. Несомненно, это самое важное.

У меня совсем не было документов, а документы Эстравена при самом поверхностном осмотре говорили, что они поддельные. К тому же я только внешне напо-

минал гетенианца и не хотел подвергаться осмотру. С этой точки зрения план Эстравена был очень практичен. В остальных отношениях он казался чистейшим безумием.

Это мнение я хранил про себя. Если уж нам все равно придется умирать в попытке бегства, я предпочитал умереть при попытке к бегству. Эстравен, однако, все еще раздумывал над другими возможностями. На следующий день, который мы провели, тщательно упаковывая на санях наши запасы, он сказал:

Если вы вызовете звездный корабль, то как быстро он прилетит?

— От восьми дней до полумесяца, в зависимости от того, где находится корабль относительно планеты. Он может оказаться на противоположной точке орбиты.

— Не быстрее?

— Не быстрее. Двигатель «Нафал» нельзя использовать в пределах солнечной системы. Корабль пойдет на обычном ракетном двигателе, а это займет не менее восьми дней. А что?

Он крепко затянул веревку и завязал ее, прежде чем ответить.

— Я думал о том, чтобы попросить помощи у вашего мира, раз уж наш не может ее оказать. В Туруфе есть радиопередатчик.

— Мощный?

— Не очень. Ближайший мощный передатчик в Кухумее, около четырехсот миль к югу отсюда.

— Кухумей большой город?

— Четверть миллиона жителей.

— Мы должны будем каким-то образом воспользоваться передатчиком, а потом более чем на восемь дней скрыться. Вероятность удачи очень мала.

Он кивнул.

Я вынес из палатки последний мешок с кадиком, уложил его на сани и сказал:

— Если бы я вызвал корабль в тот вечер, когда вы говорили со мной, накануне моего ареста... Но мой ансибл был у Оболе, да и сейчас у него, вероятно.

— Он может его использовать?

— Нет. Даже случайно не может. Установка координат исключительно сложна. Если бы я воспользовался им!

— Если бы я тогда знал, что игра кончена, — посетовал Эстравен.

Он улыбнулся, он не привык сожалеть.

— Вы старались, но я вам не поверил.

Когда сани были нагружены, он настоял на том, чтобы остаток дня мы провели в палатке, ничего не делая, сберегая энергию. Он, лежа, писал в маленькой записной книжке своим мелким быстрым вертикальным кархидским почерком. Эта запись составляет содержание предыдущей главы. У него не было возможности на протяжении предыдущих месяцев вести свой дневник, и это его раздражало. В этом смысле он оставался очень педантичен. Я думаю, что дневники для него были и обязанностью, и связью с его семьей в очаге в Эстре. В те времена я не знал, что он пишет.

Пока он писал, я намазал воском лыжи, потом вообще ничего не делал. Начал было насвистывать танцевальный мотив, но оборвал себя на середине. У нас одна палатка, и если мы хотим делить ее, не сводя друг друга с ума, необходима сдержанность в манерах и поведении.

Услышав свист, Эстравен поднял голову и сонно взглянул на меня.

— Я хотел знать о вашем корабле еще в прошлом году. Почему вас послали сюда одного?

— Первый посланник всегда приходит один. Один чужак — любопытный каприз, два — уже вторжение.

— Дешево ценится жизнь первого посланника.

— Нет, Экумен ничью жизнь не ценит дешево, но лучше подвергнуть опасности одну жизнь, чем две или двадцать. К тому же очень дорого посылать людей в больших кораблях. Да и я сам просил об этой работе.

— «В опасности честь», — процитировал он какую-то строку.

Потом он добавил:

— Мы будем достойны чести, когда достигнем Кархида.

Слушая его, я верил, что мы доберемся до Кархида, преодолеем восемьсот миль гор, ущелий, провалов, вулканов, ледников — сплошную пустыню, без убежища, без жизни, среди зимних бурь ледяного века.

Он продолжал писать с какой-то упрямой основательностью, которую я подметил еще в безумном короле, когда тот занимался кладкой камня.

Его «когда» опиралось на расчет. Он собирался добраться до Кархида на четвертый день четвертого месяца зимы — Архад Аннер.

Выступить мы должны были завтра, в тринадцатый день первого месяца зимы — Термебенд Терн. Наших запасов должно было хватить на три месяца — семьде-

сят восемь дней. Итак, делая по двенадцать миль в день, мы достигли бы Кархида в Архад Аннер. Все было готово. Осталось только выспаться.

Мы выступили на рассвете. Шел небольшой снег. Снежный покров на холмах был мягким, не слежавшийся. Земные лыжники называют его «дикий» снег.

Сани были тяжело нагружены. Эстравен считал, что их общий вес превышает триста фунтов. Тащить их по мягкому снегу было трудно, хотя они прекрасно приспособлены к езде: полозья великолепные, покрытые особым полимером, который сводил сопротивление почти к нулю, но и они застревали в снегу. Вскоре мы поняли, что по такому снегу, да еще каждый раз спускаясь в овраги и выбираясь из них, легче идти, когда один тянет сани, а другой толкает их сзади. Весь день шел снег. Мы дважды останавливались, чтобы поесть. В холмистой местности было совершенно тихо.

Мы продолжали идти до самых сумерек.

На ночь мы остановились в долине, точно такой же, как и оставленная нами утром. Я так устал, что пошатывался, но не мог поверить, что день кончился. По измерителю расстояния, укрепленному на санях, мы проделали пятнадцать миль.

Если по мягкому снегу и неровной дороге с тяжелым грузом мы смогли за день пройти столько, то, конечно, будем еще быстрее двигаться по льду, где поверхность ровнее и тверже, а груза к тому времени станет меньше. Теперь я поверил в план Эстравена. Через семьдесят дней мы будем в Кархиде.

— Вам приходилось раньше так путешествовать? — спросил я его.

— Санями? Часто.

— И далеко?

— Однажды осенью несколько лет назад мне пришлось проделать несколько сотен миль по Кармскому льду.

Нижний край земли Карм, гористый южный полуостров Кархидского полуострова, как и на севере, покрыт ледниками.

Человечество Великого континента Гетена живет на полосе земли между белыми стенами. По расчетам гетенианцев уменьшение солнечного излучения на восемь процентов привело бы к тому, что эти стены сомкнулись. Тогда не было бы ни людей, ни земли — только лед.

— Зачем? Что отправило вас в столь длительное путешествие?

— Любопытство, любовь к приключениям,— он колебался и слегка улыбнулся,— «Расширенные сложности и напряженности — цель жизни», — процитировал он одно из моих экуменийских высказываний.

— Ага, вы сознательно усиливали эволюционную сущность, заложенную в каждом человеке.

Мы оба были очень довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий чай и ожидая, пока закипит похлебка из кадика.

— Примерно, — согласился он. — Нас было шестеро. Мой брат и я из Эстре и четверо друзей из Стоки. У нашего путешествия не было особой цели. Мы хотели взглянуть на Теремандер — гору, выступающую из льда. Мало кто видел ее с земли.

Похлебка была готова — совсем не то, что месиво из отрубей на Пулафенской ферме. У нее был вкус жареных орехов, и она великолепно обжигала рот. Наслаждаясь, я сказал:

— Лучшую еду я пробовал на Гетене всегда в вашем обществе, Эстравен.

— Но не на банкете в Мишпори.

— Верно, не там. Вы ненавидите Оргорейн?

— Орготы не умеют готовить. Ненавидеть Оргорейн? Нет. Зачем же? Можно ли ненавидеть или любить страну? Тайб рассуждает об этом, но я не понимаю. Я знаю людей, города, фермы, холмы, реки, скалы, знаю, как светит солнце. Но как можно любить или ненавидеть все это в целом? Пока я люблю жизнь, я люблю и холмы Эстре, но эта любовь не имеет ничего общего с ненавистью. Надеюсь, я невежествен.

Невежествен в жанндарском смысле, невежество по отношению к абстракции, тяготение к реальности. В этом учении было что-то женственное, отказ от абстракции, от идолов, подчиненность реальному. Это мне не нравилось.

Однако он добавил:

— Человек, который не чувствует отвращения к плохому правительству глупец. Если бы на земле существовало хорошее правительство, какое удовольствие было бы служить ему!

В этом мы понимали друг друга.

— Я знаю такое удовольствие, — заметил я ему.

— Да, так я и думал.

Я вымыл наши чашки горячей водой и вылил ее за палаткой. Снаружи было совершенно темно. Продолжал идти снег, снежинки пролетали в пятне света у

входа в палатку. Закрывшись в ее тепле, мы забрались в спальные мешки. Он сказал что-то вроде: «Дайте чашки мне, мистер Ай».

Я ответил:

— Так и будет «мистер»? Через весь лед?

Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— Не знаю, как вас называть.

— Меня зовут Дженли Ай.

— Знаю. А зачем вы используете мое имя по местности?

— А как же вас еще называть?

— Харт.

— Тогда я Ай. Кто использует первые имена?

— Братья по очагу или друзья, — сказал он.

При этом голос его звучал отдаленно, как будто из-под толстого слоя снега. Было в этом высокомерие или гордость?

Я забрался в меховой мешок и сказал:

— Спокойной ночи, Харт.

Друг. Что такое друг в мире, где любой может быть любовником? Я не мог быть другом ни Терему Харту, ни кому-либо из его расы. Не мужчины и не женщины, подчиненные своим безумным циклам, меняющиеся при прикосновении рук, они не были мне друзьями, и любви между нами не могло быть никакой.

Мы спали. Среди ночи я проснулся и ощутил, как снег толстым слоем покрывает нашу палатку.

На рассвете Эстравен приготовил завтрак.

День был ясный. Когда солнце позолотило верхушки кустов, покрывавших склоны долины, мы двинулись в путь. Эстравен тянул сани, а я подталкивал их сзади.

Начал образовываться наст. На склонах мы спускались вниз бегом. В тот день мы вошли в лес, который окружает Пулафенскую ферму — лес из изогнутых деревьев, обросших ледяными бородами — деревьев торе. Мы не осмеливались воспользоваться главной дорогой на север, но поскольку в лесу не было упавших деревьев, идти было легко. Мы находились в Тарреннете — местности более ровной и с меньшим количеством ущелий и оврагов. Вечером измеритель расстояния показал двадцать миль, а мы устали меньше, чем накануне.

Одно преимущество зимы на Зиме — дни здесь остаются светлыми. У планеты очень небольшой наклон к плоскости эклиптики, недостаточный, чтобы давать значительные отличия в длительности дня по временам года на высоких широтах.

Времена года определяются лишь эллипсоидностью орбиты. На дальнем конце орбиты, афелии, еще достаточно солнечного излучения. Зима — самое сухое время года и самое приятное, если бы не было так холодно. Солнце, когда его видно, стоит высоко, нет медленного перехода от света к темноте, как в полярных районах Земли, где холод и ночь приходят вместе. Гетен — яркий мир, жгучий, ужасный и яркий.

Три дня мы шли по лесу Тарреннет. На третий день Эстравен собирался поставить ловушки, поэтому мы остановились рано.

Он хотел поймать пестри. Это было одно из самых больших животных Зимы размером с лисицу, яйцекладущее, травоядное, с великолепным мехом. Пестри съедобны, и Эстраvenu они нужны были именно для этого. В больших количествах они мигрируют на юг, но настолько хитры и проворны, что за все время мы видели только двух или трех, хотя снег на всем пути был испещрен их следами. Следы вели на юг. Ловушки Эстравена были готовы через час. Он поймал шесть зверьков, освежевал их и повесил, чтобы тушки замерзли. Одного решено было съесть вечером. Гетенианцы не охотники, у них почти нет дичи, нет больших травоядных животных, а следовательно, и хищников, за исключением морских.

Гетенианцы рыбачат и возделывают земли. Раньше я никогда не видел гетенианцев с кровью на руках.

Эстравен взглянул на белые шкуры.

— Теперь время охоты на пестри.

Он протянул мне одну шкуру. Мех был таким мягким и глубоким, что трудно было определить, в какой момент рука касается его. Наши спальные мешки, верхняя одежда, капюшоны — все было на таком меху, великолепно изолирующем и внешне красивом.

— Вряд ли годятся для жаркого, — усомнился я.

Эстравен посмотрел на меня и ответил:

— Нам нужен протеин.

Он выбросил внутренности.

— За ночь расони, маленькие злобные крысозмеи, пожрут их и вылизут окровавленный снег.

Он был прав, он вообще всегда был прав.

В пестри фунт или два съедобного мяса, и вечером я съел свою порцию жаркого, а на следующее утро почувствовал себя вдвое сильнее.

В этот день мы начали подниматься.

Мягкий снегопад и крокет — безветренная погода

с температурой от нуля до двадцати градусов по Фаренгейту — остались позади, сменившись дождем со снегом. Я начал понимать, почему гетенианцы жалуются, когда зимой повышается температура, и радуются, когда она падает. Для горожанина дождь — неудобство, для путника — катастрофа.

Мы тащили сани по отрогам Самбесена все утро, проваливаясь в глубокое вязкое холодное месиво из дождя и снега.

К полудню снег на склонах почти полностью сошел. Водопады дождя, мили грязи и гравия. Мы сняли полозья, поставили сани на колеса и потащили их дальше. На колесах сани оказались очень неустойчивыми и каждую минуту грозили опрокинуться. Тьма наступила раньше, чем мы успели найти укрытие или поставить палатку, так что, несмотря на все старания, вещи промокли. Эстравен говорил, что наша палатка будет служить нам в любую погоду, пока мы сохраним ее сухой изнутри.

Если мешки промокли, ночью тратишь много тепла тела и плохо спишь. А запасы пищи у нас слишком малы для лишней траты энергии. Мы не можем рассчитывать на солнце, чтобы просушить вещи, поэтому нужно держать их в сухости.

Я прислушался к его словам и так же тщательно держал вход в палатку на запоре от снега и дождя, как и он, так что внутри лишь скапливалась неизбежная влага от нашего дыхания и приготовления пищи. Но в тот вечер все промокло до того, как мы поставили палатку. Мы жались к печи Чейба, вскоре было готово жаркое из пестри, горячее и достаточно вкусное, чтобы компенсировать все неприятности. Измеритель расстояния, вопреки нашей изнурительной работе по вытягиванию саней на склоны, показал лишь девять миль.

— Первый день, когда мы не выполнили свое задание, — сказал я.

Эстравен кивнул, раскалывая кость, чтобы добраться до мозга. Он снял с себя мокрую одежду и сидел в коротких брюках, с босыми ногами. Я слишком замерз, чтобы снимать с себя хеб и обувь. Он сидел, колол кости, крепкий, аккуратный, выносливый. Его густые волосы не принимали влагу, как перья птицы. Вода лишь немного капала с волос ему на плечи, как с карниза крыши, он даже не заметил этого. Он не был обескуражен. Он сам принадлежал к этому миру.

Первый раз, когда я ел мясо, я почувствовал спаз-

мы в желудке. На этот раз они были гораздо сильнее. Я лежал без сна, слушая шум дождя.

За завтраком Эстравен спросил:

— Вы плохо спали ночью?

— Откуда вы знаете?

Сам он спал крепко и не шевелился, даже тогда, когда я выходил из палатки.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Так что же случилось?

— Несварение желудка.

Он мигнул и угрюмо сказал:

— Это мясо.

— Вероятно.

— Моя вина. Я должен был...

— Все в порядке.

— Вы можете идти?

— Да.

Дождь все лил и лил. Западный ветер с моря принес тепло даже сюда на высоту в три-четыре тысячи футов. Видимость в сером тумане и дожде была не больше, чем на четверть мили. Я не видел вершины склонов, поднимавшихся вокруг. Кроме дождя ничего не было видно. Мы шли по компасу, стараясь держаться северного направления.

Сотни тысяч лет назад ледник двигался по этим горам. На гранитных склонах остались его следы, длинные прямые разрезы У-образной формы. Вдоль этих разрезов иногда можно было тащить сани, как по дороге.

Я предпочитал тащить сани. Мне легче было идти нагнувшись, и работа согревала меня. Когда мы остановились в полдень, чтобы поесть, я промок, озяб и не хотел есть. Мы продолжали подниматься. Дождь шел и шел. Вскоре Эстравен остановился под большим выступом черной скалы.

Прежде чем я выбрался из упряжки, он уже расставил палатку. Потом предложил войти в нее и лечь.

— Я здоров, — запротестовал я.

— Нет, — ответил он. — Ложитесь.

Я повиновался, но его тон мне не понравился. Когда он тоже вошел, я начал готовить еду, потому что была моя очередь. Тем же тоном он велел мне лежать спокойно.

— Не нужно мне приказывать, — сказал я ему.

— Простите.

В тоне его не чувствовалось извинения.

— Я не болен, вы знаете.

— Нет, не знаю. Если вы не говорите откровенно, я вынужден судить по вашему внешнему виду. Вы еще не оправились, а дорога предстоит трудная. Я не знаю пределов вашей выносливости.

— Я скажу, когда достигну их.

Это покровительство уязвило мою гордость. Он был на голову ниже меня и по сложению больше походил на женщину, чем на мужчину. Когда мы шли рядом, мне приходилось укорачивать шаг, чтобы он не отставал.

— Значит, вы больше не больны?

— Нет, конечно, я устал. И вы тоже.

— Да. Я беспокоюсь о вас. Впереди долгий путь.

Он не покровительствовал мне, он считал меня больным, а больной должен слушаться. Он был откровенен со мной и ожидал от меня ответной откровенности. В конце концов, у него не было представления о мужественности.

Но, с другой стороны, если он мог отбросить принцип шифгретора, как он сделал со мной, возможно, и мне следовало сдержать свою мужскую гордость. Он это чувство понимал так же мало, как я его шифгретор.

— Сколько мы прошли сегодня?

Он оглянулся и слегка улыбнулся:

— Шесть миль.

Назавтра мы прошли семь миль, послезавтра — двенадцать, а еще через день вышли за пределы обитания человека. Шел девятый день нашего путешествия. Мы находились на высоте в пять-шесть тысяч футов над уровнем моря на высоком плато, полном следов недавнего горообразования и вулканизма. Плато постепенно сужалось и переходило в долину между длинными горными цепями. Дождевые облака разошлись. Холодный северный ветер совершенно прогнал их, справа и слева от нас обнажились горные вершины, сверкающие в лучах солнца. Впереди лежала извивающаяся долина, полная снега, льда и скал. Поперек долины возвышалась ледяная стена. Подняв глаза к вершине этой стены, мы увидели ледник Гобрин, уходящий на север и белый настолько, что глаз не выдерживал этой белизны.

Тут и там из долины поднимались черные пики. С их вершин били в небо струи пара и дыма. Из щелей ледника тоже тянулся дым.

Эстравен стоял рядом со мной, глядя на эту величественную пустыню.

— Я рад, что дожил до этого, — проговорил он.

Я понимал его чувства.

Дождя больше не было. Дно долины покрывал снег. Мы сняли колеса, снова поставили сани на полозья, надели лыжи и пустились на север, в молчаливую обширность огня и льда, которая огромными черно-белыми буквами писала поперек всего континента: «Смерть». Сани казались легкими как перышко.

16

Одирни Терн. Ай спрашивает из своего спального мешка:

— Что вы пишете, Харт?

— Дневник.

Он смеется.

— Я должен был бы вести отчет для Экумена, но без звукозаписи не могу этого делать.

Я объяснил ему, что веду записи для моего рода в Эстре. Если они найдут нужным, то включают их в записи домейна. Упоминание дома обратило мои мысли к очагу и сыну. Я хотел забыть о них и спросил:

— Ваш родитель... родители... они живы?

— Нет, — ответил Ай. — Они мертвы уже семьдесят лет.

Я удивился. Аю было не больше тридцати.

— Ваш счет лет отличается от нашего?

— Нет... А, понимаю. Это все прыжки через время. Двадцать лет от Земли до Хейна, а оттуда пятьдесят лет до Оллула, от Оллула сюда семнадцать. Я жил вне Земли лишь семь лет, но родился там сто двадцать лет назад.

Еще в Эрхенранге он объяснил мне, как сокращается время в полете на корабле между звездами со скоростью света, но я не прилагал этот факт к длине человеческой жизни, или к жизням, которые он оставил в своем мире. Пока он проживал несколько часов на этих невообразимых кораблях, летящих от планеты к планете, все, что он оставлял за собой, старело и умирало.

Наконец я сказал:

— Я только себя считал изгнанником.

— Вы стали изгнанником ради меня, я — ради вас, — подытожил он и рассмеялся мягким веселым смехом в тяжелой тишине.

Последние три дня прошли в тяжелом труде, но Ай был в хорошем настроении и очень терпелив со мной.

Может быть, прекращалось действие наркотика, может, мы привыкли друг к другу.

Этот день мы провели, спускаясь с базальтового уступа, на который взбирались в течение вчерашнего дня. Со дна долины этот уступ казался удобной дорогой на лед, но чем выше мы поднимались, тем больше каменистых осыпей и голых каменных стен встречали, склоны становились все круче. Вскоре мы даже без саней не могли продвигаться дальше. К вечеру спустились в долину. Здесь ничего не росло. Обломки скал, булыжники, глина, грязь. Пятьдесят или сто лет назад отсюда отступил рукав ледника, обнажив кости планеты — никакой почвы, никакой растительности. Тут и там из фумарол клубился желтоватый дым. В воздухе пахло серой.

Было двадцать градусов, сыро. Я надеялся, что тяжелые снега не выпадут до тех пор, пока мы не выберемся из этой земли. Казалось, широкая ледяная рука спускается с плато между двумя горами-вулканами. Над обеими вершинами поднимался пар и дым. Если мы сможем попасть на эту реку льда со склона ближайшего вулкана, она может оказаться хорошей дорогой на ледяное плато. Мы решили попытаться добраться до ледника между вулканами, хотя поворот на запад по крайней мере дня на два уводил нас от цели.

Одросте Терн. Пессарет (легкая метель). Двигаться невозможно. Целый день спали. Мы провели в пути уже полмесяца, и отдых был необходим.

Одторменвой Терн. Пессарет. Ну, хватит спать. Ай научил меня земной игре с маленькими камушками, называемой «го».

Игра исключительно трудная. Как заметил Ай, здесь хватает камней, чтобы играть в «го».

Он неплохо выносит холод. Странно видеть, как он сидит, укутавшись в хеб, пальто и надев капюшон, когда температура ниже нуля, но когда мы идем и светит солнце, а ветер не слишком резок, он снимает пальто и потеет, как и мы, и нам приходится идти на компромисс с температурой в палатке. Он хочет жары, а я — холода, и то, что для одного комфорт, для другого — пневмония. Мы выбрали середину, и он дрожит в своем мешке, а я потею в своем. Но если вспомнить, как велики различия между нами, поймешь, что уживаемся мы неплохо.

Гетени Танери. Ясно, ветра нет, температура весь день около пятнадцати градусов. Наш лагерь разбит на нижнем западном склоне ближайшего вулкана — Дроменгола, по моей карте Оргорейна. Второй вулкан через ледяную реку называли Дрампер. Карта была сделана очень плохо, расстояния указаны на ней неточно, а к востоку от нас виднеется гора, совершенно не указанная на карте. Очевидно, орготы не часто бывают в Огненных Холмах.

Впрочем, сюда и незачем приходить. За день мы прошли двенадцать миль. Тяжелая работа. Сплошные скалы. Ай немедленно уснул. Я повредил ногу, попав между двух булыжников. Ночной отдых излечит ее. Завтра мы начнем спуск на лед.

Наши запасы пищи сокращаются угрожающе, но это потому, что мы едим самое громоздкое и тяжелое. У нас было от девяносто до ста фунтов грубой пищи, половина груза, украденного мной в Туруфе.

После пятнадцатидневного путешествия шестидесяти фунтов не стало. Я рад, что тяжелый груз из Туруфа кончается. Сани стали легче.

Сордни Танери. Двадцать градусов, холодный дождь, ветер из долины, как ледяной сквозняк. Лагерь на плоском выступе в четверти мили от края. Путь вниз по Дроменголу был труден и крут. Голые стены скал и каменные поля. Край ледника окружен ущельями, а лед так густо покрыт камнями, что нам пришлось поставить сани на колеса.

Через сто ярдов сломалось колесо и согнулась ось. Снова полозья. За день сделали всего лишь четыре мили, все еще не в том направлении. Ледник, казалось, представляет длинную дугу, уходящую к вулканам, к западу от плато Гобрик. Здесь он около четырех миль шириной, и по центру его идти будет легче, хотя поверхность его более неровная, чем я думал.

Дрампер живет. Снег на его склонах пахнет дымом и серой. Весь день на западе висит туман. Время от времени все вокруг закрывают облака. Ледяной дождь, лед. Воздух становится тускло-красным, потом краснота медленно блекнет. Ледник слегка дрожит у нас под ногами.

Эскичье рем ир Гор. Предположим, что вулканическая активность на северо-западе Оргорейна и в Архипелаге увеличивается на протяжении последних десяти—двадцати тысяч лет, что указывает на конец льда или

по крайней мере на сокращение его и отступление ледникового периода.

Углекислый газ, выделяемый вулканами в атмосферу, послужит изолятором, удерживая тепловую энергию, отраженную от земли, и в то же время пропуская без задержки солнечные лучи.

Ай утверждает, что среднегодовая температура повысится почти на тридцать градусов, достигнув в конце концов семидесяти двух градусов (семьдесят два градуса по Фаренгейту равны двадцати двум по Цельсию).

Я рад, что не буду свидетелем этого. Ай сказал, что аналогичная теория выдвигается и земными учеными, чтобы объяснить продолжающееся отступление ледников. Все подобные теории оказываются недоказуемыми, никто точно не знает, почему наступают и отступают ледники.

Снег невежества остается нетронутым.

Над Дрампером в темноте тускло светится красное облако.

Эпс Танери. По измерителю сегодня мы прошли одиннадцать миль, но по прямой мы не более, чем в восьми милях от ночного лагеря. Мы все еще на полоске льда между двумя вулканами. Дрампер извергается, языки огня рвутся из его черных боков, огни хорошо видны, когда ветер разгоняет дым, пепел и белый пар.

Слышится непрерывный свист, очень высокий, почти недоступный восприятию. Ледник дрожит, трещит и щелкает, подпрыгивая под нашими ногами.

Сугробы сброшены вниз со стен пропастей. Мы движемся в разных направлениях, ища концы трещины, способной поглотить наши сани, потом ищем конец другой трещины, пытаемся двигаться на север, но вынуждены идти то на восток, то на запад. Над Дроменголом, сочувствующим работе Дрампера, висят столбы черного дыма.

Ай сильно обморозил лицо. Когда я случайно посмотрел на него, нос, уши и веки у него были серого цвета. Массаж предотвратил беду, но мы должны быть осторожнее. Со льда дует жесткий ветер, и нам нужно идти навстречу ему.

Я был рад выбраться из щели между двумя ревущими чудовищами. Горы нужно видеть, а не слышать.

Архад Танери. Небольшой снег, температура между пятнадцатую и двадцатую. За день прошли двенадцать

миль, но из них лишь пять в нужном направлении. Край Гобринна заметно приблизился к нам. Теперь мы видим широкую ледяную реку, рукав между Дрампером и Дроменголом — лишь ее приток.

Позади мы видим расколотый, разорванный черными дымящимися вершинами лед. Впереди ледовая река изгибается, поднимаясь к ледяной стене далеко над пеленой пара и дыма. Шлак и пепел сыплются сверху вместе со снегом, лед покрыт толстым слоем шлака.

Для ходьбы поверхность хорошая, но тащить по ней сани плохо. Постепенно приходится сменить полозья. Несколько раз рядом с нами падали вулканические бомбы. Они громко свистели и с шипением погружались в расплавленный лед.

Трещит падающий со снегом шлак. Мы ползем на север сквозь грязный хаос мира в процессе его создания. Хвала незавершенному созиданию.

Петерхад Танери. С утра идет снег, ветрено, около пятнадцати градусов. Огромный ледник, на который мы должны подняться, спускается в долину с запада. Мы на восточном краю этой долины. Дроменгол и Дрампер теперь за нами, хотя острая вершина Дроменгола все еще возвышается к востоку от нас почти на уровне глаз. Теперь нам предстоит сделать выбор: либо следовать по пологому извику на запад и постепенно подняться на ледяное плато, либо взобраться на ледяные утесы в миле к северу от лагеря и ценою риска сберечь двадцать или тридцать миль. Ай предпочел риск.

В нем есть какая-то хрупкость. Он очень уязвим. Даже половые органы у него всегда находятся снаружи. Но в то же время он невероятно силен. Не уверен, что он может тащить сани дольше, чем я, но он сможет тащить их вдвое быстрее. Он может приподнять сани спереди или сзади, чтобы высвободить их из щели. Я могу приподнять такой вес только в доте. В соответствии с хрупкостью и силой у него характер, легко поддающийся отчаянию. Быстрый и несдержанный, он обладает яростной и нетерпеливой храбростью. Медленный, трудный путь, сделанный за последние дни, так истощил его тело и волю, что, принадлежи он к моей расе, я счел бы его трусом. Но он не трус.

Никого храбрее я не видел. Он готов рисковать жизнью на каждом крутом обрыве.

«Огонь и страх — хорошие слуги, но плохие хозяе-

ва». Он заставил страх служить себе. Я предпочел бы более длинный путь.

Но храбрость и разум за него. Какой смысл искать безопасный путь в таком путешествии, как наше? Существуют бессмысленные пути — таким я не пойду — но безопасных путей нет.

Стрет Танери. Не везет. Поднять сани невозможно, хотя мы весь день пытались сделать это.

Порывы ветра несут снег с пеплом.

Весь день темно, как будто дующий с запада ветер окружил нас дымом Дрампера.

Здесь, наверху, лед трясется меньше, но когда мы взбирались на утес, нас настигло землетрясение. Сани покатались вниз, я вслед за ними, но сила Ая спасла нас от падения к подножию утеса. Если один из нас сломает ногу или плечо, это будет, вероятно, означать конец для нас обоих.

Долина под нами полна пара. Ее коснулась лава. Мы не можем возвращаться. Завтра попытаемся подняться дальше к западу.

Берни Танери. Не везет. Пойдем еще дальше на запад. Темно, как в поздние летние сумерки.

Мы кашляем, но не от холода (даже ночью температура около нуля), а от пепла и дыма. Два дня прошли в напряженных попытках подняться. Всюду мы встречали непреодолимую стену. Ай истощен и рассержен. Он как будто готов заплакать, но не плачет. Я думаю, он считает плач постыдным.

В первые дни, когда он был слаб, он прятал от меня свое лицо. Причины личные, расовые, социальные, половые — откуда мне знать? Но имя его — это крик боли. Я ясно помню, как впервые увидел его давным-давно в Эрхенранге. Наслушавшись разговоров о чужаке, я спросил, как его зовут, и услышал в ответ крик боли: «Ай». Теперь он спит. Руки его дрожат и дергаются от усталости, и все вокруг нас: лед и скалы, пепел и снег, огонь и тьма — тоже дрожит и дергается. Выглянув из палатки, я увидел тускло-красный отсвет вулкана на облачном небе.

Орни Танери. Не везет. Сегодня двадцать второй день путешествия, и с десятого дня мы не продвинулись на восток, наоборот, ушли на двадцать—двадцать пять миль на запад. С восемнадцатого дня мы вообще могли бы с тем же успехом сидеть на месте. Даже если нам

удастся подняться на лед, хватит ли нам пищи? Трудно не думать об этом. Дым и пепел от извержений мешают смотреть далеко, поэтому мы не можем выбирать путь.

Ай предлагает попробовать каждый подъем, даже самый крутой. Он нетерпелив и раздражен моей осторожностью. Нам следует сдерживаться. Через день или два я буду в кеммере, и напряжение возрастет...

А тем временем мы бьемся головами о ледяные утесы в полной пепла тьме. Если бы я писал новый йомештский канон, то посылал бы воров после смерти сюда. Воров, которые крадут ночью продовольствие в Туруфе, воров, которые крадут сердце и имя человека и высылают его, пристыженного и изгнанного.

Голова у меня гудит, и я не в состоянии даже прочесть написанное.

Хардахад Танери. Мы на Гобрине. Двадцать третий день пути, и мы на леднике Гобрин.

Утром, пройдя лишь несколько сотен ярдов от ночного лагеря, мы увидели дорогу на лед, широкую, мощеную шлаком. Мы прошли по ней, как по главной улице Эрхенранга, и вот мы на льду. Мы движемся на восток домой. Чистейшая радость, испытываемая Аем от нашей победы, заразила и меня. Впрочем, вверху так же мрачно, как и внизу.

Мы на самом краю плато. Расщелины, некоторые достаточно широки, чтобы поглотить целую деревню, не дом за домом, а всю сразу, уходят на север и скрываются из вида. Большинство из них пересекает наш путь, поэтому нам постоянно приходится идти не на восток, а на север. Идти трудно. Мы тащим сани меж огромных складок льда, образовавшихся от напора ледяного щита на Огненные Холмы. Изуродованные давлением, ледяные утесы приобретают диковинные формы: опрокинутые башни, безногие гиганты, катапульты. На протяжении многих миль лед все вздымается, стараясь затопить горы и заглушить огонь, заставить замолчать вулканы. В нескольких милях к северу из льда поднимается пик — острый голый конус молодого вулкана, на много тысячелетий моложе этого ледяного щита, который шеститысячефутовой толщей покрывает невидимые склоны.

Весь день, оглядываясь, мы видели пепельно-серое облако над Дроменголом, которое кажется серым продолжением льда. Дует сильный ветер и разгоняет дым и пар, которыми мы дышали все последние дни.

Облако дыма за нами как черная крышка закрывает ледник, горы, каменную долину и всю землю. Здесь ничего нет, кроме льда. Но молодой вулкан к северу от нас думает по-другому.

Снега нет, пасмурно. В сумерки на плато — минус четыре градуса. Под ногами новый лед, предательский и скользкий. Мы часто падаем. Падая, я еду на животе не менее пятнадцати футов. Ай в упряжке сгибается от хохота. Он извиняется и объясняет, что считал себя единственным человеком на Гетене, способным поскользнуться на льду.

За день прошли тринадцать миль, но если мы и дальше будем придерживать такого темпа среди утесов и расщелин, то скоро замучаемся и попадем в худшую беду, чем езда на животе.

Убывающая луна стоит низко, она тускла, как засохшая кровь, большое коричневое радужное облако окружает ее.

Орни Танери. Снег. Вязкий снег и резкий ветер. Температура падает. Сегодня снова тринадцать миль, что составляет общее расстояние в двести пятьдесят четыре мили с момента выхода из первого лагеря. В среднем мы делаем десять с половиной миль в день. Но тяжелый путь не приблизил нас к цели. Мы сейчас не ближе к Кархиду, чем в начале пути, просто теперь у нас больше возможности попасть туда.

После ужина мы по вечерам снова разговариваем в палатке. В состоянии кеммера я предпочел бы не замечать присутствия Ая, но это не так-то легко сделать в двухместной палатке. Беда, конечно, в том, что он на свой манер тоже в кеммере, он всегда в кеммере. Должно быть, несильное желание, если оно растянуто на все дни года. Вечером мне трудно скрывать свое физическое состояние.

Он наконец спросил, не оскорбил ли он меня чем-нибудь?

Я с некоторым замешательством объяснил свое молчание. Я боялся, что он будет смеяться надо мной. В конце концов это не более, чем сексуальный каприз.

Здесь, наверху, на льду, каждый из нас единичен, изолирован, и я так же отрезан от мне подобных, от всего общества и его правил, как и он от своего. Нет других гетенианцев, которые объясняли и поддерживали бы мое существование. Мы, наконец, равно чужды и одиноки. Он, конечно, не стал смеяться, наоборот, заго-

ворил с мягкостью, которую я раньше не замечал в нем. Немного погодя он тоже начал говорить об изоляции и одиночестве.

— Ваша раса ужасающе одинока в своем мире. Нет других млекопитающих. Нет других двуполых видов. Нет животных, достаточно разумных, чтобы одомашнить их, хотя бы и в качестве игрушки. Эта уникальность должна воздействовать на ваш образ мысли. Я имею в виду не только научное мышление, хотя вы и великолепные создатели гипотез. Поразительно, что вы выработали концепцию эволюции, не имея никакого переходного звена между вами и низшими животными. Но философия нации: быть одинокими во враждебном мире. Это должно отразиться на всем вашем мировоззрении.

— Йомешта сказал бы, что одиночество человека есть его назначение.

— Конечно. Другие культы на других мирах пришли к такому же заключению. Это культы динамичных, агрессивных, нарушающих эволюцию культур. Некоторым образом их примером мог бы быть Оргорейн. По крайней мере, он, кажется, движется в этом же направлении. А что говорят жанндары?

— Жанндара, как вы знаете, это не теория и не догма... Она меньше замечает пропасть между людьми и животными, обращая внимание на их сходство, на связи, которые делают все живое частями единого целого.

У меня в голове целый день звучало Термора и я процитировал:

— Свет — это левая рука Тьмы.
А Тьма — это правая рука Света.
Два есть одно: жизнь и смерть
Лежат рядом, как пара в кеммере.
Как соединение руки.
Как конец и начало.

Голос мой дрожал, когда я читал эти строки. Я помнил, что они были в письме, которое мой брат написал мне перед смертью.

Ай подумал и сказал:

— Вы изолированы и в то же время неразделены. Возможно даже, что вы страдаете целостностью, как мы дуализмом.

— Мы тоже дуалисты. Дуализм существует, пока существует «я» и «другие».

— «Я» и «ты», — сказал он. — Да, в конце концов это заложено глубже, чем пол...

— Скажите, как другой пол вашей расы отличается от вас?

Он посмотрел удивленно, меня тоже удивил собственный вопрос. Это во мне неожиданно заговорил кеммер.

— Я не думал об этом, — сказал Ай. — Вы ведь никогда не видели женщин.

Он использовал слово земного языка, которое я знал.

— Я видел ваши фотографии. Женщины похожи на наших беременных гетенианцев, но с большими грудями. Отличаются ли они в умственном отношении и поведении? Похожи ли на два различных вида?

— Нет, конечно, но различия очень важны. Я думаю, что важнейший фактор человеческой жизни — рожден ли он мужчиной или женщиной. В обществе пол определяет деятельность, мировоззрение, этику, манеры — все. Слова, обычаи, одежду, даже пищу. Женщины обычно едят меньше. Очень трудно отделить внутренние различия от внешних. Даже если женщины обладают в обществе равными правами с мужчинами, на них все равно падает обязанность рождения и воспитания детей.

— Значит, равенство не общее правило? Они отстают в умственном отношении?

— Не знаю. Они часто занимаются математикой, сочиняют музыку, изобретают, но они не абстрактно-мыслящие. И не потому, что они глупы. Физически они менее мускулисты, но намного выносливее мужчин. Психологически...

После этого он долго смотрел на горящую печь, а потом покачал головой.

— Харт, я не могу вам сказать, на что похожи женщины. Я никогда не думал об этом, а сейчас — о, боже, — я почти забыл о них. Я здесь уже два года. Вы же знаете, в некотором смысле женщины более чужды мне, чем вам. Ведь с вами я даже один пол...

Он посмотрел в сторону и рассмеялся печально и беспокойно. Я испытывал сложные чувства, и мы оставили эту тему.

Гирни Танери. Сегодня прошли восемнадцать миль на лыжах в северо-восточном направлении. В первый же час выбрались из пограничного района утесов и ущелий.

Оба шли в упряжке. Я — впереди, чтобы испытывать лед, но в этом не было необходимости. На ископаемом

льду лежит слой нового льда в несколько футов толщиной, а на нем слой слежавшегося снега.

Идти было легко, сани казались такими легкими, что трудно было поверить, что в них еще несколько сотен фунтов веса. После полудня тащили сани по очереди. Один человек вполне справляется с ними на этой прекрасной поверхности. Жаль, что нам пришлось проделать самую тяжелую часть пути с грузом. Теперь идти легко.

Я понял, что слишком часто думаю о пище.

Ай говорит, что мы едим мало. Весь день мы быстро шли по ровному ледяному плато.

Лишь несколько далеких от нас пиков разрывали лед, а сзади висело темное облако дыхания Дрампера. И больше ничего.

Только солнце и лед.

17

В начале не было ничего, кроме льда и солнца. За много лет сияющее солнце выплвило во льду большую расщелину. По бокам расщелины — большие ледяные утесы, а дна у нее не было. На боках утесов таял снег, и капли падали вниз.

Первый из ледяных утесов сказал:

— У меня идет кровь.

Второй заметил:

— Я плачу.

А третий отозвался:

— Я потею.

Ледяные утесы выбрались из пропасти и стояли на ледяной равнине. Тот, который сказал: «У меня идет кровь», — дотянулся до солнца, набрал полные руки испражнений из солнечных кишок и сделал из них холмы и долины земли. Тот, который сказал: «Я плачу», —дохнул на лед, растопил его и создал моря и реки. Тот, который заметил: «Я потею», — смешал землю и морскую воду и сделал из смеси деревья, травы, зерно на полях, животных и людей. Растения росли на полях и в море, звери бегали по земле и плавали в воде, но люди не просыпались. Их было тридцать девять. Они спали на льду и не двигались.

Тогда ледяные утесы сели, согнув колени, и солнце растопило их. Они таяли молоком, и молоко текло в рты спящих, и спящие проснулись. Только дети людей пьют молоко, иначе они не просыпаются в жизни.

Первым проснулся Эдендурат. Он был так высок, что, встав, расколол головой небо, и пошел снег. Он увидел, как шевелятся и просыпаются другие и испугался. Поэтому он убивал их одного за другим ударом кулака. И убил их, все тридцать шесть. Но тридцать седьмой, предпоследний, убежал.

Его звали Хахерет. Побежал он по льду и по земле. Эдендурат погнался за ним, поймал и убил. Затем он вернулся к месту рождения на льду Гобрин, где лежали тела остальных, но последнего там уже не было. Он убежал, пока Эдендурат гнался за Хахеретом.

Эдендурат построил дом из замерзших тел своих братьев и стал ждать возвращения последнего. Каждый день один из трупов спрашивал: «Он горит?» И все остальные трупы мертвыми замерзшими языками отвечали:

— Нет.

Потом Эдендурат во сне вступил в кеммер, зашевелился и громко заговорил, а когда он проснулся, все трупы говорили: «Он горит!» И последний из братьев, самый юный из них, услышав это, вошел в дом из тел и совокупился с Эдендуратом.

От них и пошли все люди, от плоти Эдендурата, из чрева Эдендурата. Имя младшего брата — отца — неизвестно. За каждым ребенком следовал клочок тьмы, когда он ходил при дневном свете. Эдендурат спросил:

— Почему за моими сыновьями следует тьма?

Его кеммеринг ответил:

— Они рождены в доме из тел. И по пятам за ними следует тень-смерть. Они в середине времени. В начале было солнце и лед, и не было тени. В конце солнце пожрет себя, тень съест свет, и не останется ничего, кроме льда и тьмы.

18

Иногда, засыпая в темной тихой палатке, я на мгновение вижу перед собой картины прошлого. Слышно, как трется о них падающий снег. Ничего не видно. Свет печи Чейба погашен, и она существует только как теплый шар, сердце тепла. Слабый шелест спального мешка, звук снега, еле слышное дыхание спящего Эстравена, тьма, и больше ничего. Мы вдвоем внутри, в убежище, в центре всех предметов. Снаружи, как всегда, лежит огромная тьма, холодное смертельное одиночество.

В такие отчетливые моменты, засыпая, я знаю, что

все прошлое существует в настоящем и что здесь, в середине тепла, истинный центр моей жизни.

Не хочу сказать, что я был счастливым в эти недели изнурительного труда, когда мы тащили сани по ледяному щиту среди смертоносной зимы. Я был голоден, измучен, обеспокоен, и чем дальше, тем становилось хуже. Я, несомненно, не был счастлив. Счастье имеет причину, и только причина дает счастье. То, что было дано мне, невозможно заслужить или удержать, часто даже невозможно узнать вовремя. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно перед рассветом. Уровень обмена веществ у меня выше средней нормы гетенианца, как рост и вес. Эстравен учитывал эту разницу при расчете режима пищи, и с самого начала я получал в день на несколько унций пищи больше, чем он. Протесты против несправедливости замолкали перед очевидностью такого деления. Впрочем, увеличенная порция все же была мала. Я был голоден постоянно и ежедневно. И просыпался я от голода.

Если было еще темно, я включал свет печи Чейба и ставил кастрюлю со льдом, принесенным с вечера и уже растаявшим за ночь, на печь. Эстравен тем временем вел свою обычную яростную молчаливую борьбу со сном, как будто боролся с ангелом. Победив, он садился, сонно смотрел на меня, тряс головой и просыпался. К тому времени, когда мы были уже одеты, обуты, а наши мешки были свернуты, готов был завтрак: кружка кипящего орша и кубик гичи-мичи, превращенный горячей водой в маленькую тестообразную булочку. Мы жевали медленно, торжественно, подбирая все крошки.

Пока мы ели, печь остывала. Мы упаковывали ее вместе с кастрюлей и кружками, надевали верхнюю одежду, капюшоны, рукавицы и выползали наружу. Холод снаружи был невыносим. Каждое утро я заново должен был свыкаться с ним.

Иногда шел снег, иногда долгий зимний день был удивительно золотым и голубым на протяжении многих миль льда, но чаще он был серым.

На ночь мы брали термометр с собой в палатку, а когда выносили его наружу, было интересно следить, как указатель быстро скользит вправо (шкалы гетенианцев рассчитаны на чтение против часовой стрелки), спускаясь на двадцать, пятьдесят, восемьдесят градусов, пока не достигал отметки где-нибудь между нулем и минус шестьдесят градусов.

Один из нас снимал палатку и сворачивал ее, а другой в то же время грузил на сани печь, мешки и прочее. Палатка клалась поверх всего, и мы были готовы встать на лыжи и надеть упряжь. В нашем снаряжении мало металла, но на упряжи были пряжки из алюминиевого сплава, их нельзя застегнуть в рукавицах, при морозе они обжигали руки, как будто были раскалены докрасна. Мне приходилось быть очень осторожным при температуре ниже двадцати градусов, особенно при ветре, потому что я весьма легко обмораживался, особенно страдали пальцы. Ноги мои никогда не страдали — исключительно важное обстоятельство в зимнем путешествии, где обморожение может стоять недели пути или всей жизни. Эстравену пришлось угадывать мой размер, и снегоступы оказались мне немного велики, но промежуток заняли лишние носки. Мы надевали лыжи, как можно быстрее впрягались в упряжку, раскачивали сани, если полозья примерзли, и трогались.

После сильных снегопадов приходилось тратить время на то, чтобы выкопать палатку и сани из-под снега.

Свежий снег убирать было легко, хотя он и наметал вокруг нас внушительные сугробы. Эти сугробы оказывались единственным препятствием, единственным выдающимся над ровной поверхностью льда предметом на сотни миль. Мы двигались на восток по компасу.

Ветер обычно дул с севера на юг, с ледника.

День за днем он дул слева, когда мы шли. Капюшон спасал мало, и я надевал лицевую маску, чтобы защитить нос и левую щеку. И все же однажды я обморозил левый глаз и даже решил, что больше не смогу им видеть. Даже когда Эстравен дыханием и языком растопил покрывающий глаз лед, я некоторое время не видел им. В солнечную погоду мы оба надевали гетенианские защитные очки, и никто из нас не страдал от снежной слепоты. Впрочем, для этого у нас было мало возможностей. Эстравен говорил, что над центральной зоной льда удерживается область высокого давления, где тысячи квадратных миль белой поверхности отражают солнечный свет. Мы, однако, были не в центральной зоне, а на самом краю ее, между ней и зоной воздушных волнений, зоной выпадения осадков, откуда на прилегающие зоны срывались сильные бури. Когда ветер менялся, он приносил с собой снег, похожий на песчаную бурю. Тогда на поверхности появлялись движущиеся снежные змеи и все становилось белым в белом воздухе — не видно ни солнца, ни теней из-под наших ног.

В полдень мы останавливались и, если дул сильный ветер, вырубали блоки льда и строили из них защитную стену, а потом согревали воду, растворяя в ней гичи-мичи, запивали их горячей водой с кусочком сахара, надевали упряжку и двигались дальше.

В пути или за едой мы редко разговаривали. Губы у нас растрескались, а рот нужно было держать закрытым и дышать через нос, по крайней мере тогда, когда температура была ниже минус сорока — пятидесяти градусов.

Мы тащили сани, пока не уставали или пока не становилось темно, затем останавливались, ставили палатку, привязывали к колышкам сани, если угрожал сильный ветер, и устраивались на ночлег. Обычно за день мы шли одиннадцать-двенадцать часов и проходили от двенадцати до восемнадцати миль.

Это не очень много, но условия были нелегкими. Наст на снегу редко подходил для лыж и санных полозьев. Когда он был тонким и новым, сани шли легко, но когда он подмерзал, сани начинали срываться, и двигаться приходилось рывками. Часто встречались на пути заструги — длинные, нанесенные снегом волны, достигающие четырех футов в высоту. Нам приходилось каждый раз втаскивать сани на такой заостренный конус, затем осторожно спускать их с него и переходить к следующему.

Заструги всегда шли перпендикулярно нашему курсу. Я представлял себе ледяное плато Гобрин как замерзший пруд, на самом деле это были сотни миль внезапно застывшего в бурю моря.

Ставить палатку, укреплять ее, удалять снег с внутренней полости, — все это было очень утомительно. Иногда казалось, что не стоит этого делать. Было так холодно, мы так уставали, что хотелось закутаться в спальные мешки, лечь в санную колею и не беспокоиться о палатке. Я помню, как негодовал на методическую тираническую настойчивость своего компаньона, который заставлял все проделывать тщательно и правильно. В такие минуты я его ненавидел. Я ненавидел все то, что приходилось делать во имя жизни.

Закончив все, мы заползали в тепло печи Чейба.

Чудесная вещь окружала нас — тепло.

Смерть и холод оставались снаружи. Мы ели и пили, потом разговаривали. В сильные холода даже великолепная изоляция палатки не помогала, и мы лежали в мешках как можно ближе к печи. В метель через вентиляционные отверстия в палатку набивался снег, и воз-

дух внутри становился туманным. По ночам бури издавали странные звуки и не давали нам разговаривать, так что приходилось кричать.

В другие ночи было так тихо, что казалось, будто весь мир перестал существовать.

Через час после ужина Эстравен уменьшал, нагрев печи, если это было возможно, и выключал свет. Делая это, он бормотал короткую строчку — единственное ритуальное заклинание, которое я услышал у жанндара: «Хвала тьме и несовершенному творению». И наступала тьма. Мы засыпали. Утром все начиналось сначала.

Так продолжалось свыше сорока дней.

Эстравен продолжал вести свой дневник, хотя на протяжении недели на льду он мог записать лишь погоду и пройденное за день расстояние. Среди этих записей встречаются упоминания о собственных мыслях и наших разговорах. Но там нет ни слова о тех серьезных беседах, которые мы вели между ужином и сном на протяжении всего первого месяца на льду, пока у нас оставалась энергия для разговоров. Кроме того, несколько дней из-за бури мы провели в палатке. Я сказал ему, что мне не запрещено использовать паравербальную речь на планетах, не входящих в союз, но делать этого не рекомендуется, и я прошу его сохранить это в тайне, пока я не посоветуюсь об этом со своими коллегами на корабле. Он обещал и сдержал свое слово.

В его записях нет и слова о наших молчаливых беседах.

Мозговая речь — единственное, что я мог дать Эстравену из всей нашей цивилизации, которой он так глубоко интересовался. Я мог рассказывать и описывать бесконечно, но дать мог только мозговую речь. В сущности это было единственное существенное, что мы могли дать Зиме. Но не могу сказать, что нарушил закон и культурное эмбарго из благодарности. Я не платил ему долг. Такие долги остаются неоплаченными.

Эстравен и я просто оказались в таких отношениях, когда делишь все, чем обладаешь.

Думаю, что половое сношение между двуполым гетерианцем и однополым человеком с Хейна возможно, хотя такие отношения неизбежно будут стерильными, но это требует доказательства, и мы с Эстравеном лишь вскользь коснулись этой темы. Самый критический момент, в наших сексуальных влечениях наступил в самом начале пути, во вторую ночь на льду.

День был тяжелый, мы пересекли покрытый трещи-

нами район к востоку от Огненных Холмов. В этот вечер мы были усталы, но возбуждены; понимая, что скоро перед нами откроется ровная поверхность. После ужина Эстравен стал неразговорчив и обрывал разговоры. После очередного отпора я спросил:

— Харт, я что-то неверно сделал? Скажите, что?

Он молчал.

— Я допустил ошибку в шифгреторе? Простите, никак не могу научиться. Я так и не понял истинного значения этого слова.

— Шифгретор? Он происходит от старого слова, означающего «тень».

Некоторое время мы оба молчали, затем он прямо и искренне посмотрел на меня.

Его лицо слегка покраснело от жара печи, оно казалось таким уверенным, таким отдаленным, как лицо женщины, которая смотрит на вас, задумавшись, и молчит.

Я снова увидел то, что старался не замечать, боялся увидеть, что он женщина в такой же степени, как и мужчина. До сих пор я не воспринимал его полностью, отрицал его сущность. Он — единственный человек на Гетене, который поверил в меня, кто понял во мне человека, кто увидел во мне личность, и поэтому был вправе ожидать от меня такого же отношения. А я боялся ответить ему тем же. Я не хотел давать свою дружбу, свою верность мужчине, который был женщиной и женщине, которая была мужчиной.

Он просто и коротко объяснил, что находится в кем-мере и старается избегать меня. Я тоже должен избегать его.

— Я не должен касаться вас, — непринужденно добавил он.

Говоря это, он смотрел в сторону от меня.

— Понимаю, совершенно верно, — ответил я ему.

Мне казалось, — я думаю, и ему тоже, — что из-за сексуального напряжения, принятого и понятого, но не успокоенного, возникла уверенность в дружбе между нами, в дружбе, так необходимой нам обоим в этом изгнании и так помогавшей нам в дни и ночи тяжелого пути. Это может быть названо и любовью. Но любовь исходила не из сходства, а из различия между нами.

Она была мостом, соединявшим нас.

Сексуальная встреча поставила бы нас в положение чужаков. Мы соприкоснулись единственным возможным для нас путем. И так все и осталось. Не знаю, были ли мы правы.

В этот вечер мы еще немного разговаривали, и я помню, как тщетно пытался объяснить ему, что такое женщина. В следующие несколько дней мы общались друг с другом с осторожностью. Любовь между другими людьми означает, кстати, возможность наносить друг другу глубокие раны. До этой ночи мне никогда не приходило в голову, что я могу ранить Эстравена.

Теперь, когда исчезли барьеры, ограничения, наложенные на наше общение, казались мне невыносимыми. Очень скоро, два или три дня спустя, после праздничного ужина — добавочной порции похлебки из кадика, которой мы отметили пройденные за день двадцать миль, я сказал:

— Весной, в нашу последнюю встречу в вашем доме, вы говорили, что хотите больше узнать о мозговой речи.

— Да.

— Хотите я научу вас ей?

Он рассмеялся.

— Пытаетесь уличить меня во лжи?

— Если вы даже когда-то лгали мне, это было давным-давно и в другом мире.

Он был честным человеком, но вряд ли прямым. Мои слова, видимо, обрадовали его, и он сказал:

— В другом мире я могу по-другому лгать вам. Но я думал, вам запрещено учить мозговой речи туземцев, пока мы не присоединены к Экумену.

— Не запрещено. Просто так не делают. А я сделаю, если хотите. И если смогу. Я не Выявитель.

— Значит, есть специальные преподаватели этого искусства?

— Да. Но не на Альтерре, где у жителей естественная восприимчивость и где, как утверждают, матери разговаривают со своими неродившимися детьми. Не знаю, что отвечают им дети. Но большинство из нас можно обучить иностранному языку. Или, скорее, родному языку, которому начинаешь учиться поздно.

Я думаю, он понял, почему я предлагаю обучать его этому искусству, и очень захотел научиться. Нужно было начинать. Я вспомнил, как меня самого учили в двенадцатилетнем возрасте. Я велел ему очистить мозг, впустить в него пустоту. Он сделал это быстро и тщательно, лучше, чем я когда-либо; не зря он был адептом жанндары. Я начал как можно яснее мысленно говорить с ним. Никакого результата. Я попытался снова. Я старался в течение получаса, пока мозг у меня не «охрип». Он уныло посмотрел на меня.

— Я думал, для меня это будет легко, — сознался он. Мы оба устали. Я отложил попытки. Следующие тоже были безуспешными.

Я пытался проникнуть в мозг Эстравена, когда он спал, вспомнив, что говорил мой Выявитель о «посылке» снов, встречающийся у дотелепатических народов, но тоже безуспешно.

— Наверное, мы лишены этой способности, — уныло предположил Эстравен. — У нас много сказаний и слухов о словах власти, но никаких доказательств существования телепатии.

— Так было и с моим народом в течение тысячелетий. Несколько естественно воспринимающих, но не осознающих свой дар, и никого, кто сознательно общался бы с ними. Все в латентном состоянии. Я говорил вам, что, за исключением прирожденных воспринимающих, эта способность является психологической производной культуры, побочным результатом использования мозга. Дети умственно отсталые, члены примитивных обществ не могут пользоваться мозговой речью. Вначале должна развиться определенная степень сложной организации мозга. Невозможно создать аминокислоты из атомов одного водорода. Вначале они должны сами создать сложную структуру. Здесь такая же ситуация. Абстрактное мышление, сложная специальная организация, усложненная культура, эстетические и этические концепции — все это должно достичь определенного уровня, прежде чем окажется возможной мысленная связь, хотя потенциально она всегда возможна.

— Может быть, гетенианцы не достигли такого уровня?

— Вы превзошли его. Но необходима и удача. Как в случае с аминокислотами. Или возьмем аналогию культурного плана — только аналогию, но очень подходящую. Научный метод, например, использование конкретной экспериментальной техники в науке. В Экумене есть народы, обладающие высокоразвитой культурой, сложной социальной организацией, философией, искусством, этикой, огромными достижениями во всех сферах, и все же они не умеют точно взвесить камень. Конечно, они могут научиться этому. Но в течение полумиллиона лет они обходились без этого. Есть народы, вообще не знающие высшей математики, ничего, кроме простейших правил арифметики. Они могут научиться этому, научиться делать расчеты, но сами по себе этого не делают. Кстати, мой собственный народ, земляне, очень долго не подозревали о существовании нуля.

Эстравен заморгал.

— Что касается гетенианцев, то мне очень любопытно узнать, обладаем ли мы их способностью к предсказанию, является ли эта способность результатом эволюции, можно ли ей научиться.

— Вы думаете, это полезное свойство?

— Точные пророчества? Конечно!

— Со временем вы поймете, что практически они бесполезны.

— Ваша жанндара очаровывает меня, Харт, но временами я недоумеваю, как мог развиться такой парадоксальный способ мышления.

Мы снова попытались использовать мысленную речь. Раньше мне никогда не приходилось обращаться к совершенно невосприимчивому. Опыт оказался разочаровывающим.

Я чувствовал себя как молящийся атеист.

Вскоре Эстравен зевнул и сказал:

— Я глух, как скала. Лучше ляжем спать...

Я согласился. Он выключил свет, пробормотал свою короткую похвалу тьме, мы закутались в мешки и через минуту окунулись в сон, как пловец погружается в темную воду. Я чувствовал его сон, как свой собственный. Между нами установилась амфатическая связь, и я мысленно обратился к нему сквозь сон, назвав его по имени:

— Терем!

Он быстро сел, во тьме громко прозвучал его голос:

— Арек! Это ты?

— Нет. Это Дженли Ай. Я мысленно говорю с вами. У него перехватило дыхание. Тишина.

Он завозился у печи Чейба, включил свет, посмотрел на меня темными глазами, полными страха.

— Мне снилось, что я дома.

— Вы слышали мою мозговую речь.

— Вы позвали меня. Это был мой брат. Я слышал его голос. Он мертв. Вы называли меня Теремом? Я... Это ужаснее, чем я думал.

Он покачал головой; как человек, прогоняющий ночной кошмар, и обхватил лицо руками.

— Харт, простите.

— Нет, зовите меня по имени. Если вы мысленно можете разговаривать со мной, да еще голосом мертвого человека, значит, можете называть меня по имени! Он не называл меня «Харт». О, теперь я понимаю, почему в мозговой речи не бывает лжи. Это ужасно... Ладно, поговорите со мной еще.

— Подождите.

— Нет, начинайте.

Ощущая на себе его яростный и в то же время испуганный взгляд, я снова мысленно заговорил с ним.

— Терем, друг мой, нам нечего опасаться друг друга.

Он продолжал смотреть на меня, и я даже подумал, что он не понял. Но он понял.

— Ах, есть чего опасаться.

Немного погодя, справившись с собой, он уже спокойно сказал:

— Вы говорите на моем языке.

— Конечно. Вы ведь не знаете моего.

— А я думал, что мозговая речь, понимание...

— Нет.

— Объясните мне это позже. Но почему вы говорите голосом моего брата?

Голос Эстравена был напряжен.

— Не могу ответить. Не знаю. Расскажите мне о нем.

— Иусут. Мой полный брат, Арек Харт рем ир Эстравен, был на год старше меня. Он стал лордом Эстре. Мы... Я оставил дом из-за него. Он уже четырнадцать лет как мертв.

Некоторое время мы оба молчали. Я не знал, что скрывается за этими словами, но не стал спрашивать. Ему и так слишком много стоили сказанные им немногие слова.

Наконец я предложил:

— Попробуйте мысленно говорить со мной, Терем. Назовите меня по имени.

Я знал, что он сможет это сделать: раппорт был налицо, или, как говорят специалисты, установилась совместная связь, и все же он, конечно, понятия не имел, как сознательно снимать барьер.

Будь я Слушателем, я бы услышал его мысли.

— Нет,— сказал он.— Еще нет...

Но ни шок, ни страх, ни ужас больше не могли сдерживать его ненасытный расширяющийся мозг. После того, как он снова выключил свет, я неожиданно услышал, как он, заикаясь, внутренней речью произнес:

— Дженри.

Даже в мысленной речи он не смог произнести звук «л».

Я немедленно ответил. Во тьме слышались нечленораздельные восклицания, в которых смешивались страх и удовлетворение.

— Больше не нужно,— попросил он вслух.

Немного погодя мы уснули.

Ему это никогда не давалось легко.

Не то, чтобы у него не было способностей или он не мог учиться, но иностранная речь всегда глубоко трогала его.

Он быстро научился воздвигать барьеры, но я чувствовал, что он не может на них полагаться. И мы, вероятно, были в таком же положении, когда несколько столетий назад прибыли первые Выявители с Роканнона и начали учить нас «последнему искусству». Возможно, гетенианцы воспринимали мозговую речь как нарушение своей целостности, как трудно переносимую брешь в своей сущности. А может, виноват характер Эстравена, в котором были сильны искренность и сдержанность. Каждое слово вырывалось у него из глубокого молчания.

Он воспринимал мой мысленный голос как голос мертвого. Я не знаю, что, кроме любви и смерти, лежало между ним и его братом, но я чувствовал, что, когда я мысленно говорю с ним, что-то в нем вздрагивает, как будто я касаюсь открытой раны. И связь, установившаяся между нами, оказалась открытой и суровой, и не пролила свет (как я надеялся), а показывала глубокую тьму.

День за днем мы продвигались на восток по ледяной поверхности равнины. Середина запланированного пути, тридцать третий день, Одорни Аннер, застала нас далеко от средней точки маршрута.

По измерителю расстояния мы действительно покрыли около четырехсот миль, но лишь три четверти из них были реальным продвижением вперед, и мы лишь очень приблизительно могли оценить, сколько нам еще предстоит пройти. Эстравен не беспокоился, как я, из-за сотен лежавших впереди миль.

— Сани легки,— говорил он.— К концу пути они станут еще легче, а в случае необходимости мы можем сократить рацион. До сих пор мы питались очень хорошо.

Я думал, он иронизирует, но мне следовало лучше знать его.

Весь сороковой день и два последующих дня нас заносила метель. Долгие часы Эстравен почти непрерывно спал и ничего не ел, хотя бы половину нормы.

— У вас нет опыта в голодовке,— говорил он.

Я почувствовал себя уязвленным.

— А у вас есть такой опыт, лорд домейна и премьер-министр?

— Дженри, мы практикуем лишения, пока не привыкаем к ним. Я научился голодать еще ребенком в Эст-

ре. Меня учили этому жандары в крепости Ротерер. Конечно, же, в Эрхенранге у меня не было такой практики, но в Мишпори я снова начал привыкать. Пожалуйста, мой друг, делайте, как я говорю.

Я повиновался.

Через четыре дня мы снова двинулись в путь. Стояли сильные холода, температура никогда не поднималась выше минус двадцати пяти градусов. Потом с востока нам в лицо снова ударила метель. После первого порыва ветра пошел такой густой снег, что я не видел Эстравена в шести футах от себя. Чтобы не задохнуться, я повернулся к ветру спиной, а когда минуту спустя повернулся, ни Эстравена, ни саней не было, ничего не было.

Я сделал несколько шагов в том направлении, где они должны были быть, и упал. Я закричал, но не услышал собственного голоса. Я был нем и одинок во вселенной, полной жалящего снега и ветра. В панике я слепо побрел вперед, мысленно крича: «Терем».

Он оказался рядом со мной:

— Дайте мне руку. Вот палатка.

Я больше никогда не вспоминал об этом приступе паники.

Метель продолжалась два дня. Потрачено было пять дней, а сколько их еще предстоит. Аннер и Ниммер — месяцы сильных бурь.

— Продуктов совсем мало, — сказал я однажды утром.

Я отмерил порцию гичи-мичи, чтобы смешать ее с кипятком.

Он посмотрел на меня. Его широкое лицо казалось осунувшимся, глаза глубоко запали, губы потрескались. Бог знает, на кого был похож я, если так выглядел он, но он лишь улыбнулся.

— Если повезет, доберемся.

То же самое он говорил и вначале.

Я со всеми своими бедами, со своей отчаянной решимостью поставить все в последней игре, оказался недостаточно реалистичен и не поверил ему. Даже теперь, когда мы так напряженно трудились...

Впрочем, Лед не знал, как мы трудились. Какое ему до этого дело.

— Часто ли вам везло, Терем? — спросил я наконец.

На это он не улыбнулся, только помолчал и ответил:

— С самого начала я думаю об этом.

С самого начала значило юг, мир без льда, земля, люди, дороги, города — все то, что здесь трудно представить себе реально существующим.

— Вы знаете, покидая Мишпори, я отправил королю касающееся вас сообщение. Я сообщил ему то, что рассказал мне Шуегис: что вас отправили на Пулафенскую ферму. У меня тогда не было ясных намерений, я действовал импульсивно. С тех пор я обдумывал этот мой импульс. Может случиться вот что. Король увидит возможность сыграть в шифгретор. Тайб будет возражать против этого, но к этому времени король начнет уставать от Тайба и не обратит на его совет внимания. Он будет оскорблен: «Где посланник, гость Кархида?» Мишпори солжет: «Он умер осенью от лихорадки хори, мы весьма сожалеем». «Тогда почему же наш посол информирует, что он сослан на Пулафенскую ферму?» «Его там нет, можете проверить сами». «Нет, конечно, мы верим слову сотрапезников Оргорейна». И вот спустя несколько недель после этого обмена нотами посланник появляется в Северном Кархиде, сбежав с Пулафенской фермы. Ужас в Мишпори, негодование Эрхенранга. Сотрапезники потеряли лицо, их уличили во лжи. Для короля Аргавена вы станете сокровищем Дженри, дорожке брата по очагу. На некоторое время. При первой же возможности вы должны будете вызвать звездный корабль. Призовите своих людей и завершите миссию раньше, чем Аргавен увидит в вас возможного врага, прежде чем Тайб или какой-нибудь другой советник снова испугает его, играя на его безумии. Если он заключит с вами договор, то выполнит его. Нарушить договор — значит, нарушить свой шифгретор. Короли династии Харт держат свои обещания. Но вы должны будете действовать быстро, прежде всего, как можно быстрее посадить корабль.

— Я так и поступлю, если получу хоть малейшее доказательство, что его появление приветствуется.

— Нет. Простите за совет, но вы не должны ждать доказательства. Я знаю, что ваше заявление будут приветствовать. Как появление корабля. За последние полгода Кархид испытал сильное унижение. Вы дадите Аргавену возможность отыграться. Думаю, что он воспользуется ею.

— Хорошо. А вы тем временем...

— Я Эстравен-предатель. Я не должен иметь с вами ничего общего.

— Вначале.

— Вначале, — согласился он.

— Вы сможете спрятаться, если будет опасно?

— О, конечно.

Ужин был готов, и мы начали есть. Еда была таким важным и всепоглощающим занятием, что мы никогда не разговаривали за ней. Табу действовало в своей полной, вероятно, первоначальной форме. Пока не съедена последняя крошка, не произносилось ни слова. Когда мы поели, Эстравен сказал:

— Надеюсь, я все рассчитал верно. Вы должны... Простите меня...

— Вы дадите мне прямой совет? — наконец, я начал кое-что понимать. — Конечно, я так и сделаю, Терем. Неужели вы сомневаетесь? И вы знаете, у меня нет шифратора.

Это позабавило его, но он продолжал размышлять:

— Почему вы пришли один, почему вас послали одного к нам? — спросил он, наконец. — Все теперь зависит от появления корабля. Почему вы сделали вступление таким трудным для нас и для себя?

— Таков экуменийский обычай, и для него есть основания. Хотя теперь я сомневаюсь, правильно ли я его понимал. Я думал, что ради вас я прихожу один, такой одинокий и такой уязвимый, что сам по себе не могу представить угрозу, нарушить равновесие — не вторжение, а всего лишь послание. Но в этом заключается и нечто большее. Один я не могу изменить ваш мир, но могу быть измененным. Один я должен не только говорить, но и слушать. Отношения, которые я устанавливаю, относятся не только к политике. Они индивидуальны и личностны, а это и больше, и меньше, чем политика. Не «мы» и «они», не «я» и «он», нет «я» и «ты». Отношения не политические, не прагматические, а мистические. В определенном смысле и сам Экумен — не политическая, а мистическая организация. Он считает начала чрезвычайно важными. Начала и средства. Его доктрина резко противостоит утверждению, что цель оправдывает средства. Он действует необычными путями, которые могут показаться и странными, и рискованными. Так действует эволюция, и Экумен в некотором смысле — ее модель. Послан я один из-за вас или из-за себя? Не знаю. Да, это делает вступление более трудным. Могу спросить вас, почему вы не изобрели самолет? Один маленький украденный аэроплан избавил бы нас с вами от всех затруднений.

— Нормальному человеку не может прийти в голову мысль о полете, — строго выговорил мне Эстравен.

Это был честный ответ. В мире, где нет крылатых животных и где ангелы йомештской иерархии не летят с неба, а падают, как снежинки, как семена, переносимые ветром на этом лишенном цветов мире.

В середине Ниммера после многих холодных ветреных дней мы вступили в район спокойной погоды. Буря осталась далеко на юге, мы находились в районе, где лишь небо было постоянно затянуто облаками.

Вначале облачный слой был тонким, так что рассеянный солнечный свет отражался от облаков и снега, сверху и снизу. Наутро облака сгустились, яркость исчезла, не оставив ничего. Мы ступили из палатки в ничто. Сани и палатка были на месте.

Рядом со мной стоял Эстравен, но ни он, ни я не отбрасывали тени. Повсюду был тусклый свет. Когда мы двинулись по скрипучему снегу, за нами не оставалось следов. Ни солнца, ни неба, ни горизонта, ни мира.

Серовато-белый свод. Мы в нем как будто висим. Иллюзия настолько полная, что я с трудом удерживаю равновесие. Мое внутреннее чувство привыкло получать сведения о моем положении. Теперь этих сведений не стало, я как будто ослеп. Грузить еще было несложно, но идти, когда глазу не на чем остановиться, когда вокруг ничего нет, крайне утомительно. Мы шли на лыжах, поверхность была ровная, наст крепкий, под нами пять-шесть тысяч футов льда. Казалось бы, можно идти быстро, но мы двигались очень медленно, чуть ли не на ощупь, и нам нужны были большие усилия, чтобы идти нормальным шагом. Любая, самая ничтожная неровность поверхности воспринималась как что-то невероятное, как какая-то лестница, продолжения которой мы не видим.

Мы снова брели вперед с открытыми глазами. День за днем ничего не менялось, и с каждым днем мы проходили все меньше. Уже к полудню мы дрожали от усталости и напряжения. Я начал мечтать о буре, о метели, о чем угодно. Но каждое утро, выползая из палатки, я видел все тот же свод, все ту же серую белизну, которую Эстравен называл Лишенной Тени.

На шестьдесят первый день путешествия Одерни Ниммер, тупое слепое ничто вокруг нас стало течь и дергаться. Я решил, что глаза обманывают меня, и не обращал внимания на бессмысленные движения, пока вдруг не увидел над головой маленькое, тусклое,

мертвое солнце. Посмотрев вперед, я увидел, что из свода выступает какая-то огромная черная форма. Изгибаясь, тянулись черные щупальца. Я замер, чуть не сбив Эстравена. Мы оба были в упряжке.

— Что это?

Он посмотрел на чудовищную фигуру, притаившуюся в тумане, и сказал, наконец:

— Утесы. Должно быть, утесы Эшерхота.

Он снова потянул сани. Мы были во многих милях от таинственных форм, а мне казалось, что они на расстоянии вытянутой руки. Незадолго до захода солнца они стали виднее — вершины огромных гор, как айсберги в океане, затонувшие во льду, мертвые в течение тысячелетий.

Если судить по нашей плохой карте, мы оказались намного севернее кратчайшего из путей. На следующий день мы впервые повернули на юго-восток.

19

Мы продолжали идти, прибодрившись при виде утесов Эшерхота — первого предмета, кроме льда, снега и неба, увиденного нами за семь недель. Судя по карте, эти утесы находились недалеко от Шенвейских болот, к северу от них и к востоку от залива Гутон. Но картам района Гобрин не следовало доверять. А мы уже очень устали.

Мы оказались ближе к южному краю ледника Гобрин, чем указывала карта, потому что на второй день после поворота на юг начали встречаться трещины и щели с торосами, и лед не был таким неровным, как в районе Огненных Холмов, но оказался непрочным. В нем были скрыты пустоты. Вероятно, летом они превращались в озера. Иногда лед проваливался, и мы оказывались в яме, а иногда поверхность была испещрена небольшими ямами и трещинами. Все чаще и чаще встречались большие расщелины, старые каньоны во льду. Некоторые достаточно широкие, другие шириной всего в фут или два, но очень глубокие. В Одерни Ниммер (это по дневнику Эстравена, я не вел записей) подул сильный северный ветер, небо очистилось, появилось солнце. Мы тащили сани по снежному мосту над трещиной и могли заглянуть налево и направо, в голубые пропасти, в которые падали тронутые полозьями саней куски льда. Они падали медленно и вызывали слабые звуки, как будто трогали серебряные стру-

ны. Я до сих пор помню пустую, как во сне, утреннюю кружащуюся голову, радость от этого перехода над пропастью. Но вот небо начало белеть, воздух помутнел. На снегу выросли голубые тени.

Мы не подозревали опасности белой погоды на такой поверхности. Поскольку лед был неровным, я толкал сани сзади, а Эстравен тащил. Я не отрывал взгляда от саней, и толкал, думая лишь о том, что нужно толкать, как вдруг они дернулись вперед, чуть не вырвавшись у меня из рук. Я инстинктивно крепче ухватился за них и закричал, чтобы Эстравен шел медленнее. Но сани замерли, наклонившись вперед, а Эстравена не было.

Я чуть не выпустил сани из рук. Чистейшая удача, что я этого не сделал, а продолжал удерживать их, глупо осматриваясь. Только тут я увидел край пропасти, в которую провалился разбитый снежный мост.

Эстравен тоже упал туда, и сани не последовали за ним только потому, что их удерживал мой вес. Две трети саней оставались на прочном льду, но под тяжестью Эстравена, висевшего в упряжке, сани медленно скользили к пропасти.

Я изо всех сил потянул их назад, оттаскивая от пропасти. Они поддавались с трудом, но я налегал всем весом и тащил. И они неохотно двинулись и откатились от трещины. На краю ее появились руки Эстравена. Теперь его вес помогал мне. Он выбрался из пропасти и ничком упал на лед.

Я склонился над ним, пытаюсь отстегнуть упряжь. Губы его посинели, одна сторона лица была исцарапана и кровоточила.

Он неуверенно сел и прошептал свистящим шепотом:

— Синее, все синее. Башни в глубине.

— Что?

— В пропасти все синее, полно света.

— Что с вами?

Он начал расстегивать упряжь.

— Идите вперед на веревке, с палкой в руках, — выдохнул он, — проверяйте дорогу.

Много часов спустя после этого один из нас тащил сани, а другой шел впереди, ступая осторожно, по кошачьи, ощупывая дорогу палкой. В белую погоду невозможно разглядеть пропасть, пока не упадешь в нее, а тогда уже будет поздно. К тому же края пропасти непрочны и выдаются вперед.

Каждый шаг мог вызвать падение. Никаких теней.

Ровный белый и беззвучный пар. Мы двигались внутри огромного замерзшего стеклянного шара. В нем не было ничего. Но в стекле оказывались трещины.

Ощупывание и шаг. Ощупывание невидимых трещин, через которые можно выпасть из невидимого шара и падать, падать.

Постоянное напряжение мало-помалу истощило наши силы. Все труднее давался каждый следующий шаг.

— Что случилось, Дженри?

Я стоял в середине ничего. На глазах у меня замерзли слезы. Я сказал:

— Боюсь упасть.

— Но вы на веревке.

Подойдя, он увидел, что никакой пропасти нет, посмотрел на меня и сказал:

— Разбиваем лагерь.

— Еще не время, мы должны идти.

Но он уже расставлял палатку.

Позже, после еды, он сказал:

— Самое время было остановиться. Не думаю, чтобы мы могли идти так дальше. Лед медленно опускается, но он очень неровен, весь в трещинах. Если бы мы видели, то могли бы идти, но не в бестеневом мире.

— Как же мы спустимся в Шенвейские болота?

— Если мы повернем на восток, вместо того, чтобы двигаться на юг, то можем оказаться на ровном льду в районе залива Гутон. Я видел лед летом с лодки. Он спускается с Красных Холмов и ледяной рекой течет в залив. Может, оттуда легче по берегу добраться в Кархид. Но этот путь длиннее миль на тридцать-сорок. Нужно подумать. Каково ваше мнение, Дженри?

— Мое мнение? Я и двадцать миль не пройду в белую погоду.

— Но если мы выберемся из района трещин...

— О, если мы выберемся из района трещин, я буду в порядке. А если еще и солнце выглянет, садитесь в сани, я подтолкну и вы поедете до самого Кархида.

Типичная для этого путешествия шутка. Глупые шутки, конечно, но все же они заставили улыбаться.

— Со мной ничего, — продолжал я, — кроме острого хронического страха.

— Страх очень полезен. Как тьма или тени.

Улыбка Эстравена расколола его потрескавшиеся и обветрившиеся губы.

— Странно, что дневного света недостаточно, чтобы идти, нам нужны тени.

— Дайте на минутку ваш блокнот.

Он как раз делал ежедневную запись в своем дневнике и подсчитывал, сколько продовольствия осталось. Над печью Чейба он протянул мне блокнот и угольный карандаш.

На чистой странице, прикрепленной изнутри к переплету я начертил двойную дугу в круге, зачернил половину символа и протянул блокнот обратно.

— Вы знаете этот знак?

Он долго смотрел на него странным взглядом, потом сказал:

— Нет.

— Его находят в земле на Хейне, на Чиффеворе. «Свет — это левая рука Тьмы»... Как дальше? Свет и Тьма, страх и мужество, холод и тепло, женщина и мужчина. Это вы, Терем. Оба в одном. Тень на снегу.

Весь следующий день мы брели на север через белое ничто. Наш рацион составлял теперь две трети первоначального. Так мы надеялись продержаться дольше. Мне казалось, что разницы между немногим и ничто нет, но Эстравен верил в свою удачу. Он шел, руководствуясь интуицией, хотя, вероятно, на самом деле, это был опыт. Четыре дня мы шли на восток, делая ежедневно от восемнадцати до двадцати миль, потом нулевая погода кончилась, поднялся ветер, пошел снег, стало темно.

Три дня мы лежали в палатке, а вокруг ревел буран.

— Мне хочется закричать в ответ, — сказал я Эстравену.

Он не совсем уверенно ответил:

— Бесполезно. Все равно не ответит.

Мы спали, немного ели, лечили обмороженные и натертые места, мысленно говорили, снова спали. На третий день рев перешел в хрип, потом во всхлипывания, затем наступила тишина. Сквозь открытый дверной клапан мы увидели яркое небо. На сердце у нас легчало, но мы слишком устали, чтобы проявить радость в движениях. Мы собрались — на это потребовалось почти два часа, потому что мы двигались подобно старикам — и пошли дальше. Поверхность, несомненно, поднималась. Наст великолепно держал лыжи. Светило солнце. Утром термометр показал минус десять. Казалось, что от ходьбы у нас прибавляется сил, и мы шли быстро и легко. В этот день мы шли до появления звезд.

На ужин Эстравен выдал полный рацион.

При таком расходе продовольствия оставалось всего на семь дней.

— Колесо поворачивается, — серьезно сказал он. — Чтобы хорошо повернуть его, мы должны хорошо поесть.

— Ешь, пей, веселись, — сказал я.

Меня еда привела в хорошее настроение. Я рассмеялся собственным словам.

— Все то же: еда, питье, веселье. Можно ли веселиться без еды?

Это казалось мне таким же чудом, как и полузачерненный круг. Но что-то в выражении лица Эстравена разочаровывало меня. Я посмотрел на него и заплакал. Эстравен оказался слабее меня, он уснул, опустив голову на колени. Впрочем, это хорошая мысль — спать.

На следующее утро мы проснулись поздно, плотно позавтракали и впряглись в сани, потащив их к краю мира. А за краем мира, который круто обрывался вниз, лежал замерзший залив Гутон, замерзший от берега до берега, от Кархида до северного полюса.

Два дня у нас занял спуск на морской лед через многочисленные трещины, разбитые льды и уступы. На второй день мы бросили сани и сделали две связки: большую составляла палатка, меньшую — спальные мешки. Пищу мы разделили поровну.

Получилось по двадцать пять фунтов груза за плечами каждого. Я добавил к своему грузу еще печь Чейба и все же сверток весил всего лишь тридцать фунтов. Хорошо было идти налегке, не тащить сани, не подталкивать их, не перетягивать через трещины и торосы. Я сказал об этом Эстравену. Он оглянулся на сани — маленькое пятнышко среди льда и красноватых скал — и ответил:

— Они хорошо нам послужили.

Его верность распространялась и на вещи, на терпеливые, послушные, удобные вещи, которые мы использовали и которые спасли нам жизнь. Ему было очень жаль саней.

Вечером на семьдесят пятый день путешествия в день Архад Аннер мы спустились с ледника Гобрин на ледяное море залива Гутон. Снова шли мы долго, темно.

Было очень холодно, но тихо. Идти по ровной поверхности без саней на лыжах было легко. Вечером, когда мы легли спать, было странно подумать, что под

нами не мили льда, а всего несколько футов, а ниже — соленая вода. Но думали мы об этом недолго. Мы поели и уснули.

На рассвете снова было ужасно холодно, ниже минус сорока, но день был ясный. Посмотрев на юг, мы увидели береговую линию, из которой кое-где выдвигались в море языки льда. Вначале мы шли вдоль берега, но когда проходили мимо долины, оттуда подул такой сильный ветер, что мы упали. Пришлось отойти подальше в море. Там, по крайней мере, можно было идти.

— Лед Гобрина выплюнул нас изо рта, — сказал я.

На следующий день берег резко повернул на восток. Справа от нас был Оргорейн, а голубой изгиб (впереди — Кархид.

В этот день мы съели последние крошки орша и кадика. У нас оставалось лишь два фунта гичи-мичи и шесть унций сахара.

Не могу подробно описать последние дни нашего путешествия, потому что помню их очень смутно. Голод может обострять восприятие, но не в соединении с крайней усталостью. Мне кажется, что все мои чувства омертвели. Я помню спазмы от голода, но не помню, чтобы они причиняли мне страдания. Все время у меня было ощущение освобождения, выхода за пределы радости. К тому же мне ужасно хотелось спать. Мы достигли берега двенадцатого, в день Росте Аннер, выбрались из замерзшего залива и оказались в скалистой снежной пустыне берега Гутон.

Мы были в Кархиде. Мы достигли своей цели. Пришлось отпраздновать прибытие кипятком.

На следующее утро мы пустились в поиски дороги, поселка. Это пустынный район, и у нас не было его карты. Дороги скрывались под пятью-десятью футами снега, и мы могли уже несколько раз пересечь их, даже шли на юго-запад, и весь следующий, а к вечеру этого не заметив. Ни следа цивилизации. Весь этот день мы дня мы увидели во тьме сквозь снегопад далекий огонек. Никто из нас ничего не сказал. Мы просто стояли и смотрели. Наконец мой товарищ прохрипел:

— Это свет?

Уже в глубокой тьме мы пришли в кархидскую деревушку: несколько темных домов с высокими крышами, с плотно утоптаным снегом перед зимними дверями. Через щели в ставнях из трактира струился желтый свет. Мы открыли дверь и вошли.

Шел Одсорни Аннер, восемьдесят первый день пути. Наше путешествие длилось на одиннадцать дней дольше, чем рассчитывал Эстравен. Он очень точно рассчитал наши запасы пищи. Их хватило на семьдесят восемь дней. Мы прошли восемьсот сорок миль по измерителю расстояния на санях и плюс расстояние за последние дни. Многие из этих миль были потрачены на блуждания и возвращения. Если бы нам на самом деле пришлось преодолеть восемьсот миль, мы не смогли бы сделать этого. Получив хорошую карту, мы увидели, что расстояние между Пулафенской фермой и этим местом было меньше семисот тридцати миль. Все же эти мили пролегали по безлюдной пустыне: скалы, лед, небо и молчание — больше ничего в течение восьмидесяти одного дня.

Мы вошли в большую, теплую, ярко освещенную комнату, полную пищи и запаха пищи, людей и голосов людей. Я ухватился за плечо Эстравена. Незнакомые лица повернулись к нам. Незнакомые глаза. Я забыл, что существуют другие люди, не похожие на Эстравена. Я испугался. В сущности, это была небольшая комната, а толпа знакомцев — семь или восемь человек, все не менее ошеломленные, чем я.

Никто не приходил в домейн Куркараст среди зимы с севера. Они смотрели на нас. Все голоса разом смолкли.

Эстравен заговорил, голос его был еле слышен.

— Мы просим гостеприимства домейна.

Шум, суматоха, смятение, тревога, приветствия.

— Мы пришли со льда Гобрин.

Шум еще громче, голоса, вопросы. Все столпились вокруг нас.

— Присмотрите за моим товарищем.

Мне показалось, что это сказал я, но на самом деле сказал Эстравен. Кто-то усадил меня. Нам принесли пищу. За нами ухаживали, мы были дома.

Невежественные, сварливые, неразговорчивые, суеверные люди бедной земли.

Их великодушие позволило нам благополучно закончить путь. Они давали обеими руками, не делили, не считали. А Эстравен так же принимал данное, как лорд среди лордов или нищий среди нищих, как человек среди своих.

Для рыбаков, которые живут на краю края, на пределе обитаемой земли и слабо населенного континента, честность так же необходима, как и пища. Они ни-

когда не обманывают. Эстравен знал это, и когда через день или два они начали расспрашивать нас, косвенно и уклончиво, с должным вниманием к шифратору, почему мы решили зимой пересечь лед Гобрин, он сразу ответил:

— Я не хотел бы избирать молчание.

— Хорошо известно, что благородные люди могут быть изгнаны, но тени их от этого не уменьшаются, — сказал хозяин трактира, второе после лорда лицо в деревне, чей трактир представлял собой нечто вроде клуба для всех жителей домейна.

— Один человек может быть вне закона в Кархиде, другой в Оргорейне, — сказал Эстравен.

— Верно, один может быть изгнан кланом, а другой — королем в Эрхенранге.

— Король не может сократить тень человека, как бы ни пытался, — заметил Эстравен.

Хозяин трактира выглядел удовлетворенным. Если бы Эстравена изгнал его собственный клан, это вызвало бы осуждение, но отношение к нему короля здесь не считали важным. Что же касается меня, то изгнание из Оргорейна говорило в мою пользу.

Мы не сообщили наши имена своим хозяевам в Куркарасте. Эстравен очень не хотел использования вымышленных имен, а наши настоящие имена раскрывать было нельзя. Ведь не только кормить Эстравена, давать ему одежду и кров, но просто говорить с ним — преступление. Даже в отдаленной деревушке на берегу залива Гутон имеется радио, и жители не смогут отговориться незнанием приказа об изгнании. Только подлинное незнание имени гостя может служить каким-то извинением.

Опасность, навлекаемая на жителей деревни, с самого начала угнетала Эстравена. На третью ночь нашего пребывания здесь он пришел в мою комнату, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Кархидские деревни напоминают древние замки Земли: в них мало или вообще нет частных домов. Но в высоких зданиях очага, Высшем Доме, каждый из пятисот жителей мог пользоваться уединением в комнатах, к которым вели древние коридоры со стенами в три фута толщиной.

Нам отвели комнаты на третьем этаже Очага. Я сидел в своей комнате у огня. Жарко пылал торф из Шенвейских болот, распространяя сильный аромат, когда вошел Эстравен. Он сказал:

— Нам нужно уходить отсюда, Дженри.

Я помню, как он стоял в тени, босой в меховых брюках, которыми снабдил его лорд.

У себя дома и в том, что они считают теплом, кархидцы часто ходят босиком и полуодетые. За время пути Эстравен утратил свою гладкость и полноту, которые составляют отличительные черты физиологии гетенианцев. Он был очень худ, а лицо его было обожжено морозом, как огнем.

— Куда?

— На юго-запад, я думаю. К границе. Нам прежде всего нужно отыскать передатчик, и достаточно мощный, чтобы связаться с вашим кораблем. После этого мне предстоит отыскать укрытие или временно вернуться в Оргорейн, чтобы не навлекать преследования на тех, кто помог нам.

— Как вы вернетесь в Оргорейн?

— Как и раньше — пересеку границу. У орготов ничего нет против меня.

— Это не ближе, чем в Сассиноте.

Я моргнул. Он улыбнулся.

— Около ста пятидесяти миль. Мы прошли больше и в худших условиях. Здесь есть дороги, нам могут даже помочь с транспортом.

Я согласился, но перспектива нового зимнего путешествия угнетала меня. К тому же это было путешествие назад к проклятой границе, куда уйдет Эстравен и оставит меня одного.

Я подумал немного и, наконец, сказал:

— Есть одно обязательное условие, которое Кархид должен будет принять перед грядущим вступлением в Экумен. Аргавен должен отменить ваше изгнание.

Он ничего не сказал, но стоял, глядя в огонь.

— Я настояю на этом, — добавил я.

— Спасибо, Дженри.

Голос его теперь был очень похож на женский. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Но не думаю, чтобы я смог скоро увидеть свой дом. Двадцать лет я провел в изгнании. Приговор короля немного добавил к нему. Я позабочусь о себе, а вы — о себе. Это вам придется делать одному. Как можно быстрее вызовите корабль. Потом можно будет подумать и обо мне.

Мы еще два дня оставались в Куркарасте, отъедались и отдыхали. Мы ждали снегоочистителя, который мог бы подвезти нас на юг. Хозяева просили Экстравена расска-

зять, как мы шли через лед. Он рассказывал как человек, знакомый с устной традицией, так что рассказ превратился в сагу, полную традиционных выражений и даже эпизодов, но точную и ясную, от серного огня и тьмы между Дрампером и Дроменголом, до кричащих порывов бури, которые врываются в залив Гутон из горных ущелий, с комическими вставками, вроде падения Эстравена в пропасть, с мистикой, когда он говорил о звуках и молчании льдов, о бестеневой погоде, о вечной тьме. Я слушал, как зачарованный, вместе с остальными, не отрывая взгляда от смуглого лица друга.

Мы покинули Куркараст в темной кабине снегоочистителя, одной из тех больших мощных машин, которые не убирают, а утрамбовывают снег на кархидских дорогах, чтобы сделать их проходимыми. Для уборки снега с них потребовалась бы половина денег и времени всего королевства, да и к тому же все переезды зимой совершались на полозьях. Снегоочиститель двигался со скоростью две мили в час и привез нас в следующую от Куркараста деревню уже затемно. Как и повсюду, нас гостеприимно встретили, накормили и приютили на ночь. Следующий день мы шли пешком.

Теперь мы уже достаточно удалились от берега и береговых холмов, которые принимают на себя главный удар северного ветра, шли по более населенной местности, так что передвигались не от лагеря к лагерю, а от Очага к Очагу. Несколько раз нас подвозили снегоочистители, один раз на целых тридцать миль. Дороги, несмотря на частые снегопады, содержались в хорошем состоянии. С собой у нас всегда был запас пищи, а в конце дневного путешествия нас ждала крыша над головой и огонь в очаге.

Но эти девять дней прогулки по гостеприимной земле были самой тяжелой частью нашего путешествия, худшей, чем подъем на ледник, худшей, чем последние дни голода.

Сага кончилась, она принадлежала Льду. Мы очень устали. В нас больше не было радости.

— Иногда приходится идти против колеса, Дженри, — утешал меня Эстравен.

Он был уверен, как всегда, но в походке, голосе, движениях надежда сменилась терпением и упрямством. Он был молчалив и мысленно почти не разговаривал со мной.

Мы пришли в Сассинот — город с несколькими тысячами жителей, лежащий на холме над замерзшей Эй: бе-

лые крыши, серые стены, холмы, покрытые черными пятнами лесов и входов скал, поля и белая река. Вдоль реки — спорная долина Синот, вся белая.

Мы пришли сюда с пустыми руками.

Большую часть своего походного снаряжения мы раздали многочисленным гостеприимным хозяевам, и теперь у нас не было ничего, за исключением печи Чейба, лыж и одежды, которая была на нас. Мы шли налегке, спрашивали встречных о дороге, шли не в город, а на отдаленную ферму. Ферма была не частью домейна, а находилась под управлением администрации Синота. Эстравен, будучи юным секретарем в администрации, подружился с владельцем этой фермы и в сущности купил для него ее год или два назад, когда помогал людям переселяться восточнее Эй в надежде решить спорный вопрос о долине Синота. Сам фермер, приземистый человек, ровесник Эстравена, открыл нам дверь.

Его звали Тессичер.

Через эту местность Эстравен прошел с надвинутым на глаза капюшоном. Он боялся, что его узнают. Вряд ли ему стоило беспокоиться — только очень внимательный глаз мог узнать в тощем обветренном бродяге Харта ремир Эстравена. Тессичер смотрел на него, не в силах поверить своим глазам.

Он принял нас гостеприимно, хотя возможности его были малы. Но чувствовал он себя неважно. Было ясно, что он предпочел бы не пускать нас: давая нам приют, он рисковал потерять все свое имущество. Поскольку всем своим существом он был обязан Эстравену, казалось справедливым, что он в ответ пошел на некоторый риск. Эстравен, однако, просил помощи не как платы, а как проявления дружбы. И действительно, когда первая тревога прошла, Тессичер с кархидским непостоянством стал вспоминать старые времена, чем и прозанимался с Эстравеном далеко за полночь. Когда Эстравен спросил, нет ли у него на примете убежища, какой-нибудь заброшенной фермы, где можно прожить месяца два, Тессичер предложил:

— Оставайтесь со мной.

Глаза Эстравена вспыхнули, но он отказался. Тессичер согласился, что жить так близко от Сассинота небезопасно, и пообещал найти для него убежище. Он сказал, что это будет нетрудно, особенно если Эстравен примет вымышленное имя и наймется в качестве повара или батрака. Это не очень приятно, но все же лучше, чем возвращаться в Оргорейн

— Какого дьявола вы делали в Оргорейне? На что вы там жили?

— В сотрапезничестве, — ответил мой друг со своей странной улыбкой, — все имеют работы. Никаких забот. Но я предпочел бы остаться в Кархиде, если вы действительно считаете, что это можно организовать.

У нас оставалась единственная ценная вещь — печь Чейба. Она служила нам до самого конца пути. На следующее утро после прибытия на ферму Тессичера я взял печь и пошел на лыжах в город. Эстравен, конечно, со мной не пошел, но объяснил, что мне делать, и все сошло хорошо. Я продал на рынке печь, затем на круглую сумму купил право на десятиминутный разговор по радио. Все радиостанции предоставляют такую возможность.

Ее обычно используют купцы, поддерживающие связи со своими агентами в Архипелаге, Сите и Перунтере. Цена была довольно высокая, но все же доступная, меньше стоимости подержанной печи Чейба.

Мои десять минут пришлись на начало третьего часа — вторая половина дня. Я не хотел возвращаться на ферму Тессичера и побродил по Сассиноту, хорошо пообедав в одном из трактиров. Несомненно, кархидская кухня лучше орготской. За едой я вспомнил замечания Эстравена об этом, вспомнил, как он вчера вечером говорил: «Я предпочел бы остаться в Кархиде». Я не в первый раз задумался, что же такое патриотизм, из чего состоит истинная любовь к родине и почему эта любовь так часто переходит в фанатизм.

После обеда я опять бродил по Сассиноту.

Городские улицы, магазины и рынки казались мне чем-то нереальным. Я еще не отвык от одиночества льда. Мне было тревожно среди незнакомцев, не хватало постоянного присутствия Эстравена.

В сумерках я поднялся по утрамбованному на улицах снегу к радиостанции. Меня впустили и показали, как пользоваться радиопередатчиком. В назначенное время я послал сигнал пробуждения на запасной спутник, находившийся на стационарной орбите в трехстах милях над Южным Кархидом. Он предназначался как раз для таких ситуаций. Ансибла у меня не было, и я не мог попросить Оллул вызвать мой корабль. Не было у меня и времени, и оборудования для установления прямой связи с кораблем на околосолнечной орбите. Передатчик Сассинота вполне подходил для связи со спутником. Но спутник не мог ответить, он должен был просто передать мой сигнал на корабль. Я не знал, правильно ли я

поступил, послав сигнал. Приходилось мириться с этой неопределенностью. Пошел сильный снег, и мне пришлось провести ночь в городе. Я недостаточно хорошо знал дорогу, чтобы идти в темноту, в снег. У меня еще оставались деньги, и я пошел в гостиницу. Здесь я поужинал и лег спать в одной из спален. Я уснул с чувством безопасности и приятной уверенности, что Кархид очень добр к чужестранцам. С самого начала я правильно выбрал место приземления и теперь вернулся к нему.

Я проснулся очень рано и до завтрака вышел к ферме Тессичера. Восходящее солнце, маленькое и холодное на ярком небе, отбрасывало на восток тени от каждого бугорка, по дороге перемещались пятна света и тьмы. Издалека навстречу мне двигалась на лыжах маленькая фигурка. Задолго до того, как стало видно его лицо, я узнал Эстравена.

— Что случилось, Терем?

— Мне нужно уходить к границе,— бросил он, не останавливаясь.

Он тяжело дышал. Я повернулся, и мы пошли рядом на запад. Я с трудом поспевал за ним. Там, где дорога поворачивала к Сассиноту, он сошел с нее и пошел, пересекая замерзшую Эй. Берега были крутые, в конце подъема мы были вынуждены остановиться и отдохнуть. Наше состояние не позволяло долго выдерживать такой темп.

— Что случилось? Тессичер?..

— Да, я слышал, как он на рассвете сообщал по радио о моем прибытии.

Грудь Эстравена поднималась и опускалась рывками, как в тот день, когда он лежал на краю пропасти.

— Тайб назначил цену за мою голову...

— Проклятый неблагодарный предатель,— возмутился я, запинаясь и имея в виду не Тайба, а Тессичера, который предал друга.

— Я слишком многого и не ждал от него. Но слушайте, Дженри. Возвращайтесь в Сассинот.

— Не раньше, чем увижу вас на той стороне границы, Терем.

— Там могут быть орготские стражники...

— Я останусь на этой стороне. Ради бога...

Он улыбнулся, все еще тяжело дыша, встал и пошел, я за ним. Мы шли на лыжах через небольшие заснеженные пески, по полям и холмам спорной долины. Спрятаться было негде. Яркое небо, белый мир и две лыжни на снегу.

Неровная местность скрывала от нас границу, пока мы не оказались от нее менее чем в одной миле. Здесь мы ясно увидели ее, обозначенную изгородью: верхушки кольев, выдававшиеся на несколько футов из снега, выкрашенные в красный цвет. На орготской стороне никого не было видно, но с кархидской стороны изгороди шли следы лыж, а южнее двигались несколько маленьких фигур.

— Охрана на этой стороне. Придется тебе ждать темноты, Терем.

— Инспекторы Тайба, — выдохнул он и свернул в сторону.

Мы отступили за невысокий холм, который только что преодолели, и принялись искать убежище. Весь день мы провели в небольшом углублении между деревьями хеммер, чьи красноватые ветви гнулись над нами под тяжестью снега. Мы обсудили много планов продвижения на север или юг, чтобы выйти из этого района, уйти в холмы к востоку от Сассинота, даже вернуться на север, в безлюдную местность. Но каждый раз план отвергался. О присутствии Эстравена известно, и мы не можем путешествовать по Кархиду открыто, как раньше. Мы вообще не можем пройти большое расстояние: у нас нет ни палатки, ни пищи, ни сил. Оставалось только одно: прорываться сквозь границу. Забравшись поглубже под дерево, мы прижались друг к другу в поисках тепла.

Эстравен задремал, но я был слишком голоден и замерз, чтобы спать. Я в оцепенении лежал рядом с другом, стараясь вспомнить строки, которые он однажды цитировал:

«Два есть одно; жизнь и смерть лежат рядом».

Мы как будто снова оказались на льду, но без убежища, без пищи, без отдыха. У нас ничего не было, кроме дружбы, но ей скоро пришел конец.

К вечеру небо потемнело и температура начала падать. К заходу солнца я дрожал, как в фургоне орготского грузовика. Тьма, казалось, никогда не наступит.

В сумерках мы оставили углубление и, прячась за деревьями и кустами, направились к границе.

Вскоре мы увидели ее — несколько бледных пятен света на фоне снега. Ни огонька, ни движения, ни звука. На юго-западе виднелись огоньки — какая-то сотрапезническая деревушка в Оргорейне, где Эстравен может надеяться на ночлег, хотя у него были подложные документы. Только тут я понял, на что он идет.

— Терем, подождите...

Но он уже неся вниз по склону — великолепный стремительный лыжник, на этот раз не дождавшийся меня. Он унесся на длинной дуге. Он ушел от меня прямо на ружья пограничников. Я думал, они прикажут ему остановиться. Во всяком случае, он не остановился, он неся к границе, и его застрелили раньше, чем он добрался до нее. Они использовали мародерские ружья, стреляющие куском металла. Когда я добрался до него, он умирал, лежа на снегу. Грудь его была разорвана. Я приподнял его голову и заговорил с ним, но он не отвечал. Он что-то неразборчиво шептал. Только один раз я ясно расслышал: «Арек!» — и все. Я держал его, скорчившись на снегу, пока он не умер. Мне позволили это. Потом меня оттащили, а его унесли. Я пошел в тюрьму, а он — во Тьму.

20

В своих записях, которые Эстравен вел во время перехода через Гобрин, он удивился тому, почему его товарищ стыдится плакать.

Я мог бы тогда же объяснить ему, что это не столько стыд, сколько страх. Теперь, после смерти Эстравена, я оказался в холодной стране, которая лежит за пределами страха. Я понял, что здесь можно плакать, но что в этом толку?

Меня привезли в Сассинот и посадили в тюрьму, потому что я находился в обществе объявленного вне закона, а главное потому, что не знали, что со мной делать. С самого начала, еще до получения официального приказа из Эрхенранга, со мной обращались хорошо. И моя кархидская тюрьма оказалась хорошо обставленной комнатой в Башне лордов Сассинота. Там был очаг, радиоприемник, кормили пять раз в день. Особых удобств не было, постель жесткая, одеяло тонкое, пол голый, воздух холодный, как во всех помещениях в Кархиде. Но ко мне прислали врача, и его руки и голос дали мне гораздо больший комфорт, чем когда-либо в Оргореине.

Врач, серьезный основательный молодой человек, сказал мне:

— Вы истощены. В течение пяти или шести месяцев вы перенапрягались и питались недостаточно. Вы истратили себя. Больше вам нечего тратить. Лежите, отдыхайте. Лежите спокойно, как реки подо льдом зимой. Ждите.

Но, засыпая, я снова оказывался в грузовике, в куче узников. Все мы дрожали, воняли, жались друг к другу

в поисках тепла. Все, кроме одного. Этот один лежал у решетки холодный, со ртом, полным засохшей крови. Он был предателем. Он ушел, покинув меня. Я просыпался, дрожа от гнева, от бессильного гнева, который переходил в слезы слабости.

Должно быть, я был болен. Помню сильную лихорадку, и врач остался со мной на ночь, а может, и на несколько ночей.

Я не помню эти ночи. Помню лишь свой жалобный голос:

— Он мог остановиться. Он видел стражников. Он шел прямо на их ружья.

Юный врач некоторое время молчал.

— Вы хотите сказать, что он убил себя?

— Может быть...

— Это худшее, что можно сказать о друге. Я не верю, что Харт рем ир Эстравен был способен на это.

Я забыл, как относятся эти люди к самоубийству. Право выбора существует лишь для нас. Они же считают самоубийство отречением от права выбора, предательством по отношению к самому себе. Для кархидца, читающего наше евангелие, преступление Иуды не в том, что он предал Христа, а в том, что он своими последующими действиями отнял у себя право на прощение, на перемену, на саму жизнь — в его самоубийстве.

— Значит, вы не зовете его Эстравен-предатель?

— Его никто не называл так. Очень многие вообще не верят в его преступление, мистер Ай.

Но я не способен был увидеть в этом утешение, и лишь плакал от непрекращающейся пытки.

— Почему они застрелили его? Почему он мертв?

На это врач не отвечал. Ответа просто не было.

Формально меня ни разу не допрашивали.

Меня спросили, как я бежал с Пулафенской фермы и как добрался до Кархида, спросили, кого я вызвал по радио. Я все рассказал. Эту информацию направили прямо в Эрхенранг королю. Сведения о корабле держались в тайне, но новости о моем побеге из Орготской тюрьмы, о зимнем переходе через лед, о том, что я нахожусь в Сассиноте, сообщались и обсуждались открыто.

В сообщениях радио не упоминалось ни об участии Эстравена в этом деле, ни о его смерти. Но об этом было известно.

Секретность в Кархиде заключается в осторожности, во взаимно согласованном молчании, в отказе от вопросов, но не от ответов. В бюллетенях говорилось лишь о

посланнике, мистере Ае, но все знали, что это Харт рем-ир Эстравен похитил его из рук орготов и вернулся через лед в Кархид, чтобы доказать ложность утверждения сотрапезников о моей внезапной смерти от лихорадки в Мишпори прошлой осенью. Эстравен очень точно рассчитал последствия моего возвращения. Он даже недооценил их. Из-за чужака, который больной и беспомощный лежал в Сассиноте, в течение десяти дней пали два правительства.

Конечно, орготское правительство сохранилось, только одна группа сотрапезников сменилась другой. Контроль над Тридцатью Тремя перешел в другие руки.

Как говорят в Кархиде, у одних тени стали длиннее, у других — короче. Фракция Сарфа, отправившая меня на Пулафенскую ферму, несмотря на беспрецедентное замешательство, вызванное тем, что ее уличили во лжи, держалась, пока Аргавен не объявил публично о приземлении звездного корабля в Кархиде. В этот день Фракция Оболе, партия открытой торговли, взяла верх в Правительстве Тридцати Трех. Так что я, в конце концов, сослужил им службу.

В Кархиде падение правительства означает главным образом разжалование и смещение премьер-министра и перемещения в кноремми. Тайб не делал попыток удержаться. Моя нынешняя ценность в игре интернационального шифгретора плюс оправдание (по моему настоянию) Эстравена придали мне такой вес, что он подал в отставку еще до того, как было публично объявлено об ожидающемся прибытии звездного корабля. Получив сообщение от Тессичера, он подождал известия о смерти Эстравена и тут же подал в отставку.

Когда Аргавен полностью был информирован, он послал мне приглашение немедленно прибыть в Эрхенранг вместе с немалой суммой на расходы. Администрация Сассинота оказалась тоже очень любезной и послала со мной молодого врача, потому что я все еще был не в очень хорошей форме. Мы проделали путешествие на моторных санях. Я помню его лишь частично.

Оно было ровным и неторопливым, с долгими остановками, когда мы ожидали, пока снегоочистители готовят дорогу, и с долгими ночами в гостиницах. Оно продолжалось не более двух или трех дней, но мне оно показалось очень долгим, и я помню лишь, как мы через северные ворота Эрхенранга въезжали на боковые глубокие улицы, поднимая снежную пыль.

Здесь я почувствовал, что сердце мое окрепло, а мозг

прояснился. Раньше я был разбит на куски, разъединен. Теперь, несмотря на усталость от путешествия, я понял, что во мне еще остались силы, силы привычки, вероятно потому, что здесь было место, которое я знал, город, в котором я жил и работал больше года. Я знал улицы и башни, знал дворцы, дороги и фасады дворца. Я знал и свою работу здесь. И понял, что должен завершить дело, за которое умер Эстравен.

Я должен установить ключевой камень арки.

У ворот дворца меня ждал приказ остановиться в одном из домов для гостей внутри самого дворца. Это был Дом Круглой Башни, который означал высокий уровень шифратора при дворе, а не только расположение короля и признание им высокого положения гостя. Здесь обычно жили послы дружественных стран. Это был очень хороший знак.

Но по дороге туда мы проходили мимо дома Красного Угла, и я смотрел на узкую калитку под аркой, на обнаженные деревья над бассейном, серым от льда, и на дом, все еще пустой.

У входа в Круглую Башню меня встретил человек в белом хебе и алой куртке, с серебряной цепью через плечо. Это был Фейкс, предсказатель из крепости Стерхед.

При виде его доброго и красивого лица, первого знакомого лица за много дней, я почувствовал облегчение. Когда Фейкс пожал мне руки в редком для Кархида знаке приветствия, я смог ответить ему.

Он был послан в кноремми из своего района, Южного Рера, рано осенью. Выбор члена совета из жителей жанндарской крепости не является чем-то необычным. Необычно скорее то, что Ткач принял его предложение, и я думаю, что Фейкс отказался бы, если бы его меньше беспокоило направление политики правительства Тайба. Он снял золотую цепь Ткача и надел серебряную цепь советника. После этого ему пришлось недолго ждать, потому что он был членом Хес-кноремми в Высшем Совете, который служит противовесом премьер-министру. Он был назначен на свой пост королем.

Видимо, он был на пути к той высоте, с которой менее года назад пал Эстравен. В политическом Кархиде карьеры делаются быстро.

В Круглой Башне, холодном маленьком доме, мы некоторое время разговаривали с Фейксом, прежде чем было официально объявлено о моем приезде. Устремив на меня свой ясный взгляд, он спросил:

— На землю. опускается корабль больший, чем тот, на котором прилетели вы. Это верно?

— Да. Я вызвал его.

— Когда он прибудет?

Осознав, что я не знаю даже, какой сегодня день и месяц, я понял, в каком плохом состоянии находился все это время.

Мне пришлось вернуться назад, к дню накануне смерти Эстравена. И тут я получил еще один шок. Если корабль находился на минимальной орбите, то сейчас он уже на планетарной орбите и ждет моего сообщения.

Я должен связаться с кораблем. Они ждут инструкции. Где он, по мнению короля, должен приземлиться? Нужен ненаселенный район, достаточно обширный. Мне необходим передатчик.

Все было организовано быстро и легко.

Бесконечные оттяжки и сложности моих прежних взаимоотношений с правительством Эрхенранга растаяли, как лед в весенней реке. Колесо повернулось.

На следующий день должна была состояться моя аудиенция у короля. Эстравену понадобилось шесть месяцев на то, чтобы организовать мою первую аудиенцию. Вторая отняла у него жизнь.

Но на этот раз я слишком устал, чтобы чувствовать страх, и были обстоятельства, которые перевешивали мысли о самосохранении. Я прошел по длинному красному залу под пыльными знаменами и встал перед длинным помостом и его тремя очагами, в которых ярко пылал огонь. Король сидел у центрального очага у стола.

— Садитесь, мистер Ай.

Я сел у очага наискосок от Аргавена и увидел его лицо в отсветах пламени. Он выглядел больным и старым. Он походил на женщину, потерявшую ребенка, на мужчину, утратившего сына.

— Ну, мистер Ай, ваш корабль приземляется?

— Он приземлится в Аттен Фен, как вы указали, сир. Посадка состоится сегодня вечером, в начале третьего часа.

— А что если он промахнется? Они могут все сжечь?

— Они идут прямо по радиолучу, все уже организовано. Они не могут промахнуться.

— А сколько их там? Одиннадцать? Это правда?

— Да. Бояться нечего, милорд.

Руки Аргавена дернулись.

— Я больше не боюсь вас, мистер Ай.

— Я рад этому.

— Вы хорошо послужили мне.

— Но я не ваш слуга.

— Я это знаю,— равнодушно сказал он.

Жуя губу, он посмотрел на огонь.

— Мой ансамбл в Мишпори, вероятно, в руках Сарфа. Однако на борту корабля есть другой. С момента приземления корабля я снова становлюсь полномочным посланником Экумена с правом обсуждать и подписывать договор о союзе с Кархидом. Все это может быть подтверждено по ансамблу стабиями Хейна.

— Очень хорошо.

Я молчал, потому что он не обращал на меня внимания. Концом сапога он передвинул полено в очаге. Полетели красные искры.

— Какого дьявола он обманывал меня? — высоким резким голосом спросил он.

— Кто? — спросил я, возвращая ему взгляд.

— Эстравен.

— Он не хотел, чтобы вы обманулись. Когда вы начали проявлять милость к недружественной ко мне фракции, он убрал меня из виду и вернул в тот момент, когда я смог выполнить свою миссию посланника Экумена.

— Почему он ничего не говорил о большом корабле?

— Он сам не знал о нем. До прибытия в Оргорейн я никому не говорил о нем.

— К чему тогда вся эта болтовня? Он хотел, чтобы вы выполнили свою миссию в Оргорейне. Он действовал совместно с фракцией Открытой торговли. И после этого вы будете говорить, что он не предатель.

— Конечно. Он знал, что как только какая-то нация вступит в Экумен, все остальные последуют за ней. Так и будет. И Сит, и Перунтер, и Архипелаг присоединятся к нам. Он очень любил свою страну, сир, но служил он не ей и не вам. Он служил тому же, чему служил я.

— Экумену? — спросил Аргавен.

Он был удивлен.

— Нет. Человечеству.

Говоря это, я не знал, что лишь частично говорю правду. Не менее верно было бы сказать, что действия Эстравена проистекали из личных чувств, из ответственности перед одним-единственным человеком и его преданности ему. Этот человек — я. Но и это было бы не всей правдой.

Король не отвечал. Его обвисшее, покрытое морщинами лицо снова было обращено к огню.

— Почему вы вызвали свой корабль раньше, чем известили меня о своем прибытии в Кархид?

— Чтобы освободить вам руки, сир. Сообщение достигло бы также и лорда Тайба, который мог отправить меня обратно в Оргорейн или застрелить, как приказал застрелить моего друга.

Король ничего не сказал.

— Моя собственная безопасность не так уж много значит, но у меня есть долг перед Гетеном и Экуменом, задача, которую я должен выполнить. Я сигнализировал кораблю, чтобы получить возможность выполнить свою миссию. Так посоветовал мне Эстравен, и он был прав.

— Что ж, это неплохо. Во всяком случае, они приземлятся здесь, мы будем первыми. И все они похожи на вас, все извращенцы и всегда в кеммере? Странная честь принимать подобных гостей. Скажите лорду Герчерну, управляющему двором, как их следует принять. Проследите, чтобы не было обид и оскорблений. Их разместят во дворце, там, где вы сочтете нужным. Я хочу оказать им честь. Вы неплохо выставили сотрапезников лжецами, а потом дураками.

— А вскоре сделаю союзниками, милорд.

— Знаю! — резко бросил он. — Но Кархид первый! Я кивнул.

После недолгого молчания он спросил:

— Как это было — переход через Лед?

— Нелегко.

— Эстравен — подходящий человек для таких безумных предприятий. Он был крепок, как железо, и никогда не терял головы. Мне жаль, что он мертв.

Я не нашел ответа.

— Я дам вашим соплеменникам аудиенцию завтра после полудня во втором часу. Есть ли у вас еще что-нибудь?

— Милорд, не отмените ли вы указ об изгнании Эстравена, чтобы вернуть ему честное имя?

— Пока нет, мистер Ай. Не торопитесь. Что еще?

— Больше ничего.

— Тогда идите.

Даже я предал его. Я сказал, что не посажу корабль, пока не будет отменено его наказание, пока он не вернет себе доброе имя. Но я не мог пренебречь тем, ради чего он умер. Это все равно не вернуло бы его к жизни.

Остаток дня я вместе с лордом Герчерном и другими готовился к приему экипажа корабля. Во втором часу мы на моторных санях двинулись в Аттен Фен, располо-

женный в тридцати милях к северу от Эрхенранга. Посадочная площадка размещалась на краю обширной пустынной местности, слишком болотистой, чтобы использовать ее для сельского хозяйства и поселений. Теперь, в середине месяца Иррем, она вся промерзла и представляла собой равнину, покрытую толстым слоем снега. Радиобакен действовал весь день, все время приходили подтверждающие сигналы с корабля.

На экране экипаж должен был хорошо видеть терминатор, проходивший по Великому Континенту от залива Гутон до залива Чарисьюн, пики Каргаза, все еще освещенные солнцем. Наступили сумерки, и тут мы увидели, что одна из звезд опускается.

Она опустилась в реве и славе. От большого озера воды и грязи, образовавшегося под ней, с ревом поднимался пар, белый, как ее стабилизаторы. Под болотом находилась вечная мерзлота, твердая, как гранит, и корабль аккуратно опустился на нее. Озеро быстро замерзло, и огромная рыба, балансируя на хвосте, отражалась темным серебром в сумерках Зимы.

Фейкс из Стерхеда проговорил первые слова с начала спуска.

— Я рад, что дожил до этого.

Так сказал бы Эстравен, глядя на лед, на смерть. Так он сказал бы этим вечером.

Чтобы отвлечься от горьких сожалений, я пошел по снегу к кораблю. Почва вокруг уже замерзала, и когда я подходил, открылся люк и оттуда грациозной дугой спустился трап. Первой шла Ланг Хес Нью, не изменившаяся, конечно, поскольку с того момента, как я в последний раз видел ее, я прожил три года, а она несколько недель. Она посмотрела на меня, на Фейкса и на остальных сопровождающих и остановилась у подножия трапа. Торжественно произнесла она по-кархидски:

— Я пришла с дружбой.

Для нее все мы были чужаками. Я позволил Фейксу первым приветствовать ее.

Он указал ей на меня, и она подошла, взяла меня за руку, как принято у моего народа, и сказала, глядя мне в глаза:

— О, Джэнли, я вас не узнала!

Странно было после всего пережитого услышать женский голос. Остальные члены экипажа тоже вышли из корабля. Это был мой совет: нельзя проявлять недоверие к кархидцам и тем оскорблять их шифгретор.

Они очень вежливо здоровались с кархидцами. Но

мне эти мужчины и женщины казались странными. Голоса их тоже звучали странно: слишком глубоко и резко.

Они были похожи на стадо больших необычных животных двух различных видов: большие обезьяны с разумными глазами, все в кеммере. Они пожимали мне руки и дотрагивались до меня.

Я держал себя в руках и рассказал Хеснью и Тьюлеру во время поездки на санях в Эрхенранг самое необходимое из того, что им следовало знать. Но когда мы добрались до дворца, я немедленно ушел в свою комнату.

Вошел врач из Сассинота. Его спокойный голос и юное серьезное лицо, не мужское и не женское, а просто человеческое, показалось мне таким знакомым и правильным, что мне стало не по себе.

Дав мне какой-то транквилизатор и уложив в постель, он сказал:

— Я видел ваших товарищей — посланников. Какое удивительное событие — люди со звезд. И в мое время!

И снова этот восторг, эта храбрость, то, что больше всего восхищало меня в характере кархидцев и вообще в человеческом характере. И хотя я не разделял его чувств, отрицать их было бестактно. Я сказал:

— И для них удивительно прийти в новый мир, к новому человечеству.

В конце весны во второй половине месяца луны, когда спал паводок и снова стало возможным ездить по дорогам, я взял в маленьком посольстве в Эрхенранге отпуск и отправился на восток. Наши люди распределились по всей планете. Как только нам разрешили пользоваться самолетами, Хеснью и трое других перелетели через Сит и Архипелаг к народам морского полушария, которых я совершенно игнорировал. Другие поехали в Оргорейн, а двое, неохотно, — в Перунтер, где паводок еще даже не начинался и где весна наступает на неделю позже, Тьюлер и Коста очень хорошо справились с делами в Эрхенранге. Ничего срочного не было.

В конце концов корабль с ближайшего союзного мира прибудет не раньше, чем через семнадцать лет. Зима — окраинный мир. За ним до самого рукава Южного Ориона не найдено ни одной планеты, населенной людьми, а от Зимы до первичного мира Экумена, мира — очага нашей расы, очень долгий путь — пятьдесят лет до Хейна, целая человеческая жизнь. Спешить некуда.

Я пересек Каргаз, на этот раз по долгому пути, по дороге, где веют ветры с Южного моря, нанес визит в деревню, куда рыбаки привели меня с острова Хорден

три года назад, провел неделю в большом портовом городе в устье реки Энч и в начале лета пешком отправился к земле Карм.

Я шел на юго-восток по неровной местности, полной ущелий и зеленых холмов, больших рек и одиноких домов, пока не добрался до озера Айсфут. Поглядев с берега озера на юг, я увидел свет и узнал его — белая окраска неба, блеск далекого ледника. Там был Лед.

Эстре очень древний поселок. Его очаг и другие здания построены из серого камня, вырубленного в скале, на которой он стоит. Все здесь уныло и полно звуков ветра.

Я постучал, дверь открыли. Я сказал:

— Прошу гостеприимства домейна. Я был другом Терема из Эстре.

Открывший, серьезный юноша девятнадцати-двадцати лет, молча выслушал мои слова и впустил меня в Очаг. Он провел меня в умывальную, потом на кухню. Убедившись, что гость умылся и поел, он отвел меня в спальню. Отсюда из узкого окна было видно озеро и серый лес торе, лежавший между Эстре и Стоки: унылые земли, унылый дом. В глубоком очаге гудел огонь, давая как всегда больше света для глаз, чем тепла для тела, потому что каменные стены, пол и ветры, дующие со Льда, уносили большую часть тепла. Но я не чувствовал холода, как в первые два года пребывания на Зиме, я достаточно долго прожил в этом холодном мире.

Через час юноша (у него была девичья стройность и робкость взглядов и движений, но девушка не может хранить такого угрюмого молчания) пришел и сказал, что лорд Эстре примет меня, если я хочу этого. Я пошел за ним по длинным коридорам, где началась какая-то игра в прятки. Дети пробегали мимо, натыкались на нас и вскрикивали от возбуждения. Более старшие, как те, ни, скользили от двери к двери, зажав руками рот, чтобы не рассмеяться. Один толстый малый, лет пяти или шести, отскочил от моих ног, потом схватил меня за руку.

— Сорве! — пропищал он, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Сорве, я иду прятаться в пивоварне.

Он унесся, как круглый камень из пращи. Юноша Сорве, ничуть не расстроившись, повел меня дальше и привел, наконец, во Внутренний Очаг к лорду Эстре.

Эсвана Харт рем ир Эстравен был старик, которому далеко за семьдесят, с изувеченными артритом ногами.

Он прямо сидел у огня в кресле на колесиках. Лицо у него было широкое, притупленное и изношенное временем, как обветренная скала — спокойное лицо, ужасающе спокойное.

— Вы посланник Дженри Ай?

— Да.

Он смотрел на меня, я на него. Терем был сыном этого старца. Терем, младший из сыновей, а старший Арек, тот самый, чей голос слышал он, когда я мысленно говорил с ним. Оба они теперь мертвы. Я не мог найти ничего знакомого в этом изношенном, спокойном и жестком лице.

Конечно, поездка в Эстре глупая затея, и я зря надеялся на утешение. Утешения нет и не будет. И разве может моя поездка на родину друга, в места, где он провел детство, успокоить угрызения совести? Ничего изменить нельзя. Но мой приход в Эстре имел и другую цель.

— Я провел с вашим сыном последние месяцы его жизни. Я был с ним, когда он умер. У меня с собой его дневник. И если вы хотите, чтобы я рассказал... — выражение лица старика не изменилось, оно осталось спокойным, но юноша вышел из тени, в которой стоял, и хрипло произнес:

— В Эрхенранге его называли Эстравеном-предателем.

Старший лорд посмотрел на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт, — сказал он, — наследник Эстре, сын моего сына.

Я хорошо знал, что тут нет запрета на инцест. Но мне, землянину, страшно было узнать черты друга в этом юноше. Когда я заговорил, голос мой звучал неуверенно:

— Король отменил указ. Терем не был предателем. Какая разница, как называют его глупцы?

Старый лорд медленно и ровно кивнул.

— Есть разница, — сказал он.

— Вы с ним пересекли Лед Гобрина? — задал вопрос юноша.

— Да.

— Я хотел бы услышать рассказ об этом, лорд Посланник, — очень спокойно сказал старый Эстравен.

Но юноша, сын Терема, запинаясь, воскликнул:

— Вы расскажите, как он умер, и о других мирах среди звезд, и о других людях, и о другой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

3

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

189

Урсула К. Ле Гуин

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Главный редактор Забагонский В. П.

Художник Курилов В. Н.

Технический редактор Польщикова Л. А.

Корректор Разуменко Г. Ф.

Сдано в набор 18.05.93. Подписано в печать 09.11.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 25.000 экз. Заказ 113.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск.

Набрано и отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Советская Сибирь».

630048, г. Новосибирск-48, ул. Немировича-Данченко, 104.

УРСУЛА К. ЛЕВАНЯ РЯКА ТЕМБ